

85 609 к
Исторический
Вестник

1883 июль (XII)

XI
162/III

W 3150

11
10806

11
11801

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

1886
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЮЛЬ, 1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1883 г.

	Стр.
I. ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ. Разсказъ. Г. П. Данилевскаго	5
II. ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ. Разсказъ изъ семейной хроники. Главы XXXIX—IV. (Окончаніе). С. Т. Славутинскаго	31
III. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Новѣйшая Украинская литература. Н. И. Петрова	70
IV. ЧУМА И ПУГАЧЕВЩИНА ВЪ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦІИ. И. И. Дубасова	113
V. ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ПИСАТЕЛЕИ (съ портретомъ). Е. М. Гаршина	136
VI. ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИЦИЛІЯ. Статья Маклелана (съ 10-ю рисунками)	174
VII. ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ. Главы I—III. М. С. Кореллина	187
VIII. ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. П. У.	204
IX. КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ: Исторія русскаго генеральнаго штаба. Составилъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Н. П. Глиноецкій. Т. I. 1698—1825 гг. Спб. 1883 г. В. П. — Московскій крестьянинъ Ивалъ Тихоновичъ Посошковъ. Соч. И. Ремизова. Спб. 1883. В. З. —Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, 19-го апрѣля 1858 — 1883 г. (краткая историческая записка). Спб. 1883 г. П. У. —Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 36, 37, 38. Спб. 1882—1883 г. П. У. — Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзл. Владимира Майнова. Спб. 1883 г. П. С. —Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи, Д. Иловайскаго. Часть первая: древній міръ. Москва, 1883. Д. Л.-ва. — Обзоръ дѣятельности высочайше учрежденнаго попечительства надъ арестантами с.-петербургской исправительной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ (1871—1882 г.). Н. К.	208
X. ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.	218
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Проектъ князя Потемкина объ устройствѣ казачьяго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ. Сообщено Г. В. Есиновымъ .—Племянникъ архіепископа Симона Тодорскаго. Сообщено А. П. Коломнинымъ	224
XII. СМѢСЬ: Дарованіе раскольникамъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ.—Военные юбилей.—Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.—Памятникъ Александру и Вильгельму Гумбольдтамъ.—Некрологи: Абдель-Кадера; Эдуарда-Рене Лабуле; Дмитрія Павловича Глинки	227
XIII. ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ: Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. Вячеслава Катенева	236
ПРИЛОЖЕНІЕ. Кромвель. Историческій романъ Ю. Роденберга . Часть вторая. Главы VIII—X.	

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XIII

ІСТОРИЧНИЙ

ВІСНИК

ГОД. П'ЯТИНА

ТОМ XIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XIII

1883

ЗВЕРЕНО 1961 р.

✓ Державна Історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ-А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883

277536.

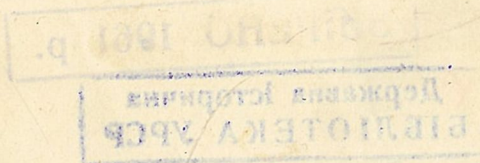
ІСТОРИЧЕСКІЙ

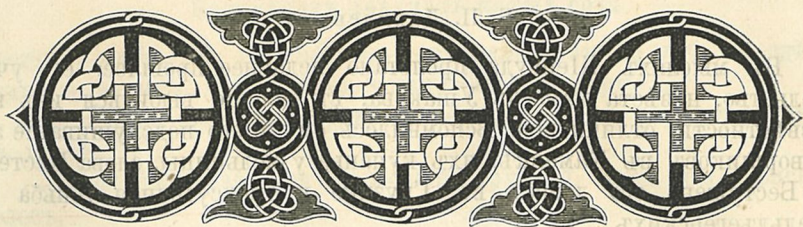
ВѢСТНИКЪ

ІСТОРИКО-ЛІТЕРАТУРНИЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XII

1883

ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

Разсказъ ¹⁾.

РАФЪ Аракчеевъ предупредилъ императора Александра Павловича о тайномъ обществѣ «Союзъ благоденствія» открытомъ Шервудомъ, на югѣ Россіи, и доставилъ послѣдняго въ Петербургъ.

Шервуду было велѣно явиться въ зимній дворецъ. Онъ и его вожатый, генералъ Клейнмихель, прошли рядъ полуосвѣщенныхъ залъ дворца.

Они остановились въ небольшой пріемной залѣ, украшенной картинами изъ войны двѣнадцатаго года.

Заставленная цвѣтами, дверь налѣво вела во внутреннія государевы покои. Ее охранялъ, одѣтый въ расшитую золотомъ, красную куртку и въ тюрбанъ, съ страусовыми перьями, дежурный арапъ. На диванѣ дремалъ добродушный, гладко-выбритый, въ чулкахъ на толстыхъ икрахъ и въ башмакахъ, нѣмецъ камерлакей. — Доложи—въжливо шепнулъ по-нѣмецки послѣднему Клейнмихель.

Лакей молча исчезъ за дверью. Едва былъ слышенъ шорохъ его удаляющихся, беззвучныхъ шаговъ. Клейнмихель, сдвинувъ брови и тревожно подтянувъ поясной шарфъ, не шелохнувшись вглядывался черезъ цвѣтущія фукціи и геліотропы въ притворенную дверь.

¹⁾ Орывокъ изъ неконченнаго романа. Два другіе отрывка изъ того же романа были напечатаны авторомъ: «Каменка» въ «Русской Мысли» и «Шервудъ передъ Аракчеевымъ» въ сборникѣ г-жи Ахматовой въ 1880 году.

Въ мысляхъ Шервуда пролетало недавнее прошлое: его учительство, невѣста мамзель Ушакова, стремленіе выбиться изъ неизвѣстности, отличиться. Вспомнилось ему и его подслушиваніе заговорщиковъ въ Каменкѣ, ихъ купанье у мельницы, слова Пестеля и Бестужева, его доносъ въ Грузино и трехсуточная гоньба на фельдъегерскихъ.

Въ комнатѣ была полная тишина. На столѣ у зеркала лежала государева треуголка съ плюмажемъ и его смятыя замшевыя перчатки. — «Гдѣ же я наконецъ?—подумалъ Шервудъ: «неужели это вещи государя, его собственные, жилые покои? неужели я, послѣ столькихъ усилій, испытаній, въ зимнемъ дворцѣ?»

Дверная ручка, въ видѣ спящаго льва, повернулася. Дверь тихо отворилась.

— Пожалуйте, — вполголоса сказалъ лакей, изъ-за цвѣточной заставки, указывая Шервуду дверь и пропуская его впередъ себя.

Клейнмихель хотѣлъ слѣдовать за нимъ; лакей отрицательно качнулъ ему головой. Клейнмихель, поднявшись на ципочки, замеръ, въ почтительномъ смиреніи.

Шервудъ вошелъ за лакеемъ въ смежную комнату, установленную книжными шкапами, со стеклами, задернутыми зеленою тафтой. Среди комнаты стоялъ бильярдъ. Миновавъ послѣдній, лакей остановился, помедлилъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь, взялся за ручку новой двери и, оглянувшись на Шервуда, сказалъ еще тише:

— Прямо ступайте... налѣво у камина.

Шервудъ вошелъ въ государевъ кабинетъ.

Восковья свѣчи, на рабочемъ столѣ и въ высокихъ канделябрахъ, у зеркала, не вполне освѣщали высокую, увѣшанную портретами и оружіемъ комнату.

Императоръ Александръ Павловичъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ подъ котораго видѣлся бѣлый пикейный жилетъ, стоялъ въ полоборота у темнаго, мраморнаго, погасавшаго камина, облокотясь лѣвой рукой о выступъ его карниза. Вправо, съ другой стороны камина, безглаголиво сгорбившись и слушая государя, стояла мрачная, въ наглухо-застегнутомъ, узкомъ мундирѣ, съ большими мясистыми ушами, торчавшими надъ коротко-остриженной головой, высокая и сутуловатая фигура Аракчеева. «Обезьяна въ мундирѣ!» невольно подумалъ Шервудъ, увидя большую голову графа, съ длинною шеей, впалыми щеками и тусклыми, впалыми глазами, которыми графъ вяло всматривался въ вошедшаго.

Шервудъ не сразу разглядѣлъ государя. Его вниманіе привлекло ярко-освѣщенное канделябромъ, улыбающееся, съ вздернутымъ носикомъ и полными щеками, изображеніе надъ каминомъ миловидной молодой женщины. — «Кто она?» подумалъ Шервудъ. Ему вспомнилось прощаніе съ невѣстой, клятвы, надежды. — «Любовь тол-

каеть на злодѣянїя, на убійства»—пронеслось въ его умѣ: «а здѣсь подвигъ, отличіе, безсмертная услуга Россіи, царю»...

На шорохъ шаговъ, государь повернулъ голову въ направленіи къ порогу.

— Подойди,—раздался ласковый, грудной, какъ бы женскій голосъ.

Шервудъ понялъ, что его зоветъ государь, тотъ государь, котораго такъ привѣтствовала когда-то освобожденная Европа. Онъ, вытянувшись, медленнымъ фронтовымъ шагомъ, осторожно минуя дремавшую собаку, прошелъ по ковра къ камину.

— Ты открылъ тайный заговоръ противъ правительства?—спросилъ государь, поднося къ носу флаконъ со спиртомъ и брызгая имъ себѣ на чуть прикрытую волосами широкую, блѣдную лысину.—Видъ государя былъ усталый, встревоженный.

— Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ Шервудъ.

— Доказательства? ты знаешь, такъ нельзя,—сказалъ Александръ:—дѣло такой важности... и я говорилъ графу... Голословныя указанія въ подобномъ случаѣ опасны... ты касаешься такихъ вещей, арміи, долга присяги... быть не можетъ! не вѣрится...

Шервудъ задыхался и медлилъ, чувствуя, какъ кровь подступала къ его горлу, давила его, билась въ вискахъ. Изъ-за камина въ него впились два круглые, тусклые, глаза, точно двѣ свинцовыя пули. Шервудъ невольно оглянулся на Аракчеева, разглядѣвъ, какъ на длинной шеѣ графа вздулись жилы и какъ судорожно морщился его гладко-выбритый, точно отшлифованный, каменный подбородокъ.

«Не докажу—все кончено! не удастся сразу убѣдить, пропаль!» проносилось въ мысляхъ Шервуда: «выхода нѣтъ; о! будь, что будетъ, пусть другимъ плаха, висѣлица... мнѣ надо счастья, жизни!»!

Стоя на вытяжку передъ государемъ, въ припачканной отъ дороги, мундирной курткѣ, онъ какъ-то вдругъ передернулся, точно сломило его; дрожащими пальцами торопливо отстегнулъ пуговку на груди, съ искаженнымъ, испуганнымъ лицомъ вынулъ изъ боковаго кармана сплюснутый листъ бумаги и протянулъ его государю.

— Что это?—нерѣшительно спросилъ Александръ, оглядываясь на Аракчеева.

— Списокъ заговорщиковъ... всѣ имена, вотъ... по губерніямъ и полкамъ,—прошептали бѣлыя губы Шервуда.

— Откуда ты получилъ?

— Изъ рукъ соучастника.

— Ктонибудь раскаялся, выдалъ?

— Добылъ хитростью, — отвѣтилъ Шервудъ: одинъ изъ заговорщиковъ, Вадковскій, довѣрилъ бумагу... я ее тайно списалъ.

Александръ развернулъ поданную бумагу, прочелъ первыя ея

строки и невольно отвелъ отъ нихъ глаза; въ списокъ мелькали имена крупныхъ чиновъ: генералъ-интендантъ, начальникъ штаба арміи, командиры эскадроновъ, дивизіоновъ, полковъ, оберъ-прокуроръ сената, Муравьевы, Пестель, князь Волконскій, князь Трубецкой.

— Богъ мой! какія открытія!—произнесъ съ содроганіемъ Александръ, обращая къ Аракчееву покрывшееся багровыми пятнами, встревоженное лицо: Алексѣй Андреичъ читай! ты и не ожидаешь, что здѣсь написано, кто названъ... думали-ли мы дожить до такого позора, измѣны—и гдѣ же? среди первыхъ, ближнихъ защитниковъ.

Аракчеевъ, поднеся бумагу ближе къ камину, сталъ ее медленно читать. Жилы на его шеѣ вздулись еще болѣе. Тѣнь отъ его головы колыхалась на стѣнѣ.

— Какъ ты узналъ эту страшную тайну?—обратился Александръ къ Шервуду: сообщи подробнѣе... говори смѣло, не таи ничего...

Шервудъ, оправясь и стараясь не проронить ни одной важной подробности, началъ разсказъ. Онъ изложилъ до мелочи, какъ былъ посланъ изъ полка въ кіевское имѣніе Давыдовыхъ, Каменку, какъ тамъ исправлялъ водяную мельницу, случайно узналъ о субботнихъ сѣздахъ тайнаго общества, по ночамъ подслушалъ ихъ совѣщанія; какъ, выслѣдивъ ихъ преступную, раскинутую по всей южной арміи сѣть, рѣшилъ самъ проникнуть въ ихъ составъ, и какъ его замыселъ удался...

— Съ рискомъ жизни все это исполнено,—прибавилъ, переводя дыханіе, Шервудъ: и все лишь съ одною мыслію — угодить вамъ, государь, въ надеждѣ на милостивое монаршее вниманіе.

Александръ давно уже какъ бы пересталъ слушать разсказчика. Въ его затуманенныхъ глазахъ видѣлись слезы. Онъ смотрѣлъ въ погасавшій каминъ; его мысли были далеко.

— Монаршая милость лучшая награда вѣрныхъ слугъ,—произнесъ Шервудъ: до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови...

Государь очнулся, велѣлъ Шервуду выйти, подождать въ ближайшей комнатѣ.

— И за что? за что?—едва Шервудъ сталъ за дверь, проговорилъ Александръ Аракчееву, какъ бы въ отвѣтъ на волновавшіе его вопросы: я ли не стремился къ благу отечества? я ли не отдавалъ всего себя?... Забыто все, что сдѣлано послѣ суровыхъ годовъ отца... сколько вольностей, льготъ! И развѣ Россія теперь та, чѣмъ была, когда оплакивали бабу Екатерину? Ты, Алексѣй Андреичъ, свидѣтель — новыхъ законовъ, процвѣтанія промысловъ, литературы, наукъ... а двѣнадцатый, тяжкій годъ?

— Имъ, кровопійцамъ, всего мало,—прохрипѣлъ, прокашливаясь, Аракчеевъ: тутъ, государь батюшка, одно врачеванье—кнутъ и веревка, веревка и кнутъ.

Говоря это, Аракчеевъ думалъ: «Вотъ онъ—ученикъ Лагарпа, изъ русскаго царя ставшій повелителемъ освобожденной имъ Европы... Къ чему привели эти идеальныя стремленія, эта филантропія?»

Государь прошелся по комнатѣ, опять остановился у камина и сказалъ графу: зови его. Аракчеевъ, отворивъ дверь, кликнулъ Шервуда.

— Что имъ нужно? скажи ты мнѣ... ты спрашивалъ ихъ?— обратился Александръ къ Шервуду: говорили они тебѣ, въ чемъ ихъ главныя домогательства?

— Воля... освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ.

— Но воля, Богъ мой, безъ образованія... развѣ это воля?—возразилъ, опять покраснѣвъ, государь:—нужно прежде приготовить, смягчить нравы, просвѣтить умы. Иначе сегодняшніе рабы завтра бросятъ работу, перестанутъ платить подати, слушаться властей. Примѣръ Франціи, Германіи... что же? они хотятъ крестьянскихъ бунтовъ, внутреннихъ войнъ?

Государь смолкъ и задумался. Въ его смущенныхъ, опечаленныхъ мысляхъ проносилось недавнее, свѣтлое прошлое — картины общей къ нему любви и преданности, торжество надъ врагами Россіи, міровая слава.

Онъ обратилъ глаза къ портретамъ отца и бабки. Одинъ на него смотрѣлъ изъ глубины комнаты холодно, точно съ укоромъ и недовѣріемъ; взглядъ второй былъ мягокъ и свѣтелъ. Александръ вертѣлъ въ рукахъ поданный ему графомъ списокъ заговорщикамъ и видимо колебался.

Вспомнилъ ему политическій погромъ Франціи, рассказы о немъ свидѣтелей и въ томъ числѣ его учителя Лагарпа.—«Тамъ это все кончилось военной диктатурой,—мыслилъ онъ: Марать, Сень-Жюсть и Робеспьеръ смѣнились Бонапартомъ. Но и самъ Наполеонъ чѣмъ кончилъ... Чего же имъ, безумцамъ, надо?..»

— Благодарю за преданность мнѣ и престолу, сказалъ Александръ Шервуду: — по чести, ты сдѣлалъ важныя открытія... И ежели сказанное тобою правда, ты будешь награжденъ.

Шервудъ упалъ на колѣни, цѣлуя руки государя.

— Твоей услуги не забуду, продолжалъ Александръ, ласково поднимая его:—но я не ожидалъ, мнѣ и теперь не вѣрится, пойми—да... не хочется вѣрить...

Шервудъ взглянулъ на Аракчеева. Тотъ молча стоялъ, съ опущеннымъ, сердитымъ, какъ бы почернѣлымъ лицомъ.

— Ваше величество, проговорилъ Шервудъ:—я стремился, ночей не спалъ... имѣю неоцѣненное счастье лично... Клянусь, все мною сказанное вѣрно... Отдайте приказъ, повелите—все откроется, повелите... вся ихъ адская измѣна... На смотру, подъ Бѣлою церковью, заговорщики условились, поклялись нанести роковой ударъ... Они смѣлы, все ими задуманное рассчитано, распредѣлено...

Шервудъ произнесъ послѣднія слова громко, безъ запинки, горячо. Аракчеевъ, слушая непривычно-возвышенный и, какъ онъ рѣшилъ въ умѣ, дерзкій голосъ смѣльчака унтеръ-офицера, судорожно сжималъ пальцы рукъ. Государь снова не слышалъ произнесеннаго Шервудомъ. Его мысли были не здѣсь, не въ этой его рабочей комнатѣ, гдѣ столько пережилось встрѣчъ, докладовъ и бесѣдъ. Передъ Александромъ проносились его дѣтскіе и юношескіе годы, воспитаніе у бабки, великой Екатерины, ея ласки, заботы—«бабушкина азбука» и «бабушкины» то трудовые у письменнаго стола, то пышно-торжественные дни, пріемы, выходы, пудренные, въ бархатѣ и позументахъ министры, острословы, докладчики, писатели, послы. Вспомнилась Александру его женитьба, путешествіе, знакомство съ Европой, смерть бабки, потомъ отца, первые годы его царствованія и первые молодые, пылкіе и свободолюбивые его сподвижники—Новосильцовъ, Чарторыйскій, Сперанскій и Кочубей, учрежденіе министерствъ, коммисіи составленія законовъ, появленіе первыхъ басень Крылова и первыхъ томовъ исторіи Карамзина. Память подсказала ему въ этотъ мигъ и стихи Державина на его рожденіе:

«Геніи къ нему слетѣли—

«Тотъ принесъ ему тѣлесну,

«Тотъ душевну красоту...»

Вспомнилась императору Александру и смутная година нашествія Наполеона, паденіе Сперанскаго, парижскій миръ, сеймъ въ Варшавѣ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, бунтъ въ семеновскомъ полку и закрытіе масонскихъ ложъ.

— Еще слово, ваше величество,—раздался передъ нимъ отчаянный, какъ бы о чемъ-то молившій, голосъ.

Александръ очнулся.

— Говори,—произнесъ онъ, опять разглядѣвъ передъ собою Шервуда.

— У южныхъ заговорщиковъ немало пособниковъ и въ Петербургѣ,—сказалъ Шервудъ:—здѣсь многое можно узнать, открыть... нить въ этомъ спискѣ... поведите, государь! все откроется, все въ вашей волѣ...

— Но не вѣрится мнѣ, слушай ты, чтобъ въ Россіи нашлись измѣнники!—сказалъ, выпрямляясь, Александръ, и въ его голосѣ дрожали слезы острой скорби и обиды: чѣмъ я, по правдѣ, и кому вредилъ? Кого обидѣлъ, кѣмъ пренебрегъ? Тяжелый, страшный, невѣроятный сонъ... Графъ! ты видѣлъ, ты видишь мою душу...

Аракчеевъ, неуклюже-подобострастно склонивъ верхнюю часть своего туловища, что-то пробормоталъ, чего не разслышалъ Шервудъ.

— Ну, чему быть, того не миновать!—продолжалъ государь, тряхнувъ головой: — отпусти его, Алексѣй Андреичъ, къ мѣсту;

дай ему на дорогу и всё средства къ дальнѣйшему раскрытію злодѣевъ, если только они дѣйствительно существуютъ не въ одномъ воображеніи этого преданнаго, молодаго человѣка... А ты, Шервудъ, дѣйствуй, какъ тебѣ укажетъ твоя совѣсть и относись во всемъ прямо... къ графу,—заклучилъ, помедливъ и какъ бы заикнувшись, государь.

Легкій поклонъ головы Александра показалъ Шервуду, что его аудіенція кончилась. Но слова, тысячи словъ еще рвались изъ его груди. Горло сжималось; губы и руки тряслись. Ему хотѣлось такъ много еще высказать, посовѣтовать государю, убѣдить его. Дѣлать нечего, надо было удалиться.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, Шервудъ по правиламъ сдѣлалъ налѣво кругомъ, двинулся отъ камина къ выходу, взялся за ручку двери и на мгновеніе оглянулся. Государь безпомощно, прикрывъ рукой лицо, въ изнеможеніи упалъ въ кресло и очевидно плакалъ: его голова тряслась. Аракчеевъ, склоняясь, что-то говорилъ ему въ утѣшеніе.—«Ахъ забылъ, надо еще сказать важное, неотложное!» подумалъ вдругъ Шервудъ, остановясь въ полуосвѣщенной бильярдной: «но, что сказать, не вспомню!» Онъ простоялъ съ минуту.

«Кончено безповоротно! ужели все потеряно или побѣда?» мыслилъ Шервудъ, подходя къ цвѣточной перегородкѣ, у которой его поджидалъ дежурный лакей. Раздраженный долгою аудіенціей низшему чину, Клейнмихель встрѣтилъ его еще суше и надменнѣе и молча опять отвезъ его въ домъ Аракчеева, на Литейную. «Побѣда! обращено вниманіе!» мелькнуло въ умѣ Шервуда, когда онъ, не раздѣваясь, упалъ на жесткую, въ родѣ больничной койки, желѣзную, пахнущую новою краской, постель на антресоляхъ Аракчеева.

Рано утромъ Шервуда разбудили и снова позвали къ графу. Онъ снова увидѣлъ обширный, суровый и пустынный, рабочій кабинетъ грознаго временщика. У оконъ и кое-гдѣ вдоль стѣнъ стояла плетеная, неуклюжая мебель; большой письменный столъ, среди кабинета, былъ заваленъ грудями бумагъ. У стола сидѣлъ тотъ же холодно-каменный старикъ, съ каменнымъ лицомъ на длинной шеѣ и вялыми, арестантскими глазами.

— Насвистался соловей! доволенъ ли?—проговорилъ въ ность, стараясь, впрочемъ, говорить мягко и даже ласково, Аракчеевъ:—ну, вотъ, батенька, не хотѣлъ мнѣ, малому, открывать, захотѣлось самому царю... ахъ и удалось, что-жъ! да-ба! вотъ опять-таки все было при мнѣ, и ко мнѣ же пришло...

Шервудъ ждалъ, что будетъ далѣе. Аракчеевъ зѣвнулъ и потянулся, потирая руки. Въ комнатѣ было прохладно. Шервудъ, съ просонковъ и голода, также чувствовалъ позывъ къ дремотѣ и дрожь.

— Ну-съ, ты все открылъ, это похвально... вотъ и твой документъ!—продолжалъ графъ, похлопавъ костлявыми пальцами по грудѣ бумагъ, сверху которыхъ лежалъ доставленный Шервудомъ списокъ заговорщиковъ:—это уже называется не устный, а письменный доносъ. Теперь еще болѣе помни: не докажешь—кнутъ, а не то висѣлица. Понимаешь?

Шервуда начиналъ бѣсить этотъ грубый и насмѣшливый голосъ. «Скотина! солдафонъ!» шевелилось на его побѣлѣвшихъ, злобно сжатыхъ губахъ. Онъ чуть повелъ плечами и молча переступилъ съ ноги на ногу.

— Начнемъ по пунктамъ,—продолжалъ Аракчеевъ, расправляя передъ собою согнутый пополамъ листъ чистой бумаги:—у тебя тутъ стоитъ, во-первыхъ, командиръ вятскаго полка Пестель и далѣе генераль-майоръ князь Волконскій. Говори, что вообще и въ приватномъ отношеніи ты дозналъ о нихъ?

Шервудъ началъ рассказывать. Аракчеевъ взялъ перо и принялся записывать показанія, задавая новые вопросы. При одномъ изъ именъ графъ искоса взглянулъ на допрашиваемаго.

— Анненковъ, говоришь ты? сказалъ онъ:—какой Анненковъ? какъ звать?

— Иванъ Александровичъ, поручикъ.

— Гдѣ служить?

— Въ кавалергардахъ...

— Кто тебѣ о немъ сказалъ?

— Прапорщикъ Вадковскій.

— И ты это въ точности помнишь? получше сообрази.

— Помню вѣрно. Федоръ Федоровичъ, тотъ самый Вадковскій, передавалъ мнѣ въ Ахтыркѣ списокъ, сказалъ: премилая бабенка у Анненкова въ Петербургѣ, то-есть бабенка, или дѣвица, въ точности не припомню... Жюстинъ или Полинъ, выскочило изъ памяти, но вѣрно, что французенка... и у нее въ Петербургѣ модный магазинъ.

— Да, да,—произнёсъ задумчиво Аракчеевъ:—тутъ что-то есть... есть...

Шервудъ силился еще нѣчто вспомнить. Въ его лицѣ выразилась тревога. Со лба катился потъ.

— Не вспомнишь? ну-ка, сообрази, нѣтъ ли тутъ еще какихъ зацѣпъ?—ободрялъ его Аракчеевъ, поскребывая концомъ пера по небритой еще щекѣ.

— Вспомнилъ!—произнесъ, отирая лицо, Шервудъ.

— Говори, сударь, слушаю.

— Ближайшій соучастникъ Пестеля, Бестужевъ-Рюминъ, я его видѣлъ въ Каменкѣ; горячая, отчаянная голова... онъ на все вызывался, на образъ клялся...

— Это ты о немъ уже говорилъ... далѣе!

«Вотъ анаемская память, какъ все примѣтилъ, затвердилъ!» злобно подумалъ Шервудъ.

— Такъ что же этотъ Бестужевъ?

— У него въ Ракитномъ, у помѣщиковъ Витвицкихъ, невѣста.

— Невѣста? — прогнусилъ Аракчеевъ.

— Да,—продолжалъ, оживляясь, Шервудъ:—когда прапорщикъ Вадковский, въ Ахтыркѣ, вы знаете, принялъ меня въ члены тайнаго союза, онъ сообщилъ мнѣ и объ этомъ сватовствѣ. Позвольте, ваше сіятельство, я вспомнилъ и имя невѣсты Бестужева.

Аракчеевъ, не глядя на говорившаго, что-то писалъ.

— Ее звать Зинаида,—сказалъ Шервудъ.

— Ну?

— Зинаида Львовна Витвицкая...

— Такъ что же?

— Въ концѣ этого августа, у Витвицкихъ въ деревнѣ былъ назначенъ балъ, съѣздъ всей губерніи, охота на волковъ и дикихъ козъ... Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ еще жалѣлъ, что ему, какъ высланному на житье въ Ахтырку, трудно попасть на всѣ эти веселости... А у невѣсты Бестужева въ деревнѣ гувернантка, тоже французенка, и она дружна и въ сокровенной, частой перепискѣ съ этой самой, здѣшней пріятельницей гвардейца Анненкова.

Аракчеевъ, презрительно зѣвнувъ, продолжалъ писать.

— Ну, вотъ,—процѣдилъ онъ:—не только рапортъ по формѣ, а и цѣлый, съ амурными придатками, романъ.

Онъ, тщательно выводя слова, что-то набросалъ на обрывкѣ бумаги, позвонилъ и отдалъ написанное ординарцу.

— Петру Андреичу!—сказалъ онъ, облачиваясь о высокую и жесткую спинку кресла:—вотъ для тебя и зацѣпка, обратился онъ къ Шервуду:—аріаднина въ этомъ лабиринтѣ нить.

Глаза Аракчеева съузились, точно растаяли отъ удовольствія. Шервудъ примѣтилъ, что на тонкой шеѣ графа еще болѣе вздулись жилы, какъ бы отъ смѣха, подпиравшаго его горло.

Шервудъ вздрогнулъ.

Онъ вдругъ сообразилъ, какъ далеко зашелъ съ своими признаніями: ни съ того, ни съ сего, припуталъ къ доносу семью Витвицкихъ, указалъ на сношенія и переписку двухъ очевидно неповинныхъ ни въ чемъ французенокъ, наконецъ назвалъ даже имя невѣсты Бестужева. А у него, доносчика, у самого была невѣста—и онъ такъ къ ней рвался, раздѣленный съ нею цѣпью роковыхъ, непреоборимыхъ событій.—«Другіе могутъ сказать, какая подлость, гадость!» подумалъ онъ, соображая, какъ другой на его мѣстѣ при этомъ плевалъ бы на себя: «экъ зарвался—и кой чортъ просилъ? а впрочемъ нехудо...» Потъ, какъ вчера, прошибъ его и выступилъ на его лицѣ. Истомленный досаднымъ допросомъ, онъ съ усиліемъ переводилъ дыханіе и едва стоялъ на ногахъ.

Ординарецъ подалъ графу записку Клейнмихеля и вышелъ.

— Такъ и есть,—сказалъ Аракчеевъ, пробѣжавъ записку: она самая... Полина Гёбль! бѣлошвейный магазинъ, на углу Демидова переулка и Мойки...

— Кто такой?—спросилъ, теряя нить соображеній, Шервудъ.

— Пріятельница поручика Анненкова. Вотъ тебѣ и предлогъ... Уѣдешь, во всякомъ случаѣ, не сразу; будутъ нужны еще необходимыя показанія... вотъ ты и могъ бы воспользоваться.

— Чѣмъ?

— А ты думаешь, донесъ и кончено?—сказалъ Аракчеевъ: нѣтъ, братъ: нужны справки, подтвержденія. Вотъ ты выложилъ цѣлый ворохъ именъ, все немалые военные чины; почитай, вся южная армія. А есть въ подозрѣніи и штатскіе. Подобаешь до-браться и до нихъ; а все ли ты вѣрно сказалъ?

— Клянусь, по долгу присяги.

— То-то, любезный, всѣ вы и тѣ вонъ то же присягнули, а играете на присягѣ, какъ на балалайкѣ. Поживи здѣсь, отдохни, получишь прогоны, подъѣмныя. Подумай, можетъ подвернется случай узнать и объ этомъ Анненковѣ... Онъ давно въ подозрѣніи за мысли и невоздержность въ словахъ. Дружень съ здѣшнимъ стихоплетомъ Рылѣвымъ. Слыхалъ про послѣдняго? Не слыхалъ? Рылѣвъ Кондратій... Вольные вирши пишетъ и на меня дерзостный пашквиль сочинилъ; да я на псиный лай—плюю... Такъ посуди объ Анненковѣ; онъ въ домахъ сенатора Мордвинова и у бывшаго министра Сперанскаго бываетъ. Все это разбери на досугѣ... Не откроешь ли чего по части и этой негоднѣ?

Получивъ обѣщанное на подъѣмъ, Шервудъ переѣхалъ на постоянный дворъ, заказалъ себѣ новую форменную пару, купилъ бѣлья, приѣхалъ и, въ ожиданіи командировки обратно на югъ и прогоновъ, сталъ прогуливаться по столицѣ. Между прочимъ онъ обошелъ зимній дворецъ, разглядывая его съ любопытствомъ и соображая съ улицы, гдѣ та комната, въ которой онъ удостоился говорить съ государемъ. У салтыковского подъѣзда онъ узналъ вахтера, снимавшаго въ дворцовыхъ сѣняхъ съ Клейнмихеля шинель. Вахтеръ выбивалъ въ это время на панели коврикъ. Онъ съ нимъ поздоровался.

— Узналъ, землячекъ?—спросилъ Шервудъ.

Вахтеръ на него покосился.

— Какъ не узнать, съ генераломъ въ каретѣ... еще кучера едва добудились...

— А кого, землякъ, тогда встрѣли мы на лѣстницѣ, помнишь? полковникъ и штатскій со звѣздой, сходили, когда мы поднимались вверхъ?

Вахтеръ молча выколачивалъ коверъ.

— Такъ, вспомнилъ!—проговорилъ онъ, подумавъ:—эка память,

точно рѣшето... полковникъ былъ князь Трубецкой, а штатскій—постой, должно, сенаторъ Сперанскій... онъ и есть... въ сѣняхъ тутъ долго еще лопотали не по нашему... Сенаторы, сенать... а что дѣется кругомъ?

— Что же дѣется?

— Нешто не знаешь? Кто смѣлъ грабить, не смѣлъ крадуть. Ворамъ только и житье...

Зайдя какъ-то въ трактиръ, на Литейной, закусить и послушать органъ, Шервудъ изрядно выпилъ, сыгралъ съ кѣмъ-то на билиардѣ и опять хотѣлъ выпить, но одумался. Его недавній, съ отчаянья, почти годичный, запой въ Новомиргородѣ, послѣ бѣгства изъ имѣнія Ушаковыхъ, вспомнился ему во всемъ ужасающемъ безобразіи. Онъ бросился изъ трактира, прошелъ нѣсколько смежныхъ улицъ и очутился у Аничкова моста.

Быль вечеръ.

Свѣжій осенній воздухъ съ Фонтанки, запруженной барками и лодками, освѣжилъ Шервуда. Онъ постоялъ на мосту, облокотясь о его каменную ограду и безсознательно поглядывая на веселыя и пестрыя кучи рабочихъ, выгружавшихъ дрова, доски и кирпичъ, оправилъ на себѣ мундиръ, отеръ лицо и направился обратно къ Лѣтнему саду.

Въ тотъ день онъ отъ кого-то допытался въ трактирѣ о стихахъ Рылѣева на Аракчеева и изумился смѣлой сатирѣ поэта, возбуждавшей въ обществѣ неслыханное сочувствіе и ужасъ за судьбу обличителя.

Вдругъ Шервудъ замѣтилъ, что встрѣчные прохожіе на набережной Фонтанки снимали почему-то шляпы, а рабочіе, глядя съ барокъ на мостъ, низко кому-то кланялись. Шервудъ обернулся по направленію этихъ поклоновъ.

По окраинѣ Аничкова моста, вдоль каменной ограды, у которой онъ стоялъ нѣсколько мгновений тому назадъ, медленной рысью ѣхала высокая, открытая, запряженная четверней сѣрыхъ орловскихъ рысаковъ, коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ рослый военный, въ шинели и треуголкѣ, съ бѣлымъ плюмажемъ: ѣхавшій добродушно глядѣлъ на рѣку, залитую заходящимъ солнцемъ, на барки и лодки, ласково кланяясь на привѣтствіе судорабочихъ, прохожихъ и проѣзжихъ.

Шервудъ узналъ императора Александра Павловича, снялъ фуражку, вытянулся и замеръ, усиливаясь выправленіемъ плечъ и глазами обратить на себя вниманіе государя. Но было далеко, болѣе ста шаговъ; между мостомъ и частью тротуара, гдѣ остановился Шервудъ, появились новые прохожіе, заслонившіе его.—«Нѣтъ, онъ меня и отсюда примѣтитъ, узнаетъ и подзоветъ» — пробѣгало въ мысляхъ у Шервуда: «не можетъ быть... онъ спроситъ и я ему

скажу, что за него, за любимого монарха, готовъ жизнь положить, умереть... О, пусть прикажетъ, брошусь на эту толпу съ моста, брошусь подъ его колеса. Онъ повелитъ не тянуть отсылки; дороги дни, часы...

Коляска, плавно колыхаясь на высокихъ ресорахъ, съѣхала съ моста; кони прибавили рыси и понеслись по Невскому. Шервудъ, злобно толкая и чуть не сбивая съ ногъ удивленныхъ прохожихъ, бросился слѣдомъ за коляской, выскочилъ на мостъ, пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ по улицѣ и, запыхавшись, путая несвязныя слова, сталъ нанимать извозчика.

— Куда, баринъ? — отозвался ванька на одиночной гитарѣ-дрожжахъ.

Шервудъ указывалъ путь, гдѣ чуть видѣлся мелькавшій между другими проѣзжими бѣлый плюмажъ императора.

— Четвертачекъ, ваше сіятельство.

Шервудъ остановился.

— «Тыфу ты, чортъ, глупости, безуміе!» — сказалъ онъ себѣ, опомнившись: — «развѣ можно? и кто рѣшился бы обгонять государя? Еще замѣтятъ, арестуютъ, потащатъ къ тому же Аракчееву...» — Онъ оглянулся: два другіе извозчика, подойдя съ развальцемъ, косились на него, перемигиваясь. Отъ ближайшей будки, важно опершись на рыцарскую алебарду и позѣвывая, щурился на него сонный, въ веснушкахъ и рыжий, чухонецъ-городовой.

Шервудъ бросился на другую сторону улицы, вмѣшался въ толпу, прошелъ мимо театра на набережную, добрался до Гороховой и снова безъ цѣли пустился по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

— «Такой былъ счастливый, рѣдкій случай, — разсуждалъ онъ, съ бѣшенствомъ: и пропалъ, пропалъ безъ слѣда. Вотъ проклятая судьба! И изъ-за чего медлитъ этотъ Аракчеевъ? какія еще нужны ему справки, допросы? и хоть бы звалъ; нѣтъ, молчить. Или государь охладѣлъ къ моему важному открытію, раздумалъ, все по добротѣ забылъ? Вотъ она невѣроятная, сонная страна, — все сносить... Въ другомъ мѣстѣ почтили бы, озолотили-бъ!»

Миновавъ Сѣнную и Мѣщанскую, Шервудъ направился къ Сине-му мосту, отсюда повернулъ опять вправо, по набережной Мойки. Темнѣло, зажигались фонари.

Сквозь рѣшетку небольшого двора, онъ увидѣлъ уютный садикъ, красную черепичную кровлю однояруснаго дома и подъ крыльцомъ вывѣску: «Магазинъ модъ мадамъ Полинъ». Онъ остановился у калитки и долго смотрѣлъ во дворъ и на растворенныя окна дома, изъ которыхъ глядѣли горшки съ цвѣтами и неслощъ щебетаніе канареекъ. Шервудъ разсуждалъ, войти или не войти? Но подъ какимъ предлогомъ и съ какою цѣлью? Причину выдумать нетрудно; мало ли, что можно сказать? «Явился молъ, для пе-

редачи поклона отъ соотечественницы». Ему вспомнилась даже фамилія гувернантки Витвицкихъ, мамзель Шонъ. Но онъ не видѣлъ этой семьи, ничего о нихъ не знаетъ.—«Пустяки... Все такъ ловко можно сплести, представиться подъ чужимъ именемъ, наговорить любезностей и, между тѣмъ, много разнюхать и узнать. Нѣтъ,—сказалъ себѣ, раздумавъ, Шервудъ: много опасностей, да и дѣло такое; у другихъ и впрямь не повернулся бы языкъ... предательство противъ чуждыхъ заговору, постороннихъ женщинъ. Прочь, прочь отъ проклятаго новаго соблазна!»—прибавилъ онъ, уходя: «вонъ изъ этого мертваго Петербурга, отъ этихъ каменныхъ, могильныхъ громадъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Шервудъ ускорилъ шаги, дошелъ до Литейной, заперся у себя въ комнатѣ на постояломъ и старался заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Его мысли дразнили намеки Аракчеева—еще что-либо провѣдать и разузнать въ Петербургѣ... «Вѣдь можно бы, отчего не попробовать?»

«И въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ: не оттого ли замедлялось и мое отправленіе обратно на югъ. Почему, разбирая все по истинѣ, меня такъ долго не звали ни къ графу ни въ штабъ? почему не снабжали прогонами и послѣдними инструкціями по открытому мною дѣлу? Неужели и по правдѣ могли меня окончательно забыть, мною пренебрегли?»—Данныя ему подѣйныя деньги были давно на исходѣ. Онъ немало потратился на обмундировку, еще болѣе разсорилъ безъ толку, проигралъ на бильярдѣ. Надо однако терпѣть, надо ждать.

И опять начались шатанія по Петербургу.

Шелъ однажды Шервудъ поздно вечеромъ, послѣ долгаго сидѣнія въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ спустилъ, за вкуснымъ обѣдомъ, съ приправой изрядной вышивки, немало изъ послѣднихъ денегъ. Онъ шелъ, нѣхотя, тяжело. Въ головѣ былъ досадный туманъ. Пыльный воздухъ душныхъ улицъ тѣснилъ его дыханіе.

— Иванъ Ивановичъ! отецъ родной! васъ ли имѣю удовольствіе видѣть?—послышался, сзади его, знакомый голосъ.

Шервудъ оглянулся. У его ногъ былъ спускъ въ винный подвалъ. На нижней ступенькѣ спуска стоялъ, съ шапкой въ рукѣ, сѣдой, сгорбленный старикашка, въ синемъ фракѣ, съ потертыми бронзовыми пуговицами. Въ другой рукѣ старика была связка копченой рыбы и еще какихъ-то припасовъ.

Шервуду вспомнилось что-то отдаленное, щемившее его сердце, и онъ вздрогнулъ отъ радости: предъ нимъ былъ, столько благоволившій къ нему, дворецкій Ушаковыхъ, Антипычъ.

— Какими судьбами? спросилъ Шервудъ: вотъ неожиданно... здѣсь?..

Маленькое, гладко выбритое лицо Антипыча, въ длинныхъ пушистыхъ, бѣлыхъ бакенахъ, блаженно улыбалось.

«Историч. вѣстн.», июль, 1883 г., т. XIII.

2.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

277536.

— Вотъ, сударь Иванъ Ивановичъ,—отвѣтили дворецкій, указывая шляпой на навьюченную бричку, стоявшую невдали у перекрестка двухъ улицъ: на своихъ, батюшка, доморослыхъ прибыль... баринъ съ порученіями и за покупками изволилъ присылать изъ деревни. Ну, справившись, запаса въ дорогу харчишками... выпилъ бутылочку пивца, да и еще захотѣлось вотъ на дорогу прихватить; анъ, гляжу, вы и шествуете... батюшка, отецъ родной!

— Очень радъ, Антипычъ: позволь мнѣ тебя на радости угостить!—сказалъ, спускаясь по стоптаннымъ ступенькамъ подвала, Шервудъ: вотъ сюда, сюда... иди, поговоримъ, угощу... радъ...

Онъ ввелъ Антипыча въ особую, заднюю горенку погреба, опу-
палъ въ карманъ нѣсколько уцѣлѣвшей мелочи, усадилъ лику-
ющего старика у столика и потребовалъ польскаго пива. Пиво со
стойки подали теплое, пѣна брызнула на столъ и на платье Шер-
вуда.

— Не вѣрится! — сказалъ онъ, вглядываясь въ знакомаго уша-
ковского пріятеля.

Столько дорогихъ сладкихъ воспоминаній зароилось въ его
мысляхъ.

— И я, сударь, Иванъ Ивановичъ, — произнесъ Антипычъ, осу-
шивая стаканъ и утираясь клѣтчатымъ, бережно-сложеннымъ плат-
комъ: смотрю—анъ и правда, вы же; какъ здѣсь? Чай, въ гвардіи,
скоро въ офицеры?

— Нѣтъ, еще не въ гвардіи, но есть, понимаешь, вѣрная на-
дежда перейти... А ты, старина, ну-ка, Расскажи о вашихъ... что
барышня? охъ, наболѣло сердце... ты вѣдь знаешь.

— Какъ, сударь, не знать! Изошли горемъ и мы всѣ по васъ
съ нею... было барышнѣ отъ тятенькѣ такого, что Боже помилуй и
упаси... натерпѣлась, сердечная!

Шервудъ молча и мрачно слушалъ. Онъ кое-что уже зналъ о
роковой развязкѣ съ соблазненной имъ дѣвушкой, о гоненіяхъ,
перенесенныхъ ею, о ея мукахъ и отчаяніи. Слова Антипыча били
по немъ, какъ раскаленное желѣзо.

— Проклятая судьба, — вскрикнулъ онъ, стукнувъ рукой по
столу:—чѣмъ поправить дѣло, какъ его повернуть? скажи, гдѣ она
теперь?

— Дома-съ... гдѣ же барышнѣ и быть? Въ ту пору увозили
ихъ къ тетюшкѣ въ Москву, теперь на зиму собираются сюда, въ
Питеръ. Я и квартиру барину нанялъ, въ Коломнѣ, если знаете,
у Сухарнаго моста. Дяденька ихъ тутъ по близости на службѣ, въ
моряхахъ генераломъ. Думаютъ барышню вывезитъ, замужъ вы-
дать; есть и женихи,—прибавилъ Антипычъ, хмѣлѣя.

Лицо Шервуда покрылось багровыми пятнами.

— Пей, голубчикъ, пей,—пенталь онъ, слушая и подливая Ан-
типычу.

Тотъ не отказывался и безъ умолку говорилъ. За бутылкой подали еще пару, и еще. Когда знакомцы вышли изъ погреба, было уже совсѣмъ темно. Нагруженная бричка Антипыча чуть виднѣлась въ глубинѣ улицы, со спавшимъ на козлахъ конюхономъ.

— Кланяйся барышнѣ, скажи ей, — проговорилъ Шервудъ и смолкъ: — скажи, нерадостно, плохо пока и мнѣ...

Злоба и бѣшенство душили его.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... благодаримъ за угощеніе, — раскланивался Антипычъ, сѣвъ въ бричку и оттуда помахивая шляпой: — оchenно по васъ скучаютъ... и все ждуть... скоро ли будете?

— Скоро, — крикнулъ Шервудъ, вслѣдъ за бричкой, загремѣвшей по опустѣлой улицѣ: — теперь ужъ скоро... такъ и скажи.

Антипычъ что-то отвѣтилъ, высунувшись изъ-подъ низкаго кузова и даже стукнувшись о него головой, но его голоса уже не было слышно.

«Такъ вотъ оно что!» — сказала себѣ Шервудъ, оставшись на тротуарѣ: «сюда переѣзжаютъ, дядя сулить жениховъ... А я съ моими ожиданіями, замыслами, борьбой? Неужели же все кончено и я, какъ глупый камень, иду ко дну? Нѣтъ, не поддамся, не быть ей за другимъ. Помѣряемся еще съ судьбой...»

Иванъ Ивановичъ помедлилъ, какъ бы что-то соображая, разглядѣлъ мѣсто, гдѣ стоялъ, освѣдомился у прохожаго, озабоченнаго чиновника, который часъ, и повернулъ прямо къ недалежней Мойкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова стоялъ у двора, съ садомъ и рѣшетчатой оградой, и взошелъ на крыльцо магазина модъ. Шервудъ позвонилъ, вышла горничная.

— Вамъ кого? — спросила она.

— Мадамъ Полинъ.

— Отъ кого вы?

— Изъ Малороссіи; скажите, съ поклономъ отъ знакомой пріятельницы вашей хозяйки.

Горничная скрылась. Въ окнѣ, ближнемъ къ крыльцу, поднялась занавѣска; окно отворилось. Изъ него, со свѣчей въ рукѣ, выглянула красивая, высокая и смуглая особа, съ живыми плутовскими черными глазами и съ черными усиками, лѣтъ двадцати пяти, въ нарядномъ чепчикѣ и модномъ бѣломъ капотѣ.

— Отъ кого? — спросила она по-русски, съ иностраннымъ выговоромъ.

— Отъ вашего друга, мамзель Шонъ, — отвѣтилъ, то же раскланиваясь и старательно отчеканивая слова, Шервудъ: я случайно въ Петербургѣ, мнѣ поручено передать вамъ поклонъ... и я съ особымъ удовольствіемъ...

— Прошу, войдите, — сказала хозяйка.

Шервудъ, не задумываясь, вошелъ. Мадамъ Полинъ передъ тѣмъ хлопотала у чайнаго стола.

— Какъ и гдѣ вы видѣли Элизъ Шонъ?—спросила она, поглядывая на гостя.

Шервудъ въ общихъ словахъ легко и весело передалъ ей цѣлую легенду о томъ, какъ онъ будто бы ѣхалъ по службѣ изъ Кіева въ Петербургъ, какъ у его телѣжки сломалась ось и какъ онъ, совершенно случайно попавъ въ деревню Витвицкихъ, засталъ у нихъ своего сослуживца Бестужева-Рюмина и прогостилъ тамъ цѣлыя сутки, причѣмъ познакомился съ невѣстой Бестужева и съ ея гувернанткой, мамзель Шонъ.—«Боже, какъ вру!» думалъ онъ, сыпля этими увѣреніями.

— Да, Витвицкая сговорена и скоро ихъ свадьба,—сказала Полинъ, наливая гостю чай:—вы отъ Элизъ вѣрно знаете, и я выхожу замужъ.

— Слышалъ и отъ души поздравляю,—произнесъ, вѣжливо кланяясь, гость.

— Вы сейчасъ, вѣроятно, увидите и моего жениха,—съ гордою радостью объявила хозяйка.

Шервудъ помертвѣлъ. Онъ не ожидалъ возможности встрѣтить здѣсь самого Анненкова; притомъ, съ ужасомъ, онъ сталъ замѣчать, что пиво, распитое съ Антипычемъ, начинало сильно въ немъ отзываться. Его голова кружилась, въ глазахъ прыгали огоньки. Веселая уютная комната колыхалась передъ нимъ и голосъ милой, болтливой хозяйки звучалъ гдѣ-то не здѣсь, далеко. Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, близъ котораго сидѣлъ: его лицо было блѣдно, волосы въ беспорядкѣ. Онъ съ улыбкой сталъ разглаживать себѣ виски, стараясь сидѣть прямо и не потерять сознанія.

— Чтò же тамъ на югѣ лучше, чѣмъ здѣсь? не правда ли, тамъ теплѣе?—спросила Полинъ: Элизъ пишетъ мнѣ, что тамошнія мѣста напоминаютъ нашу Францію... Я, москѣ, изъ Нанси,—лепетала разговорчивая француженка: мой отецъ былъ полковникъ старой гвардіи, убитъ въ Испаніи, въ войнѣ съ гверильясами, когда мнѣ пошелъ четвертый годъ... онъ былъ храбрый, красивый офицеръ... И я помню моего отца... Такихъ храбрецовъ мало на свѣтѣ. Послѣ него мы обѣднѣли, я стала учиться шить, попала въ Россію, и въ Москвѣ поступила первою мастерицей въ магазинъ модъ Дюмонси, на Кузнецкомъ мосту...

Шервудъ, вглядываясь въ черные, сверкавшіе передъ нимъ глаза и красивые усики Полинъ, дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы слушать ее и не задремать.—«Кузнецкій мостъ, гверильясы... усики!»—вертѣлось въ его умѣ.

— О, я все это знаю!—вдругъ сказалъ онъ, странно улыбаясь: знаменитая гвардія, великій императоръ, храбрые патріоты... Вамъ, вѣроятно, скучно здѣсь? такая дикая, холодная страна... ледъ, даже пиво здѣсь... теплое... право...

Гдѣ-то ему послышался звонкій, раскатистый хохотъ. Шервудъ

въ удивленіи очнулся и раскрылъ глаза. Передъ нимъ, откинувшись на стулъ, заливалась смѣхомъ Полинъ.

— О, мой Богъ!—хохотала она: вы устали, у васъ вѣрно было много хлопотъ?

— Нѣтъ, ничего... напротивъ... Но позвольте, гдѣ вы познакомились съ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ?

— Онъ былъ въ Москвѣ, за ремонтомъ... не хотите ли чаю? я бы послала за извозчикомъ,—произнесла Полинъ, подавляя смѣхъ и стараясь ободрить растерявавшегося гостя: о, какая я несносная, смѣшная...

Шервудъ всталъ.—«Скорѣе отсюда, скорѣе!»—думалъ онъ: «еще придетъ этотъ ея женихъ, догадается, уличить».

— Порученій какихъ не будетъ ли?—спросилъ онъ, вѣжливо раскланиваясь.

— Развѣ мосье скоро ѣдетъ?

— Завтра же... экстренно... на фельдъегерскихъ.

— И вы опять будете тамъ, у Витвицкихъ?

— Сочту, сударыня, священнымъ долгомъ заѣхать.

Отъ природы добрая Полинъ съ участіемъ смотрѣла на статнаго, утомленнаго и, какъ она угадывала, нѣсколько охмѣлѣвшаго, молодого воина.

Почему-то ей припомнился ея отецъ, также когда-то, какъ она слышала, особенно въ походахъ, любившій водить компанію и выпить съ друзьями.

— Зайдите завтра,—сказала она, подавъ руку гостю: я приготовлю къ Элизѣ письмо.

Шервудъ ловко шаркнулъ, даже поцѣловалъ протянутую ему руку и вышелъ. Отъ воротъ ему на встрѣчу показались двое, статскій и офицеръ; они сошлись у угла полисадника. Свѣтъ отъ крылечнаго фонаря далъ имъ возможность нѣсколько разглядѣть другъ друга. Ночной воздухъ быстро освѣжилъ Шервуда. Увидѣвъ офицера, онъ снялъ фуражку и въ полоборота сталъ во фронтъ.—«Не Анненковъ»—подумалъ онъ, узнавъ въ офицерѣ того преображенскаго полковника, князя Трубецкаго, котораго встрѣтилъ, въ памятный вечеръ, на лѣстницѣ зимняго дворца и о которомъ ему сказалъ дворцовый сторожъ.

— Иванъ Александровичъ здѣсь?—спросилъ, отдавая честь, Трубецкой, видѣвшій, что стоявшій передъ нимъ унтеръ-офицеръ вышелъ съ крыльца Полинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... ихъ ожидаютъ.

— Et vous, cher, vous attendrez?—проходя къ двери, спросилъ спутника князь Трубецкой.

— Могу, если недолго,—отвѣтилъ тотъ также по-французски: впрочемъ, вѣдь здѣсь я сосѣдь...

«Кто этотъ второй?»—продолжалъ разсуждать о статскомъ Шер-

вудъ: ужели оба они, какъ и Анненковъ, члены тайнаго общества, заговорщики? И этого преображенца допускають во дворецъ! Какая неосторожность! но штатскій? Трубецкой тогда во дворцѣ тоже шель съ штатскимъ... этотъ моложе, чернявый; тотъ былъ лысый и въ звѣздѣ... Есть ли ихъ имена въ моемъ спискѣ? какъ узнать, кого спросить?»

Шервудъ перешель на другую сторону Мойки и сталъ бродить по набережной, отъ Синяго моста до Гороховой, поглядывая на оставленный домъ. Прошелъ часть, другой. Мѣсяцъ взошелъ давно, но былъ въ облакахъ. Улицы болѣе и болѣе стихали; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ. Изрѣдка доносился грохотъ колесъ съ Невскаго Проспекта.

Вдругъ стукнула калитка. Изъ наблюдаемаго двора вышли три фигуры. Шервуду черезъ рѣку было видно, что двое изъ вышедшихъ были въ военныхъ шинеляхъ — третій въ гражданской бекешѣ; одинъ изъ военныхъ направился вправо къ Гороховой, другой военный, въ сопровожденіи статскаго, пошелъ влѣво къ Синему мосту. — «Теперь узнаю» — рѣшилъ Шервудъ.

Онъ, съ забившимся сердцемъ, направился за послѣдними путниками и въ одномъ изъ нихъ опять разглядѣлъ Трубецкаго. Они миновали, за Синимъ мостомъ, первый домъ отъ угла по набережной и у подъѣзда втораго дома остановились. Военный пошелъ далѣе, а статскій вошелъ въ дверь подъѣзда, надъ которымъ была вывѣска: «Россійско-американская компанія».

До слуха Шервуда донеслись лишь нѣкоторые выраженія изъ разговора этихъ двухъ лицъ. — «Такъ онъ ѣдетъ?» спросилъ статскій. — «Уже уѣхалъ» — отвѣтилъ военный. «И Діонисіево ухо?» — «И онъ... вторыя сутки уже въ деревнѣ; но, вѣроятно, увидятся; тотъ заѣдетъ по пути» — «Надо разузнать фамилію штатскаго» — рѣшилъ Шервудъ, увидя дворника, подметавшаго у крыльца набережную.

— Скажи, любезный, какъ отсюда пройти въ Коломну? — спросилъ онъ.

Дворникъ объяснилъ. Шервудъ вынулъ изъ кармана и далъ ему мѣдный пятакъ.

— Благодарствую... не здѣшніе? — спросилъ, кланяясь, дворникъ.

— На побывку, изъ лагеря, — отвѣтилъ Шервудъ: дяденька тутъ у Сухарнаго моста... а кто этотъ баринъ?

— Какой?

— Что вошелъ сейчасъ на подъѣздъ.

— Вамъ на что?

Шервудъ смѣшался, но, принявъ добродушный видъ, даже поднялъ съ мостовой какую-то соринку и сталъ ее разсматривать.

— Такъ, — отвѣтилъ онъ: — его тоже хотѣлъ спросить про дорогу, да не посмѣлъ.

— Чего не смѣть?.. да-а-брѣющая душа! секретарь нашъ... Ры-

лѣвъ баринъ — проговорилъ дворникъ, подбрасывая на ладони пятакъ.

Шервудъ при этомъ имени чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ вспомнилъ слова Аракчеева. Точно пукъ яркихъ лучей вдругъ вспыхнулъ передъ нимъ. Радужные горизонты, одинъ другаго ярче и заманчивѣе, мгновенно встали, заволновались передъ его воображеніемъ. — «Наконецъ-то еще, и какое открытіе, какое!» сказалъ онъ себѣ: «связь ясна... вотъ мѣсто ихъ сходовъ, — всѣ, и сатирикъ, и будущій диктаторъ. Теперь окончательно меня выслушаютъ и рѣшатъ!»

— Ты говоришь Рылѣвъ? — спросилъ онъ дворника.

— Такъ точно.

— А имя?

— Коядратій Ѳедоровичъ... тутошный, питербургскій, изъ деревни Батого, что возлѣ Рождествина. Матушка у него тамъ, а онъ тутъ служить.

— Женатъ?

— Съ женою и махонькою дочкою.

— И баринъ хорошій? можно, коли надо, просить?

— Приди, увидишь... всякому помогаетъ, нищему, по дѣлу и такъ... Да-а-бѣрющая душа...

Шервудъ далъ дворнику еще пятакъ и сперва тихо, потомъ шибче пошелъ къ Поцѣлуеву мосту, обогнулъ уголъ, пустился бѣгомъ, добрался до Офицерской, крикнулъ встрѣченному извозчику: «на Литейную, будетъ на водку!» — сѣлъ и помчался, полный радостныхъ надеждъ.

Сунувъ извозчику полтинникъ, — послѣдній и окончательно послѣдній, какъ онъ рассчиталъ въ умѣ, — Шервудъ вбѣжалъ въ свой номеръ, не зажигая свѣчи, наскоро раздѣлся и легъ на жесткій, продавленный диванъ, служившій ему постелью. Его мучила жажда. Онъ всталъ, ища воды, замѣтилъ какую-то бутылку и жадно изъ нее потянулъ. Ему обожгло горло. Въ бутылкѣ былъ остатокъ рома отъ пунша, которымъ онъ изрѣдка себя угощалъ. — «А, чортъ!» — подумалъ онъ и, еще вдоволь потянувъ изъ бутылки, опять легъ. Комната весь день не освѣжалась и воздухъ въ ней, отъ недалекой кухни и смежнаго корридора, полного заѣзжей прислуги, былъ спертый, душный. Шервудъ этого не замѣтилъ. Хмѣль туманилъ его отяжелѣвшую голову; въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ жаръ, а стиснутые зубы постукивали въ нервномъ ознобѣ, несмотря на давящее комнатное тепло.

Мѣсяцъ вышелъ изъ облаковъ. За тусклымъ, испачканнымъ мухами, окномъ виднѣлся трактирный дворъ, запруженный телѣгами, лошадьми у коновязей и всякимъ хламомъ.

Подъ окномъ торчала старая, съ обломанными вѣтвями береза. Сквозь ея тощую, покрытую слоемъ пыли, листву, въ комнату наискось свѣтили блѣдные лунные лучи.

Шервудъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ съ злобной досадою слѣдилъ, какъ билась кровь въ его вискахъ и какъ тяжелое, мучительное содроганіе ледянымъ гнетомъ пробѣгало по немъ съ головы до пятъ.

— «Все кончено, все открытъ! провѣрилъ, уличилъ!» радостно думалъ онъ, съ трудомъ сдерживая трясущійся подбородокъ:—«и, вѣдь, какъ успѣшно, безъ запинокъ, на чистоту! Имъ хотѣлось Сперанскаго, вотъ онъ; Трубецкой, съ этимъ Сперанскимъ, удостоился въ тотъ вечеръ быть во дворцѣ, а сегодня этотъ же Трубецкой у Полины, то-есть у Анненкова... Графъ золь на Рылѣва за пасквиль... и этотъ попался здѣсь же... все свои... Ха, ха! вожаки, ведущіе республиканскіе министры, Мараты, Робеспьеры... ха ха!»

Шервудъ отрывисто и громко размѣялся, но вдругъ поднялся на диванѣ и сѣлъ.—«Вспомнилъ, вотъ когда вспомнилъ, о чемъ надо было тогда сообщить государю!» сказалъ онъ себѣ съ досадою:—«этого самого Трубецкаго, да! именно его прочили въ Каменкѣ, на случай бунта войскъ, въ диктаторы... Пестель такъ именно и говорилъ. И его-то я тогда встрѣтилъ на лѣстницѣ! Завтра же, пораньше, чуть свѣтъ, все запишу и къ графу... Вотъ открытіе, вотъ сѣбленіе счастливыхъ, рѣдкихъ обстоятельствъ... Только нѣтъ, кажется, бумаги и чернилъ, всѣ вышли... Придется будить этихъ олуховъ; пойдутъ въ контору, поднимутъ изъ-за такой мелочи хозяина, а я ему задолжалъ за комнату и харчи... Чернильница, впрочемъ, есть, но окончательно высохла; ткнешь перо, а оно сухое, только муха окаянная вылетитъ и жуужитъ проклятая такъ противно... Тѣфу, сколько мухъ!»—мыслилъ Шервудъ, плюя и гадливо прислушиваясь къ шороху и неугомонной вознѣ мухъ, по обычаю толкавшихся въ духотѣ, у окна и подъ потолкомъ.

На секунду ему показалось, что онъ успокоился и заснулъ. Настала такая отрадная, ласкающая тишина. Мухи и собственные назойливыя мысли исчезли.

Озаренная мѣсяцемъ комната, съ огромною изразцовою печью, комодъ, гдѣ торчало зеркальцо и допитая бутылка съ ромомъ, распатанный стулъ, у двери, съ брошенною на него солдатскою шинелью, все это также будто застлалось туманомъ и куда-то скрылось. Шервудъ почувствовалъ, какъ выступилъ на его лицѣ потъ, медленно скатываясь крупными каплями по носу и щекамъ. Онъ подумалъ: «Такъ капаетъ теплая, свѣжая кровь».

И ему вдругъ представилось страшное зрѣлище казни, видѣнной имъ весною, въ бытность въ Новомиргородѣ...

Военный полевой судъ осудилъ тогда пойманнаго дезертира—поляка. Это былъ еще молодой, бѣлокурый и простодушный съ

виду рекрутокъ. Его схватили гдѣ-то на границѣ съ Австріей и возвратили, для суда и наказанія, въ полкъ. Приговоръ аудиторіата къ разстрѣліанію былъ замѣненъ прогнаніемъ сквозь двѣ тысячи человѣкъ. Съ хмурыми, строго-понуренными лицами, солдаты молча взмахивали рукой. Свѣжія, съ зелеными почками, прутья лозы, нарѣзанной въ ближнихъ плавняхъ, притонахъ голосистыхъ иволгъ и соловьевъ, страшно взвизгивали въ теплохъ, пахучемъ воздухѣ. Рекрутъ уже не шелъ. Его полумертваго, съ блѣднымъ, кротко-покорнымъ лицомъ и слипшимися, отросшими въ тюрьмѣ волосами, везли между рядовъ на какой-то двухколесной дыбѣ. Удари падали.

«Стой!»—вдругъ раздался чей-то властный, громкій голосъ: «не такъ бьете! артиллерию, пушки сюда, картечь!»—Толпа разступилась. Шервудъ понялъ, что это командовалъ онъ самъ, и увидѣлъ на себѣ офицерскій мундиръ и красивыя, торчавшія крыльями эполеты. Выдвинулись откуда-то двѣ полевые пушчонки. Испуганные артиллеристы стали съ зажженными фитилями. Рекрута болѣе не было видно. На его мѣстѣ была кучка офицеровъ разнаго оружія, капитаны, полковники, интенданты, генералы. Они въ разстегнутыхъ мундирахъ, безъ шпагъ и шляпъ, обнимались, что-то говорили другъ другу и что-то кричали удивленнымъ солдатамъ. Шервудъ узналъ между ними Муравьевыхъ, Вадковскаго, Пестеля и Бестужева.—«Предатель! вотъ онъ, измѣнникъ!» закричалъ изъ толпы, указывая на него товарищамъ, Вадковский: «чрезъ него мы гибнемъ!» Шервудъ оглянулся на пушки и махнулъ рукой. Раздался визгъ картечи. Въ толпѣ офицеровъ упало нѣсколько человѣкъ. Чѣмъ-то теплымъ брызнуло въ глаза и на щеки Шервуда...

Онъ очнулся, хотѣлъ встать, раскрыть глаза и не могъ пошевелиться.—«Боже, хоть бы каплю воды!» мучительно подумалъ онъ, томимый жаждой, будучи не въ силахъ отереть мокраго, потнаго лица. Съ усиліемъ онъ оглянулся по комнатѣ и не узналъ ее. Что-то странное, новое на мгновеніе обрисовалось передъ нимъ и опять исчезло.

Та же ночь. Но гдѣ это?.. Шервудъ увидѣлъ, что онъ лежитъ въ пріятно-сырой, росистой травѣ, между деревьевъ. Сквозь нависшія вѣтви чуть свѣтилъ мѣсяцъ. Пахло болотомъ, слышалось журчаніе студенаго лѣснаго ключа. Шервуду и пить страшно хотѣлось, и онъ кого-то, съ замираніемъ сердца, какъ бы ожидалъ. Сюда въ лѣсную глушь должна была къ нему прийти Зина Ушакова.—«Еще успѣю» мыслилъ онъ, съ страстнымъ содроганіемъ: «а теперь хоть бы глоточекъ...» Онъ бросился сквозь чащу деревьевъ и очутился на круглой, чуть освѣщенной полянкѣ. Сверкала свинцовою зыбью одна поверхность ключа, обросшаго сочными, длин-

ными травами и камышомъ. Онъ присѣлъ на корточки, ухватился за траву, жадно припалъ ртомъ къ водѣ и увидѣлъ нѣчто ужасное, необъяснимое.

По зыбкой глади воды суетливо бѣгали какіе-то, съ мохнатыми лапами и брюхами, сѣрые проворные пауки. Они шныряли въ одну сторону; имъ на встрѣчу и наискось, шевелясь, скользили другіе. Шервудъ вспомнилъ, какъ солдаты на постоѣ у крестьянъ пьютъ квасъ съ тараканами. Онъ, усмѣхнувшись, подулъ на пауковъ: тѣ разбѣжались. Онъ еще ниже склонился къ ручью и въ ужасѣ замеръ.

То, что онъ принималъ за воду, оказалось не водой, а сплошнымъ комомъ гадовъ, которыхъ онъ отъ рожденія такъ всегда боялся. Клубни сѣрыхъ, большихъ и малыхъ змѣй шевелились круглыми, лоснящимися спинами. Нѣкоторыя змѣи высовывались плоскими головками изъ кучи другихъ и шипѣли. Шервуду въ то же время послышался за деревьями голосъ Зины: «сюда, сюда! да гдѣ же ты?» Онъ рванулся, выпутался изъ травы и, въ дикомъ страхѣ, бросился бѣжать, но попалъ, очевидно, не туда. Деревья преграждали ему путь. Онъ продирался сквозь ихъ цѣпкія вѣтви, явственно слыша настигавшій его, противный шелестъ гадовъ. Плоскія головки мелькали въ листьяхъ, хрустѣли подъ ногами Шервуда; онъ съ бѣшенствомъ ихъ давилъ. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ вырвался на опушку темнаго лѣса.

Разсвѣтъ еще не начинался. Надъ болотистымъ полемъ кое-гдѣ висѣлъ туманъ. Шервудъ побѣждалъ—трусливымъ зайцемъ, какъ онъ самъ подумалъ въ это мгновеніе. Вода плепала и брызгала изъ-подъ его ногъ. Ступни вязли въ тинѣ. Онъ завидѣлъ домъ Ушаковыхъ, домчался до лѣстницы, вскочилъ въ комнату; но не гдѣ дѣться. Весь полъ укрытъ змѣями, по стѣнамъ ползаютъ пауки. Онъ взобрался на диванъ, поджалъ подъ себя мокрыя, испачканные грязью, ноги и накрылся съ головой шинелью, даже для удобства прихватилъ край шинели зубами. Шелестъ гадинъ не прерывался.

«Въ корридоръ, на чердакъ!» подумалъ онъ: — «тамъ у кухни лѣстница; заберусь на самый верхъ». Онъ бѣгалъ въ потьмахъ по чердаку, ощупью забился въ уголъ, подъ печную трубу, и въ трепетѣ притаился. На чердакѣ была тьма. И вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ его рубашку вползаетъ что-то холодное, скользкое и, расправляясь, шевелится по его спинѣ. На плечи ему упала какая-то безобразная, мертвящая тяжесть...

Шервудъ отчаянно, дико вскрикнулъ и проснулся. Начиналось утро. Передъ диваномъ стоялъ съ разносной книгой будочникъ, теребя Шервуда за плечо.

— «Пакетъ вамъ» — произнесъ босой, въ одномъ бѣльѣ, заспанный половой, стоя возлѣ будочника.

Шервудъ опомнился, всталъ, протеръ глаза и поднесъ пакетъ къ окну. То была повѣстка изъ штаба—явиться въ тотъ же день за полученіемъ подорожной и «экстраординарной суммы» на немедленный отъѣздъ.

Росписавшись въ книгѣ, Шервудъ отпустилъ будочника, прошелъ по комнатѣ, надѣлъ шинель и взглянулъ на полового. Усталость и хмѣльный бредъ мигомъ бросили его.

— Видишь, братъ? будутъ деньги и большія!—сказалъ онъ, тормоша озадаченнаго полового и смѣясь торжествующею, гордою улыбкой:—самоваръ, пуншику... бриться, мыться... мигомъ!

Въ чистомъ бѣльѣ и въ новой парѣ, Шервудъ щеголемъ, къ началу присутствія, явился въ штабъ, получилъ заготовленные бумаги, пересчиталъ пачку врученныхъ ему ассигнацій, росписался въ ихъ полученіи и съ легкимъ сердцемъ вышелъ въ переднюю, наполненную просителями и сторожами.

«Нѣтъ, шутишь, сразу не выйду!»—думалъ онъ, тыча деньги въ карманъ:—«теперь прежде всего закусочка; ловится лососина; солёночку съ перцемъ и огурцами, изъ селедки форшмакъ... На углу Караванной вкусно дѣлають, да рюмочку-другую полынной, да бальзамцу... а тамъ и къ графу съ новымъ, дорогимъ для него открытіемъ».

Въ кучкѣ сторожей-инвалидовъ въ передней штаба шелъ разговоръ:

— Позавчера онъ сердечный былъ—именинникъ, а нынче уже и въ путь.

— Кто именинникъ?—надѣвая перчатки и рисуясь въ перетянутомъ мундирчикѣ, шутливо и весело спросилъ Шервудъ:—можетъ и я именинникъ, угощу.

Инвалиды молча и недовѣрчиво на него поглядѣли.

— Да кто же, братцы, именинникъ?—повторилъ Шервудъ, чувствуя, что ему особенно весело, и желая, чтобы также весело было и другимъ.

— Тезоименитство его величества было третьяго дня,—отвѣтилъ старшій, въ сѣдыхъ бакенахъ, инвалидъ, вставая передъ молодцоватымъ унтеромъ:—да вотъ ребята маракують, ѣдетъ уже нынче его величество.

— Куда?—удивился Шервудъ.

— Въ Таганрогъ.

— И это вѣрно?

— Второй день подстава готова до самого Новгорода; сказывали намереніи фельдъегеря, что къ графу заѣдетъ...

— Развѣ графъ не въ городѣ?

— Въ Грузинѣ. Со вчерашняго дня ему туда всѣ бумаги шлютъ.

— А его величество?

— Должно быть, въ Царскомъ.

Шервудъ вышелъ. Забывъ о закускѣ, онъ бросился на постоянный дворъ, расплатился съ хозяиномъ, уложилъ свои вещи, послалъ за тройкой, сѣлъ въ телѣгу и помчался, кратчайшимъ проселкомъ въ Царское Село.

«Безпосредственный корреспондентъ его величества, такъ имъ и скажу!»—разсуждалъ онъ, подпрыгивая на телѣгѣ:—«самъ государь соизволилъ,—должны допустить»...

Въ концѣ августа, въ Петербургѣ знали, что государь Александръ Павловичъ уѣзжаетъ съ больною императрицей на осень, въ Таганрогъ.

Подъ влияніемъ вѣсти о болѣзни государыни, по городу ходило немало тревожныхъ толковъ. Многихъ смутилъ недавній пожаръ, истребившій церковь Спаса-Преображенія. На небѣ явились, одна вслѣдъ за другой, двигаясь съ сѣвера на югъ, двѣ кометы. Первая вскорѣ угасла. Въ этомъ увидѣли дурное предзнаменованіе.

Послѣдніе дни августа стояли, между тѣмъ, ясные, теплые. Въ Царскомъ Селѣ все было давно готово къ отъѣзду; но государь почему-то медлилъ. Ему какъ-то не хотѣлось разставаться съ любимымъ царскосельскимъ дворцомъ, съ свѣтлыми прудами, тѣнистыми садами и рощами. Онъ кончалъ неотложныя дѣла, принималъ прощальные доклады министровъ и, переписываясь съ родными въ чужихъ краяхъ, былъ особенно пасмуренъ и неразговорчивъ.

Тридцать перваго августа, наканунѣ отъѣзда, государь всталъ рано, прошелся по ближнимъ аллеямъ, постоялъ у озера, подъ дубомъ, гдѣ любила отдыхать и читать его бабка Екатерина, бросилъ корму рыбамъ, полюбовался лебедями, сказалъ нѣсколько словъ старому садовнику, Никитичу, и на докладъ камердинера Ѳедора: «кофій готовъ, пожалуйста» — нѣхотя и медленно возвратился во дворецъ.

Послѣ кофе, государь, по обычаю, заперся въ кабинетѣ, сѣлъ за письменный столъ и вынулъ изъ особой обложки пачку бумагъ. Онъ надъ ними задумался.

Изъ оконъ былъ виднѣнъ край синяго неба, часть озера и развѣсистый старый дубъ, гдѣ государь только-что стоялъ, были видны одѣтыя красками осени, хотя еще въ листьяхъ, но уже кое-гдѣ тронутыя золотомъ и пурпуромъ, деревья сада.

Государь не смотрѣлъ ни на небо, ни на деревья и озеро. Онъ сталъ просматривать верхнюю изъ лежавшей передъ нимъ пачки бумагъ. То былъ роковой списокъ заговорщиковъ, привезенный Шервудомъ. Прочтя списокъ и дополнительные замѣтки Аракчеева, государь взялъ перо и листъ бумаги и началъ писать.

Неразлучная съ нимъ датская собака, Лордъ, дремала у его

ногъ. Исписавъ страницу, Александръ вздохнулъ и остановился. Перо падало изъ его рукъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что почему-то видить плохо: слова, которыя онъ набрасывалъ, сливались передъ нимъ и путались. Онъ поднялъ голову.

Внезапно нашедшія тучи закрывали весь небосклонъ. Государь позвонилъ.

— Огня, — сказалъ онъ вошедшему слугѣ, снова принимаясь писать.

Слуга ушелъ, но медлилъ возвращеніемъ. Александръ нетерпѣливо позвонилъ опять. Были принесены двѣ зажженные восковыя свѣчи.

«Вотъ она сѣверная природа и сѣверные порядки!» подумалъ Александръ, съ досадой продолжая писать и мысленно уносясь къ югу: «осень въ началѣ, завтра только первое сентября, а здѣсь уже темно, какъ зимой. И ѣхать за тепломъ, за свѣтомъ въ такую даль! Великая ошибка Петра... Отчего не быть столицѣ въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Крыму?»

Облака между тѣмъ разсѣялись. Солнце снова явилось и весело глядѣло въ окна. Александръ не видѣлъ солнца. Его рука скользила по листу.

Лежавшій у стола Лордъ сердито, какъ бы сквозь сонъ, зарычалъ. Государь оглянулся и увидѣлъ, что вошедшій въ кабинетъ слуга осторожно изъ-за него убиралъ свѣчи со стола.

— Что это ты дѣлаешь, Ѳедоръ?—спросилъ Александръ.

— Такъ слѣдуетъ, ваше величество.

— Но ты, по крайней мѣрѣ, хотъ бы подождалъ, пока кончу писать... мѣшаешь,—опять могутъ найти тучи...

— Негодится днемъ, ваше величество, зажигать свѣчей.

— Право? а я и не зналъ. Почему?

— Днемъ зажигаютъ свѣчи только надъ покойниками.

Слуга ушелъ. Александръ сидѣлъ неподвижно. Очнувшись, онъ изорвалъ написанное, вложилъ заботившія его бумаги, безъ всякой резолюціи, въ пакетъ, сунулъ его въ портфель, приготовленный для пути въ Таганрогъ, и снова вышелъ къ озеру, къ развѣсистому дубу. Ни въ Грузинѣ, ни въ Таганрогѣ Александръ болѣе не касался роковаго пакета. Онъ былъ найденъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, безъ его помѣты, уже послѣ его кончины...

Часу въ третьемъ пополудни, перваго сентября, Шервудъ подъѣхалъ къ Царскому Селу. Оставивъ извозчика съ чемоданомъ, онъ направился ко дворцу. У воротъ его остановили.

— Куда?—спросилъ часовой.

— Къ самому государю... дѣло важное...

— Нелзя.

— Почему?

— Спроси начальство.

Шервудъ увидѣлъ толстаго, гусарскаго поручика, сидѣвшаго на крылечкѣ гауптвахты. Поручикъ удивилъ Шервуда: онъ былъ въ полотняномъ, на распашку, кителѣ, курилъ изъ витаго, въ бисерномъ чахлѣ, чубука и беззаботно забавлялся съ стоявшею передъ нимъ на заднихъ лапахъ, рыжею, лохматою и безхвостою собачонкой.

— Ваше благородіе,—громко сказалъ, подойдя къ поручику и снимая фуражку, Шервудъ:—важное дѣло—безпосредственный его величества корреспондентъ...

— Что-о?—разсмѣялся офицеръ, вышустивъ изо-рта клубъ дыма и весело закашливаясь.

Шервудъ повторилъ свои слова.

— Ну, соколикъ, опоздалъ,—произнесъ поручикъ, принимаясь опять посасывать изъ чубука:—государь еще съ вечера уѣхалъ въ Петербургъ; а теперь ужъ чай и подъ Новгородомъ... А чтобъ безо... тѣфу!.. не выговоришь... безо... средственному тебѣ, или какъ ты тамъ себя называешь, не наплести съ пьяну еще какой чепухи,—ну-ка, Кузьковъ, на покой его прохладиться!—крикнулъ поручикъ, полуобернувшись жирною, бѣлою шеей въ сѣни кордегардіи, откуда уже выглядывалъ усатый и черный, въ сажень ростомъ, гусарскій фельдфебель.

— Да я, ваше благородіе... тутъ вещи, важныя бумаги, помилуйте...

— Ну, тамъ уже рѣшать,—заклучилъ поручикъ, опять подзывая рыжую, лохматую собачонку, которая тѣмъ временемъ вѣжливо усѣлась было въ сторонѣ.

Къ ночи, осмотрѣвъ бумаги Шервуда, дѣло разобрали, подумали и отпустили его. Онъ уже не возвращался въ Петербургъ, а выѣхалъ на югъ прямо изъ Царскаго. Государь, на пути изъ Петербурга, заѣхалъ въ Невскую Лавру. Отслуживъ здѣсь панихиду, онъ навѣстилъ лаврскаго схимника, постелью для котораго служилъ обитый чернымъ, съ атрибутами смерти, гробъ.

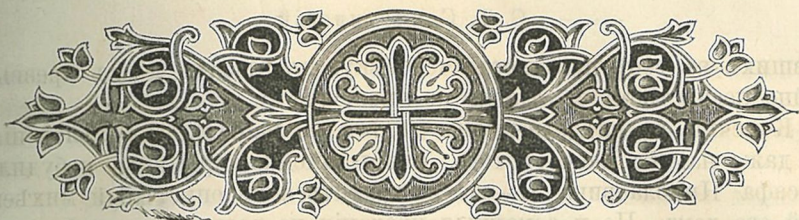
«Послушались бы меня, было бы иначе!» мыслилъ Шервудъ, ближе и ближе подвигаясь къ югу. — «Успѣютъ ли прослѣдить, выловить виновныхъ?»

Пошли степи. Вотъ рѣка Сеймъ, города Харьковъ, Богодуховъ, Новомиргородъ. Вездѣ было тихо, жизнь катилась, повидимому, мирно, безъ заботъ.

— «Эхъ, земляца; страна!»—злбно сказалъ себѣ Шервудъ, завидя длинные, знакомые заборы, пустынные улицы и крышу полковаго двора: «и этакой услуги, такого открытія не оцѣнить!»

Осенью, 1825 года, изъ Таганрога разнеслась печальная вѣсть о тяжкой болѣзни императора Александра Павловича. Девятнадцатаго ноября того же года онъ скончался. О доносѣ Шервуда заговорили—уже послѣ четырнадцатаго декабря...

Г. Данилевскій.

ИСТОРИЯ МОЕГО ДЯДИ.¹⁾

XL.

СТАЕТСЯ досказать уже немногое. Но я, все-таки, долженъ оговориться еще объ одномъ обстоятельстве, касающемся собственно моего разсказа.

О дядѣ моемъ Гоасафѣ Николаевичѣ я разсказываю только по домашнимъ преданіямъ, на основаніи того, что слышалъ я отъ лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ нему, имѣвшихъ возможность не формально, а очень интимно наблюдать за событіями печальной его исторіи, а потому глядѣвшихъ на нее съ различныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ разнообразныхъ чувствъ и впечатлѣній. Довольно рано успѣлъ я разобраться въ подробностяхъ всего разсказаннаго мнѣ, даже весь смыслъ исторіи для меня уяснился, и уже поэтому я могъ не заглядывать въ официальное «Дѣло о дворянинѣ 14-го класса Гоасафѣ Николаевѣ сынѣ, П—вѣ».

А не разъ хотѣлось мнѣ просмотрѣть объемистое «дѣло», сдѣлать изъ него выписки, повѣрить по немъ разсказанные мнѣ факты, но, въ концѣ-концовъ, чувство непреодолимаго отвращенія не допускало меня до этого. И очень жалѣю о томъ: изъ «дѣла» я увидалъ бы и могъ бы другимъ показать, какъ судили и засудили бѣднаго моего дядю тогдашніе судьи; да и вообще, тогда я разсказалъ бы про все, можетъ быть, гораздо точнѣе по отношенію къ формальной сторонѣ дѣла. Но повторяю: непреодолимое отвращеніе не допустило меня погрузиться въ затхлый ворохъ бумагъ, заклю-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 566.

чавшихъ въ себѣ приговоръ челоуѣку, въ глазахъ моихъ чрезвычайно несчастному и отнюдь не преступному.

Конечно, въ слѣдственномъ дѣлѣ я не нашелъ бы разъясненія, ни даже намекъ насчетъ того, какія именно причины побудили Іоасафа Николаевича П—ва возвратиться въ опустѣлый михѣвскій его домъ. Но и семейныя преданія не разъяснили мнѣ этого. А очень странно, какъ онъ могъ рѣшиться на возвращеніе, за которымъ, про чтò, вѣроятно, и ему хорошо было извѣстно, должны были немедленно послѣдовать въ высшей степени непріятныя сношенія съ разными уѣздными чиновниками, людьми для него всегда антипатичными, которыхъ, можетъ быть, вслѣдствіе воспоминаній объ отцѣ своемъ, онъ даже боялся. Между тѣмъ, уклонившись, въ теченіи нѣкотораго времени, отъ чиновничьихъ придирокъ и преслѣдованій, переждавъ, гдѣ нибудь внѣ дома, пока скандальное дѣло, собственно о какомъ-то будто бы сообществѣ съ бѣглыми солдатами, позатихнетъ, можно было бы навѣрное надѣяться, что дѣло это окончится рѣшительно ничѣмъ, какъ и многія скандальныя дѣла оканчивались тогда такимъ же образомъ; про все это много говорилъ брату Михайло Николаичъ Г—въ, для того-то и увозилъ онъ его изъ хижины Степовички и изъ города Коломны.

Да и это ли одно должно было бы отклонять Іоасафа Николаевича отъ возвращенія въ Михѣво? Дѣйствительно, по всѣмъ причинамъ, ему тамъ нечего было дѣлать, особенно же въ позднюю, глухую, осеннюю пору; притомъ, слишкомъ печальныя воспоминанія должны были тѣсно обступить его, при первомъ же вступленіи на порогъ родительскаго стараго дома и безъ того давнымъ-давно постоянно мрачнаго и непривѣтнаго. А вотъ, онъ, все-таки, рѣшился возвратиться въ этотъ домъ, ради того отвергнувъ, съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, и братнюю помощь, и то нѣжное, пылко-страстное чувство къ любимой женщинѣ, изъ-за котораго, еще такъ недавно, онъ готовъ былъ всѣмъ, всѣмъ пожертвовать!

При прощаніи съ братомъ Г—вымъ, жесткой волѣ котораго онъ такъ беззащитно всегда предавался и, казалось, такъ уже привыкъ покоряться, онъ высказалъ, что «умирать собрался», что «пора ему къ роду-племени». Но мало-ль чтò говорится въ минуты сильной душевной скорби? Да и не умеръ же онъ скоро по возвращеніи въ Михѣво и судьба его порѣшилась смертью не тамъ. Онъ проживалъ тогда въ своемъ домѣ, относительно говоря, гораздо спокойнѣе, чѣмъ прежде (какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго короткаго моего разсказа) и во всѣхъ тогдашнихъ его дѣйствіяхъ ни почему незамѣтно, чтобы онъ думалъ о самоубійствѣ, чтобы онъ старался избыть постылую, одинокую и тяжкую жизнь.

Стало быть, нѣчто иное побудило Іоасафа Николаевича разстаться съ братомъ Г—вымъ и съ Мариною, и возвратиться домой.

несмотря на ожидавшія его тамъ многія испытанія. Хотѣлось бы мнѣ уяснить тогдашнее состояніе этого глубоко-разстроеннаго, напряженно-мятущагося духа, хотѣлось бы разгадать, какія чувства и мысли кипѣли тогда въ немъ.

Не внушено ли было бѣдному дядѣ такое рѣшеніе внезапно проснувшимся въ его душѣ и чрезвычайно яркимъ воспоминаніемъ о матери, о родной семьѣ, о родныхъ мѣстахъ и о тѣхъ поступкахъ, въ которыхъ выразилось съ его стороны столько блажной неразсудительности и безхарактерности, столько безтолковаго, недостойнаго подчиненія чужой волѣ и даже всякимъ случайностямъ?

Думается, что такъ и было, что именно это самостоятельное воспоминаніе, а не мысль о близкой смерти, ни даже свиданіе съ макшеевскимъ священникомъ, подвинуло его къ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами, что оттого-то и жилъ онъ тогда, въ теченіи довольно долгаго времени, спокойно занимаясь устройствомъ семейныхъ дѣлъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и защищаясь отъ чиновниковъ. Пошелъ ли бы онъ дальше и дальше по пути нравственнаго возрожденія, подавилъ ли бы онъ въ себѣ наклонность къ мрачной мечтательности, окрѣпла ли бы воля его, образовался ли бы въ немъ хоть сколько нибудь самостоятельный характеръ? Не знаю; для отвѣта на эти вопросы нѣтъ уже ни малѣйшихъ указаній; а впрочемъ, для возрожденія въ опредѣленномъ смыслѣ и времени не достало, да и всему помѣшали роковыя обстоятельства, опять неожиданно-негаданно обступившія несчастнаго моего дядю и окончательно его убившія.

Сначала же все шло такъ ладно.

Пріѣхавъ въ Михѣево, Іоасафъ Николаевичъ нашелъ свой домъ не столь мрачнымъ, какъ можно было бы ожидать. Тутъ поусердствовалъ умный староста Павелъ Селифонтовъ. Послѣ переговоровъ съ отцомъ Осипомъ насчетъ средствъ къ розысканію Іоасафа Николаевича, онъ твердо обнадежился, что баринъ скоро возвратится домой, и потому настойчиво присовѣтовалъ дворовымъ, опять собравшимся въ дворню почти полную, чтобы они домъ отапливали ежедневно и держали бы его въ порядкѣ къ пріѣзду барина. Такъ и было сдѣлано; мало того, многое и въ усадьбѣ успѣли исправить.

Въ домѣ, въ усадьбѣ, съ наружной, собственно, стороны, стало даже лучше, поприглянѣе прежняго, по крайней мѣрѣ, чѣмъ было за послѣднее время. Но со стороны внутренней, рѣзко выразилась одна разительная перемѣна: недавно, полный людьми, михѣевскій домъ былъ пустъ совершенно, покинули-то его, правда, немногія, зато все такія лица, которыя придавали ему постоянное оживленіе; оттого, должно быть, и дворовые, убравшіе въ комнатахъ, всегда робѣли, спѣшили уйти и, ходя по усадьбѣ, какъ-то сторонились отъ барскаго дома.

Замѣтилъ ли Іоасафъ Николаевичъ и внѣшнюю прибранность, и внутреннее запустѣніе своего стараго родового гнѣзда? По всей вѣроятности, послѣднее очень замѣтилъ и почувствовалъ, хотя никто о томъ мнѣ ничего не рассказывалъ, и, конечно, потому, что всѣ домашніе увидали его, на первыхъ же порахъ по возвращеніи, довольно спокойнымъ.

Внѣдренію, поддержанію въ немъ душевнаго спокойствія много и больше всего поспособствовалъ макшеевскій священникъ. Онъ, съ перваго же дня, не покинулъ молодаго человѣка, которому предстояла такая тяжкая борьба и съ трудными обстоятельствами, и съ самимъ собой: посѣщалъ онъ его очень часто, чуть не ежедневно, оставался съ нимъ, болѣею частью, по-долгу и бесѣдовалъ тихо, серьезно. Рѣчи его, несмотря на тяжеловатый, семинарскій складъ ихъ, были теплы и полны искренней участливостью, а потому и дѣйствовали всегда успокоительно на Іоасафа Николаевича. Дворовые очень скоро подмѣтили это и, бывало, ожидали посѣщенія отца Осипа съ нетерпѣніемъ. Когда же приходилъ или прѣзжалъ онъ, домочадцы миѣшевскіе, нерѣдко въ немаломъ числѣ, собирались потихоньку по обѣ стороны дверей той комнаты, гдѣ сидѣли баринъ и добрый батюшка, чтобы послушать о чемъ они бесѣдуютъ, и то было не изъ пустаго любопытства. О такихъ бесѣдахъ долго сохранилось воспоминаніе у домочадцевъ, и, по ихъ рассказамъ, мнѣ самому памятна тутъ одна подробность, довольно ясно намекающая на душевное состояніе Іоасафа Николаевича, въ первое время по возвращеніи его домой. Тогда, какъ твердо о томъ запомнили домашніе, отецъ Осипъ часто упоминалъ о «Единоумъ, Безгрѣшномъ», и все говорилъ, что отнюдъ не подобаетъ предаваться унынію и отчаянію, и, конечно, говорилъ онъ такъ, ради успокоенія мятущейся совѣсти несчастнаго молодаго человѣка.

Но участіе почтеннаго макшеевскаго священника не ограничивалось одними лишь нравственными утѣшеніями. Онъ помогалъ Іоасафу Николаевичу отдѣлываться по возможности отъ обвиненія насчетъ прикосновенности будто бы къ дѣлу о бѣглыхъ солдатахъ. У отца Осипа были родственники, служившіе въ егорьевскихъ судахъ, уѣздномъ и земскомъ, чиновники мелкотравчатые, но настолько наторѣлые въ тогдашнемъ уголовномъ судопроизводствѣ, или, лучше сказать, въ тогдашнихъ «приказныхъ» порядкахъ, что очень могли дать полезный совѣтъ относительно отвѣтовъ на «вопросные пункты», которые скорѣхонько были предложены Іоасафу Николаевичу. И въ самомъ дѣлѣ, совѣты этихъ мелкотравчатыхъ, за-благовременно преподанные, много облегчили моему дядѣ первоначальныя его объясненія по дѣлу, и до такой степени, что все обошлось тогда благополучно. Разумѣется, отчасти могло это зависѣть и оттого, что сочинитель вопросныхъ пунктовъ, какой-то дѣлецъ-секретарь, кажется, былъ обнадеженъ заранѣе насчетъ при-

личной ему «благодарности» со стороны «прикосновеннаго къ дѣлу». А, впрочемъ, благопріятному тогда для Іоасафа Николаевича на правленію этого дѣйствительно опаснаго дѣла посодѣйствовали тоже и особыя обстоятельства.

Во первыхъ, возвращеніе Іоасафа Николаевича въ Михѣево повліяло хорошо на чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находилось слѣдствіе, ибо нельзя же было имъ не заключить, что человѣкъ, добровольно являющійся для дачи показаній и объясненій по опасному для него дѣлу, конечно, очень надѣется на полное свое оправданіе. При томъ же, и отецъ Осипъ поспѣшилъ сообщить, въ краткихъ, но яркихъ чертахъ, помѣщикамъ своего прихода: «въ какомъ глубоко-сокрушенномъ настроеніи духа нашелъ онъ михѣевского ихъ сосѣда, когда передавалъ ему о кончинѣ Надежды Ивановны, съ какимъ очевиднымъ раскаяніемъ созналъ сей злополучный молодой человѣкъ всю грѣховность и зазорность прежняго своего житія, и съ какою тихою покорностью ожидаетъ теперь себѣ конца смертнаго, дѣйствительно для него весьма и весьма близкаго». Съ большимъ участіемъ выслушали про все это близкіе къ михѣевскому сосѣду помѣщики, въ свою очередь сообщили спѣшно о томъ же другимъ помѣщикамъ, и, такимъ образомъ, все дворянство егорьевское въ то время рѣшительно стало на сторону Іоасафа Николаевича, что дошло немедленно до егорьевскаго чиновничества и подняло-таки немало излишнее его рвеніе къ «открытію, во чтобы ни стало, сообщничества дворянина П—ва съ дезертирами, заподозрѣнными въ грабежахъ и разбояхъ», съ дезертирами, впрочемъ, тогда еще миѣическими, такъ какъ они были не пойманы. Но въ помощь къ «общественному мнѣнію» мѣстнаго дворянства явилось и постороннее вліяніе, уже гораздо сильнѣе подѣйствовавшее на тогдашній ходъ дѣла.

Михайло Николаевичъ Г—въ укрылъ своего брата да и самъ укрылся отъ преслѣдованій егорьевскаго чиновничества у дальняго родственника П—вымъ, Алексѣя Саввича Т—ва, незадолго передъ тѣмъ женившася надовѣ помѣщицѣ изъ знаменитаго рода Л—выхъ. Этотъ бракъ доставилъ Алексѣю Саввичу значеніе въ самомъ губернскомъ городѣ. Т—въ былъ человѣкъ очень добрый, притомъ признававшій родство даже въ дальнихъ степеняхъ. Откровенно рассказалъ ему Г—въ всю исторію блажнаго своего брата—и Алексѣй Саввичъ, не безъ удовольствія вошедши въ роль старшаго родственника, какъ-бы родоначальника, сильно побранилъ Іоасафа Николаевича за его «безпутное» поведеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно согласился укрывать въ имѣніи жены своей явившихся подъ его защиту обоихъ братьевъ, пока найдутся средства избавить ихъ отъ «приказническихъ каверзъ». Впрочемъ, врядъ ли скоро подыскалъ бы Алексѣй Саввичъ такія средства уже потому, что онъ былъ очень лѣнивъ на всякія дѣловыя занятія и энергически пре-

давался только псовой охотѣ, еслибъ не подвинулъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ «безумный» поступокъ Іоасафа Николаевича, преждевременнымъ возвращеніемъ своимъ домой выдававшего себя на жертву чиновникамъ, и такимъ образомъ подвергавшего все свое родство опасности безчестья. И вотъ, Алексѣй Саввичъ прибѣгнулъ къ заступничеству своего уѣзднаго предводителя, а тотъ, по стариннымъ дружескимъ отношеніямъ къ роду П—выхъ, тотчасъ же написалъ егорьевскому предводителю «объ оказаніи всяческой защиты молодому дворянину П—ву, неповинно привлеченному къ кляузному дѣлу». Въ то время, подобныя заступничества и ходатайства имѣли весьма большую силу и, при посредствѣ ихъ, многія дѣла, гораздо поважнѣе дѣла моего дяди, прекращались немедленно и безъ всякихъ послѣдствій.

Итакъ, егорьевскіе чиновники были «взнузданы» по дѣлу Іоасафа Николаевича П—ва, чему егорьевскіе дворяне очень радовались теперь, непослѣдовательно забывъ, что еще такъ недавно они же до нѣкоторой степени сочувствовали чиновничьимъ «видамъ» на поживу отъ дѣла; а такъ какъ «взнузданіе» это произошло всего скорѣе «по милости чужаго предводителя», то дворяне-егорьевцы «поставили на счетъ» этотъ непріятный казусъ своему предводителю. Впрочемъ, всѣ дворяне вполне искренно радовались тому, что введенное на Іоасафа П—ва обвиненіе въ сообщничествѣ съ бѣглыми солдатами должно загаснуть въ уѣздномъ же судѣ. Несомнѣннымъ казалось всѣмъ, что и другое дѣло, по жалобѣ Надежды Ивановны, должно было окончиться въ совѣстномъ судѣ рѣшительно ничѣмъ, ибо многіе свидѣтели могли подтвердить, что мать, передъ смертью своею, простила сына, при томъ, даже себя самоѣ признавала виноватою въ столкновеніи съ сыномъ—и только не успѣла заявить официально о желаніи своемъ, чтобы начатое ею дѣло было прекращено.

Такое направленіе всей «михѣвской исторіи» должно было бы окончательно успокоивать Іоасафа Николаевича; но состояніе его духа выражалось тогда какъ-то двойственно. Повидимому, онъ былъ совершенно спокоенъ и уже ровно никакихъ чудачествъ въ поступкахъ его, въ образѣ его жизни, не проявлялось. Онъ даже самъ началъ хлопотать о раздѣлѣ имѣнія съ сестрами, причемъ, обѣимъ сестрамъ выдѣлилъ не четырнадцатую, по закону о наслѣдствѣ, часть, а части почти равныя его собственной. А все-таки, прежняя мрачная его нелюдимость была черезъ-чуръ замѣтна. Такъ, никого изъ сосѣдей онъ не посѣщалъ, а отецъ Осипъ не смогъ уговорить его къ тому, даже въ приходскую свою церковь онъ не ѣздилъ къ обѣднѣ по праздничныхъ и воскреснымъ днямъ, а отправлялся всегда въ церковь села Маливы, что явно дѣлалось имъ во избѣжаніе встрѣчи съ сосѣдями-помѣщиками. Снисходя къ его нелюдимству, а болѣе считая, что тутъ причиною печаль вслѣдствіе семейныхъ

несчастій, ближайшіє сосѣди нашли нужнымъ сами сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Іоасафомъ Николаевичемъ; присылали узнавать о его здоров'ѣ, даже настойчиво приглашали къ себѣ; но онъ на-отрѣзъ отказывался отъ этихъ приглашеній то по болѣзни, то за недосугами.

Въ концѣ концовъ, такая упорная уклончивость отъ «добраго знакомства» крайне не понравилась сосѣдямъ, и мало-по-малу общественное чувство опять стало настраиваться очень не въ пользу Іоасафу Николаевичу. Это отчужденіе его отъ добрыхъ людей истолковывалось, вообще, не хорошо. «На душѣ у этаго челоуѣка есть что-то, есть, и того гляди, покажетъ онъ себя...» такъ говорили объ немъ всѣ. А тутъ два распоряженія Іоасафа Николаевича еще усилили общее къ нему нерасположеніе, хотя, казалось бы, распоряженіями этими онъ отнюдь никого не задѣвалъ, ибо они касались только собственныхъ его дѣлъ.

Тотчасъ по окончаніи раздѣла съ сестрами, Іоасафъ Николаевичъ, побуждаемый, вѣроятно, какой-нибудь печальной думою о своемъ будущемъ, официально заявилъ гдѣ надо было о желаніи пожертвовать всю свою часть имѣнія на сооруженіе храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Вотъ, къ этому-то распоряженію отнеслись сосѣди помѣщики очень несочувственно. Всѣ находили, что это просто-на-просто—нелѣпая выходка со стороны малоимущаго дворянина, выходка, затѣянная имъ, во-первыхъ, въ явную обиду своихъ сестеръ, особенно же младшей (которая не даромъ, дескать, не хочъ теперь жить въ родительскомъ дому), а во вторыхъ, даже въ нѣ-который покоръ всему мѣстному дворянству. Я отнюдь не думаю, чтобы въ осужденіи Іоасафа Николаевича за такой поступокъ выражалось несочувствіе егорьевскихъ дворянъ къ самой мысли о воздвиженіи храма въ возблагодареніе Бога за спасеніе Россіи отъ наполеоновскаго нашествія; кажется, тутъ выразилось неудовольствіе на своего брата-дворянина только за тотъ способъ, посредствомъ котораго онъ, вдругъ и самопроизвольно, захотѣлъ выйти изъ владѣльцевъ крестьянъ: дѣйствительно, говорятъ, допущеніе, сначала, пожертвованій на храмъ Спасителя населенными имѣніями многимъ тогда не нравилось, ибо въ этомъ все-таки видѣли мѣру, ведущую если не къ полному уничтоженію, то къ косвенному ослабленію силы крѣпостнаго права. Иначе я не могу объяснить себѣ это неудовольствіе сосѣдей на моего дядю, оставшееся даже и послѣ того какъ его попытка не удалась (онъ опоздалъ, въ то время уже прекращенъ былъ пріемъ населенныхъ имѣній на великое дѣло, совершившееся только въ наши дни).

Но второе распоряженіе бѣднаго дяди уже окончательно раздражило противъ него егорьевское дворянство.

Когда не удалось ему пожертвовать свое имѣніе на храмъ Спасителя, онъ рѣшился мало-по-малу отпустить михѣевскихъ крестьянъ

на волю и сталъ дѣлать не такъ, какъ дѣлалось это окольными помѣщиками. Такъ, онъ отпустилъ самую зажиточную въ Михѣевѣ и большую семью Шибаевыхъ только за тысячу рублей ассигнаціями, предоставивъ притомъ, вольноотпущеннымъ всю ихъ обширную усадьбу и, кромѣ того, слишкомъ десять десятинъ полевой и луговой земли; выходило, стало-быть, что онъ собственно продалъ Шибаевымъ землю, да и то очень дешево.

— Этотъ молокососъ П—въ, разсуждали сосѣди-помѣщики, только и дѣлаетъ, что придумываетъ глупѣйшіе способы размытарить родовое свое имѣніе, да и какъ еще размытарить? какъ бы съ нарочною цѣлію насолить всему дворянству! Вѣдь, отпущекъ на волю Шибаевыхъ непременно послужить теперь сквернымъ примѣромъ для окольнаго мужичья: всякъ ужъ захочетъ выкупаться не иначе какъ съ землею, ну, и возись тутъ... Вотъ, полоумный, по своей охотѣ, завелъ волчье гнѣздо и у себя, и у сестеръ въ имѣніи, просто-на-просто испортилъ его навсегда... И какъ онъ смѣлъ сдѣлать это, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись! Въ опеку надо взять его!.. А тутъ и нашъ Андрей Ивановичъ кругомъ виноватъ: ожирѣлъ и знать ничего не хочетъ... Нѣтъ! изъ П—ва не будетъ пути, ужъ таки добьется онъ до конца края, оно и видно, что къ тому идетъ.

Рядъ случайностей, скоро затѣмъ послѣдовавшій, довольно оправдалъ сосѣдское предсказаніе. Мало по малу все сложилось такъ, что даже и отпущекъ на волю семьи Шибаевыхъ какъ будто послужилъ ко вреду для несчастнаго моего дяди.

XLI.

Надо сказать, что, между тѣмъ, прошло года полтора, и въ это время само собою образовались перемѣны въ обстановкѣ Іоасафа Николаевича, тоже не мало повліявшія на его судьбу.

Во-первыхъ, многократныя его поѣздки въ Егорьевскъ и продолжительное иногда житіе тамъ, какъ для дачи отвѣтовъ на вопросы пункты, такъ и для хлопотъ по раздѣлу имѣнія, по заявленію о желаніи пожертвовать свою изъ имѣнія часть на храмъ Спасителя и, наконецъ, по совершенію отпускной и дарственной записи на землю Шибаевымъ, что, все вмѣстѣ, протянулось, съ перерывами, на нѣсколько мѣсяцевъ, отдалили отъ михѣевской усадьбы макшеевскаго священника и это повело неминуемо къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Вообще, больной душою съ раннихъ поръ, а въ послѣдніе два года вовсе разстроенный, чрезвычайно слабый волею, безхарактерный, и при всемъ этомъ, безъ малѣйшаго опыта въ жизненныхъ отношеніяхъ, Іоасафъ Николаевичъ лишился такимъ образомъ единственнаго человѣка, который могъ посовѣтовать ему полезное во многомъ, который могъ даже руководить его по-

ступками. Правда, отець Осипъ являлся въ Михѣево тотчасъ же по возвращеніи его домой, но та нравственная связь, которая образовалась было между ними и была такъ благодѣтельна для несчастнаго молодого человѣка, какъ-то вдругъ ослабла и, скоро затѣмъ, совсѣмъ порвалась. И несомнѣнно, что тому виною былъ самъ Іоасафъ Николаевичъ.

Почувствовалъ ли онъ въ себѣ неодолимое стремленіе къ самостоятельности, отнюдь не допускающее никакихъ правоучительныхъ внушеній; подѣйствовало ли тутъ, напротивъ того, вліяніе дѣловыхъ сношеній съ егорьевскими чиновниками, причемъ онъ увидалъ со стороны этихъ людей не придирки злостнаго свойства, а полную готовность всячески облегчить для него объясненія по уголовному дѣлу, а это вліяніе пробудило ли въ немъ горделивую самонадѣянность (какъ и предполагалъ о томъ отецъ Осипъ), какъ бы тамъ ни было, но дѣло въ томъ, что онъ сталъ выказывать къ доброму священнику какую-то холодность и, послѣ каждой поѣздки, становился съ нимъ все несообщительнѣе.

Впрочемъ, эта несообщительность не была чѣмъ-то новымъ съ его стороны. Несообщительнымъ онъ былъ и прежде, даже со всѣми. Изъ-за этого многіе и сама мать считали его чрезвычайно горделивымъ человѣкомъ. А врядъ ли такое предположеніе основательно; кажется, тутъ была иная причина, и скорѣе тутъ дѣйствовало смутное и подавляющее сознаніе своей слабости, мѣшавшей ему составлять хоть сколько нибудь твердыя понятія о жизни, о людяхъ, объ окружающихъ его обстоятельствахъ. Но этотъ несчастный характеръ былъ, вообще, сложенъ и неочень-то легко разобрать всѣ его оттѣнки.

А вотъ что было ново.

Въ прежнее время, Іоасафъ Николаевичъ всегда и на самомъ дѣлѣ выказывалъ себя отнюдь не трусомъ. Такъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ любилъ бродить, въ ночное время, по пустыннымъ мѣстамъ. Фантастическія представленія, являвшіяся ему тогда, раздражали, волновали его, но не пугали. А съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Осипъ сталъ прекращать свои посѣщенія, въ дядѣ моемъ произошла и въ этомъ отношеніи разительная перемѣна. Онъ сталъ бояться чего-то. Это было очень замѣтно его домашнимъ. Какъ только наступали сумерки, онъ тревожно приказывалъ, чтобы скорѣе зажигали вездѣ лампы передъ образами и подавали въ главные комнаты свѣчи, а затѣмъ, созывались въ домъ взрослые мужчины дворовые и еще нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ. Весь этотъ людъ, кое-какъ размѣщался въ переднихъ и вплоть до утра охранялъ барина, а самъ баринъ оставался одинъ въ своей комнатѣ; но нѣсколько разъ въ теченіи каждой ночи, онъ выбѣгалъ къ собравшимъ людямъ чрезмѣрно взволнованный, страшно блѣдный, дрожащій, какъ бы отъ сильнѣйшаго внезапнаго перепуга.

Странные поступки эти, проявившіеся въ послѣдніе полгода жизни Іоасафа Николаевича въ Михѣевѣ, очень тревожили и пугали его домочадцевъ и были бы для нихъ вполнѣ невыносимы, еслибъ блаженной этой баринъ оставался подолгу дома; но, къ счастью ихъ и на бѣду себѣ, онъ сталъ часто покидать свою усадьбу.

Онъ ѣздилъ только въ Егорьевскъ. И въ каждую поѣздку онъ все больше привыкалъ къ этому, тогда, ничтожному, старообразному, мрачному городку, такъ что пребываніе его тамъ длилось иногда уже по цѣлымъ недѣлямъ. Что привлекало его туда, что могло бы казаться ему тамъ пріятнымъ или интереснымъ? Уже конечно, не удобства, не развлеченія городской жизни. Въ отношеніи удобствъ, для помѣщика, привыкшаго у себя въ имѣніи къ простору и къ нѣкоторому порядку въ домашнемъ обиходѣ, Егорьевскъ, въ тогдашнемъ его положеніи, рѣшительно не представлялъ ничего сноснаго: помѣщеніе въ постоянныхъ дворахъ городка было изъ рукъ вонъ плохое во всѣхъ статьяхъ; насчетъ и пищи приходилось кое-какъ перебиваться, продовольствуясь нерѣдко какой нибудь солянкой самаго сомнительнаго свойства. Въ отношеніи же развлеченій, Егорьевскъ не даромъ былъ городомъ старообрядцевъ: такъ, даже въ единственномъ его трактирѣ, содержимомъ тоже старообрядцемъ Шведовымъ, билліарда не имѣлось, посѣтителей ничѣмъ тамъ не тѣшили, и двери для всѣхъ запирались часамъ къ десяти ночи, а подъ праздники, особенно чтимые старообрядцами, чинный трактиръ и вовсе не торговалъ.

Макарушка, всегда въ поѣздкахъ сопровождавшій барина, много, дивился времяпровожденію его въ Егорьевскѣ. И въ самомъ дѣлѣ оно было довольно странно. Іоасафъ Николаевичъ проживалъ въ Егорьевскѣ по своему, по-михѣевски: если случалось ему по дѣламъ хлопотать и заниматься, то все это происходило у него, на постояломъ дворѣ; тутъ прошенія и всякія бумаги писались, тутъ, съ ранняго утра до начала «присутствія» въ судахъ, а потомъ, съ вечерень и часовъ до девяти ночи, толкались столоначальники, секретари, засѣдатели изъ «присутственныхъ мѣстъ», тутъ эти господа между дѣломъ пили и ѣли, разсуждали и разсказывали; а самъ гостепріимный ихъ хозяинъ покидалъ свою квартиру только для подачи прошеній и бумагъ, да и то не всегда. Надо, притомъ замѣтить, что онъ бывалъ неразговорчивъ и съ чиновниками, въ подпיתіи съ ними отнюдь не участвовалъ и, несмотря на усердныя ихъ приглашенія, никогда не ходилъ къ нимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не уклонялся отъ ихъ общества, напротивъ,—какъ-будто любилъ и искалъ его: такъ, въ то время, когда перемежались хлопоты по дѣламъ, онъ все-таки охотно принималъ къ себѣ егорьевскихъ своихъ знакомцевъ и даже зазывалъ ихъ къ себѣ,—и ужъ Богъ-вѣсть какъ онъ тутъ пересиливалъ свою нелюбимость, отклонявшую его постоянно отъ сосѣдей-помѣщиковъ.—

Впрочемъ, проживая въ Егорьевскѣ, онъ, и безъ общества словоохотливыхъ чиновниковъ, не выказывалъ вовсе того безпокойства, какое мучило его въ Михѣевѣ: оставаясь одинъ въ своемъ «нумерѣ», онъ по большей части читалъ старыя книги, которыя привозилъ съ собою изъ дому.

— Макарушка!—неразъ проговаривалъ онъ:—а тутъ какъ-то лучше, чѣмъ у насъ,—тутъ мнѣ не жутко...

Послѣднія слова подкашивали всякое возраженіе со стороны Макарушки: онъ внутренно соглашался съ бариномъ, что, и точно, ему, барину, въ Егорьевскѣ гораздо лучше, чѣмъ дома, ибо тутъ ниразу не проявился странный, ребяческій его страхъ; при томъ, вѣрный слугитель находилъ, что баринъ его въ Егорьевскѣ все дѣломъ занимается:—съ чиновниками водится «по бумагамъ», а безъ чиновниковъ книжки читаетъ (онъ и чтеніе книжекъ считалъ за очень дѣловое занятіе).

Однажды, онъ рѣшился предложить барину даже совсѣмъ основаться для житія въ Егорьевскѣ: «что-жь, молъ, такое, почему бы намъ и здѣсь не проживать? Вотъ, только надо бы фатеру нанять да изъ-подъ-руки хозяйствомъ обзавестить: не-въ-примѣръ, такъ-то было бы повыгоднѣе для кармана,—а на постоянныхъ дворахъ подолгу оставаться,—воля ваша, сударь,—ка-быть и непристойно для вашей милости»...

— Ну, а какъ-же насчетъ нашего Михѣева?—спросилъ Іоасафъ Николаевичъ, видимо заинтересованный предложеніемъ.

— Насчетъ Михѣева нечего безпокоиться,—отвѣчалъ развязно Макарушка:—тамъ и всего-то дѣла только изъ-за луговъ,—для отдачи луговъ и на покосъ наѣзжать можно будетъ...

— Наѣзжать,—хоть-бы одинъ только разъ въ годъ... но, вѣдь, это все равно...—послѣ нѣкотораго раздумья, возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—нѣтъ! такъ негодится,—не могу на постоянное житіе сюда... Меня все-таки тянетъ и тянетъ...

Въ этомъ было чтò-то роковое.

Разъ, Іоасафъ Николаевичъ задумалъ побывать непременно въ Михѣевѣ—и, однако, дня три на рѣшался на эту поѣздку, предложений на задержку не было никакихъ, а онъ все откладывалъ и откладывалъ. Наконецъ, онъ объявилъ Макарушкѣ, что надо будетъ выѣхать какъ-разъ за полночь.—«Такимъ образомъ,—говорилъ онъ:—весь путь отъ города до насъ мы сдѣлаемъ ночью, и можетъ быть, дорогою я сосну спокойно; къ разсвѣту же мы будемъ въ Михѣевѣ, а оттуда пустимся тотчасъ послѣ обѣдовъ и вернемся въ Егорьевскъ еще засвѣтло... Въ нынѣшній разъ, мнѣ не хотѣлось бы ночевать дома»...

Макарушкѣ очень не понравилось ночное путешествіе—и не безъ основанія: отъ Егорьевска до Михѣева было до тридцати верстъ; тутъ приходилось ѣхать хоть по столбовой, большею частью,

дорогѣ, но все почти лѣсомъ и лѣсомъ; особенно густы и мрачны были лѣса въ трехъ мѣстностяхъ: начиная чуть не отъ самаго города и вплоть до деревни Михалей (всего на верстахъ восьми-девяти), потомъ, около Сергіевского погоста, и наконецъ, за селомъ Троицею, на разстояніи четырехъ-пяти верстъ; и во всѣхъ трехъ выше названныхъ пунктахъ, наиболѣе же въ послѣднемъ, примыкающемъ, съ одной стороны, къ знаменитому тогда по худой молвѣ Чанскому лѣсу, случались нерѣдко большія происшествія: грабежи и даже убійства. Вообще, по съѣздѣ со столбовой дороги на проселочную (верстъ шесть-семь до Михѣева) путь становился безопаснымъ вслѣдствіе того, что тутъ не было уже большихъ лѣсовъ да и деревни шли частыя, но зато тутъ же были дурные переѣзды черезъ тонкіе ручьи и какія-то ямины съ всякою грязью.

Макарушка, привыкшій къ свободному обращенію со своимъ барининомъ, пустился было въ возраженія противъ выѣзда въ ночную пору, но баринъ упорно держался за свою мысль.

— Вотъ, пристаешь съ этими страхами своими!—перервалъ онъ малаго:—но больше не говори: я порѣшилъ, такъ тому дѣлу и быть... Впрочемъ, ты не очень сомнѣвайся, то разсуди: ѣхать отъ Егорьевска до насъ, днемъ ли, ночью ли,—все равно: проѣзжихъ почти никогда не встрѣчается, стало быть, и днемъ могутъ напасть... Да и чему быть, того не миновать.

Пожалуй, что и не даромъ закончилъ дядя свою рѣчь этой простой пословицею фаталистическаго свойства: можетъ быть, тѣмъ безсознательно объяснялось то видимое его спокойствіе, въ которое впадалъ онъ какъ-то періодически.

Въ прекрасную, лѣтнюю ночь выѣхали изъ Егорьевска. Мѣсяцъ, еще только въ началѣ своего ущерба, высоко стоялъ на безоблачномъ, синемъ небѣ и нѣсколько слѣва освѣщалъ прямолинейную, ровную дорогу, съ обѣихъ сторонъ тѣсно обставленную хвойнымъ лѣсомъ. На бѣломъ песку дороги тѣни отъ большихъ сосенъ, елей и кудрявыхъ березъ въ ивовыхъ корзинахъ (административное изобрѣтеніе генераль-губернатора Балашова) кой-гдѣ пролегли такими красивыми узорами. Глубокая тишина почти совсѣмъ не нарушалась тихой рысью михѣевской тройки.—Іоасафъ Николаевичъ спокойно и даже весело посвистывалъ да поглядывалъ по сторонамъ,—и, должно быть, совсѣмъ онъ забылъ о снѣ, о которомъ задумывалъ передъ поѣздкою.

И всю столбовую дорогу проѣхали безъ всякихъ приключеній. Между тѣмъ, сіяніе мѣсяца много поубавилось, сквозь предразсвѣтный туманъ оно уже придавало предметамъ тускло-скользящее, обманчивое освѣщеніе. Оттого, при съѣздѣ на проселочную дорогу, Макарушка не хорошо переѣхалъ рытвину—и что-то вдругъ хрустнуло въ тѣлѣжкѣ, въ которой обыкновенно разѣзжалъ Іоасафъ Николаевичъ.

А скоро затѣмъ, подошла рытвина, еще похуже первой,—и дѣло вышло очень плохое: сломалась совсѣмъ таки передняя ось.

«Ось ли, колесо ли ломается,—хозяинъ умудряется», говорить пословица; но тутъ хозяинъ-то былъ баринъ, вовсе немудрящій человекъ при всяческихъ случайностяхъ, да и Макарушка,—недаромъ—дворовый, а не простой мужикъ,—тоже не зналъ какъ быть и что дѣлать. Впрочемъ, про запасъ не было захвачено въ дорогу ни топора, ни большого ножа.

Не оставаться же было въ рытвинѣ до бѣла дня. Баринъ и Макарушка стали такъ смекать, что надо, молъ, сейчасъ же отправиться на пристяжной за осью или въ деревню Русилову или въ Угорную-Слободку, которыя были близёхонько; вопросъ только въ томъ состоялъ: кому ѣхать, барину или кучеру? Но вдругъ, неожиданно-негаданно явилась помощь на самомъ мѣстѣ происшествія; изъ осинової рощи, что была съ лѣвой стороны, вышелъ и къ бѣдующимъ подошелъ человекъ, которому, взглядавшись въ него, нельзя было обрадоваться.

Оба сразу узнали его. То былъ бѣглый солдатъ Шохинъ.

Онъ подошелъ, однако, чинно: держа въ обѣихъ рукахъ огромную свою шапку, какъ бы для того, чтобы показать, что нѣтъ у него ничего для нападенія; при томъ, тихимъ такимъ голосомъ спросилъ онъ:—«А что, молъ, ваше благородіе, никакъ бѣдуете тутъ,—колесо, либо ось поломались?»

— Вишь, ось пополамъ, пусто-бъ ей было!..—сквозь зубы отвѣтилъ Макарушка.

— Бѣда не изъ пушихъ,—ухмыльнувшись, замѣтилъ Шохинъ:—чай, есть же съ вами топорикъ, а слегу можно вырубить: лѣсокъ-то по-близости.

— Топора онъ не захватилъ,—сказалъ Іоасафъ Николаевичъ, и при этихъ словахъ сильно ёкнуло сердце у Макарушки.—«Ахъ Господи! ну, какъ же можно говорить объ этомъ настоящему, какъ-есть, разбойнику!»..—подумалъ онъ.

— Вотъ, и хорошо, что я тутъ очутился,—продолжалъ бѣглый солдатъ:—у меня топорикъ, тутъ неподалечку, припрятанъ, мигомъ деревцо подходящее вырублю... Нашъ братъ, вѣдь, на всѣ руки годенъ.—А есть ли у васъ чѣмъ слегу подвязать?

Услыхавъ про топорикъ шохинскій, Макарушка тоскливо посмотрѣлъ на барина и бросился было отпрягать пристяжную. Іоасафъ Николаевичъ понялъ и выразительный взглядъ, и торопливое движеніе своего служителя.

— Полно тебѣ мыкаться безъ толку,—строго сказалъ онъ ему—и, тотчасъ обратясь къ Шохину, добавилъ:—Ступай! ладь тамъ что нужно. Я здѣсь подожду.

— Слушаю, ваше благородіе!—отвѣчалъ бѣглый и проворно пошелъ къ осинової рошѣ.

— Батюшка! Есафъ Николаичъ!—взмолился Макарушка:—помогите и вы другую отпрячь... Авось успѣемъ ускákatъ!..

— Вѣдь, глупо же это до крайности!—возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—да вѣдь ты слышалъ,—я сказалъ тому человѣку, что подожду здѣсь,—ну, и буду ждать... А впрочемъ, коли такъ боишься,—отпрягай себѣ лошадь и скачи. Я одинъ доѣду домой.—Только смотри, не болтай тамъ ни слова и никому объ этой встрѣчѣ...

Баринъ устыдилъ таки Макарушку,—бѣдный малый остался, хотя страхъ его нисколько не унялся. Озираясь безпрестанно по сторонамъ, все отыскивая, должно быть, помощи или средства для обороны и рѣшительно не находя ничего такого, онъ вслухъ бормоталъ какія то молитвы, и въ трепещущемъ голосѣ его слышалось, что, вотъ-вотъ, и расплчется онъ, какъ малый ребенокъ.—А баринъ, какъ бы нарочно отвернувшись отъ рощи, крѣпко о чемъ-то задумался.

Между тѣмъ, слышно было, что Шохинъ рубить въ рощѣ, — и скоро онъ явился оттуда, съ жердиной на плечѣ, обчищенной отъ вѣтвей и обрубленной на концахъ.

— Готово, ваше благородіе, теперича какъ-разъ приладимъ,—сказалъ онъ. А ты сарафанникъ,—промолвилъ онъ вполголоса Макарушкѣ: ужъ не трусь, пожалуста, вишь топора-то со мною нѣту... Ну, давай же веревку подвязать слегу.

Но веревки не оказалось. За эту оплошность солдатъ, молча, погрозился кулакомъ на дворового малаго; потомъ, отпрягъ коренную лошадь и вывелъ ее изъ оглоблей, да развязавъ хорошій красный кушакъ, которымъ былъ подпоясанъ его рваный мужичій кафтанчикъ, кушакъ-то, можетъ быть, былъ снятъ съ какого нибудь купца или мѣщанина, сталъ прилаживать слегу подъ сломанную ось. Онъ дѣлалъ все это одинъ, и очень проворно и ловко.

— Готово и тутъ! — проговорилъ онъ, попробовавъ крѣпко ли подвязана жердина: кажись, можно будетъ доѣхать, знамо полегоньку. Вишь, кушакъ-то пригодился, — а онъ и мнѣ нуженъ про всякъ случай... Ваше благородіе! сдѣлайте божескую милость, слѣзьте съ тѣлѣжки,—покуда кучеренокъ-то запрягать будетъ, надобно мнѣ съ вами словечкомъ перекинуться кое о чѣмъ...

Отведя Іоасафа Николаевича почти къ самой рощѣ, онъ тихо и на спѣхъ сказалъ ему что-то, должно быть, очень важное.

— Какъ!..—вдругъ вскричалъ дядя въ величайшемъ волненіи: но... ради самого Господа!.. Да тутъ же, тутъ мнѣ скажи...

— Нельзя, не годится!.. — возразилъ Шохинъ рѣзко и громко, такъ что Макарушка могъ уже разслышать его слова: вонъ, проснулись, гонять скотину, народъ тотчасъ вездѣ повалить, отсюда, тамъ, за рощей, ползкомъ придется ползти... Нашенское дѣло такое... Ночью, ваше благородіе, у васъ, на Облонѣ...

И онъ быстро юркнулъ въ глубь осинової рощи.

Въ двухъ, близкихъ къ дорогѣ, деревняхъ, теперь, при свѣтѣ утренней зари, хорошо видныхъ, точно уже проснулись простые рабочіе люди: скрипѣли ворота во многихъ дворахъ, слышались голоса перекликающіеся о чемъ-то; а еще слышнѣе раздавались мычанье скота въ двухъ стадахъ, хлопанье длинныхъ кнутовъ подпасковъ и веселые звуки двухъ пастушьихъ рожковъ. Стало быть, бѣглый солдатъ въ самую пору убрался куда-то, въ темную нору.

Іоасафъ Николаевичъ кое-какъ дотащился до своего Михѣева, но уже когда солнце довольно высоко стояло на небѣ.

XLII.

И не только что ночь, но и день этотъ прошелъ въ Михѣевѣ спокойно. Причиною все былъ баринъ. День-денской онъ волновался, былъ «самъ не свой», приказывалъ, отвѣчалъ, требовалъ, сердился безъ толку. Что и подумать объ этомъ не знали дворовые, кромѣ одного лишь Макарушки, который нѣсколько догадывался съ чего такого баринъ волнуется.

Къ ночи, волненіе это очень усилилось.

Неожиданно баринъ пожаловалъ въ главную людскую избу и, съ дикими какими-то окриками, приказалъ, чтобы никто не приходилъ къ нему въ домъ, а всѣ тотчасъ ложились бы спать; затѣмъ, караульныхъ мужиковъ съ деревни отпустилъ домой, и только Макарушкѣ велѣлъ лечь на заднемъ крыльцѣ, да и строго наблюдать, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не расхаживали по двору и отнюдь тѣмъ не беспокоили.

Разумѣется, барскія распоряженія показались дворовому люду диковинными и въ одномъ отношеніи барская воля была рѣшительно нарушена: приказано было спозаранку ложиться спать, но никто изъ взрослыхъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Любопытство было возбуждено въ высшей степени. Ну, и какъ же, въ самомъ дѣлѣ: «вотъ, ужъ сколько времени, на ночь, бывало, баринъ стоняетъ въ домъ много-много народу, а теперь, одинъ-одинѣхонекъ остался въ цѣломъ домѣ! Что же онъ тамъ дѣлать-то хочетъ тайкомъ? Ужъ не поджидаетъ ли кого къ себѣ. А не приведи Богъ, это—Маринку!..»

Хотѣли было пройти къ Макарукѣ и пораспросить его, можетъ, что знаетъ. Но раздумали: баринъ не велѣлъ закрывать окна дома ставнями со стороны задняго крыльца, и, конечно, это недаромъ: знать, хочетъ и самъ понаблюдать, чтобы никто за нимъ не подсматривалъ; какъ же тутъ подойдешь къ Макарукѣ и пустишься въ разговоръ?

Хотѣлось было многимъ вылѣзть въ окно людской съ той именно стороны, что на дорогу изъ деревни Андреевки, да оттуда и про-

браться ползкомъ въ садъ: «авось, молъ, тамъ откроется какая нибудь возможность узнать, что такое позатѣяно бариномъ и ради чего онъ прячется отъ домашнихъ въ какомъ-то дѣлѣ?»—но опять-таки и на это никто не рѣшился изъ-за опасенія попасться на глаза барину, благо ночь такъ свѣтла, всюду виднѣхонько, и онъ же съ ружьемъ иногда ходитъ, пожалуй, возьметъ да и всадитъ пулю...

Такія же опасенія были и у Макарушки. И онъ не рѣшился на подсматриванье за бариномъ вблизи, а, скрѣпя сердце, ограничивался только тѣмъ, что напряженно вслушивался во всякое движеніе и въ домѣ, и въ саду.

И вотъ, услыхалъ онъ, что старая тяжелая дверь на переднее крыльцо закрипѣла, значитъ Іоасафъ Николаевичъ вышелъ изъ дому, и, должно быть, въ садъ; точно: въ главной аллеѣ послышались быстрые, все болѣе и болѣе удаляющіеся шаги.

Макарушка догадался: это баринъ пошелъ на Облонье, уже давно имъ покинутое, куда теперь придетъ къ нему Шохинъ...

«Охъ, какъ бы бѣды не вышло!—думалось малому:—у барина есть теперь деньги, что получилъ отъ Шибаевыхъ, да и луговые тоже, не узналъ ли про то разбойникъ?.. Но что тутъ подѣлаешь? баринъ строго-на-строго приказалъ никому не говорить о встрѣчѣ съ Шохинымъ, ну, и какъ сказать во дворѣ, что баринъ пошелъ на опасное свиданіе... А не побѣжать ли на Облонье, ради помощи? да вѣдь и это строжайше воспрещено, притомъ, какъ туда бѣжать съ пустыми руками?..»

Скоро и опять послышалось, что спѣшно кто-то бѣжитъ по аллѣе къ дому, шибко на крыльцо вошелъ, по комнатамъ шибко пробѣжалъ, затѣмъ, опять вышелъ изъ дому—и въ садъ, и должно быть, на Облонье. «Баринъ, что-ль, это? да зачѣмъ бы?.. Господи! уже не покончили ли тамъ съ бариномъ Шохинъ, и не прибѣгали ли, чтобы деньги заграбить?..»

Макарушка до того утратилъ всю свою молодую силу отъ обывшаго его страха, что не могъ даже шевельнуться на мѣстѣ, хотя смутно и представлялось ему, что надо бы тотчасъ бѣжать да звать всѣхъ дворовыхъ на помощь. И вдругъ, возлѣ него, на крыльцѣ, очутился баринъ, возвращенія котораго домой онъ теперь и не слыхалъ.

При лунномъ свѣтѣ, блѣдность лица Іоасафа Николаевича была поразительна.

— Приходилъ... проговорилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ: и ушелъ опять къ ней... Она присылала... О! что поразказалъ!.. и все на спѣхъ, на спѣхъ... Можетъ, дня черезъ три, вернется... Ни слова, ни слова никому!.. Помилуй Богъ! а то...

И, не докончивъ, онъ ушелъ въ домъ.

По утру, дворня много приставала къ Макарушкѣ насчетъ того:

«что, молъ, дѣлалъ баринъ ночью? ты былъ близко, молъ, отъ него—нельзя, чтобы не подмѣтилъ». Но Макарушка отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, а должно быть, баринъ изволилъ чтеніемъ книжекъ заниматься, какъ заведено это имъ, съ того времени, какъ сталъ ѣздить въ Егорьевскъ.

Томительно прошли для всѣхъ три послѣдующіе дни и ночи.

Іоасафъ Николаевичъ и днемъ почти никому не показывался, все сидѣлъ, затворившись въ своей комнаткѣ. Къ ночи же, онъ опять приказывалъ всей дворнѣ ложиться спать какъ можно раньше и отнюдь по двору не расхаживать. Но во вторую же ночь приказаніе это не было выполнено. Явился ослушникъ, бывшій кучеръ старой барыни, Петръ Леонтьевъ-младшій.

Онъ три ночи сряду выслѣживалъ—и таки-выслѣдилъ.

Въ первыя двѣ ночи, онъ открылъ, что баринъ все поджидаетъ кого-то на Облоньѣ, именно поджидаетъ, какъ это было замѣтно по всему. Но ожиданія, вплоть до бѣла-свѣта были напрасны: никто другой на Облоньѣ не приходилъ. А въ третью ночь, наконецъ, явился и этотъ другой, столь жданный человѣкъ, совсѣмъ неизвѣстный Леонтьичу-младшему, по одѣжѣ — словно нищій, по лицу и по ухваткамъ—какъ есть разбойникъ.

Онъ пришелъ отъ деревни Андреевки, а придя, опасливо осмотрѣлся во всѣ стороны, и Леонтьичу, залегшему въ кустахъ, черезъ которые онъ ползкомъ пробрался къ луговинѣ Облонья, куда какъ жутко стало отъ осмотра. Но человѣкъ этотъ не пошелъ по кустамъ. Онъ отвелъ Іоасафа Николаевича къ самому пруду, и оттого нельзя уже было разслушать: о чемъ рѣчь шла между ними.

Разговаривали не мало. Говорилъ же больше неизвѣстный человѣкъ, а баринъ все только ахалъ да вскрикивалъ.

— Хорошо... Сейчасъ...—сказалъ Іоасафъ Николаевичъ, отойдя съ неизвѣстнымъ отъ пруда къ кустамъ: пожалуй, подожди здѣсь, я скоро вернусь. А впрочемъ, пойдемъ со мной, въ саду отдамъ, а оттуда тебѣ поближе и удобнѣе будетъ пройти къ Андреевкѣ...

— Какъ бы на глаза кому не попастьъ?—возразилъ неизвѣстный.

— Всѣ улеглись... Никто не встрѣнется. Да я-жъ провожу, чтобъ собаки не залаяли...

И, затѣмъ, оба прошли такъ близко отъ Леонтьича, что онъ чуть не умеръ отъ страха?

Леонтьичъ не потаилъ отъ дворни обо всемъ, что довелось ему увидать на Облоньѣ. Онъ рассказывалъ и на деревнѣ. Всѣ узнали въ Михѣевѣ именно черезъ младшаго Леонтьича,—всѣ, кромѣ Макарушки, съ которымъ, по общему согласію, береглись о томъ говорить.

Кстати: младшій Леонтьичъ былъ тупъ смысломъ, притомъ, крайне обидчиваго и сердитаго нраву (такъ, если кто нибудь осмѣливался въ шутку, назвать его «Малѣмъ», прозвищемъ по-

чему-то и кѣмъ-то ему даннымъ, тотъ могъ поплатиться за это жестоко). Онъ не забылъ про оскорбленіе, нанесенное ему во время поѣздки къ генералу Измайлову, и вотъ, не безъ особенной злобности, даже не безъ злонамѣренности, передавалъ онъ теперь встрѣчному и поперечному о тайныхъ свиданіяхъ барина съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ, по виду, съ разбойникомъ! Разумѣется, смѣлость Леонтыча-младшаго въ такихъ разговорахъ про барина зависѣла не отъ одной его злобы, но и отъ неуваженія къ барину за его явную безхарактерность.

Скоро обо всемъ спровѣдали и въ сосѣдствѣ. Нашлось и готовое объясненіе для новой тайны въ поведеніи михѣвскаго помѣщика: вспомнили о всякихъ слухахъ насчетъ сношеній его съ бѣглыми солдатами, проживавшими неподалеку отъ деревни Поповки, у угольщиковъ.

А тутъ, какъ на грѣхъ, пошла молва, что тамъ-то и тамъ-то видали какого-то бродягу, можетъ, самого Шохина (прозвище этого человѣка хорошо было извѣстно во всемъ околоткѣ); говорили еще, что бродяга этотъ, будто бы, и ограбилъ уже кой-кого гдѣ-то; что, однажды, въ деревнѣ Волковой, онъ цѣлую ночь пропьянствовалъ въ кабацѣ,—значитъ, до того сталъ смѣль, что не боится показываться уже и вездѣ.

«Михѣвская исторія» опять разыгрывалась именно въ томъ, что касалось до «сношеній» михѣвскаго помѣщика съ бѣглыми солдатами. Шохинъ появился, Шохинъ разбойничаетъ и дерзко показывается, стало быть, шайка у него есть, на выручку или отместку которой онъ надѣется, чѣмъ и пугаетъ простой народъ, стало быть, и пристанодержатели для него есть; а тутъ, и ночные свиданія Шохина съ этимъ неугомоннымъ Иосафомъ П—вымъ; въ свиданіяхъ же этихъ никто не сомнѣвался, такъ какъ о нихъ вездѣ говорили. Таковы были непрерывные толки во всемъ околоткѣ, который разволновался тогда чуть ли не больше прежняго, и они скорѣхонько дошли до егорьевскаго чиновнаго и приказническаго люда.

Впрочемъ, можетъ быть, толки и остались бы толками: посудили бы, порядили, на томъ бы и кончилось. Вліяніе посторонняго ходатайства за Иосафа Николаевича все еще было дѣйствительно. Самая поимка Шохина, вѣроятно, не имѣла бы особенно вредныхъ послѣдствій для бѣднаго моего дяди. Но случились происшествія, которыя доконали-таки его.

Косвенной, но большой причиною для этого были именно деньги, полученныя дядею отъ Шибаевыхъ.

Какъ послѣ оказалось, Шохинъ провѣдалъ, что у михѣвскаго барина завелись деньги, тысяча рублей ассигнаціями (сумма тогда немалая) и задумалъ онъ повыманить ихъ. Вѣрное средство на то было у него подъ рукою. Какими-то розсказами о сестрѣ своей, Маринѣ,

онь легко возбудилъ въ Іоасафѣ Николаевичѣ великую жалость къ бывшей его любовницѣ, которую несчастный, по всей вѣроятности, все еще пылко любилъ, хотя съ чувствомъ его къ ней сталкивались теперь и другія сильныя чувства. И несомнѣнно, что Шохинъ выманилъ много денегъ у сердечнаго барина; послѣ двухъ описанныхъ свиданій на Облонь, онъ и еще нѣсколько разъ видѣлся тамъ же съ Іоасафомъ Николаевичемъ, и, конечно, все для выманиванія денегъ на помощь сестрѣ своей. Кстати: свиданія эти, происходившія довольно часто, продолжались, кажется, больше мѣсяца, и только въ началѣ августа прекратились они по неожиданному и странному поводу, къ которому тоже примѣшалось нѣчто роковое.

Въ промежутки между свиданіями съ Шохинымъ, Іоасафъ Николаевичъ три раза ѣздилъ въ Егорьевскъ, и вѣроятно не для развлеченія умными рѣчами тамошнихъ дѣльцовъ, а можетъ быть, потому именно, что кто нибудь изъ дѣльцовъ же этихъ сообщалъ ему, что чиновный людъ опять начинаетъ воззриваться въ его прикосновенность къ дѣлу о бѣглыхъ солдатахъ. Впрочемъ, въ городѣ онъ оставался ненадолго и все спѣшилъ домой.

Четвертая поѣздка была для него роковая.

На бѣду, пришлось ему ѣхать не съ Макарушкою, съ которымъ обыкновенно онъ ѣзжалъ, а съ Леонтычемъ-младшимъ, потому что Макарушка, послѣ купанья на озерѣ, заболѣлъ жестокой лихорадкою. Іоасафу Николаевичу очень не хотѣлось брать съ собою Леонтыча, но, видно, нельзя было ему и отсрочить поѣздку хоть на малое время, и онъ поѣхалъ.

Все сложилось, какъ на грѣхъ. Сборы въ дорогу начались съ утра, а за разными хлопотами, всего же болѣе за справками о томъ: не сможетъ ли Макарушка собраться съ силами, чтобы ѣхать хоть не за кучера, а за лакея, протянулись далеко за полдни; такимъ образомъ выбрались изъ Михѣева незадолго до сумерокъ, которыя и захватили какъ разъ передъ съѣздомъ съ проселочной дороги на большую, столбовую. А ночь приближалась безлунная, довольно темная, уже августовская ночь.

И опять на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ была первая встрѣча съ Шохинымъ, бѣглый солдатъ этотъ, словно нарочно поджидаль онъ проѣзда михѣевского барина, вдругъ выдвинулся изъ той же осиновой рощи.

— Ваше благородіе! стойте-ко, обождите!.. во все горло закричалъ онъ, какъ видно, на этотъ разъ, уже ни отъ кого не оберегаючись.

Іоасафъ Николаевичъ приказалъ остановиться. Шохинъ подошелъ, замѣтно покачиваясь: онъ былъ крѣпко пьянъ.

— Ваше благородіе! началъ онъ:—окажите божескую милость, подвезите меня... Ну и чтѣжь подѣлаешь, вишь, выпимши поряд-

комъ... а тутъ, того гляди, здѣшніе черти-галманы схапують по злобѣ... Мнѣ всего-то неподалечку, верстѣ пятокъ, что ли, а идти пѣшкуромъ не въ моготу, ноженъки такъ и гудуть...

Іоасафъ Николаевичъ позадумался. Должно быть, не очень хотѣлось ему имѣть такого путевого товарища. Но нерѣшимость продолжалась не долго.

— Если только на пять верстъ... сказалъ онъ:—дѣлать нечего, садись съ кучеромъ рядомъ.

Леонтьичъ крѣпко нахмурился, но отговариваться не посмѣлъ: онъ живо помнилъ какъ досталось ему, однажды, за противорѣчіе волѣ барина.

Вскарабкавшись кое-какъ на облучекъ, бѣглый тотчасъ же пустился въ разговоръ съ Леонтьичемъ.

— Ты, дядинька, началъ онъ:—ты зачѣмъ таково лихо на меня поглядываешь? Аль съѣсть меня хочешь?.. Да нѣтъ, братецъ ты мой! костистъ я, пожалуй, подавишься... Ваше благородіе! а онъ у васъ, лихъ человекъ, право-слово: мнѣ про него многонько сказывали, знаю тоже какъ дразнить его... Дядинька! а дядинька! вѣдь, Малѣемъ тебя добрые люди прозываютъ?.. Такъ аль нѣтъ?.. Что-жь ты головой-то вертишь, а не отвѣчаешь... Эхъ ты Малѣй-Малѣище!

Леонтьичъ не вытерпѣлъ.

— Есафъ Николаичъ! забормоталъ онъ, оборачиваясь къ барину:—ну, и что-жь такъ-то лаяться будетъ, всякъ эдакой, прости Господи!.. А я... да съ какой онъ стати...

Но, къ пущему своему озлобленію, Леонтьичъ-Малѣй увидалъ, что и баринъ надъ нимъ смѣется: въ самомъ дѣлѣ, Іоасафу Николаевичу забавны показались пьяныя, задирательныя рѣчи Шохина, и онъ невольно улыбался. Впрочемъ, онъ все-таки счелъ нужнымъ прекратить потѣху бродяги, а вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоить и своего кучера.

— Полно вамъ! прикрикнулъ онъ на обоихъ:—и ты, Петръ, глупо разсердился; развѣ не видишь, подгулялъ человекъ, съ того и болтаетъ вздоръ... Ну, и ты, молодецъ, если ты хочешь, чтобы тебя лихомъ не поминали, сиди-ко помирнѣй... Знаешь пословицу: на чьемъ возу сидишь, тому пѣсенку пой... А есть и другая: съ чужаго коня среди грязи долой.

— Такъ-то оно! протянулъ бѣглый въ отвѣтъ: съ чужаго коня среди грязи долой... такъ-то!.. А мнѣ что: чужіе эти ваши кони... Вишь: двое на одного... Охъ, головушка бѣдная! шумить-то, шумить, а то бы я... Эхъ-ма! ка-бы денегъ тѣма, купилъ бы овинъ да жилъ одинъ!..

Затѣмъ, онъ-таки поунылся, по крайней мѣрѣ, пересталъ дразнить Леонтьича и все ворчалъ что-то сердито, размахивая руками. И, должно быть разсчитывая, что, при такомъ размахиваньи, пьяный бродяга можетъ свалиться съ облучка, Леонтьичъ поѣхалъ

было очень шибко. Но подошелъ глубокой логъ, съ длиннымъ и узкимъ мостомъ черезъ него, мѣсто слывшее очень опаснымъ для проѣзжающихъ, вслѣдствіе нерѣдко случавшихся тутъ грабежей, и кучеръ разомъ остановилъ лошадей.

— Баринъ! а баринъ! заговорилъ онъ испуганно:—гляньте-ко: тамъ на мосту, неладно... чтѣ-то положено... аль недобрый человекъ нарочно...

Іоасафъ Николаевичъ привсталъ въ тѣлѣжкѣ и посмотрѣлъ внимательно. Точно: на мосту, поперекъ мостовинъ, лежало что-то темное, довольно большое, можетъ быть, человекъ. Проѣхать, не задѣвши того предмета, рѣшительно было нельзя. Да и какъ ѣхать не удостовѣрившись досконально: нѣтъ ли тутъ, и въ самомъ дѣлѣ, засады?

— Надо тамъ посмотрѣть, сказалъ дядя мой вполголоса кучеру:—слѣзай-ко да подойди осторожно. Ну, не бойся же: вѣдь, мы на тройкѣ,—я тебя не выдамъ.

Леонтьичъ медленно спустился съ облучка, возжи не отдалъ Шохину, который все кивалъ головою изъ стороны въ сторону, какъ-будто совсѣмъ раздремался, а медленно прикрѣпилъ ихъ къ желѣзному круту, отдѣлявшему кучерское сидѣнье отъ задняго, потомъ, прекрестившись нѣсколько разъ, пошелъ было по спуску, но вдругъ быстро вернулся назадъ.

— А воля ваша... пробормоталъ онъ, дрожа и заикаясь:—а мочушки моей нѣту, воля ваша... не могу... Батюшка! вернемся домой... Завтресь днемъ поѣдемъ...

— Полно врать!.. Ну, да я съ тобой пойду...

Іоасафъ Николаевичъ тоже сошелъ съ тѣлѣжки. Въ сопровожденіи Леонтьича, онъ, безъ дальней думы, направился на мостъ. Недалеко уже было до лежавшаго на мостовыхъ подозрительнаго предмета, однако, не пришлось взглянуть въ него вблизи.

Бродяга Шохинъ, какъ видно, притворялся спящимъ: подобравъ возжи, онъ круто повернулъ лошадей назадъ, и стремглавъ поскакалъ по направленію къ селу Маливѣ. Чтѣ-то съ угрозою крикнулъ онъ покидаемымъ имъ, но тѣ, ошеломленные неожиданностью, не разобрали его словъ.

XLIII.

Хоть и ошеломленные, дядя и кучеръ его, разомъ, словно взапуски, кинулись въ догонку за Шохинымъ. Во весь духъ пробѣжали они съ полверсты и, разумѣется, совершенно напрасно: гдѣ ужъ было догнать дерзостнаго похитителя тройки? Скорѣхонько онъ исчезъ изъ виду, скоро и шумливое гарканье его на лошадей замерло за большимъ лѣсомъ, съ правой стороны, считая отъ Егорьевска, вплоть подходившимъ къ столбовой дорогѣ и сливавшимся съ

огромнымъ Чанскимъ лѣсомъ. Впрочемъ, невольное движеніе, побудившее Іоасафа Николаевича и Леонтьича кинуться въ догонку, можетъ быть, спасло ихъ отъ какой нибудь опасности, ожидавшей на мосту.

Но и теперь, собственно въ настоящую минуту, положеніе ихъ было очень небезопасно. Измученные погоней, перепуганные, притомъ, пѣшіе и съ пустыми руками, что могли бы они подѣлать при нападеніи на нихъ даже одного разбойника? Оборониться было нечѣмъ, уже вовсе не подъ силу. Тутой смысломъ Леонтьичъ, на ту пору, нашелся гораздо скорѣе своего барина, и подаль ему совѣтъ, несомнѣнно дѣльный: сойти съ большой дороги въ мелколѣсье, примыкавшее къ ней съ лѣвой стороны, и тамъ, сквозь кустарникъ, пробираться по неволѣ домой, да такъ оно и надо было по тому направленію.

Іоасафъ Николаевичъ послушался безъ малѣйшихъ возраженій, или собственныхъ какихъ-либо соображеній; врядъ ли и способенъ былъ онъ тогда придумать что-либо особенное. А притомъ, обоимъ было отнюдь не до разговоровъ.

Итакъ, пошли назадъ, къ Михѣеву, но не всегда въ полной увѣренности, что идутъ именно туда, что не сбиваются съ принятаго направленія: темно было въ частомъ ельникѣ и березникѣ, особенно же, когда попадались широко разросшіеся кусты орѣшнику. Шли все время, боясь перемолвиться даже шепотомъ. И нерѣдко оторопь большая охватывала бѣдныхъ путниковъ. Казалось имъ иногда, что вотъ чуть не рядомъ съ ними пробирается кто-то чрезъ кусты, залоздалый ли то и, какъ они, изъ-за страха сопедший съ большой дороги пѣшеходъ, или же хищный звѣрь какой. Звуковъ было такъ много въ чащѣ мелколѣся: трещали и гулко ломались раздвигаемыя вѣтви, подъ ногами шуршали, тоже слишкомъ гулко, опавшіе листья, мелкій, изсохшій валежникъ; а то еще больше шума производили внезапные скачки спугнутыхъ зайцевъ и перелеты птицъ. Хорошо, что вѣтеръ нисколько не заносился въ чащу, такъ что и листва осинъ не трепетала. Но одинъ разъ Іоасафъ Николаевичъ и Леонтьичъ перепугались до того, что тотчасъ прилегли къ землѣ: гдѣ-то, вдали, съ правой ли, съ лѣвой ли стороны, того они не разобрали, вдругъ раздался глухой, протяжный ревъ, должно быть, большого страшнаго звѣря.

Долго они пролежали, и только поуспокоившись тѣмъ, что ужаснувшій ихъ ревъ не повторяется, что вездѣ какъ-то совсѣмъ позатихло, встали они и опять пустились въ путь, теперь выйдя почти на столбовую дорогу, такъ какъ, по предположенію Леонтьича, было уже очень недалеко до поворота на проселокъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сквозь порѣдѣвшее тутъ мелколѣсье, при предразсвѣтномъ мерцаніи звѣздъ безоблачнаго неба, довольно явно обозначилась, въ разстояніи не больше какъ съ версту,

столь памятна Іоасафу Николаевичу и его кучеру осиновая роща. Но, вмѣсто того, чтобы поспѣшить къ желанному повороту на проселокъ, оба путника разомъ приостановились, на обоихъ внезапно напало тяжелое раздумье.

Ужъ Богъ-вѣсть о чемъ раздумался Іоасафъ Николаевичъ, а Леонтьичу живо и ярко вспомнилось самое начало ихъ ночного похода, то именно, какъ у осинової рощи встрѣтилъ ихъ бродяга, ругатель и воръ конокрадъ, и Леонтьичъ, хотя очень не любилъ разговаривать съ молодымъ баринѣмъ-обидчикомъ, не вытерпѣлъ, первый заговорилъ:

— Баринъ! а, баринъ!.. вонъ и роща виднехонька. Слава тебѣ, Господи! и до дому теперича не такъ-то далеко... Только, какъ бы опять не встрѣтить того разбойника...

— Да! ты объ этомъ... отвѣтилъ баринъ:—и точно, надо подумать... Но, разумѣется, теперь мы не встрѣтимъ его... Надо подумать о другомъ... Мы вернемся на глазахъ у всѣхъ, увидать, что пѣшіе—диву дадутся... Тутъ вотъ чтѣ!

— А какъ же! знамо... Всякъ пойметъ: лошади-то какія, хоша и стареньки! да и упряжь, да и тѣлѣжка... И все прахомъ пошло, ищи-свищи!..

— Пстой! перервалъ баринъ:—я и не подумалъ бы о томъ, у меня инья думы, только двѣ и есть, но... Да, да! изъ-за нихъ для меня другое-прочее, это все равно... Слушай! пропажа лошадей можетъ сдѣлать много, много помѣхи... Вотъ чтѣ и важно!.. Ну, и какъ бы сдѣлать, чтобы болтовни разной не было?.. По крайней мѣрѣ, ты-то не болтай!

— А мнѣ что! Мое дѣло таковское: какъ прикажете, такъ и говорить стану — совратъ-то всякъ гораздъ. И мало-ль что можно придумать? на дорогѣ, молъ, охотничекъ-купецъ на лошадей подвернулся, ну, и продали съ выгодною... а то разбойники, молъ, напали, самихъ не тронули, только лошадей угнали... Да такъ оно и было дѣло.

— Вѣдь, какъ все глупо! сердито возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—развѣ я прикажу тебѣ лгать? Ты у меня не ври! не смѣй придумывать этого хамскаго вранья! Слышишь? строго приказываю... Просто-на-просто — не болтай! уклоняйся отъ отвѣтовъ на всякіе вопросы, какъ будто ты и не былъ... Эдакъ-то и лучше, а тамъ, что будетъ, то будетъ...

Вертѣлось-было на умѣ Леонтьича замѣчаніе на послѣднюю сердитую рѣчь барина, именно то замѣчаніе: «а что, молъ, какъ чиновники стануть допытываться, спрашивать, тутъ-то какъ быть?..» но объ этомъ онъ уже не посмѣлъ высказаться.

Затѣмъ, опять тронулись въ путь.

Несмотря на душевное и тѣлесное утомленіе отъ впечатлѣній, произведеннаго наглою выходкой Шохина, отъ путешествія по

мелколѣсью, шли, однако, скоро и добрались до Михѣева еще передъ восходомъ солнца, когда на деревнѣ только-что начали просыпаться. Но въ господской усадьбѣ двое ночныхъ сторожей таки видѣли, какъ баринъ и кучеръ не пріѣхали, а пѣшкомъ припожаловали домой.

Конечно, въ Михѣевѣ чрезвычайно удивились и не знали что подумать насчетъ такого внезапнаго и страннаго возвращенія. За разъясненіемъ дѣла всѣ обратились къ Леонтьичу-младшему; при-ставаньямъ съ разпросами не было конца. Но Леонтьичъ былъ не податливъ на удовольствованія общаго любопытства: даже старшему своему брату ничего не высказалъ, хотя, при всякомъ разспрашиваніи, значительно покачивалъ головою, разводилъ руками и, нахмурия брови, посматривалъ на барскія хоромы—изъ чего само собою выходило: «знаю-то, молъ, я многое, да боюсь рассказывать, а дѣло, молъ, больно-плохо»!...

Впрочемъ, дня три-четыре, только темные слухи распространялись по сосѣдству, что въ Михѣевѣ опять что-то не ладно: «подъ-вечеръ, баринъ поѣхалъ въ городъ на тройкѣ, и скорехонько домой вернулся пѣшкомъ»... Но, вотъ, еще случилась оказія—и на бѣду въ отсутствіе Іоасафа Николаевича, который только-что уѣхалъ въ Егорьевскъ, взявъ съ собою за лакея полубольнаго Макарушку, а за кучера деревенскаго мужика, чѣмъ Леонтьичъ-младшій былъ очень разобиженъ.

Сосѣдніе, кажется малиновскіе крестьяне, гдѣ то въ лѣсной опушкѣ, около столбовой дороги, нашли брошенную и поломанную тележку и почему-то опознали, что она принадлежитъ михѣевскому барину; изъ-за того одинъ изъ нашедшихъ тележку явился въ Михѣево для оповѣщенія о находкѣ.

Оповѣститель, пришедшій сначала къ знакомому своему михѣевцу, рассказалъ тоже не маловажную новость: что недавно въ ихнихъ мѣстахъ опять проявился Шохинъ, и что кто то разъ подсмотрѣлъ, какъ онъ Шохинъ по малой лѣсной стѣжкѣ пробирался верхомъ на лошади словно съ михѣевской барской конюшни. Разказавъ это оповѣститель спрашивалъ: «не случилось ли грѣшнымъ дѣломъ бѣды у васъ на Михѣевѣ, не свели ли барскихъ лошадей конокрады?»

Такимъ образомъ возвращеніе Іоасафа Николаевича и Леонтьича-младшаго пѣшкомъ, вскорѣ послѣ отъѣзда ихъ на тройкѣ, теперь очень поразялся для михѣевцевъ, и хотя они люди смѣтливые, не пустились въ большіе разговоры съ оповѣстителемъ, чужимъ человѣкомъ, и скорехонько выпроводили его отъ себя съ наказомъ, чтобы пришелъ, когда баринъ воротится изъ Егорьевска, однако, оставшись одни, порѣшили, что надо безпремѣнно добиться отъ кучера Леонтьича всякихъ подробностей насчетъ того, какъ тройка баринова пропала. На этотъ разъ, при новыхъ усиленныхъ разспросахъ, въ виду и новостей, принесенныхъ чужимъ человѣкомъ

Леонтьичъ не вытерпѣлъ, и то тому, то другому поразсказаль уже про все, конечно, обязывая слушателей клятвою, чтобы не выдавали никому о такихъ не хорошихъ дѣлахъ, «въ которыхъ и самъ баринъ-то не безъ причины».

А тутъ и новая оказія.

Черезъ мѣсяцъ похищенія михѣвскихъ лошадей, въ одно осеннее утро, у воротъ михѣвской усадьбы, оказалась пара совершенныхъ клячъ, но то были несомнѣнно похищенные Шохинымъ лошади, какъ видно, много потерпѣвшія отъ безкормицы и худаго содержанія. Кѣмъ они были приведены въ Михѣво—слѣдовъ не осталось; никто ничего не видалъ и не слыхаль, и не мудрено: ночь, въ которую клячъ привели, была темна и бурна. Кстати надо сказать: пригнанные лошади были пристяжныя, а лучшая въ тройкѣ, коренникъ, осталась у похитителя.

На ту пору, Іоасафъ Николаевичъ тоже отсутствовалъ изъ дому и уже нѣсколько дней находился въ Егорьевскѣ, гдѣ ему, бѣдному, было труднѣхонько, такъ какъ чиновники тамошніе уже заводили съ нимъ рѣчь о послѣднихъ происшествіяхъ. А это отсутствіе, разумѣется, облегчило распространеніе по всему околотку извѣстія о приводѣ кѣмъ-то въ Михѣво двухъ лошадей изъ похищенной тройки. Извѣстіе было чрезвычайно интересно для всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ, впрочемъ, уже давно привыкшихъ смотрѣть на Михѣво, какъ на гнѣздо какихъ-то загадочныхъ происшествій.

И странно: какъ-то ускользнуло отъ общаго вниманія, а можетъ быть, и не хотѣли принять во вниманіе, что приведенныя лошади были совсѣмъ-таки замученныя клячи; изъ самаго факта привода ихъ было выведено злостное заключеніе: «не были ли, дескать, михѣвскія лошади добровольно отданы Іоасафомъ II—вымъ для какого либо дальняго разбойничьяго похождения?» И заключеніе это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что, по справкамъ подъ рукою, михѣвскій помѣщикъ не заявлялъ еще до сихъ поръ ни объ отнятіи у него лошадей, если именно такъ дѣло было, ни о простой пропажѣ ихъ.

«Михѣвская исторія» еще разъ позапуталась, осложнилась самымъ неблагоприятнымъ образомъ для моего дяди. Но все-таки, могло и то статся, что она и не окончилась бы для него гибельно, если бы не подошло обстоятельство, котораго, впрочемъ, рано или поздно, надо было ожидать.

Подъ исходъ той же осени, Шохинъ, полюбившій кочевать по егорьевскому уѣзду, или кочевавшій поневолѣ, для избѣжанія поимки, наконецъ, былъ пойманъ въ деревнѣ Волковой. Поимка произошла просто: холодно и жутко стало держаться въ лѣсахъ; Шохинъ принужденъ былъ искать себѣ пріюта въ мѣстахъ жилыхъ, но видно, постоянного, вѣрнаго притона у него не было, и, воть, однажды, забрался онъ опять въ волковскій кабакъ, гдѣ

какъ-то удалось ему, прогулять цѣлую ночь, тамъ-то онъ и былъ пойманъ.

Это повернуло «михѣвскую исторію» къ рѣшительному исходу. Въ рукахъ у чиновниковъ очутилась нить, распутывавшая все дѣло.

И какъ усердно принялись они за него!

Но и легко было чиновникамъ усердствовать: ужъ очень горливиъ оказался попавшійся имъ бродяга, ужъ очень помогали при окончаніи слѣдствія посторонніе люди сообщеніемъ разныхъ слуховъ, толковъ, а также тонкихъ соображеній и предположеній.

Не знаю, навѣрное, употребилъ ли Шохинъ извѣстную хорошо и тогда между арестантами уловку для сокрытія своего, настоящаго званія и попытался ли назваться Иваномъ-Непомнящимъ; но, должно быть, онъ скрывалъ, что онъ бѣглый солдатъ и про то также: какимъ путемъ пробрался въ егорьевскія мѣста; по крайней мѣрѣ, я слышалъ, что только впоследствии открылось — откуда онъ родомъ. Кажется, никого не оговорилъ онъ ни въ обществѣ съ нимъ, ни въ пристанодержательствѣ, и насчетъ этого чиновники не добились у него признаній. За то, о бродяжничествѣ своемъ, о добываніи себѣ при этомъ средствъ на прокормъ, на одѣжу, на потѣшеніе съ горя, онъ былъ разговорчивъ; дѣлъ за нимъ было не мало: «какъ же, молъ, быть-то, не помирать же съ голоду и съ холоду, приходилось, молъ, протягивать и просовывать руки туда и сюда, такъ и эдакъ, чего-чего не случалось, только убивать—не убивалъ, поджоговъ не дѣлалъ, разбоемъ ни накого не напускался»...

Разказы Шохина были глумливаго, забавнаго свойства, съ шуточками и прибаутками; при допросахъ его, чиновники не скучили, даже тѣпились, хотя, не разъ, показанія его о томъ: будто бы тамъ-то обокралъ онъ, со взломомъ даже, клѣтъ богатаго мужика, или тамъ-то видѣлъ онъ притонъ шайки разбойниковъ въ лѣсу, оказывались совершенно ложными. Вообще, чиновникамъ егорьевскимъ пришлось частенько забавляться передопросами Шохина и, вотъ, какъ-то случилось, чтò, при одномъ изъ такихъ допросовъ, онъ поразговорился о моемъ бѣдномъ дядѣ.

Пожалуй, онъ и не лгалъ, рассказывая про то, чтò въ самомъ дѣлѣ было: то есть, что михѣвскій баринъ, нѣсколько разъ видалъ его у веселой, молодой бабѣнки-солдатки, къ которой онъ-то, бродяга, захаживалъ «такъ лишь, по малому знакомству, водицы испить да и перемолвиться словечкомъ по забавнѣй»; что онъ бродяга, опять-таки, неоднократно, видѣлся съ михѣвскимъ бариномъ, у старухи-ворожейки, куда онъ-то заходилъ «такъ себѣ, погадать да узнать про свою судьбу-долю», и идѣ баринъ проживалъ, на ту пору, возлѣ своей полюбовницы хворой, той бабѣнки-солдатки; что и послѣ того, въ недавнее время, онъ, бродяга, видѣлся съ михѣвскимъ бариномъ, у него въ имѣніи, и баринъ, по милости своей, давалъ-таки ему деньжонокъ; что, наконецъ, «грѣха, молъ, таить

нечого—когда, разъ, михѣвскій баринъ подвозилъ его, бродягу, а онъ, побранившись дорогою съ кучеромъ Малѣемъ и сочтя, что баринъ кучеру потакаетъ, разсердился и, какъ они сошли съ тѣ-лежки посмотрѣть что-то на мосту, угналъ ихъ тройку, изъ кото-рой двухъ лошадей возвратилъ, а третья такъ и пропала въ лѣсу.»

Но во всей этой «правдѣ истинной» было много чего-то злоба-ного, беспощадно жестокаго. Шохинъ уже не шутилъ, не забав-лялся, показывая на моего дядю: выходило, что, какъ будто, еще напередъ задумалъ онъ припутать къ дѣлу и погубить михѣв-скаго барина своими показаніями, недаромъ онъ такъ настойчиво утверждалъ, что баринъ этотъ хорошо зналъ и вѣдалъ «съ какой птицей онъ знается и чѣмъ такимъ та птица промышляетъ».

И вотъ что еще странно: все время Шохинъ всячески выгора-живалъ Михаила Николаевича Г—ва, постоянно и твердо отгова-риваясь, что онъ съ Г—вымъ никакихъ сношеній не имѣлъ, что отъ Г—ва онъ прятался, сильно побаиваясь его. Конечно, такъ оно и было, но на этотъ же счетъ носились и иные темные слу-хи...—Впрочемъ, кажется въ слѣдственномъ дѣлѣ и имя побочнаго брата михѣвскаго помѣщика не упоминается.

Интеллигенція егорьевскаго уѣзда (я уже говорилъ изъ кого она тогда состояла) напряженно слѣдила за ходомъ слѣдствія по «михѣвской исторіи», ходомъ быстрымъ и оживленнымъ со вре-мени поимки Шохина. Слѣдя же такъ, интеллигенція по преж-нему и вмѣшивалась въ дѣло, внося въ него дразги всяческихъ сплетень. И такъ легко было ей это, потому что старшіе чинов-ники въ Егорьевскѣ были все свои люди... Но объ этомъ я не хочу продолжать, было бы тяжело входить тутъ въ какія либо подробности.

Слѣдствіе по «михѣвской исторіи» протянулось все-таки нѣ-сколько мѣсяцевъ, и, конечно, даже изъ-за того много лишнихъ мученій вынесъ Іоасафъ Николаевичъ. Въ теченіи болѣе полугода, онъ мучился безъ отдыха.

За допросы ему, вслѣдствіе показаній Шохина, почему-то, при-нялись нескоро; но онъ тотчасъ же узналъ, что бродяга очень ста-рается запутать его въ дѣло. Разумѣется, сообщали объ этомъ чи-новники изъ второстепенныхъ, то есть, секретари, столоначаль-ники, письмоводители. Весь этотъ приказный людъ, разумѣется, тоже не даромъ, по своему «доброжелательствовалъ» дядѣ: преду-преждалъ, совѣтовалъ, настаивалъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно путалъ его собственныя мысли и соображенія. Въ концѣ-концовъ, Іоасафъ Николаевичъ очутился въ какомъ-то чаду и явился къ отвѣту безъ малѣйшаго понятія насчетъ того, какъ надо ему отвѣчать, чѣмъ оправдываться. Онъ былъ въ недоумѣніи до того, что вначалѣ даже не отвѣчалъ на вопросные пункты, отзываясь болѣзненно.

И то было ему очень не на пользу. Насчетъ исхода дѣла спозаранку уже не сомнѣвались.

Но еслибъ и были ожиданія инаго исхода для михѣвской исторіи, они должны были бы скоро разсѣяться въ виду поведенія Іоасафа Николаевича на слѣдствіи. Онъ только при первомъ допросѣ уклонился отъ разясненій или опроверженій по показаніямъ Шохина, а затѣмъ добровольно выдалъ самого* себя обѣими руками, выдалъ несмотря на то, что доброжелательствовавшіе чиновники усердно подсказывали ему довольно ловкіе извороты.

И сталося это такъ просто.

Михѣвцы, дворовые и крестьяне, были притянуты къ слѣдствію не для уличенія ихъ помѣщика, какъ говорили чиновники, твердо помнившіе, что по тогдашнему уголовному процессу не допускаются извѣты крѣпостныхъ на своего владѣльца, а собственно для повѣрки оговоровъ бродяги. Для допросовъ таскали въ Егорьевскъ чуть ли не всѣхъ поголовно и, разумѣется, Макарушку и Петра Леонтьева-младшаго. Не легки были допросы для михѣвцевъ и они путались немало. Особенно Макарушка, даже вопреки приказаній барина, чтобы говорилъ одну правду, сбивался въ показаніяхъ на каждомъ шагу и много потѣшился надъ нимъ Шохинъ при очныхъ ставкахъ. За то Леонтьичъ-малый не сбивался, говорилъ твердо, «такъ и рѣзалъ барина»; по мнѣнію чиновниковъ, онъ явился, послѣ Шохина, главнымъ «доказателемъ» противъ Іоасафа Николаевича.

Надо сказать, что Іоасафъ Николаевичъ, со времени оговора его Шохинымъ, находился уже на порукахъ и жилъ безвыѣздно въ Егорьевскѣ; поэтому, тотчасъ же доходило до него, со всѣми подробностями, что показывали Михѣвцы, и все это, какъ вскорѣ оказалось, произвело на него совсѣмъ иное дѣйствіе, чѣмъ ожидали, вѣроятно, доброжелатели-чиновники.

Іоасафъ Николаевичъ «самъ признался во всемъ». Такъ разсказывали мнѣ, не объясняя, однако, въ чемъ именно онъ признался. Одно несомнѣнно — изъ признаній его ясно выходило, что ему было извѣстно кто такой Шохинъ, съ которымъ онъ точно имѣлъ сношенія. Кажется тоже, что и онъ, въ свою очередь, явился противъ Шохина обличителемъ, по крайней мѣрѣ, послѣ его показаній, окончательно обнаружилось, что бродяга, пойманный въ волковскомъ кабацѣ, именно Шохинъ, что онъ бѣглый солдатъ и родной братъ солдатки Марины Прокофьевой, проживавшій одно время въ своей хаткѣ, на самой границѣ уѣздовъ Коломенскаго и Егорьевскаго. Не знаю, впрочемъ, говорилъ ли что нибудь несчастный дядя объ отношеніяхъ своихъ къ Маринѣ, выдалъ ли какъ возникла смута въ душѣ его изъ-за любви къ этой женщинѣ, и, конечно, о томъ не узналъ бы я, прочитавъ слѣдственное дѣло.

Не узналъ бы я изъ этого дѣла, какъ не знаю и изъ устныхъ

розказовъ, що побудило вдругъ дядю къ полному сразу сознанію въ неоднократныхъ сношеніяхъ съ бѣглымъ солдатомъ, воромъ и грабителемъ: честь ли и твердое желаніе отнюдь не нарушить правды, или же какое-то непреодолимое стремленіе къ гибелі. Могло быть и послѣднее: недаромъ, какъ говорили мнѣ, находясь на порукахъ, онъ предавался иногда бѣшену и чрезвычайно мрачному разгулу, которымъ отпугивалъ отъ себя всѣхъ, даже своихъ доброжелателей, непугливыхъ чиновниковъ; недаромъ тоже онъ ничего не говорилъ въ свою защиту, ничѣмъ не хотѣлъ оправдываться.

По полученіи изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, офіціально подтвердившихъ происхожденіе Шохина и побѣгъ его изъ полка, помѣщикъ Іоасафъ, Николаевъ сынъ, П—въ былъ взятъ съ порукъ и посаженъ въ егорьевскій острогъ.

О, я помню этотъ егорьевскій острогъ, помню съ какимъ чувствомъ входилъ въ него, при губернаторскихъ ревизіяхъ, и, послѣ, по обязанностямъ службы...

Въ Рязанской губерніи, по числу городовъ въ ней, двѣнадцать остроговъ. Всѣ они такъ устроены, а особенно такъ приспособлены къ содержанію заключенныхъ, что наводять ужасъ, впрочемъ, объ этомъ общеизвѣстно, и, все-таки, о двухъ изъ рязанскихъ остроговъ: губернскомъ и егорьевскомъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ, потому что въ нихъ обоихъ побывалъ мой дядя.

И прежде о рязанскомъ, губернскомъ. Это не по порядку, но, такъ сказать, по чину. Тутъ не острогъ, а «тюремный замокъ». И въ самомъ дѣлѣ замокъ: большое, каменное зданіе, на нѣсколько сотъ человѣкъ, окруженное высокими стѣнами, съ башнями по угламъ, съ тяжелыми, желѣзными воротами; жалъ, что недостаетъ рва и подъемнаго моста. Оно построено при генераль-губернаторѣ Балашовѣ. О постройкѣ его сохранилось любопытное преданіе.

Разсказываютъ, что, однажды, когда тюремный замокъ уже былъ готовъ вчернѣ, генераль Балашовъ, переодѣтый мѣщаниномъ, замѣшался въ толпу народа, собравшуюся поглазѣть на затѣйливое зданіе, и завелъ разговоръ о немъ съ «простымъ человѣкомъ».

— Вишь, малый, сказалъ онъ довольно не осторожно: — вишь, какія важныя хоромы построили для вашего брата.

— Ну, любезный отвѣчалъ простой, но, должно быть, догадливый человѣкъ: — для нашего-то брата такія хоромы черезъ-чуръ хороши, намъ нужны гораздо попроще, а вотъ для тебя, и такихъ же, какъ ты, чай они какъ разъ въ пору...

Вся часть рязанскаго тюремнаго замка, въ которой содержались «простые» арестанты, была, однимъ словомъ, очень мрачна, какъ и вездѣ; но двѣ камеры, отведенныя для помѣщенія «дворянъ», видомъ своимъ не внушали непріятнаго впечатлѣнія. Говорю объ этомъ мелькомъ, собственно ради точности. Но вотъ что за-

мѣчательно и до нѣкоторой степени составляетъ какъ бы особенность рязанскаго тюремнаго замка: во-первыхъ, назадь тому двадцать пять лѣтъ, грозныя его башни пригодились-таки для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ (четвертаковъ и другой мелочи), а во-вторыхъ, высокія стѣны и тяжелые желѣзные затворы далеко не предотвращали арестантскихъ побѣговъ. О послѣднемъ обстоятельстве замѣчено здѣсь недаромъ.

Острогъ въ Егорьевскѣ былъ (теперь, можетъ быть, тамъ уже новый построенъ) совсѣмъ инаго вида, или, лучше сказать, инаго типа. Онъ напоминалъ собою вполне тюрьмы временъ очень давнишнихъ, пожалуй еще до-петровскихъ: его окружалъ высокій частоколъ, связанный вверху и внизу желѣзными скобами; арестанты помѣщались въ двухъ-трехъ избахъ, съ низкими, обвисшими потолками, избахъ тѣсныхъ, душныхъ, закопѣлыхъ, грязныхъ и темныхъ чрезвычайно, и, сколько помню, тутъ не было особаго помѣщенія для лицъ привилегированныхъ сословій. И опять-таки кстати скажу: егорьевскій острогъ гораздо болѣе, чѣмъ рязанскій тюремный замокъ, былъ недоступенъ для побѣговъ арестантовъ; помѣхою служилъ именно этотъ частоколъ, высокій, крѣпкій, съ заостренными вверху концами бревенъ.

XLIV.

Посаженіе Іоасафа Николаевича въ острогъ произвело громадное впечатлѣніе на егорьевское дворянство. Всѣ были изумлены, поражены, даже напуганы какъ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ. И въ этомъ со стороны егорьевской интеллигенціи не было ничего непослѣдовательнаго: въ случаяхъ чрезвычайныхъ, интеллигентные люди, какъ и самые простые, находятся подъ вліяніемъ единственно чувствъ или страстей, въ ту или другую сторону направленныхъ общимъ жизненнымъ развитіемъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость помѣщикамъ-сосѣдямъ Іоасафа Николаевича, они пожалѣли-таки его, и до такой степени, что считали и себя нѣсколько задѣтыми тѣмъ, что ихъ братъ-дворянинъ, конечно, очень провинившійся своимъ безразсуднымъ поведеніемъ, посаженъ въ этотъ мерзостный егорьевскій острогъ, по всему устройству своему только и достойный для помѣщенія въ своихъ черныхъ стѣнахъ простыхъ мужиковъ да мѣщанъ-раскольниковъ г. Егорьевска.

Но искренно, отъ всего сердца, во всю силу простаго, добраго разумѣнія, жалѣли объ Іоасафѣ Николаевичѣ его крѣпостные Михѣевцы, и крестьяне, и дворовые; даже тупой смысломъ и злопаметный Петръ Леонтьевъ-младшій очень жалѣлъ и долго совѣстился «въ глаза глянуть своему челоуѣку», когда затѣвался ка-

кой нибудь разговоръ о баринѣ. А вѣрный Макарушка просто «съ ума сходилъ» отъ того, что подѣялось съ Іоасафомъ Николаевичемъ. Горесть, отчаяніе его были въ высшей степени сильны, и тѣмъ болѣе, что къ нимъ примѣшивалось озлобленіе не только противъ Леонтьича-младшаго, но и противъ цѣлой дворни. На Леонтьича же онъ былъ такъ золъ, что ругалъ его за барина, чуть не при всякой встрѣчѣ, и даже нѣсколько разъ подрался съ нимъ, причѣмъ оба немало пострадали.

И замѣчательно, во всемъ Михѣевѣ, кромѣ одного развѣ прикащика, впрочемъ, смирнаго и неспособнаго унимать «своевольства», никто не осуждалъ Макарушку за эту злобу его на пожилаго, семейнаго кучера Леонтьича. Чувство этихъ простыхъ людей и допускало и оправдывало яростное ожесточеніе молодого малаго противъ человѣка, безтолково вредившаго барину.

Время шло, и вражда между Макарушкой и младшимъ Леонтьичемъ усиливалась, такъ что Михѣевцы начинали уже тревожиться изъ-за того. Но вдругъ все пришло въ порядокъ.

Это было за два дня до праздника Казанской Божіей Матери (8-го іюля), чтимаго въ нашей сторонѣ, особенно же въ селѣ Дѣдновѣ, гдѣ и собирается тогда довольно большая ярмарка. Въ Михѣево приѣхалъ изъ Коломны ямщикъ Егорка, верхомъ и съ запасной лошадыю въ поводу; онъ объявилъ прикащику, съ которымъ на тотъ разъ толковалъ о чемъ-то братъ его, кучеръ, что Михайло Николаичъ Г—въ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ приѣхавшій въ Коломну, требуетъ къ себѣ немедленно двороваго человѣка Макарку.

Прикащикъ усумнился; братъ же его тотчасъ крикнулъ:

— А не пускай! Что тамъ за нужда такая!

— И точно, сказалъ прикащикъ: — ну, на что бы это понадобилось? Мало-ль что онъ приказываетъ и требуетъ? Не больно-то онъ властенъ здѣсь. Да у насъ, на Михѣевѣ, теперича и не разберешь кого слушаться... И въ томъ у меня сумлѣніе есть: Макарку, пожалуй, и въ ино мѣсто потребуютъ, вишь, тутъ бѣда какая... По крайности, хоша бы извѣстно было по что понадобился малый въ Коломну?

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ сначала ямщикъ, а потомъ добавилъ:—можетъ Михайло Николаичъ задумалъ на Казанскую побывать въ Дѣдновѣ, для того и зоветъ.

— До Казанской недалеко. Тогда Макарку и я могу взять съ собою въ Дѣдново; изъ Михѣева, почитай, всѣ туда поѣдутъ; ну, и тотъ господинъ пушай приѣзжаетъ, разсудилъ прикащикъ и наотрѣзъ объявилъ, что Макарку онъ не пуститъ въ Коломну.

На эти переговоры, одинъ по одному, собрались дворовые и кое-кто изъ деревенскихъ мужиковъ, въ числѣ первыхъ — Макарушка, а въ числѣ послѣднихъ — и староста.

Макарушка, какъ услыхаль, что староста его не пускаеть, сильно заспорилъ, со своей стороны Леонтьичъ-младшій во весь голосъ сталъ поддерживать братнино распоряженіе, завязалась брань и чуть не дошло дѣло опять до драки; но староста съумѣлъ-таки прекратить сумятицу: по настойчивому совѣту его, прикащикъ отпустилъ, наконецъ, Макарушку, но со строгимъ наказомъ, чтобы непременно воротился домой завтра же, и какъ можно раньше.

— Ладно! промолвилъ малый, быстро вскочивъ на приведенную ямщикомъ запасную лошадь и первымъ съѣхаль со двора, сразу пустившись вскачь.

Дорогою же, и ямщикъ, и Макарушка, очень не слѣпили, отъ Маливскаго-Бора ѣхали рѣшительно шагомъ: первый, должно было, по приказанію отъ того, кѣмъ былъ посланъ, а послѣдній все добивался на разные лады узнать о Михайлѣ Николаевичѣ: «и что и какъ онъ? Но Егорка,—приказано ли было такъ ему, отвѣчалъ недомолвками, изъ которыхъ только одно можно было вывести: «вотъ, пріѣдемъ, самъ увидишь и услышишь...»

Въ Коломну пріѣхали, когда уже совсѣмъ смерклось, и у воротъ семкинскаго двора встрѣтилъ самъ Михайло Николаевичъ.

Сразу бросилась въ глаза Макарушкѣ большая перемѣна въ этомъ бойкомъ, рьяномъ, во всемъ «видномъ» чловѣкѣ.

Во-первыхъ, онъ былъ одѣтъ ужъ слишкомъ запросто, не по-городски, не по веселой порѣ уборки луговъ, въ нанковой синяго цвѣта поддевкѣ, замазанной, истасканной, больно-короткой и какъ-бы съ чужаго плеча; на головѣ—старая шляпа грешневиномъ, надвинутая такъ низко, что изъ-подъ ней лба нисколько не было видно; на ногахъ, огромные мужичьи сапоги съ голенищами въ сборахъ; самый этотъ костюмъ показываль, что господинъ Г—въ словно и одѣжкой своей хочеть отвести отъ чего-то глаза людямъ, такъ сообразилъ, по крайней мѣрѣ, Макарушка. А притомъ, выраженіе лица Г—ва, всѣ его движенія, рѣчь его тоже поразила малаго. По всему, и на первыхъ же порахъ, стало ему замѣтно, что Г—въ самъ не свой: лицо, прежде полное и румяное, теперь было чрезвычайно блѣдно и искажено; руками онъ безпрестанно разводилъ и размахивалъ и онѣ даже дрожали, какъ у дряхлаго старика; а прежняя твердая, повелительная рѣчь ни чуть уже не слышалась; онъ былъ гораздо словоохотливѣе прежняго, но рѣчи-то его текли такъ неровно и не хорошо, то путанной скороговоркой, то медленнымъ и невнятнымъ шопотомъ, то и совсѣмъ неразборчивымъ бормотаньемъ. Впрочемъ, замѣтно было очень и то, что онъ крѣпко, крѣпко подвыпилъ, только врядъ ли подъ веселую руку.

Приказавъ ямщику Егоркѣ убрать обѣихъ лошадей, Михайло Николаевичъ отвелъ Макарушку одалъ отъ семкинскаго двора и хотя улица, на ту пору, была ужё совершенно пустынна, сталъ спрашивать съ особенными предосторожностями.

— Ну, какъ же, какъ тамъ?.. шепталъ онъ на ухо дворовому михѣвцу: Есафъ-то?.. а?.. Но ты потише, потише, по моему...

Исполняя, хоть не во всей точности, это приказаніе, Макарушка тоже шопотомъ, только не на ухо, началъ отвѣчать отрывистыми выраженіями, что, дескать, бѣда страшная стряслась надъ бариномъ, въ острогъ посадили, и все это отъ проклятаго разбойника Шохина, который, Богъ вѣсть, за чтó, про чтó, оговорилъ, запуталъ барина, и выдалъ тутъ еще «свой человѣкъ», кучеръ барынинъ Петруха, съ дуру нагородилъ много во вредъ... На томъ и надо бы кончить отвѣтъ, но невольнó малый добавилъ: «надо быть, да и вѣрно что такъ, злые люди, распроклятые пуще самого разбойника Шохина, захотѣли погубить барина, а онъ то, какъ есть, ни въ чемъ неповиненъ и терпитъ такую бѣду за доброту свою, за свое смиренство»...

Сначала, при разсказѣ о бѣдѣ съ Іоасафомъ Николаевичемъ, Макарушка чуть было не расплакался на взрыдъ, а какъ только упомянулъ о Шохинѣ, о «своемъ человѣкѣ» Леонтычѣ-младшемъ и особенно о захотѣвшихъ сгубить барина злыхъ людяхъ, въ числѣ которыхъ смутно ставилъ онъ и самого «петербургскаго оборотня», злость великая закипѣла у него на сердцѣ, и послѣднія слова его вырвались съ сильнѣйшимъ раздраженіемъ, въ громкихъ на всю улицу возгласахъ.

Но Г—въ не остановилъ его, не приказалъ опять говорить потише. Онъ вдругъ какъ будто оторопѣлъ, вдругъ взметался съ необычной для него тревогою, и всѣ движенія его, эта безцѣльная ходьба, или лучше сказать, бѣготня взадъ и впередъ, это размахиванье и всплескиванье рукъ, были такъ странны и нелѣпы; а его непрерывную, теперь уже шумную болтовню почти нельзя было разобрать.

И долго онъ мыкался такимъ образомъ по улицѣ, и много говорилъ, все съ увеличивавшимся бормотаньемъ.

Впрочемъ, Макарушка кое-что и понималъ изъ этого бормотанья. Очень неясно, а все-таки выходило, что Г—въ на кого-то жалуется, кого-то проклинаятъ, кому-то грозить. Но не замѣтилъ вѣрный слуга Іоасафа Николаевича, чтобы этотъ, страшно взволнованный человѣкъ, у котораго тогда должно было быть и на языкѣ то же, что на умѣ, пожалѣлъ бы его барина, а своего роднаго брата, погоревалъ бы объ его горемычной долѣ. И опять такое зло взяло Макарушку, что не разъ правая рука его судорожно сжималась, и будь въ ней на ту пору ножъ, не одобровать бы Михайлѣ Николаевичѣ Г—ву...

Но Г—въ, наконецъ, таки умыкался, ослабѣлъ внезапно до такой степени, что Макарушка долженъ былъ отвести его въ домъ Семкина. И опять поразила здѣсь малого странность. Горница Михайлы Николаевича была уже не въ прежнемъ ея видѣ: столы,

обитые кожею стулья, а также и ковры куда-то подѣвались, вмѣсто постели, «по господски» убранной, составлены были двѣ, ничѣмъ непокрытыя, скамьи и на нихъ, въ изголовьѣ, лежала только одна подушка въ старенькой, ситцевой наволочкѣ. «Что-жъ это такъ-то? подивился и подумалъ Макарушка: аль этотъ темный плутъ Семкинъ совсѣмъ пересталъ уважать нашего петербургскаго оборотня и ни во что его теперича ставить?»

И похоже было на это.

Когда Г—въ, допивъ сразу бутылку съ какимъ-то виномъ, повалился, въ одѣжѣ и обуви, на свою новую постель, Макарушка пошелъ съ хозяиномъ ужинать и тутъ услышалъ отъ него неладныя рѣчи о Михайлѣ Николаевичѣ.

— И ужъ понадоѣлъ онъ въ этотъ-то прїѣздъ! сердито говорилъ хозяинъ: вотъ, четвертыя сутки идутъ, какъ сюда припожаловалъ, и сразу таки началъ пить, да пить, пьетъ словно оглашенный! А допрежъ, такъ-то не бывало, хоша и оченно любилъ кутнуть, позабавиться... И чего-чего съ пьяну не придумываетъ! Вонъ, горницу свою всю пустехоньку сдѣлалъ, иные стулья такъ выкинулъ, а иные инда переломалъ... на голыхъ скамьяхъ тоже захотѣлъ спать, словно спасается, грѣшнымъ тѣлесамъ покоя не даетъ. Да и не спитъ же путемъ, уснетъ часокъ—и зачнетъ куролѣсить!

— Съ чего бы такъ-то, осторожно спросилъ малый.

— А ни вѣсть съ чего. Думалось было сначала: не съ того ли, что дѣлишки въ Питерѣ по прежнему дурно пошли? да нѣтъ, кажись: деньгами сорить по прежнему... А и то: и допрежъ, колобродилъ, хоша на ину стать. Что-жъ! дворянскаго помету, и видать было завсегда, что гнетъ больше все въ ту сторону. Эхъ! нешто онъ заправскій купецъ!

Въ эту ночь Г—въ, однако, не колобродилъ, по крайней мѣрѣ, въ горницѣ его было тихо, какъ въ кельѣ стараго монаха. А ранымъ рано, онъ разбудилъ Макарушку, сказалъ ему, что сейчасъ уѣзжаетъ «по михѣевскому» дѣлу и скоро воротится и приказалъ непремѣнно его дожидаться.

На памяти у Макарушки было и другое приказаніе, данное ему въ Михѣевѣ, но онъ рѣшился дожидаться возвращенія Михайлы Николаевича, хотя и не очень-то вѣрилъ, чтобы изъ теперешней его поѣздки, по прежнему, будто-бы секретной, вышла какая-нибудь польза для Іоасафа Николаевича.

XLV.

Михайло Николаевичъ возвратился въ Коломну гораздо раньше, чѣмъ полагалъ хозяинъ Семкинъ, въ тотъ же день, какъ выѣхалъ, даже и засвѣтло. Шибко влетѣлъ ямщикъ Егорка на свой дворъ,

но замѣтно было, что онъ очень не въ духѣ, можетъ, оттого, что дорогою досталось-таки ему отъ блажнаго сѣдока (недаромъ и лошади были такъ взмылены). Да и самъ господинъ Г—въ, отправлявшійся въ поѣздку во всемъ своемъ питерскомъ нарядѣ, молодецъ молодцомъ, смотрѣлъ тоже что-то небойко и невесело.

— Воротились-то, несолоно хлѣбавши, успѣлъ шепнуть сметливый хозяинъ Макарушкѣ, выходя съ нимъ на встрѣчу прїѣхавшему.

Г—въ, прямо съ телѣги, не пошелъ въ домъ, а, поманивъ за собою михѣвца, направился на конецъ города, къ Митяевой слободѣ. Онъ шелъ тихо, опустья голову, не оглядываясь и по сторонамъ не глядя, словно все собирался мыслями. Но какъ только миновали послѣдній мѣщанскій домишко на послѣдней глухой улицѣ, онъ вдругъ остановился и, крѣпко схвативъ Макарушку за плечо, отчего тотъ чуть не закричалъ, сказалъ ему громко и грозно:

— Да, малый, дѣло, какъ есть, пропащее!

— Охъ, и пропащее же дѣло! повторилъ онъ уже жалобно: и пропадать-то приходится такому человѣку... Нешто онъ сладить съ горемъ-бѣдою? нешто есть у него сила да воля?.. А вѣдь тутъ надо бы размахнуться во всю силу!.. А?.. Вѣдь, такъ? такъ?.. Ты что-жъ ни словечка не молвишь?.. Можетъ, вы тамъ, аль хоша и ты одинъ, ну, какъ-же ты-то смекаешь?

Макарушка не понялъ о чемъ собственно спрашиваетъ его этотъ человѣкъ, отъ котораго ему было теперь и больно и какъ-то жутко, но все-таки отвѣтилъ, высказавъ что лежало у него на сердцѣ.

— А я лишь то знаю, отвѣтилъ онъ: то одно, что Есафъ Николаичъ пропадаетъ отъ злыхъ людей... Да и всѣ у насъ, на Михѣвѣ, также, окромя только собаки Малѣя... И я съ нимъ зато... Что-жъ! и Богъ мнѣ простить... Такъ-то!

— Постой!..—тревожно перервалъ Г—въ:—Да! вы тамъ все свое, о злыхъ людяхъ... А ихъ-то, пожалуй, и въ счетъ нельзя брать, вѣдь, всякъ трется промежъ всякихъ людей, ну, и промежъ злыхъ тоже. Нѣтъ! не тутъ та бѣда!.. Смекаешь ли ты: что такое значить потакать самому себѣ?.. Я, вотъ, объ этомъ-то, иной разъ, крѣпко подумывалъ...

Онъ замолчалъ, отнялъ свою тяжелую руку отъ плеча Макарушки, быстро пошелъ по дорогѣ къ Митяевой слободѣ и опять, какъ по командѣ, вдругъ остановился.

— Вотъ, я сѣздили, заговорилъ онъ: сѣздили къ толсто-рожему тому сроднику, что теперича сталъ большимъ бариномъ, хотѣлъ черезъ него защиту найти, а онъ на насъ же вздумалъ кричать, что, молъ, всю родню осрамили... Ну, я плюнулъ ему въ глаза, такъ-таки и плюнулъ, не побоялся его лакеевъ... Да нѣтъ! не объ томъ я хотѣлъ... Что-жъ теперича дѣлать-то? что дѣлать?..

И въ послѣднихъ словахъ его послышалась страшная тоска.

— А я говорилъ же ему... продолжалъ онъ, заикаясь и опять

начавъ бормотать, какъ было вчера, въ опьяненіи: да! говорилъ... говорилъ: «поѣдемъ со мной, дѣло найду», и есть дѣло... а хоть бы и пропасть... да то-жъ дѣло... и я... и я вмѣстѣ... Ну и что-жъ теперича?.. Выручать, что-ль, станемъ?.. А?.. Вотъ, объ этомъ-то...

Въ эту самую минуту, слѣва, изъ придорожной канавы, приподнялся, пошатываясь изъ стороны въ сторону, человѣкъ какой-то. Красный, неровный изъ-подъ тучки, отблескъ погорѣвшей зари прямо ударилъ въ него, странно отдѣливъ голову отъ канавы. При скользящемъ этомъ освѣщеніи, Г—въ и Макарушка не разглядѣли, сначала, кто это явился неожиданнымъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Но вдругъ, закатывающееся солнце, прорѣзало тучку и освѣтило уже ярко и ясно всю приподнявшуюся фигуру, ея темноцвѣтное, истомленное лицо, ея глаза, устремленные на солнце и широко-раскрытые, пряди сѣдыхъ, странныхъ волосъ, одѣжу лохмотную.

Лицо это уже можно было узнать, да и голосъ, который тотчасъ же раздался, былъ знакомъ Г—ву и Макарушкѣ: то была Степовичка, явно теперь нищая, что примѣчалось и по лохмотной одѣжѣ и по деревянной чашечкѣ въ лѣвой ея рукѣ.

Можетъ, приподнялась она изъ своей канавы и не потому, что слышала подлѣ разговоръ; можетъ, она только и ждала заката солнечнаго: оттого, не глядя на тѣхъ двухъ человѣкъ, что смотрѣли на нее теперь съ какимъ-то жуткимъ чувствомъ, протянувъ правую руку къ заходящему солнцу, она, дрожащимъ голосомъ, медленно и на распѣвъ говорила:

— Солнушко! солнушко!

Полети до Бога:

Тамъ твои дѣтки

Въ окно выглядяють,—

Медь колупають...

И раза три повторила она простенькую дѣтскую пѣсенку, куда солнушко совсѣмъ не закатилось.

Тогда только мелькомъ взглянула она на Г—ва и Макарушку. Но, видно, глаза ея еще подъ впечатлѣніемъ закатнаго свѣта не распознали кто это стоитъ передъ нею, и она жалобно затынула:

— Христа-ради!.. нищенкѣ старенькой дайте-подайте!..

— Варварушка!.. бѣдняга ты моя горькая!.. промолвилъ Г—въ, и направился было къ ней.

— А!.. живъ человѣкъ!.. дикимъ голосомъ вскричала старуха: ну, и узнала и вспомнила... Охъ, да и кровопивецъ же ты!.. напился крови моей голубоньки, напѣешься и моей.. На же тебѣ за это, пригодится!..

Она выбросила изъ своей чашечки старинный мѣдный пятакъ, ловко выбросила, такъ что онъ упалъ прямо къ ногамъ Г—ва, и вдругъ юркнула въ канаву. Съ минуту, было слышно какъ она пробирается тамъ въ сухой, сорной травѣ, а еще черезъ двѣ-три

минуты, уже въ сторонѣ отъ дороги, во ржаномъ полѣ, послышалось, что Степовичка опять поетъ пѣсню, и словно несовсѣмъ русскую; изъ ней Макарушка могъ разобрать только два слѣдующіе стиха:

... А теперъ — я сама,—
И ни кого нема...

На Михаила Николаевича внезапное появленіе Степовички, не многія, но суровыя слова ея, и этотъ подарокъ ему отъ ней, произвели чрезвычайное впечатлѣніе: опустивъ голову, тяжко вздыхая, онъ простоялъ на одномъ мѣстѣ съ добрую четверть часа, какъ ошеломленный. Затѣмъ, поднявъ онъ подаренный пятакъ, перекрестившись, поцаловалъ его и дрожащей рукою опустилъ въ кошелечекъ, въ которомъ Макарушка замѣтилъ много золотыхъ денегъ, и назадъ пошелъ къ семкинскому двору, молча, тихо, нетвердой поступью.

А тѣмъ временемъ, сумерки уже понакрыли «нижнія» улицы Коломны, но вечеръ былъ свѣтелъ, и довольно людей сидѣло на завазинкахъ подъ окнами и у воротъ. На этотъ разъ, однако, Михайло Николаевичъ не обращалъ вниманія, что рѣчи его могутъ подслушать чужіе.

— А слышалъ ты?.. сказалъ онъ, вдругъ остановившись посередь улицы: напился, вишь, крови ея голубоньки... Значить, Марина... ея ужъ навѣрняка умерла...

Макарушка не отвѣтилъ: жаль-жаль ему было и несчастную Марину Прокофьевну и даже эту старуху, которой онъ прежде боялся, какъ колдуньи.

— Ну, и какъ же теперича быть? продолжалъ Г—въ: выручать ли того... выручать ли, какъ я было задумалъ?.. Да узнаеть же онъ... первымъ дѣломъ справится, и тогда ему все равно.

Но малый опять не отвѣтилъ.

Г—въ постоялъ еще минуты двѣ, словно все ждалъ отвѣту, потомъ махнулъ рукою и шибко пошелъ къ семкинскому двору. Войдя же въ домъ, онъ велѣлъ принести вина, и когда подали ему нѣсколько бутылокъ, заперся въ своей горницѣ, уже ничего не приказавъ дворовому Михѣевцу насчетъ того: оставаться ли еще въ Коломнѣ, или же отправляться домой.

Но Макарушка ни въ какомъ случаѣ не остался бы. На завтра, еще до свѣту, онъ выбрался съ семкинскаго двора. У него была своя мысль въ головѣ.

XLVI.

Мысль, недававшая теперъ Макарушкѣ покоя ни днемъ, ни ночью, зародилась у него не самостоятельно, но онъ считалъ ее своею и готовъ былъ бы увѣрять въ томъ всенародно. И до такой

степени обуяла она его, что онъ уже не обращалъ вниманія на выговоры прикащика за долгое пребываніе въ Коломнѣ. Онъ не сообщилъ тоже зачѣмъ требовалъ его Михайло Николаевичъ, за что опять-таки ему досталось, и особенно отъ Леонтыча-младшаго, но и тутъ не отвлекся онъ отъ своей мысли и, въ первую же удобную минуту, отправился въ село Макшеево, съ отцу Осипу, за совѣтами насчетъ всего, что онъ надумалъ для барина.

Но отецъ Осипъ, хотъ и похвалилъ малаго за усердіе къ господину, а ничего-таки не одобрилъ.

— И какъ могъ ты дерзнуть на сіе? говорилъ, даже волнуясь, священникъ: просто удивленія достойна смѣтливость твоя малая. Знаешь ли, что неразумнымъ предпріятіемъ весьма возможно причинить конечную гибель твоему господину, и безъ того столь злополучному?.. Нѣтъ! единое остается: съ терпѣніемъ переносить испытаніе да надѣяться на милость Господню, ну, и на праведный тоже судъ. Не моги о семъ и думать больше!

Но Макарушка думалъ и думалъ, и, чувствуя, что безъ совѣта умныхъ людей самъ ничего не подѣлаетъ, обратился къ своему старостѣ, а тотъ разсудилъ иначе, чѣмъ отецъ Осипъ. Староста видѣлъ, что дѣло надуманное малымъ больно трудное и страховитое, ну, а все-таки, молъ, можно попытаться, такъ какъ причина на то большая, да и «на милость образца нѣту». Словомъ, староста одобрилъ планъ Макарушки и даже обѣщалъ на исполненіе его своихъ деньжонокъ дать, да вытянуть сколько-нибудь и отъ старшаго Шибаева, которому во всемъ можно довѣриться.

Планъ Макарушки былъ очень простъ по замыслу. Мелькомъ сказанныя Г—вымъ слова: «выручать, что-ль, теперича станемъ?» сильно врѣзались въ сердце малаго и на нихъ-то онъ замыслилъ: сначала выручить Іоасафа Николаевича изъ тюрьмы, доставивъ ему средства къ побѣгу, а потомъ свезти его въ Питеръ, гдѣ онъ, чрезъ своего крестнаго Апухтина, долженъ будетъ просить, чтобы послали «большаго генерала» навести по его дѣлу справедливое слѣдствіе. Все это казалось малому возможнымъ, а главное совершенно необходимымъ, дабы не мучился больше баринъ въ тюрьмѣ, дабы не померъ тамъ съ нужи и горя!

Съ помощью старосты, Макарушка безъ труда былъ отпущенъ въ Егорьевскъ спровѣдать барина и узнать: не нужно ли ему чего изъ Михѣева? (объ этомъ, грѣшнымъ дѣломъ, доселѣ какъ-то не надумались). Но въ Егорьевскѣ, какъ въ этотъ разъ, такъ и во всѣ послѣдующіе, вѣрный слуга ничего не могъ сдѣлать, часто-коль острога оказывался непереступаемымъ препятствіемъ, да и караулъ былъ очень исправенъ. Къ тому же, вѣроятно, и Іоасафъ Николаевичъ не былъ готовъ тогда къ мысли о побѣгѣ и, можетъ быть, все еще надѣялся на хорошій исходъ дѣла, каковою надеждой соблазнили его, кажется, и чиновники-доброжелатели. Кстати:

Макарушка, всетаки, былъ допускаемъ къ барину и, должно быть, въ одно изъ такихъ свиданій, баринъ передалъ ему немалую часть изъ денегъ только-что полученныхъ имъ за проданное уже имѣніе.

Въ Егорьевскомъ уѣздномъ судѣ дѣло по «михѣвской исторіи» было рѣшено тяжело и, затѣмъ, по порядкамъ судопроизводства, перешло въ уголовную палату. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Іоасафъ Николаевичъ былъ переведенъ въ рязанскій тюремный замокъ.

Тогда, Макарушка, безъ спроса, отлучился изъ Михѣва и уже не возвратился въ него. Онъ ушелъ въ Рязань и тамъ-то устроилъ-таки побѣгъ барина.

Но побѣгъ не удался и будто бы по причинѣ самого Іоасафа Николаевича. Въ рѣшительную минуту, когда двое или трое арестантовъ, товарищей по побѣгу (безъ нихъ нельзя было обойтись) успѣли перелѣзть черезъ стѣну «замка», несчастный дядя мой не захотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру и отдался караулу. Тѣмъ не менѣе, покушеніе на побѣгъ, при обсужденіи дѣла въ палатѣ, было поставлено ему на счетъ.

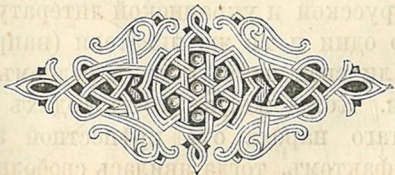
Вскорѣ послѣ того, Макарушка бѣжалъ въ «Адестъ»; а черезъ пять-шесть лѣтъ, пронеслись у насъ слухи, что гдѣ-то въ степяхъ Новороссійскаго Края, во время развѣздовъ съ какимъ-то товаромъ, онъ былъ убитъ.

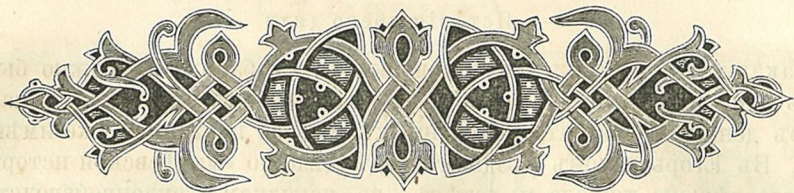
Въ палатѣ дѣло рѣшили безпощадно: Іоасафъ, Николаевъ сынъ, П—въ «былъ написанъ въ солдаты, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства». Кажется, такому рѣшенію много поспособствовало и прошеніе Надежды Ивановны П—вой.

Въ 1829 году, послѣ кончины моего отца, товарищъ его по военной службѣ, Василій Васильевичъ Рославлевъ, не скрывъ отъ моей матери, что Іоасафъ Николаевичъ умеръ въ кievскомъ военномъ госпиталѣ отъ злой чахотки.

Такъ окончилась исторія моего дяди. Съ нимъ угасъ старый дворянскій родъ—родъ несчастный, ибо многіе его представители погибли бѣдственно.

С. Славутинскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

V.

Новѣйшая украинская литература.

НОВОЕ украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣетъ близкія и тѣсныя связи съ прежнимъ украинофильствомъ, отличаясь отъ него лишь болѣею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни. Прежнее украинофильство поставило между своими задачами приготовленіе простаго южнорусскаго народа къ освобожденію отъ крѣпостничества путемъ его образованія. Теперь же, съ прошлаго царствованія, освобожденіе простаго русскаго народа отъ крѣпостной зависимости стало предметомъ заботъ самого правительства и встрѣчало лишь препятствія въ значительной части душевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Поэтому первую насущною потребностью украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа. На этомъ пунктѣ интересы русской и украинской литературъ слились между собою до того, что одни и тѣ же писатели (напр. Марко Вовчокъ) одновременно писали свои повѣсти въ народномъ духѣ и по-украински и по-русски. Когда же, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, освобожденіе простаго народа отъ крѣпостной зависимости стало дѣйствительнымъ фактомъ, тогда явилась свободная нужда въ озна-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» томъ ІХ, стр. 225.

комленіи и сближеніи привилегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего требовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многообразныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны—возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія. Эти двѣ задачи опять-таки были предметомъ общихъ усилій просвѣщенныхъ людей и на югѣ, и на сѣверѣ Россіи; но въ подробностяхъ эти задачи уже нѣсколько разнились у южанъ и сѣверянъ. Изучая простой украинскій народъ, малороссійская интеллигенція, вслѣдъ за прежними украинофилами, усматривала въ этомъ народѣ особое славянское племя, со своими отличительными особенностями и языкомъ, имѣющее право на свою особую, своеобразную жизнь. Указывались особенности малороссійскаго племени—этнографическія, историческія, лингвистическія и проч. Въ силу этихъ особенностей и преимущественно лингвистическихъ, малорусская интеллигенція стала требовать для образованія украинскаго народа и языка народнаго, т. е. украинскаго. Русскій литературный языкъ и русская литература, по представленію новѣйшихъ украинофиловъ, суть искусственныя, не народныя произведенія, непонятныя простому народу, и потому не могутъ быть орудіемъ народнаго образованія. Отсюда вытекали слѣдующіе выводы: русскій литературный языкъ первоначально самъ долженъ оживиться народными элементами для того, чтобы быть орудіемъ народнаго образованія; а пока онъ не достигъ еще этого, то не обязательнъ для обученія малороссовъ, которые имѣютъ свой языкъ, чисто народный. Органомъ этихъ идей былъ журналъ «Основа», издававшійся въ 1861 и 1862 годахъ. Впослѣдствіи времени, впрочемъ, нашли возможнымъ совмѣстить въ дѣлѣ народнаго образованія въ Малороссіи русскій литературный языкъ съ малорусскимъ и рекомендовали или начинать первоначальное обученіе съ малорусскаго языка и заканчивать литературнымъ русскимъ, или употреблять двухтекстные учебники на обоихъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, обученіе на народномъ малорусскомъ нарѣчій или, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ участіемъ его, составляло особенный предметъ заботливости южнорусскихъ интеллигентныхъ людей въ началѣ прошлаго царствованія. Съ 1857 по 1862 годъ, т. е. въ теченіи шести лѣтъ, явилось не менѣе десяти букварей, грамотокъ и учебныхъ пособій на украинскомъ нарѣчій для народнаго обученія, и въ томъ числѣ Кулиша, Шевченка, Шейковского, Гатцука, Деркача, Грещанковского, Дараганъ, Яценка, Мороза, А. Конисскаго и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ издано было значительное число популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія и между ними проповѣди на малорусскомъ нарѣчій Гречулевича, Бабченка и Опатовича, четвероевангеліе и новый завітъ и множество народныхъ повѣстей и разсказовъ, перепечатававшихся изъ «Хаты» Кулиша (1860 годъ), журнала «Основы» и др. Въ послѣдствіи времени эта

популярная малорусская литература стѣснена была въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но все-таки временами проявляла себя изданіемъ популярныхъ брошюръ, касающихся ближайшихъ житейскихъ интересовъ простаго украинскаго народа. Между 1874—1876 и 1881—1882 годами изданъ былъ цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ малорусскихъ брошюръ, сообщающихъ популярныя свѣдѣнія о небѣ и землѣ, земныхъ силахъ, почвѣ, воздухѣ, земледѣліи, звѣряхъ, насѣкомыхъ, болѣзняхъ, мировыхъ судахъ, воинской повинности, дифтеритѣ и проч., каковы напримѣръ, брошюры Горбунова (переводныя), Иванова въ переводахъ Комарова, Менчица, Троцкаго, Степовика, Хвидоровскаго и др.

Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтитъ его опредѣлялась и изящная украинская литература первыхъ годовъ прошлаго царствованія. Большая часть беллетристическихъ произведеній, помѣщавшихся въ журналѣ «Основа» за 1861—1862 годы, имѣетъ характеръ эскизовъ съ натуры и пересказовъ «изъ народныхъ устъ», какъ часто и озаглавливались они. Въ такомъ духѣ прежде всего писала Марко-Вовчокъ, лучшая писательница этого времени: первые эскизы свои она предназначала для «Записокъ о Южной Руси» Кулиша и слѣдовательно первоначально работала, какъ чистый этнографъ. За нею слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей на украинскомъ нарѣчій въ томъ же этнографическомъ и эскизномъ направленіи, каковы напримѣръ: Д. Мордовцевъ въ своихъ малорусскихъ повѣстяхъ, А—ра М. Кулишъ, писавшая подъ псевдонимами Анны Барвинокъ и А. Нечуй-Вітеръ, П. Косменко (подъ именемъ Кузьменка), Данило (псевдонимъ), Забоцень (псевдонимъ), Модестъ Дымскій, Димитрій Александровичъ (Митро Омельковичъ), М. Н. Александровичъ, М. Т. Симоновъ подъ псевдонимомъ Номисъ, С. Д. Носъ, Ка—па (псевдонимъ), О. Вильшанскій, В. Г—гл—ській, Вс. Каховскій, В. Тищенко, М. Чайка, К. Шохинъ подъ псевдонимомъ Кузьма Шаповала, Павло Шулікъ, Л. Яценко, М. Туловъ подъ псевдонимомъ Линейкина и др. ¹⁾ Сюда же нужно отнести и Н. С. Левицкаго (Нечуя) съ его повѣстями и рассказами изъ простонароднаго украинскаго быта.

Въ такомъ направленіи своемъ, попреимуществу простонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣетъ полное право на существованіе и дальнѣйшее

¹⁾ Нѣкоторые псевдонимы раскрыты по указанію «Русскаго Календаря» Суворина на 1881 годъ и кіевскихъ газетъ, особенно прекратившагося въ 1876 году «Телеграфа». Изъ позднѣйшихъ украинскихъ писателей, болѣе или менѣе неудачныхъ, извѣстны: Алексѣй Грабина, Прохоръ Данилевскій, Маруся Доброва (Розова, въ Кіевлянинѣ), Н. Короленко, Ф. Левицкій, М. Лобода, Григ. Лядовъ, Маркъ Онукъ, Готфридъ Оссовскій, Очеретяный, П. Савлущинскій (въ «Телеграфѣ» и «Кіевлянинѣ», съ подписью—скій), Нордега подъ псевдонимомъ Стеценко, Цисъ и др.

развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентные классы общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скудную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. То и другое мы и видимъ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Изъ переводчиковъ на украинское нарѣчіе съ другихъ языковъ извѣстны: С. Руданскій (Слово о полку Игоревѣ и Одиссея), В. А. Кендзерскій (Слово о полку Игоревѣ; Кременчугъ, 1875 годъ), Л. Глѣбовъ, Мазюкевичъ и Р. Витавскій со своими переводами басенъ Крылова и др., Мордовцевъ (переводы изъ Гоголя въ «Малорусскомъ литературномъ сборникѣ»; Саратовъ, 1859 года), М. Лобода или Лободовскій («Тарасъ Бульба, зъ Гоголя»; Кіевъ, 1873 года), О. Пчілка («Переклады зъ Гоголя»; Кіевъ, 1881 года), Вл. Александровъ («Малоросьскі Співанки», переводъ Лермонтова на украинское нарѣчіе; Харьковъ, 1880 года), А. Навроцкій (его переводы изъ Мицкевича, Хомякова и Гейне—въ рукописи), Л. Яценко («Пташина Пісня», изъ Андерсена, въ «Основѣ» за 1862 года) и М. П. Старицкій (онъ же и Стариченко), извѣстный своими переводами изъ Крылова, Лермонтова, Гоголя, сербскихъ народныхъ пѣсень, Мицкевича, Сырокомли, Шекспира, Байрона, Гейне и сказокъ Андерсена. Кромѣ того, въ послѣднее время г. Кулишъ занимается переводомъ шекспировскихъ пьесъ и намѣренъ издать ихъ въ девяти томахъ. Въ первый томъ войдутъ: «Отелло», «Троиль и Крессида» и «Комедія ошибокъ». Разумѣется, лучше удались переводы тѣхъ произведеній, которыя ближе и понятнѣе народному сердцу и умственному развитію и потому безъ натяжки могли быть выражены наличнымъ запасомъ малорусскаго словаря. Въ этомъ отношеніи лучшими считаются переводы Глѣбова — басенъ Крылова и Старицкаго—сербскихъ народныхъ пѣсень.

Другіе малорусскіе писатели, прозаики и стихотворцы, пытались обогатить украинскую литературу болѣе или менѣе самостоятельными произведеніями на украинскомъ нарѣччі, но они болѣею частію не выходили изъ круга подражанія своимъ и чужимъ образцамъ. Особенно много было подражателей Шевченка или продолжателей его дѣла, изъ коихъ, впрочемъ, никто почти не выдвинулся изъ ряда посредственностей. Къ числу малорусскихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, подражавшихъ Шевченкѣ или воспроизводившихъ украинскія народныя пѣсни, относятся: Білокопитой (псевдонимъ), Бойчукъ, Вешнякъ, Ф. Галузенко, И. Горза, С. В. Куликъ, Павлусъ (псевдонимъ), Тирса, Таволга-Мокрицкій,

помѣщавшіе свои стихотворенія въ «Основѣ»; также: Гриненко, Клейфъ подъ псевдонимомъ Кохнівченка, Н. Константиновичъ, Е. Ластивка, Ф. Левицкій подъ псевдонимомъ графа Биберштейна, К. Маляревскій, Н. Мельникъ, Ив. Подушка, М. Семенюкъ, Старушенко, Н. Шибутко, М. Юркевичъ и др. Но изъ нихъ заслуживаетъ вниманія развѣ только г. Куликъ, бывшій въ Полтавѣ учителемъ († около 1874 года). Изъ другихъ новѣйшихъ украинскимъ писателей, подражавшихъ лучшимъ образцамъ другихъ литературъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія С. Руданскій, слѣдовавшій иногда русскимъ писателямъ Кольцову и Некрасову, и И. С. Левицкій (Нечуй), въ большихъ своихъ повѣстяхъ слѣдовавшій за Тургеневымъ.

Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣчать два существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ въ глубь народнаго міровозрѣнія и сознанія и ищетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ въ ширь, старается раздвинуть тѣсную сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованиями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надлежащей жизненности. Въ этомъ заключаются существенные недостатки современной украинской литературы, несмотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей.

Къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ новѣйшей украинской литературы мы относимъ: Марка-Вовчка, И. С. Левицкаго (Нечуя), Л. И. Глѣбова, С. Руданскаго и М. П. Старицкаго.

I.

Марко-Вовчокъ.

Марко-Вовчокъ есть псевдонимъ, подъ которымъ скрывается М. А. Маркевичъ, урожденная Вилинская, получившая воспитаніе въ Орловскомъ институтѣ. Первые литературные опыты ея относятся приблизительно къ 1857 году, когда явились извѣстные «Записки о Южной Руси» Кулиша, и предназначались для дальнѣйшихъ томовъ этого сборника. «Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссіи для дальнѣйшихъ томовъ «Записокъ о Южной Руси», говоритъ г. Кулишъ, — нѣкто, назвавшій себя Маркомъ Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разсказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ

къ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня недѣлю и другую. Наконецъ, я удосужился и принялся ее читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непорочное, полное свѣжести художественное произведеніе! Было прислано сперва только два небольшихъ разсказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ онѣ написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ насмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разсказовъ, и плодомъ его воспоминаній явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ». Г. Кулишъ издалъ эти разсказы въ 1857 году, подъ заглавіемъ: «Народні оповідання» Марка-Вовчка ¹⁾. И. С. Тургеневъ перевелъ эти «Оповідання» на русскій языкъ, справедливо предполагая, что это—лучшая рекомендація для начинающаго литератора, и этотъ переводъ изданъ былъ въ 1859 году, Кожанчиковымъ, подъ заглавіемъ: «Украинскіе народные разсказы» Марка-Вовчка. Въ томъ же году изданы были въ Москвѣ «Разсказы изъ народнаго русскаго быта» Марка-Вовчка. Такимъ образомъ, съ первыхъ почти годовъ своей литературной дѣятельности, Марко-Вовчокъ писала и на малорусскомъ нарѣччі, и на русскомъ языкѣ, и имѣла успѣхъ въ обѣихъ литературахъ. Разсказы Марка-Вовчка печатались постоянно въ нашихъ лучшихъ журналахъ и затѣмъ нѣсколько разъ издавались отдѣльными небольшими книжками, которыя, въ настоящее время, почти всѣ разошлись и сдѣлались библіографическою рѣдкостію. Т. Г. Шевченко назвалъ Марка-Вовчка своей преемницей на литературномъ поприщѣ и своей нареченной дочерью и до самой смерти своей поддерживалъ дружескія, теплыя отношенія къ этой писательницѣ, которая, съ своей стороны, отвѣчала ему взаимностью ²⁾. Украинскіе патріоты смущались авторствомъ Марка-Вовчка на обоихъ языкахъ, малорусскомъ и русскомъ, и однажды предложили Шевченкѣ такой вопросъ, не слѣдуетъ ли высокоуважаемому имѣ писателю, т. е. Марку-Вовчку, ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ. На это Шевченко отвѣчала: «да пусть пишетъ хоть по самоѣдски, лишь бы въ его писаніяхъ была правда» ³⁾. Впослѣдствіи времени Марко-Вовчокъ совершенно оставила украинскую рѣчь, продолжая авторство на русскомъ литературномъ языкѣ и, наконецъ, почти исключительно

¹⁾ Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги «Народні оповідання» Марка-Вовчка, г. Кулиша, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 года, т. XII.

²⁾ Письма ея къ Шевченкѣ, одно въ «Основѣ» за іюнь 1861 года, другое—въ книгѣ г. Чалаго о Шевченкѣ, 1882 года.

³⁾ Значеніе Шевченка для Украйны, въ «Основѣ», за іюнь 1861 года, стр. 6.

обратилась къ переводамъ на русскій языкъ педагогическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ.

Несмотря на важное воспитательное и цивилизующее значеніе переводныхъ трудовъ Марка-Вовчка по педагогикѣ, эти труды не относятся къ области исторіи русской литературы, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сообразно съ своей задачей—слѣдить развитіе украинской литературы и украинскій элементъ въ русскихъ писателяхъ, мы остановимся преимущественно на разсказахъ и повѣстяхъ Марка-Вовчка изъ народнаго украинскаго быта, не отказываясь, для полноты характеристики нашей писательницы, порой заглядывать и въ ея великорусскіе народные разсказы.

Къ малорусскимъ разсказамъ и повѣстямъ Марка-Вовчка относятся слѣдующіе: Сестра, Казачка, Чумахъ, Одарка, Чари, Сонъ, Горпина (иначе Паньска воля), Выкупъ, Свекровъ, Оксана (иначе Знай ляше), Три долі, Не до пари, Два сини, Ледащиця, Відъ себе не втечешъ (иначе Павло Чорнокрыль), Институтка, Максимъ Гримачъ, Данило Гручъ, Глухой городокъ, Тюлевая баба, Лемеривна, Пройди Світъ, Кармелюкъ, Невільничка, Девять братівъ и десята сестрица Галя и Ведмідь.

Марко-Вовчокъ начала писать свои народные разсказы тогда, когда только-что поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и правахъ простаго, сѣбраго народа на самостоятельную, человѣческую жизнь, и одна изъ первыхъ подняла голосъ противъ злоупотребленій помѣщицей власти и въ защиту человѣческихъ правъ простаго народа. Въ этомъ заступничествѣ за народъ заключалась величайшая заслуга Марка-Вовчка, какъ писательницы, доставившей ей, въ свое время, громадную популярность, независимо отъ внутреннихъ достоинствъ ея произведеній. Разсказы и повѣсти Марка-Вовчка обратили на себя вниманіе лучшихъ малорусскихъ и русскихъ писателей и критиковъ, какъ-то: Кулиша, Н. И. Костомарова, Добролюбова, Скабичевского, и друг., которые посвятили малорусскимъ произведеніямъ Марка-Вовчка болѣе или менѣе подробныя и обстоятельныя рецензіи и критическія статьи ¹⁾.

Въ итогѣ всѣхъ этихъ рецензій и критикъ оказывается, что Марко-Вовчокъ своими этюдами изъ народной жизни, хотя и животрепещущими, но не законченными, подавала большія надежды на лучшее и совершеннѣйшее творчество, какія высказывались почти всѣми первыми критиками ея, но не оправдала этихъ надеждъ и остановилась на однихъ лишь этихъ этюдахъ. Но затѣмъ,

¹⁾ См. эти рецензіи и критики: г. Кулиша — въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 года, т. XII, ч. 1-я; въ Альманахѣ «Хата», 1860 года, и въ «Основѣ», за апрѣль 1861 года («Отъ редакціи»); Н. И. Костомарова — въ «Современникѣ», 1859 года, № 5; Добролюбова — тамъ же, 1860 года, т. LXXXIII, и Скабичевского — въ «Отечественныхъ Запискахъ», за іюль 1868 года.

мнѣнія о внутреннемъ достоинствѣ этихъ этюдовъ, независимо отъ содержанія и тенденціи ихъ, разошлись у критиковъ разныхъ поколѣній въ противоположныя стороны. Тогда какъ первые по времени критики признавали народные рассказы Марка-Вовчка, если не вполне округленными и законченными, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе вѣрными дѣйствительности и выражающими народный духъ, позднѣйшій изъ критиковъ, г. Скабичевскій, отнимаетъ у нихъ и это достоинство и находитъ, что народные рассказы Марка-Вовчка мало имѣютъ подъ собою реальной народной почвы, задаются общечеловѣческими интересами и идеалами, и иногда навязываютъ народу то, что въ дѣйствительности не принадлежитъ ему. Для насъ кажется очевиднымъ, что столь противоположныя мнѣнія критики о народныхъ рассказахъ Марка-Вовчка опредѣлялись и вызывались не столько внутренними достоинствами произведеній Марка-Вовчка, сколько впечатлѣніями, полученными отъ этихъ произведеній подъ вліяніемъ стороннихъ обстоятельствъ, именно литературной борьбы противъ крѣпостнаго права и прекращенія этой борьбы съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Первоначально народные рассказы Марка-Вовчка нравились преимущественно за ихъ горячее заступничество за челоуѣческія права простаго народа. Но когда эти права уже были признаны за народомъ, то тѣ же самые рассказы и повѣсти Марка-Вовчка стали казаться для нѣкоторыхъ сентиментальными, романтическими, довольно однообразными и скучными. Поэтому, для того, чтобы объективнѣе судить о народныхъ рассказахъ Марка-Вовчка, нужно прослѣдить самый актъ творчества писательницы и отношеніе ея къ тѣмъ народнымъ матеріаламъ, которыми она пользовалась. Къ счастью, у ней есть нѣсколько такихъ народныхъ рассказовъ и повѣстей, въ которыхъ просвѣчиваетъ строительный матеріалъ ихъ. Онѣ могутъ дать ключъ къ оцѣнкѣ и остальныхъ произведеній Марка-Вовчка.

Къ повѣстямъ и рассказамъ Марка-Вовчка, въ которыхъ болѣе другихъ замѣтенъ этнографическій матеріалъ, относятся: «Чари», «Лемеривна», «Данило Гручъ», «Невольница» и особенно «Иванъ Кармелюкъ» и «О девяти братьяхъ разбойникахъ» (и о десятой сестрицѣ Галѣ). Изъ нихъ послѣднія двѣ имѣютъ наибольшее отношеніе къ памятникамъ украинской народной словесности и представляютъ изъ себя только болѣе или менѣе художественное воспроизведеніе народныхъ сказаній.

Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ одинаково извѣстна и въ сѣверно-русской, и въ украинской народной литературѣ. Нѣсколько варіантовъ ея издано въ «Сборникѣ Рыбникова». Въ свое время она обратила на себя вниманіе А. С. Пушкина и была записана имъ, вѣроятно съ цѣлію подверг-

нуть ее художественной обработкѣ ¹⁾. Эту же сказку, въ малорусской ея редакціи ²⁾, выбрала Марко-Вовчокъ сюжетомъ своей малорусской повѣсти съ тѣмъ же заглавіемъ, распространивъ ее и подвергнувъ лишь незначительной передѣлкѣ въ частностяхъ. Марко-Вовчокъ рассказываетъ объ одной бѣдной вдовѣ, жившей близъ Кіева на Подолѣ, которая имѣла девять сыновей и одну дочь. Подрастающая, сыновья отправились на заработки, но вездѣ терпѣли неудачу и наконецъ присягнули дремучему лѣсу, т. е. сдѣлались разбойниками. Долго старушка-мать ожидала возвращенія дѣтей, прислушиваясь къ каждому шороху. Наконецъ, она умерла, не дождавшись сыновей, и дочь Галя осталась одна. Къ окну ея подошелъ однажды незнакомый казакъ. Онъ влюбился въ Галю, женился на ней и попалъ нечаянно къ днѣпровскимъ пещерамъ, гдѣ скрывались Галины братья разбойники. Они напали на молодыхъ, казака убили, а въ женѣ его узнали свою сестру Галю, которая въ отчаяніи сошла съ ума и утопилась въ Днѣпрѣ. Одинъ критикъ хвалитъ первую половину этой повѣсти Марка-Вовчка и говоритъ о ней слѣдующее: «если бы писательница покончила этимъ (смертью матери) свой рассказъ, или придумала для него другой болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы. Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница пришила на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному рассказу самый нелѣпый и мелодраматическій конецъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ случайностей, ни на чемъ не основанныхъ», и проч. ³⁾. Очевидно, г. критикъ и не подозрѣвалъ народной основы этой повѣсти Марка-Вовчка и ставилъ автору въ вину то, что собственно принадлежало народному пересказу и составляло извѣстную заслугу автора, старавшагося быть вѣрнымъ народному сказанію. Марка-Вовчокъ только округлила народный рассказъ и ввела въ него психологическіе мотивы.

Другая повѣсть Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ «Невѣльничка», несомнѣнно основана на историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ татарской эпохи. По рассказу Марка-Вовчка, давно когда-то родился въ Овручѣ хлопчикъ Остапъ, который, чуть только началъ приходить къ сознанию, какъ увидѣлъ и понялъ, что плохо жить людямъ въ Овручѣ вслѣдствіе набѣговъ турецкихъ и татарскихъ. Однажды онъ самъ видѣлъ своими глазами, какъ вооруженный турокъ мчалъ на легкомъ конѣ свою плѣнницу-дѣвицу, которая простирала къ Остапу руки съ просьбою о помощи. Эта сцена глубоко

¹⁾ См. объ этомъ «Порядокъ», 1881 года, № 11, и «Кіевлянинъ», 1881 года; № 45: «По поводу черновыхъ набросковъ Пушкина».

²⁾ Малорусскій вариантъ см., между прочимъ, въ «Сборникѣ гражданскихъ пѣсней» А. Гулака-Артемовскаго, изд. въ Кіевѣ въ 1860-хъ годахъ.

³⁾ «Современникъ», 1864 года, т. 100: «Русская литература. Сказки Марка-Вовчка. С.-Петербургъ. 1864».

врѣзалась въ воспріимчивую душу Остапа, который отселѣ не покидалъ мысли объ освобожденіи своей родины отъ турецкаго и татарскаго ига. Выросши и возмужавъ, онъ собралъ большое войско противъ татаръ и турокъ, но въ сраженіи съ ними былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу. Отсюда онъ выбрался, разломавъ кирпичи въ стѣнѣ, и, при помощи видѣнной имъ въ дѣтствѣ русской полоняночки, возвратился на родину; здѣсь онъ собралъ новое войско, напалъ на турокъ и освободилъ плѣнницу. Подобной пѣсни, въ который бы передавались всѣ подробности изложенной повѣсти Марка-Вовчка, мы не встрѣчали; но частные мотивы повѣсти попадаютъ въ разныхъ историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ эпохи татарской, одинаково встрѣчающихся и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Изъ малорусскихъ историческихъ пѣсень, болѣе подходитъ къ содержанію повѣсти пѣсня о Марушѣ Богуславкѣ, хотя Марко-Вовчокъ, по всей вѣроятности, имѣла въ виду какую-либо другую малорусскую историческую пѣсню, для насъ неизвѣстную.

Опредѣленнѣе источники другой повѣсти Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ «Иванъ Кармелюкъ». Этотъ рыцарь-разбойникъ, по разсказу Марка-Вовчка, былъ сынъ вдовы и съ малолѣтства еще отличался красотою, разумомъ и удалствомъ. Онъ рано сталъ задумываться надъ неравенствомъ людскаго счастія, надъ горькою участью бѣдняковъ, лѣнулъ къ нимъ всею душею своею и самъ женился на бѣдной и забытой, но разумной дѣвушкѣ и напелъ съ нею супружеское счастье. Но его еще болѣе стало мучить людское горе и убожество, и Кармелюкъ рѣшилъ помочь ему. Для этого онъ оставилъ свою семью, мать, жену и дочь, набралъ себѣ вѣрную дружину и сталъ нападать на богачей, оставляя имъ жизнь и раздавая деньги убогимъ и бѣднымъ. Слухъ о красивомъ и милостивомъ къ бѣднякамъ разбойникѣ разнесся далеко и поднялъ на ноги мѣстное начальство, которое всѣми мѣрами старалось поймать его и устроило на него облаву. Однажды Кармелюкъ накрытъ былъ сыщиками у своей жены въ саду, пойманъ и посаженъ въ тюрьму. Его присудили сослать въ Сибирь; но Кармелюкъ дважды убѣгалъ оттуда и въ послѣдній разъ, взявъ съ собою жену и дочь, безслѣдно исчезъ куда-то. Личность Кармелюка — историческая. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нынѣшней Подольской и Волынской губерніяхъ уже во времена владычества Россіи. Здѣсь сохранились о немъ устные преданія и распѣвается малорусская пѣсня, приписываемая самому Кармелюку. Въ одной редакціи она приведена въ разныхъ мѣстахъ повѣсти Марка-Вовчка; Въ другомъ спискѣ напечатана она въ сборникѣ Н. Гатцука «Ужінокъ рідного поля». Т. Г. Шевченко невысоко цѣнилъ эту пѣсню о Кармелюкѣ и въ своемъ «Дневникѣ» отзывался о ней такъ: «Сочиненіе этой весьма немудрой пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клевещутъ на славнаго рыцаря. Это рукодѣлье какого нибудь мизернаго Падур-

ры»¹⁾). Марко-Вовчокъ, взявши эту пѣсню въ основаніе своего разсказа, прибавила къ ней отъ себя романическій элементъ о женитьбѣ Кармелюка и домашней его жизни, вслѣдствіе чего повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: «Кармелюкъ дома» и «Кармелюкъ на разбоѣ». Но эти части не связаны между собою органически и, по замѣчанію критики, рисуютъ своего героя нѣсколько притивоположными чертами.

Разсказъ «Лемеривна» тоже весь основанъ на народныхъ историческихъ пѣсняхъ. По разсказу Марка-Вовчка, молодой козакъ Шкандыбенко полюбилъ дѣвицу Лемеривну и, несмотря на троекратный отказъ ея, послалъ къ ней сватовъ. Мать приневолила Лемеривну выйти замужъ за Шкандыбенку; но послѣ вѣнца Лемеривна попыталась убѣжать отъ своего мужа, и, когда онъ догналъ ее, зарѣзалась. Мать Лемеривны, узнавъ объ этомъ, упала мертвою, а Шкандыбенко куда-то уѣхалъ и уже болѣе не возвращался въ свое село. Эта повѣсть есть не что иное, какъ пересказъ чрезвычайно распространенной и богатой варианта мѣстныя пѣсни, начинающейся съ того, что мать Лемеривна пропиваетъ свою дочку Шкандыбенку, или Синькевичу и т. п., а оканчивающейся тѣмъ, что Лемеривна убиваетъ себя, говоря:

Кипи, кипи, мое сердце на ножі,

Ниж маеш ти спочивати з нелюбомъ на ложі²⁾.

Подобнаго же содержанія повѣсть Марка-Вовчка, подъ названіемъ «Данило Гручъ».

Кромѣ того, укажемъ еще на повѣсть съ этнографическою подкладкою, «Чари», рассказанную со словъ старой бабуси.

Всѣ перечисленные повѣсти Марка-Вовчка очень близко держатся историко-этнографическаго матеріала и дѣйствительно могутъ быть названы, въ нѣкоторомъ родѣ, только этнографическими этюдами, за которыми мало остается мѣста творческой самодѣятельности автора. Писательница сама знакомилась и знакомитъ насъ съ народомъ не непосредственно, а показываетъ его намъ сквозь призму историческихъ пѣсенъ и вѣковыхъ народныхъ преданій, которыя можно воспринять и усвоить и чисто книжнымъ путемъ. Этимъ объясняются достоинства и недостатки повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка съ этнографическою подкладкою: съ одной стороны—эпическій складъ и характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ нашей писательницы, съ другой—поэтическое, идеальное представленіе народной жизни въ радужныхъ краскахъ. На долю писательницы оставались только выборъ мелодраматическихъ сюжетовъ,

¹⁾ Падурра—плохой польско-украинскій стихотворецъ. Извѣстенъ въ печати его Pienia, 1842 года и Ukrainky, 1844 года.

²⁾ «Историч. пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ. 1874 года, стр. 311.

имѣющихъ отношеніе къ народному горю и страданію, округленіе народнаго пересказа и мотивированіе его подробностей психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ.

Другую серію украинскихъ народныхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка составляютъ повѣсти и разсказы бытового содержанія и характера, преимущественно касающіяся переходной эпохи, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны рисуется въ нихъ горькое положеніе униженныхъ и оскорбленныхъ крѣпостничествомъ меньшихъ братій нашихъ, съ другой—выставляются на показъ и бичуются дурныя склонности и привычки рабовладѣльческаго и вообще привилегированнаго сословія. Въ герояхъ первой категоріи писательница усматриваетъ свѣтлый человѣческій обликъ, несмотря иногда на невольное паденіе ихъ, тогда какъ, наоборотъ, въ представителяхъ рабовладѣльческаго сословія образъ и подобіе Божіе, по ея представленію, часто заслоняются скотскими и звѣрскими наклонностями и привычками. Такимъ образомъ, само собою создаются у Марка-Вовчка два типа, положительный и отрицательный, которые проходятъ рядомъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ этой писательницы, но иногда почти исключительно завладѣваютъ повѣстью или разсказомъ. Но тогда какъ сфера отрицательныхъ типовъ, какъ болѣе и ближе знакомая писательницѣ по ея происхожденію и общественному положенію, вѣрно и реально изображается ею, другая, чуждая ей сфера крестьянъ и казаковъ, усвоена ею только посредствомъ наблюденія и изученія, основаннаго притомъ на недостаточномъ числѣ фактовъ, которые восполняются у нея извѣстной гуманной тенденціей и теплотою собственнаго чувства, разливающего вокругъ героевъ и героинь какую-то елейность и сообщающаго разсказу сентиментально-элегическій тонъ. Замѣтимъ кстади, что въ лучшую пору своей литературной дѣятельности Марко-Вовчокъ попеременно жила въ Петербургѣ, въ Германіи и Италіи, какъ показываютъ ея письма къ Т. Г. Шевченкѣ, слѣдовательно описывала Малороссію изъ прекраснаго далека.

Къ бытовымъ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка изъ южнорусской жизни относятся: «Два сини», «Не до пари», «Ледящица», «Три доли», «Видъ себе не втечешъ» (иначе «Павло Чернокрыль»), «Институтка», «Сестра», «Козачка», «Чумаць», «Одарка», «Сонъ», «Горпина» (иначе «Паньска воля»), «Выкупъ», «Свекровь», «Оксана» (иначе «Знай ляше»), «Максимъ Гримачъ», «Глухой городокъ», «Тюлевая баба», «Пройди-світъ», «Ведмідь».

Болѣе вѣрными въ бытовомъ отношеніи нужно считать у Марка-Вовчка картины и очерки той жизни, которая естественно болѣе знакома писательницѣ, т. е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Къ такимъ повѣстямъ и разсказамъ относятся: «Тюлевая баба», «Глухой городокъ» и «Институтка». Бабами въ Малороссіи и Польшѣ

называется родъ пасокъ, приготавливаемыхъ къ свѣтлому празднику съ большимъ усердіемъ и хлопотами. Верхомъ кулинарнаго искусства въ этомъ отношеніи служить такъ называемая «Тюлевая баба», своей поздреватостію и нѣжностію напоминающая тюль. Въ уѣздныхъ городахъ и захолустяхъ печеніе бабъ и доселѣ служить предметомъ соревнованія хозяекъ и значительно разнообразить и оживляетъ ихъ мертвенную, монотонную жизнь. Предметъ этотъ недавно снова затронутъ молодою кievскою писательницею Марусею Добровою ¹⁾. Марко-Вовчокъ рассказываетъ въ своей повѣсти объ одной барынѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Журбовской, которая слыла на весь околотокъ отличною хозяйкою и лучшею мастерицею печь тюлевья бабы. На бѣду ея, племянникъ ея Алексѣй Петровичъ женился на Глафирѣ Ивановнѣ Турченковой, которая умѣла приготавливать тюлевую бабу лучшей самой Анны Ѳедоровны. Узнавъ объ этомъ, Журбовская предприняла всѣ мѣры, чтобы одолѣть и превзойти опасную соперницу въ печеніи бабъ; но ея усилія остались напрасными: тюлевая баба Глафиры Ивановны удалась гораздо лучше. Анна Ѳедоровна не выдержала этого удара, подняла, при помощи уѣздныхъ властей, гоненіе на жидовъ, заподозрѣнныхъ ею въ продажѣ Глафирѣ Ивановнѣ лучшей муки, и сдѣлалась заклятымъ врагомъ своей невѣстки. Съ каждымъ годомъ война между ними возрастаетъ и кончается только смертію одной изъ воюющихъ дамъ. Другая повѣсть «Глухой городокъ» изображаетъ обыденную жизнь уѣзднаго города съ его городничимъ Ерастомъ Антоновичемъ Малимоновымъ и женой его Павлой Андреевной, но эта обыденная жизнь нарушена была выходящимъ изъ ряду явленіемъ, именно выходомъ племянницы городничихи, Насти, за мужъ за неровню Григорія Гавриловича Крашовку, несмотря на то, что къ Настѣ сватались болѣе подходящіе по общественному положенію женихи и между ними Данило Павловичъ Копыта. Къ довершенію необычайности этой свадьбы, Григорій Гавриловичъ обманываетъ городничаго, несогласавшагося на этотъ бракъ, и вмѣстѣ съ своими пріятелями похищаетъ изъ его дома свою невѣсту. Но лучшая повѣсть Марка-Вовчка съ отрицательными типами изъ среды привилегированнаго сословія есть безъ сомнѣнія повѣсть, подъ заглавіемъ «Институтка», такъ какъ писательница, сама получивъ воспитаніе въ одномъ изъ институтовъ, ближе всего могла знать институтскую жизнь и вѣрнѣе изобразить дурныя ея стороны. Нужно, впрочемъ, сознаться, что эти дурныя стороны, подъ вліяніемъ народолюбія писательницы, сильно ею преувеличены и утрированы, такъ что вся повѣсть можетъ быть названа въ нѣкоторомъ родѣ «Словомъ о злыхъ женахъ» XIX-го столѣтія. Рядомъ съ героиней

¹⁾ Въ газетѣ «Кіевлянинъ», за 1882 годъ. Въ этой газетѣ помѣщены и другія повѣсти этой писательницы.

повѣсти, институткой, выступаетъ здѣсь цѣлый рядъ безотвѣтныхъ жертвъ ея злобы, внушающихъ къ себѣ полное сочувствіе писательницы и читателей.

Разсказъ повѣсти ведется отъ лица дѣвушки Устины, взятой въ господскій домъ десяти лѣтъ отъ-роду. У старой барыни дворовымъ спокойно было жить, хоть и непривольно. У нея была одна только внучка, воспитывавшаяся въ кievскомъ институтѣ, въ которой бабушка души не чаяла. Наконецъ, пріѣхала изъ института эта внучка, панночка красивая, но капризная и злая, испорченная ложнымъ институтскимъ воспитаніемъ. Она только и выучилась тамъ музыкѣ, танцамъ, французскому языку и умѣнью туманить людей. Осмотрѣла она дворовыхъ дѣвокъ и выбрала Устину для услуженія себѣ. Институтка стала идоломъ обожавшей ее бабушки, забрала въ домъ все въ свои руки, заставила бабушку растряссти ея «скрини» и пыталась даже отучить ее отъ привычнаго ей вязанья чулка, а съ бѣдной Устиной выдѣлывала все, чего хотѣло ея жестокое сердце и капризный нравъ. Сначала панночка мечтала со своей бабушкой выйти замужъ за богатаго князя или графа, но князь и графъ не являлись за ней, и разочаровывающаяся институтка часъ отъ часу становилась все злѣе и злѣе. Однажды ждали въ гости полковыхъ изъ города. Все было прибрано, какъ къ свѣтлому празднику. Панночка сѣла зачесываться. Неопытная Устина помогала ей, но никакъ не могла справиться съ ея длинною русою косою. «Липечко жъ мое!»—говоритъ Устина. «Лучче бъ жару червонаго у руку наирала, якъ міні довелось туманити коло и русоі коси!.. И така, и онака, и четь-прічъ пішла, и зновъ сюди поступаи; и пхати мене, и наскакувати на мене,—ажъ я зглякалась! Та речече, та дзвякотить, та тупоче-тупоче, а далі якъ заплаче!.. Я въ двері, а вона за мною въ садъ. Я «тебе на пматки розірву! задущу тебе, гадино!» Оглянусь я на неі,—страшна така зробилась, що въ мене й ноги захитались. Вона мене якъ схотить за пію обіручть!.. руки холодні, якъ гадюки!» ¹⁾ Устина упала въ безпамятствѣ около яблони и только отъ холодной воды пришла въ сознаніе. «Дивлюсь — дівчата коло мене скупчились, білі усі якъ крейда. Панночка на стільчику роскинулась, плаче; а стара надъ моею головою стоить, и такъ-то вже мене лае, така

¹⁾ Переводъ: «Горенько мое! лучше бы жару красного въ руки набрала, какъ мнѣ довелось морочиться около ея русской косы. И такая, и эдакая, и прочь пошла, и опять сюда иди; и толкать меня, и наскакивать на меня, такъ что я испугалась. Да кричитъ, да верещитъ, да топочеть—топочеть, а потомъ какъ заплачетъ! Я въ двери, а она за мною въ садъ. «Я тебя на куски разорву! задущу тебя, змѣя! «Оглянусь я на нее, страшная такая сдѣлалась, такъ что у меня и ноги зашатались. Она меня какъ схватитъ за шею обѣими руками! Руки холодныя, какъ змѣй».

уже люта, ажъ їй у роті чорно» ¹⁾. Устина заболѣла, но и болѣную ее требуетъ къ себѣ панночка. Наконецъ, панночка завлекла въ свои сѣти гордаго, но бѣднаго лѣкаря. Панночка и сама была неравнодушна къ нему и согласилась выйти за него замужъ, хотя вмѣстѣ съ бабушкой и горевала о томъ, что выходитъ замужъ не за богатаго и не за вельможнаго. Но она и любила своего жениха какъ-то странно: заставляла его исполнять всѣ ея прихоти и капризы и все-таки казалась недовольною его усердіемъ и услужливостію. У лѣкаря былъ родовой хуторъ, на которомъ жили — старая бабуся, кучеръ Назаръ съ женой Катрей и парубокъ Прокопъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые переѣхали въ хуторъ, взявъ съ собою и Устину. Жившіе въ хуторѣ люди лѣкаря встрѣтили молодыхъ господъ съ хлѣбомъ и солью. Лѣкарь рекомендуетъ имъ свою молодую жену, но она вышла изъ себя отъ злости и заплакала. «Ти, мабуть,—говорила она мужу,—усіхъ мужиківъ такъ изучивъ, що вони съ тобою за панібрата!.. гарно!.. оглядають мене, всміхаютьця до мене, трохи не кинулись мене обнімати... Охъ, я нещаслива!.. Та якъ вони сміють! викрикне на остатку» ²⁾. Молодая госпожа принялась за хозяйство въ хуторѣ, и сосѣди хвалили ее за распорядительность и умѣнье хозяйничать, а между тѣмъ, въ хуторѣ все становилось хуже и хуже. Люди надѣялись сначала на пана; но онъ, при своей добротѣ, не имѣлъ твердой воли и не могъ сдерживать своей строптивой жены. Тяжелѣе всего было выносить и безъ того тяжелое положеніе крѣпостничества женѣ кучера Назара Катрѣ, родившейся на свѣтѣ вольною. У Катри заболѣлъ ребенокъ; но барыня, какъ видно, не признавала за крѣпостными человѣческихъ чувствъ и отношеній и отправила Катрию на работу на цѣлый день. Дитя Катрино умерло, заболѣла и сама Катря; но барыня, все-таки, прогнала ее на панщину. Дѣло кончилось тѣмъ, что Катря помѣшалась, бѣгала по лѣсамъ и болотамъ, ища своего ребенка, и, наконецъ, утопилась. Назаръ и Прокопъ задумываютъ такъ или иначе освободиться отъ злой барыни и какъ будто стороной и случайно проговариваются объ этомъ при старомъ солдатѣ-поварѣ, который до того забитъ былъ суровою солдатчиною прежняго времени, что не допускалъ и мысли о возможности какого-либо протеста или самозащиты противъ господскаго самоуправства, несправедливости и жестокости. Черезъ годъ умерла старая барыня, позаботившись передъ смертію о своемъ душевномъ

¹⁾ «Смотрю, дѣвицы всѣ около меня собрались, бѣлыя всѣ какъ мѣль. Панночка на стулѣ раскинулась, плачетъ; а старуха надъ моею головою стоитъ, и такъ-то уже бранить, такая ужъ злая, даже у нея во рту почернѣло».

²⁾ «Ты, должно быть, всѣхъ мужиковъ такъ пріучилъ, что они съ тобою за панибрата!.. Прекрасно!.. Осматриваютъ меня, усмѣхаются ко мнѣ, чуть не бросились меня обнимать... Ахъ, я несчастная!.. Да какъ они смѣютъ!» крикнула напоследокъ».

спасеніи, и молодая госпожа сдѣлалась полною распорядительницею ея и мужнина имѣнія. Она довела струны помѣщичьяго деспотизма до такой степени напряженности, что онѣ неминуемо должны были лопнуть. Прокопъ, женившійся на Устинѣ, однажды зацѣпиль старую бабусю отъ побоевъ молодой барыни, но за то самъ былъ отданъ въ солдаты; убѣжалъ и Назаръ. Сданный въ рекруты, Прокопъ отданъ былъ на попеченіе и обученіе дядькѣ, старому солдату изъ кантонистовъ, и скоро отправленъ былъ въ походъ, куда-то на Литву; а Устина, проводивъ его до Кіева, осталась здѣсь служить. Семь лѣтъ не было никакой вѣсти о Прокопѣ, и Устина сдѣлалась вольною и могла выйти замужъ за другого.

Ета повѣсть есть безспорно лучшая изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Такою ее признавали Кулишъ и Шевченко. Характеръ институтки выдержанъ и до конца остается вѣренъ себѣ. Многія частности дышать общечеловѣческою и бытовою правдою. Нѣкоторые эпизоды какъ бы случайно приставлены къ повѣсти, не имѣють органической связи съ нею и какъ бы нарушають ея единство и цѣлостность впечатлѣнія; но эти эпизоды такъ хороши мѣстами, что было бы жалко, если бы они были выброшены изъ повѣсти. Таковы: разговоръ Прокопа и Назара со старымъ солдатомъ-поваромъ, разсказецъ о приготовленіи старой барыни къ смерти, характеристика Прокопова дядьки-солдата и др. Для примѣра, приведемъ послѣднюю характеристику. Сданный въ рекруты, Прокопъ стоялъ со своей женой Устиною на квартирѣ у старой вдовы. Тутъ же былъ и солдатъ-дядька, которому Прокопъ однажды предложилъ угощеніе. «Вечеряемо, говоримо; а дядько пѣе та й пѣе. Зблїдъ на лиці и на стилъ схилився. Дивитця на насъ и съ чоловікомъ, та й каже: ой ви, молодята, молодята! недовго житимете вкущї... Та годі, не журїтця!.. Пожили, пороскошували и буде за васъ. Бува й таке, що въ сповиточку ласки добра, не знаешъ, вікъ звїкуешъ підъ палкою... Оттакъ живи!.. Безъ роду, безъ плім'я, безъ привіту, безъ совіту,—на всіхъ роскошахъ»!

А стара тоді до его: а де жъ вашъ рідъ, дядечку? Звітки ви сами?

— Съ кантанистівъ!—одказавъ похмурно москаль,—съ тихъ, коли чули, що насъ у халеру поменшало. Роду нема, не знавъ и не знаю.

— А матуся ваша?

— Казавъ: не знаю!.. чого дурно роспитувати?

— Оттакеньки и я теперъ безрідня!—каже хазяйка, хлипаючи.

— Ище и вона міжъ люде!—гукнувъ москаль. Що твоє лихо!.. плюнуть! Онъ лихо, то лихо: що нікого тобі задати, ніхто й тебе не згадає; нікуди піти и нігде зостатись. Усі тобі чужі, и все, и все, усе чуже: и хата, и люде, и одежа... Дай, бабо, горілку! вишємо до дна, бо на дні молодіи дні.

А въ самого слези котятця—котятця. И сміетця вінъ разомъ, и горілку п'є. Далі вже якъ упавъ на лаву, такъ и заснувъ ¹⁾.

Достаточно припомнить очерки быта кантонистовъ, Никитина, чтобы яснѣе и отчетливѣе почувствовать всю горечь правды этого эпизода въ повѣсти Марка-Вовчка. Рекомендаціей ему можетъ служить и то, что этотъ эпизодъ воспроизведенъ у Марка-Вовчка согласно съ народными представленіями о прежней солдатчинѣ и совершенномъ отчужденіи солдата отъ роду и племени.

Мы остановились сравнительно дольше на этой повѣсти потому, что она заключаетъ, какъ въ зернѣ, почти все міросозерцаніе писательницы и можетъ быть признана средоточнымъ пунктомъ между остальными ея рассказами и повѣстями изъ народного и помѣщичьяго быта прежняго времени. Всѣ другія повѣсти и рассказы Марка-Вовчка изъ малорусскаго и великорусскаго быта развиваютъ или просто повторяютъ тѣ же самые сюжеты, какіе намѣчены въ повѣсти «Институтка».

Типъ дворовой дѣвушки, оторванной отъ семьи, какой мы видѣли въ Устинѣ «Институтки», воспроизводится также въ повѣстяхъ и рассказахъ: «Ледациця», «Одарка», «Катерина», «Игрушечка» и др. Рассказчица повѣсти «Ледациця» передаетъ, что она подарена была Иваньковскими господами одной барынѣ среднихъ лѣтъ, которая тщеславилась портретомъ князя-отца, промотавшаго свое имѣніе, и любила часто говорить о немъ. Нужда заставила ее держать столовниковъ. Когда завелось много столовниковъ, барыня взяла къ себѣ крѣпостную молодицу Горпину Чайчиху съ дочкой Настей, вышедшую за крѣпостнаго человѣка изъ вольнаго роду. Настя была веселая дѣвушка, а мать ея Чайчиха была угрюмая, пасмурная женщина. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе она станови-

¹⁾ «Ужинаемъ, говоримъ, а дядька пьетъ да и пьетъ. Поблѣднѣлъ въ лицѣ и на столъ облокотился. Смотритъ на насъ съ мужемъ да и говоритъ: ой вы, молодята, молодята! не долго будете жить вмѣстѣ... Да полно, не печальтесь!.. Пожили, пороскошничали, и будетъ съ васъ. Бываетъ и такъ, что съ пеленокъ ласки—добра не знаешь, вѣкъ проживешь подъ палкою... Вотъ такъ живи! безъ роду, безъ племени, безъ привѣту, безъ совѣту, на всѣхъ роскошахъ!»

А старуха тогда къ нему! а гдѣ же вашъ родъ, дяденька? откуда вы сами?

— Изъ кантонистовъ! отвѣчалъ пасмурно солдатъ, изъ тѣхъ, коли слышали, что насъ въ холеру поубыло. Роду нѣтъ, не зналъ и не знаю.

— А матушка ваша?

— Сказать: не знаю!.. зачѣмъ напрасно спрашивать?

— Вотъ такъ и я теперь безродная! говоритъ хозяйка всхлипывая.

— Еще и она межъ людей! крикнулъ солдатъ. Что твое горе? Плюнуть! Вотъ горе такъ горе: что некого тебѣ вспомнить, никто и тебя не вспомнить; некуда пойти и негдѣ остаться. Всѣ тебѣ чужіе, и все-все чужое: и хата, и люди, и одежда... Дай, баба, водку! выпьемъ до дна, потому что на днѣ молодые дни.

А у самого слезы катятся-катятся. И смѣется онъ вмѣстѣ, и водку пьетъ. Потомъ уже какъ упалъ на лавку, такъ и заснулъ».

лась пасмурною и стала ходить куда-то, а вечеромъ къ ней приходили какіе-то люди. Оказалось, что она искала себѣ съ дочкой воли; но она не получила этой воли, потому что барыня подкупила чиновниковъ. А чего не достигла мать, того добилась дочь Настя цѣною собственнаго паденія. Она стала пропадать по вечерамъ и возвращаться домой пьяною. Нашлось у Насти и дидя. Барыня срамила ее при столовникахъ и называла ее ледащицей (негодницей) и другими словами, но ничто не помогало. Однажды она сказала матери: «ну, моя матінко! изнайшла вже я чоловіка, що мене визволить» ¹⁾. Дѣйствительно, года черезъ два получена была бумага о волѣ. При полученіи ея, Чайчиха въ первый разъ зарыдала черезъ двадцать лѣтъ и стала добрѣе и ласковѣе, но, взглянувши на дочку, опять закручинилась. А Настя уже стоитъ выпивши. Она начала таять все больше и больше и умерла въ бреду: «Я вільна, вільна!.. ну, добре!.. И вільна, и пьяница, и ледащо!.. Де-жъ міні прихилитись, де? Добрий хазяїнъ вижене: «пьяница, ледащо, треба и зъ своего двору вигнати!»—скаже, и вижене... и добре зробить» ²⁾. До самой смерти ей все представлялось, что ее выгоняють на дворъ въ суровую зиму. Разсказъ «Одарка» рисуетъ дикую животную страсть стараго грѣховодника-помѣщика, которая оторвала отъ родительскаго порога молодое существо и своими собственными руками выкопала ему могилу. Мало того, что обезчещена и поругана невинность, что на мѣсто мирной тишины семейнаго счастья внесено горе, страданіе и раздоръ, какъ вещь отдана женщина на чужбину для услугъ, и они скоро довели ее до могилы. Катерина, героиня разсказа съ тѣмъ же заглавіемъ, вывезена была господами изъ Малороссіи въ Россію, въ совершенно чуждую ей среду, и выдана замужъ за человѣка, котораго она не могла любить. Она никому не жаловалась на свою судьбу и съ мужемъ не ссорилась, а «только опуститъ глаза и неподвижная такая станеть, строгая и суровая передъ нимъ». Хотѣлось ей найти какое-нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо и пѣла на свадьбахъ, больше, впрочемъ, грустныя пѣсни, но не удовлетворялась этимъ и приучилась было пить. Наконецъ, прослышала она про знахарку въ околоткѣ, выучилась у ней лечить болѣзни и, нашедши въ этомъ занятіи душевное дѣло для себя, тотчасъ и пить бросила, и ласковая такая стала, привѣтная. Она тихо скончалась въ мирѣ со своею совѣстью и съ людьми. Повѣсть «Игрушечка» изображаетъ отношенія молодой барышни къ крестьянской дѣвчкѣ Грушѣ, переименованной

¹⁾ «Ну, моя маминька, нашла я уже чоловіка, что меня выручитъ».

²⁾ «Я вольная, вольная!.. ну, хорошо! И вольная, и пьяница, и негодница!.. Гдѣ-жъ мнѣ приютиться, гдѣ? Хорошій хазяїнъ выгонить: «пьяница, негодная, нужно ее со своего двора вигнать!» скажетъ, и выгонитъ... и хорошо сдѣлаетъ».

въ Игрушечку. Барышня увидѣла на улицѣ Игрушечку и попросила ее себѣ, какъ вещь какую-нибудь, чтобы играть съ нею. Долго жила Игрушечка въ господскомъ домѣ, гдѣ ее держали для забавы, безпрестанно запугивали и придавливали, несмотря на то, что сама барышня и ея родители, повидимому, были люди мягкіе и добрые. Барышня отличалась любознательностію, но, не находя удовольствія своей любознательности, на 15 году стала мѣшаться умомъ и вскорѣ умерла. И послѣ смерти барышни еще продолжалась грустная исторія Игрушечки, такъ и оставшейся до конца жизни игрушкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ. Полюбился ей барскій столяръ Андрей, и она ему тоже понравилась. Да пришли они просить барскаго разрѣшенія на свадьбу въ то время, какъ господа продали послѣднюю свою вотчину и вмѣстѣ съ нею Андрея и Игрушечку. Андрей отошелъ къ новымъ господамъ и вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь, а Игрушечку барыня выпросила у покупателя себѣ и увезла съ собой.

Совершенно почти тождественна жена Назара Катря въ повѣсти «Институтка» съ Горпиной въ разсказѣ съ тѣмъ же заглавіемъ, иначе «Панська воля». Въ послѣднемъ разсказывається, какъ въ имѣніи одного господина, который пріѣхалъ управлять полученнымъ наслѣдствомъ съ благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя хаты о трехъ окнахъ, у матери крестьянки умираетъ ребенокъ, оставленный ею безъ призрѣнія потому, что ей надобно было идти на барщину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ тяжелъ, что она сошла съ ума.

Разсказъ «Два сини» касается помѣщичьяго права отдавать крѣпостныхъ въ солдаты по произволу, какъ отданъ былъ и мужъ Устины, Прокопъ, въ повѣсти «Институтка». Разсказъ «Два сини» ведется отъ имени вдовы, которая осталась послѣ мужа съ двумя сыновьями—Андрійкомъ и Василькомъ. Ихъ обоихъ баринъ сдалъ въ рекруты. Андрійко умеръ на службѣ, а Василько воротился домой больной, надломленный царскою службой, и тоже скоро умеръ, не начинавъ еще жить.

Стремленіе освободиться отъ крѣпостничества законными и незаконными путями, какое мы видѣли у Назара въ повѣсти «Институтка», изображается и въ другихъ разсказахъ Марка-Вовчка, «Ледащицѣ», «Выкупѣ» и др. И замѣчательно, что стремленіе къ волѣ и выкупу на волю, по представленію Марка-Вовчка, прежде и сильнѣе всего пробивалось въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ женщина, мать или невѣстка, происходили изъ вольнаго казацкаго или мѣщанскаго рода. Мать ледащицы Насти была родомъ изъ вольныхъ людей и передала своей дочери стремленіе вырваться на свободу. Такія женщины, выходившія за мужъ за крѣпостныхъ людей, по закону имѣли право, по смерти своихъ мужей, сами лично отойти отъ господъ на свободу, но часто не знали своихъ

правъ, какъ не знала Олеся въ разсказѣ «Казачка». Вышедши замужъ за барскаго человѣка, Олеся разлучена была съ мужемъ, отправленнымъ бариномъ въ Москву, а наконецъ и съ двумя своими сыновьями, заступившими при баринѣ мѣсто своего покойнаго отца, сама осталась при барскомъ дворѣ и умерла здѣсь. Но зато другія казачки не иначе соглашались выходить замужъ за крѣпостнаго человѣка, какъ подъ условіемъ выкупа его на свободу. Въ разсказѣ «Выкупъ» крѣпостной паренъ Яковъ Харченко посватался въ Хмѣлинцахъ къ казачкѣ Мартѣ Кохановнѣ; но Коханъ не хотѣлъ выдавать свою дочь за крѣпостнаго человѣка. Тогда Яковъ сталъ зарабатывать деньги на выкупъ, при помощи Кохана выкупился на волю за 300 рублей и женился на Мартѣ.

Нравственнымъ основаніемъ правоспособности простаго народа на свободу у Марка-Вовчка постоянно выставляется его человѣческое достоинство, не заглушаемое никакимъ внѣшнимъ гнетомъ. И простой народъ не меньше привилегированныхъ классовъ способенъ къ сильнымъ и глубокимъ страстямъ и нѣжнымъ чувствамъ. Эта мысль лежитъ въ основѣ большинства повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Мы не принимаемъ здѣсь въ расчетъ повѣстей и разсказовъ объ удалыхъ молодцахъ-разбойникахъ, такъ какъ первоисточники этихъ разсказовъ Марка-Вовчка лежатъ внѣ сферы крѣпостническихъ отношеній. Въ самомъ крѣпостничествѣ Марко-Вовчокъ выставляетъ сильные характеры, способные, при другихъ условіяхъ жизни, къ широкой и плодотворной дѣятельности. Таковъ напримѣръ, Павло Чернокрылъ въ разсказѣ подъ заглавіемъ «Видъ себе не втечешъ».

Писательница сама, какъ будто, чувствовала, что міръ крѣпостнаго крестьянства представляетъ собою слишкомъ неблагоприятный предметъ для повѣстей и разсказовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ и характеромъ, и потому охотнѣе выбирала героями и героинями своихъ повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта свободныхъ казаковъ и казачекъ, однодворцевъ и мѣщанъ. Таковы ея разсказы: «Три доли», «Сестра», «Чумаць», «Сонъ», «Свекровь», «Максимъ Гримачъ», «Пройди свѣтъ» и др. Одни изъ нихъ не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ казаковъ и прелестнѣйшихъ казачекъ и вводятъ въ простонародную жизнь много элементовъ инаго быта; другіе, напримѣръ, «Не подъ пару», хотя тоже посвящены любви, но въ нихъ выводится не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ сенокъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Здѣсь писательница положила въ основаніе своихъ разсказовъ такое общечеловѣческое явленіе (неравенство браковъ, несходство характеровъ супруговъ), какое можно встрѣтить на каждомъ шагѣ во всѣхъ слояхъ общества; но въ то же время у нея не хватило красокъ и

матеріаловъ, чтобы придать этому явленію такую внѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предразсудка, что будто простой и неразвитый народъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣетъ образованный, писательница впала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ не всегда удается и образованнымъ людямъ. Кромѣ того, нѣкоторые герои и героини Марка-Вовчка весьма похожи одни на другихъ. Чайченко въ «Трехъ доляхъ» и «Иванъ Кармелюкъ», жена Чернокрыла и жена Кармелюка писаны однѣми красками и очень схожи между собою.

Къ чести писательницы, она скоро поняла, что рано еще создавать свѣтлые, положительные типы изъ простонародной среды, искаженной неестественными крѣпостническими отношеніями и невѣжествомъ, и что нужно сначала просвѣтить затуманенный образъ нашего простолюдина и барина истиннымъ образованіемъ, и потому въ послѣдующее время оставила роль беллетристической писательницы и принялась за переводы педагогическихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій, хотя и эти переводы разсчитываютъ больше всего на интеллигентные классы русскаго общества, а не на простой народъ.

О языкѣ малорусскихъ произведеній Марка-Вовчка г. Кулишъ говорить слѣдующее: «Нашъ Марко-Вовчокъ, какъ пчела Божія, выпилъ наилучшую росу изъ цвѣтковъ нашей рѣчи, потому что полюбилъ ее, полюбилъ тотъ народъ, который вылилъ всѣ свои думы и мысли, все свое сердце тою рѣчью. Безъ любви одна мощь его таланта не помогла бы ему; ничего бы онъ не сдѣлалъ и однимъ разумомъ; а то читаешь—не оторвешься отъ его рѣчи, какъ въ жниво отъ колодца; чуется, вѣрится, что такъ, а не иначе подумалъ, или потужилъ, или порадовался человѣкъ, какъ снято на его рисунокѣ. Нельзя также утверждать, что и у такихъ людей, какъ Марко-Вовчокъ, кое-что не рознитъ съ народною рѣчью. Нелегкое дѣло—одолѣть это. Мы ушли впередъ отъ своей рѣчи, развиваясь на чужихъ поляхъ, и взошедши на гору, иногда не слышимъ хорошенько, что она намъ голубка вѣщаетъ» ¹⁾.

II.

И. С. Левицкій.

Иванъ Семеновичъ Левицкій, писавшій иногда подъ псевдонимомъ Нечуй, сынъ священника, родился въ 1838 году, въ мѣстечкѣ Стеблевѣ, бывшаго Богуславскаго, а нынѣ Каневскаго уѣзда,

¹⁾ «Основа», апрѣль, 1861 года.

Кіевской губерніи. Съ 1847 года онъ воспитывался въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ кіевской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ богуславское духовное училище и проходилъ эту должность почти два года. Въ 1861 году онъ поступилъ въ студенты кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ варшавскій округъ, въ калишскую женскую гимназію, учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Польши. Черезъ годъ онъ перешелъ по прошенію въ г. Сѣдлецъ, въ женскую греко-уніатскую гимназію учителемъ тѣхъ же предметовъ. Пробывъ въ этой гимназіи шесть лѣтъ, И. С. Левицкій былъ переведенъ въ сувалкскую женскую гимназію, но перешелъ, вмѣсто этой гимназіи, въ одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую классическую гимназію, гдѣ и состоитъ учителемъ русскаго языка.

Первые рассказы и повѣсти г. Левицкаго—«Экзамень», «Судъ надъ нами» (изъ студенческой жизни автора), «Дві московки», «Рибалка Панасъ Круть» и «Причепа» печатались начиная съ 1867 года, заграницей, въ львовскомъ журналѣ «Правда». Изъ нихъ послѣднія три повѣсти изданы были особой книгой, подъ заглавіемъ: «Повісті Ивана Нечуя. Томъ I. У Львові, 1871». Этотъ первый томъ повѣстей г. Левицкаго былъ пропущенъ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ для напечатанія въ Россіи, но почему-то задержанъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и въ цѣломъ видѣ не былъ напечатанъ въ Россіи. Изъ него напечатана въ 1874 году въ Кіевѣ особой бришюрой повѣсть «Рибалка Панасъ Круть», которая въ русскомъ переводѣ помѣщена была въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1874 годъ (№№ 8—10) и перепечатана въ сборникъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Повѣсть «Дві Московки» перепечатана въ Кіевѣ уже въ 1883 году. Что же касается «Причепы», то эта болѣе капитальная повѣсть не имѣла перепечатокъ въ Россіи. Она обратила на себя вниманіе заграницей, переведена на польскій языкъ, издана въ Познани, въ Пруссіи, подъ заглавіемъ «Przyblyda» (Приблуда), ukrainska powiesc Swana Nescuja, и, какъ видно изъ библиографическаго указателя по дѣламъ печати за 1878 годъ, дозволена въ Россіи безусловно. Рецензія на «Причепу» была помѣщена въ галицкихъ польскихъ газетахъ, и довольно благоприятная, не взирая на то, что въ «Причепѣ» описываются поляки здѣшняго края не съ выгодной для нихъ стороны. Была еще небольшая рецензія на нее въ итальянскомъ журналѣ «Revista Europea» въ статьѣ «Il movimento letterario Ucraino», гдѣ она озаглавлена—«Паразиты». Въ Россіи первымъ изъ произведеній г. Левицкаго былъ напечатанъ отдѣльною

брошюрою очеркъ «Неможна бабі Парасці вдержатись на селі», который потомъ перепечатанъ былъ и въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1874 годъ (№ 11). Этотъ же очеркъ вошелъ и въ составъ книги «Повісті І. Левицкаго, Кіевъ, 1874», гдѣ, кромѣ того, помѣщены—большая повѣсть «Хмари» изъ жизни кіевской академіи и сказка «Запорозьці», вышедшая также и отдѣльною брошюрою въ томъ же 1874 году. «Запорозьці» и отрывокъ изъ «Хмаръ» были изданы и во Львовѣ особою брошюрою. Въ 1875 году вышли въ Кіевѣ особыми брошюрами сочиненія г. Левицкаго: «Благословіть бабі Палазці скоропостижно вмерти», рассказъ: «Маруся Богуславка», оперета в четырехъ діяхъ; «На Кожум'якахъ», комедія в п'яти діяхъ, и историческія популярныя сочиненія—«Унія и Петро Могила» ¹⁾, «Перші кіевські князі, Олег, Игорь, Святослав и св. Владимиръ и его потомки» и въ 1876 году — «Татари и Литва». Но съ 1876 года г. Левицкій опять начинаетъ издавать свои сочиненія заграницей, въ галиційскомъ журналѣ «Правда», и особыми брошюрами. Такъ, въ «Правдѣ» за 1876 годъ печатался «Світоглядъ (міросозерцаніе) украинскаго народа», вторая часть котораго, подъ заглавіемъ «Ескіз української міфології» вышла въ Галиціи особою брошюрою. Въ той же «Правдѣ» напечатана была повѣсть г. Левицкаго «Микола Джеря». Позднѣйшія произведенія нашего автора суть слѣдующія: «Кайдашова семья, Львовъ, 1880 года»; «Бурлачка, повість, Кіевъ, 1881 года»; «Прыятелі» и «Шевченкова могила» въ украинскомъ альманахѣ «Луна» на 1881 годъ, и «Наші батюшкі й матушкі», повѣсть на малорусскомъ языкѣ, написанная въ 1882 году для журнала «Кіевская Старина».

Такимъ образомъ, всѣхъ произведеній И. С. Левицкаго, написанныхъ имъ въ теченіи 15-ти лѣтъ его литературной дѣятельности, насчитывается въ настоящее время не менѣе двадцати—цифры, свидѣтельствующей о большой плодовитости пера автора, которая, однако, не дѣлаетъ ущерба внутреннему содержанію и достоинству его произведеній. Мы уже имѣли случай указать, что нѣкоторые произведенія нашего автора обратили на себя вниманіе и иностранной критики. Но еще большимъ вниманіемъ пользуются сочиненія г. Левицкаго у русскихъ читателей и рецензентовъ и особенно у его земляковъ. Корифеи украинской литературы сразу замѣтили недюжинный литературный талантъ г. Левицкаго и благосклонно приняли его въ свой ареопагъ. Въ предисловіи къ первому тому повѣстей Ивана Левицкаго, изданному во Львовѣ въ 1871 году, издатель говоритъ слѣдующее: «Его повѣстей выходитъ первый томъ. Скоро можно бы ожидать намъ и дальнѣйшихъ томовъ, если Галичина хорошо встрѣтитъ этотъ прекрасный подарокъ украинскаго писателя, пріобрѣвшаго себѣ еще другими про-

¹⁾ Отзывъ объ этомъ сочиненіи см. въ газетѣ «Телеграфъ», 1875 года № 35.

изведеніями добрую славу въ писательскомъ кругу. Пантелеймонъ Кулишъ, прочитавши третью повѣсть сего тома («Причепу»), сказалъ про Ивана Нечуя, что онъ первый коснулся нашей общественной жизни и этимъ положилъ начало романамъ социальнымъ. Критика Пантелеймона Кулиша служить доброю порукой для большаго значенія произведеній Ивана Нечуя, и потому мы смѣло просимся въ гости въ каждую правдиво-русскую хату. Съ своей стороны, мы должны прибавить, что Иванъ Нечуй въ своихъ повѣстяхъ, рисуетъ ли онъ ситуаціи души человѣческой, или представляетъ нашимъ очамъ виды природы, является великимъ художникомъ, и вся Украина возлагаетъ на его талантъ большія надежды». Съ неменьшею похвалою отзывается о г. Левицкомъ и Н. И. Костомаровъ: «Г. Левицкій, говоритъ онъ, безспорно талантливейшій изъ современныхъ малорусскихъ писателей... По нашему мнѣнію, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, г. Левицкій, какъ писатель, посвятившій свою дѣятельность изображенію простонароднаго быта, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей этого рода у насъ въ Россіи, и очень жаль, что имя его, кромѣ Малороссіи, недостаточно извѣстно публикѣ другихъ частей нашего отечества. Мы высоко цѣнимъ произведенія такихъ писателей, какъ гг. Д. Григоровичъ, П. Мельниковъ (Андрей Печерскій), А. Потѣхинъ, Г. Успенскій и другихъ, посвятившихъ себя специально изученію и художественному изображенію быта, нравовъ и пріемовъ жизни великорусскаго простолюдина со всѣми отбѣнками его мѣстной рѣчи. Но никто изъ этихъ талантливыхъ писателей не выводилъ малоруса въ своимъ произведеніяхъ. Никто, надѣмся, не станетъ возражать, что это большой пробѣлъ въ нашей народной литературѣ. Только такіе писатели, какъ г. Левицкій, и могутъ дополнить этотъ пробѣлъ и притомъ произведеніями на мѣстномъ нарѣчій» ¹⁾. Очевидно, Н. И. Костомаровъ имѣетъ здѣсь въ виду собственно повѣсти и рассказы г. Левицкаго изъ простонароднаго украинскаго быта, не касаясь болѣе крупныхъ его повѣстей «Причепи» и «Хмари», изображающихъ другія сословія и племена. Но г. Пыпинъ во второмъ изданіи своей «Исторіи славянскихъ литературъ» и эти послѣднія повѣсти ставитъ въ особую заслугу автору, попробовавшему изобразить въ нихъ такіе классы и общественно-политическія отношенія, которыхъ до него не касался никто почти изъ украинскихъ писателей.

Центромъ, около котораго вращается вся литературная дѣятельность г. Левицкаго, служитъ украинскій народъ до эмансипаціи и послѣ нея, въ различныхъ его отношеніяхъ къ московскому и польскому элементамъ. Программою литературной дѣятельности автора

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», февраль 1882 года, «Задачи Украниофильства», по поводу украинскаго альманаха «Луна», на 1881 годъ.

могутъ служить слѣдующія слова его въ повѣсти «Причепа»: «Хто с Киян не пам'ятає часу передъ севастопольською войною? То був тяжкий часъ для України, то було її лихоліття. Простий народъ стогнавъ у тяжкій неволі під панамі, мусів, мовчати й терпіти гірше як до Хмельницького. А за кожний стонъ його московським звичаєм катовано. Україна забула историчні перекази и не могла наукою дійти до страчених думок. На обох боках Дніпра опинилась у чужих порядках, в чужій шкурі, набіралися чужої мови, забували свою. Згинула наука, впала просвіта, заставшись тільки в схоластичних латинських духовних школах. Університетська наука була тільки азбука європейської просвіти, обрізаної по казеній мірі». «Московська школа на нашій Україні, говорить авторъ въ другому мѣстѣ той же повѣсти, багато одрізнила луччих людей од свого народу, од свого плем'я, од сем'ї, од батока й матері. А знов народ дуже одрізнив сам себе од панів, од вчених українців и косим оком споглядає на ніх! Меж ними викопана велика безодня! И потрібно великої, великої праці не одного генія, щоб засипати ту провалину, почату ляхами, скінчану москалями, щоб зв'язати те, що порвала наша неубайливість, та стидка українська байдужість, та лежача недобачливість» ¹⁾. Засыпать эту пропасть, отдѣляющую простой украинскій народъ отъ привилегированныхъ сословій, и составляетъ задачу нашего автора, который, для выполненія ея, изображаетъ неблагопріятныя соціальныя условія жизни простаго украинскаго народа, выставляя тѣ свѣтлыя черты нравственнаго народнаго облика, которыя видны даже изъ-подъ коры ви́шнихъ неблагопріятныхъ условій, и караетъ вѣщимъ словомъ беллетриста-поэта интеллигентные слои мѣстнаго общества, испорченные польскимъ и московскимъ вліяніями. Такимъ образомъ, главная задача нашего автора, состоящая въ нравственномъ объединеніи всѣхъ слоевъ украинскаго народа

¹⁾ «Кто изъ киявлянъ не помнитъ времени передъ севастопольской войной? То было тяжелое время для Украины, то было ея лихолѣтье. Простой народъ стоналъ въ тяжелой неволѣ подъ панамі, долженъ былъ молчать и терпѣть горше, чѣмъ до Хмельницкаго. А за каждый его стонъ, по московскому обычаю, наказывали. Украина забыла историческія преданія и не могла наукою дойти до потерянныхъ думокъ. На обоихъ сторонахъ Днѣпра очутились въ чужихъ порядкахъ, въ чужой шкурѣ, приучались къ чужой рѣчи, забывали свою. Погибла наука, упало просвѣщеніе, оставшись только въ схоластическихъ латинскихъ духовныхъ школахъ. Университетская наука была только азбукой европейскаго просвѣщенія, обрѣзаннаго по казенной мѣрѣ». «Московская школа на нашей Украинѣ много оторвала лучшихъ людей отъ своего народа, отъ своего племени, отъ сем'и, отъ отца и матери. А народъ опять сильно оторвалъ самъ себя отъ господъ, отъ ученыхъ украинцевъ и искоса поглядываетъ на нихъ! Между ними выкопана великая пропасть. И нужно большого, большого труда не одного генія, чтобы засыпать эту провалину, начатую ляхами, оконченную москалями, чтобы связать то, что порвала наша лѣность, да постыдная украинская нерадивость, да лежачая неосмотрительность».

на народныхъ началахъ, подраздѣляется на частійшія задачи, именно: воспроизведеніе въ художественныхъ образахъ прошлаго и современнаго быта простаго украинскаго народа и изображеніе шляхетско-польскаго и московскаго вліяній на украинскую жизнь.

Въ художественномъ изображеніи простаго украинскаго народа г. Левицкій началъ съ того, съ чего и Марко-Вовчокъ, т. е. съ изображенія судьбы подневольнаго крѣпостнаго человѣка, но не остановился на этомъ изображеніи, равно какъ и не увлекся иллюзіями о счастливой и блаженной жизни свободнаго крестьянина, какъ это сдѣлала Марко-Вовчокъ, а напротивъ указалъ рядъ другихъ неблагоприятныхъ условій, угнетающихъ свободу человѣка и послѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Повѣсти «Микола Джеря» и отчасти «Рибалка Панасъ Круть» и «Дві Московки» коренятся еще въ эпохѣ крѣпостничества и крѣпостныхъ порядковъ. Въ повѣсти «Микола Джеря» изображены похождения малорусскаго крестьянина Киевской губерніи, который, вслѣдствіе несправедливостей и утѣсненій, перенесенныхъ на родинѣ, началъ вести бродячую жизнь, сначала работая на сахарныхъ заводахъ, потомъ проживая въ Бессарабіи, и наконецъ, уже подъ старость воротился на родину, гдѣ засталъ новые порядки послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. «Рибалка Панасъ Круть» испыталъ другаго рода крѣпостное право, свойственное только юго-западной Россіи и доселѣ еще неотмѣненное, и сдѣлался его жертвою. Онъ родился въ Киевской губерніи, въ одномъ мѣстечкѣ надъ р. Росью, принадлежавшемъ помѣщику и наполненномъ жидами. Съ одной стороны, обременительность чиншевой платы помѣщику, съ другой—еврейская эксплуатація и ремесленная конкуренція парализовали ремесленную предприимчивость Панаса Крутя. Сначала онъ поочередно брался за разныя ремесла: былъ овчинникомъ, портнымъ, сапожникомъ, охотникомъ и музыкантомъ, чтобы нажить себѣ если не богатство, то достатокъ. Онъ и зарабатывалъ по-немногу, но не могъ, какъ говорятъ, на ноги встать. Бѣдность свела въ могилу его жену. По смерти ея, Панасъ Круть остановился, наконецъ, на рыболовствѣ и занимался этимъ промысломъ около 23-хъ лѣтъ, оставляя заработанныя деньги въ шинкѣ у жидовки. Панасъ Круть и умеръ какъ истый рыбакъ, потонувъ въ р. Роси во время половодья. Своего рода крѣпостничество или закрѣпленіе такъ называемыхъ кантонистовъ за военнымъ сословіемъ, со всѣми грустными послѣдствіями этого закрѣпленія, изображаетъ повѣсть г. Левицкаго «Дві Московки». Въ село Момоты, по разсказу повѣсти, возвращается въ безсрочный отпускъ молодой и красивый солдатъ Василь къ своей матери, старой Хомихѣ. Не одна Хомиха обрадовалась возвращенію Василя. На селѣ были двѣ дѣвицы, Ганна и Марина, щирія подруги. Ганна была небольшого росту, съ тихимъ взглядомъ и характеромъ, а Марина была смугла лицомъ, смѣла и

проворна. Обѣ онѣ полюбили молодого, красиваго москаля (солдата), но Ганна была счастливѣе своей подруги и вышла за него замужъ. Хорошо она зажила съ Василемъ: работали они вмѣстѣ, устроили хозяйство и даже скопили немного деньжонокъ. Ганна подарила Василю сына Ивана. Но счастье молодыхъ супруговъ продолжалось недолго. Въ одинъ прекрасный день момотянскій эсаулъ оповѣстилъ Василя, что его требуютъ въ Кіевъ, въ походъ. Василь ушелъ въ походъ и больше не возвращался, старая Хомиха скоро умерла, а Ганна долго еще боролась съ горемъ, зарабатывая себѣ насущный хлѣбъ и подкрѣпляясь надеждой на подрастающаго сына; но и сына ея взяли въ контонистскую школу и длиннымъ рядомъ истязаній исказили его нравственно, заставивъ забыть родную рѣчь и безумно гордиться званіемъ какого-то писаря. Ганна умерла въ бѣдности, раньше своего срока, на рукахъ Марины. Что же касается самой Марины, то она долго еще тужила по Василѣ и завидовала короткому счастью Ганны; наконецъ, на зло себѣ и людямъ, вышла замужъ за перваго попавшагося жениха, какимъ оказался тоже отпускной москаль, хотя и добрый, но не любимый ей. Тяжко было жить Маринѣ съ немилымъ, и потому она была, если не рада, то совершенно равнодушна, когда ея мужа тоже потребовали въ походъ. Проводивъ мужа, Марина повела свободную и веселую жизнь, собирала у себя вечерницы и пѣла и плясала на нихъ. Смерть безпомощной Ганны, послѣдовавшая въ это время, заставила Марину призадуматься на нѣкоторое время и надъ своей будущностію. Но скоро явилась въ селѣ еще какая-то москковка изъ города и соблазнила Марину отправиться въ Кіевъ на легкіе хлѣба и хорошія заработокъ. Здѣсь Марина дошла до крайней степени нравственнаго униженія и паденія и умерла въ нищетѣ, гдѣ-то подъ заборомъ. Въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ эта повѣсть считается однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Левицкаго. Она «вѣрно и трогательно,—по словамъ Н. И. Костомарова, изображаетъ судьбу солдатокъ, проживающихъ въ малорусскомъ селѣ». По отзыву другаго рецензента, эта повѣсть представляетъ собою «прекрасный, полный глубокаго психологическаго анализа рассказъ» и вообще составляетъ, лучшую вещь нашего автора¹⁾.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и отмѣною кантонистовъ, не было, однако, совершенно уничтожено рабство народа, поступившаго теперь въ новую кабалу къ евреямъ и другимъ мелкимъ и крупнымъ аферистамъ и эксплуататорамъ. Это не только матеріальное, но и нравственное иго изображается нашимъ авторомъ въ рассказѣ «Пріятели» и въ повѣсти «Бурлачка».

Главная бѣда малорусскаго простонародья зависѣла и зависитъ не столько отъ эксплуататорской дѣятельности евреевъ и разныхъ

¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 года № 30.

поссессоровъ, сколько отъ недостатка элементарнаго образованія и первыхъ начатковъ общественности. Противообщественныя явленія въ сельской жизни старается авторъ изобразить въ своихъ разсказахъ: «Неможна бабі Парасці вдержатись на селі» и «Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти».

Тотъ же недостатокъ истиннаго образованія выставляется напоказъ въ комедіи нашего автора «На Кожумъ якахъ», но съ тою разницею, что здѣсь сфера дѣйствія—не сельская жизнь, а городская, мѣщанская, въ ея соприкосновеніи съ разными мнимо-просвѣщенными людьми. Очевидно въ этой сферѣ чувствуется уже потребность хоть какого нибудь образованія; но это образованіе понимается чисто съ внѣшней стороны, какъ декоративная сторона невѣсты, дочери зажиточныхъ мѣщанъ, какъ хорошая приманка для жениховъ изъ другихъ сравнительно высшихъ сословій.

Предметъ комедіи взятъ изъ той среды, изъ которой почерпалъ содержаніе для своихъ комедій и Островскій. Разница только та, что герои комедіи г. Левицкаго—малороссы, и всѣ ихъ поступки и дѣйствія носятъ печать малорусскаго характера и мѣстныхъ кievскихъ условій. Н. И. Костомаровъ находитъ въ этой пьесѣ большія комическія достоинства и желаетъ, чтобы она была поставлена на сценѣ.

Восходя отъ низшихъ сферъ къ болѣе и болѣе высшимъ, г. Левицкій не разъ пытался бросить свой поэтический взглядъ и на вопросы высшаго порядка, изобразить внутреннія междуплеменные отношенія русскаго государства. Эта грандіозная задача лежитъ въ основѣ его сказки-поэмы «Запорозці» и двухъ большихъ его повѣстей «Причепя» и «Хмари». Въ нихъ онъ старается обрисовать историческія и современныя отношенія Малороссіи къ Россіи и Польшѣ. Но для выполненія этой грандіозной задачи у автора не достало средствъ и безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ дѣлу, и потому эти произведенія г. Левицкаго обилуютъ тенденціозностью, которая вредитъ самой художественности изложенія, хотя и въ этихъ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя есть много прекрасныхъ частныхъ.

Впрочемъ, и самъ г. Левицкій какъ будто понялъ, что ему меньше удастся изображеніе нравовъ того образованнаго общества, котораго до него не касались украинскіе повѣствователи, и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ уже не возвращался болѣе къ этому предмету. Попробовалъ было онъ пересказать украинскія народныя думы о Марусѣ Богославкѣ въ четырехъ-актной оперетѣ; но настоящимъ призваніемъ своимъ считаетъ изображеніе современнаго быта украинскаго народа и социальныхъ его недуговъ. За эти повѣсти и разсказы онъ и пользуется въ Малороссіи заслуженною извѣстностью, хотя и въ нихъ есть значительные недостатки, какъ-то: идеализація украинской природы и жизни, многословность, отступ-

леніе отъ главнаго предмета въ сторону и повтореніе однѣхъ и тѣхъ же картинъ природы въ различныхъ повѣстяхъ и разсказахъ.

Изъ малорусскихъ писателей г. Левицкій ближе всего подходитъ къ Марку-Вовчку. Есть у этихъ писателей даже довольно сходныя частности. Изъ русскихъ писателей г. Левицкій слѣдуетъ больше всего Тургеневу, а въ комедіи «На Кожумъ-якахъ», можетъ быть, и Островскому.

III.

Л. И. Глѣбовъ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ ¹⁾ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ Полтавской гимназій, а окончилъ въ лицей князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году съ чиномъ XIV класса. Первое время по выходѣ изъ лица г. Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (Каменецъ-Подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и переехалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочувствовавшихъ новымъ реформамъ. Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ Полтавской гимназій, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Леонида Глѣбова. Затѣмъ, въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» и въ журналѣ «Основа» напечатанъ былъ цѣлый рядъ малороссійскихъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, въ разныхъ родахъ. Изъ оригинальныхъ его стихотвореній приведемъ его «Пѣсню» въ русскомъ переводѣ Гербеля, которая въ малорусскомъ оригиналѣ напечатана была въ журналѣ «Основа»:

Мчится голубъ въ поднебесьи,

Отдыху не знаетъ;

Доли, горы и дубравы

На-вѣкъ покидаетъ.

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,

Ни лѣса густые

Не влекутъ на мирный отдыхъ

Силы молодыхъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ находятся въ книгахъ — «Лицей князя Безбородко», 1859 и 1881 года, и «Поэзія славянъ», Гербеля, 1871 года, стр. 195 и слѣд.

Отдыхаетъ казачина;
 Конь пасется рядомъ...
 И сказалъ онъ, голубочка
 Провожая взглядомъ:
 «Ой, куда ты, сизокрылый,
 Очи устремляешь?
 Ой, зачѣмъ лѣса и доли
 На-вѣкъ покидаешь?
 Аль тебѣ, мой голубъ сизый,
 Некого голубить?
 Аль никто на цѣломъ свѣтѣ
 И тебя не любитъ?
 Если такъ, спустись на землю,
 Отдохни со мною,
 И потомъ въ иное поле
 Полетимъ съ тобою!
 За горами, за лѣсами,
 На иномъ на полѣ
 Попытаемъ, не найдемъ ли
 Мы счастливой доли.
 Мы найдемъ, мой голубочекъ,
 Темныя дубровы,
 И дуга въ цвѣтахъ душистыхъ,
 И соболю брови.
 Мы найдемъ тамъ, мы увидимъ
 Ясную зарницу:
 Мы найдемъ тамъ и голубку,
 И красу—дѣвицу.
 Сизокрылая голубка
 Друга приголубить,
 А красавица дѣвица
 Казака полюбить».

Но г. Глѣбовъ больше извѣстенъ не оригинальными своими произведеніями, а переводными баснями изъ Крылова, которыя однако-же, по отзыву его земляковъ, присоблагоуствуютъ у него къ малоросійской жизни и обстановкѣ. Въ 1872 году его «Байки» вышли уже вторымъ изданіемъ. Въ примѣръ переводныхъ его басенъ приведемъ его байку «Охрімова свита», представляющую переводъ «Тришкина кафтана» Крылова.

Була въ Охріма сіра свита,
 Такъ хороше пошита:
 Иззиди вусики зъ червоного сукна;
 На комирі мережечка така—що на!

Хочь голові носити.

Дурний Охрімъ не влівъ и глядіти.

Таскавъ, коли й неслідъ таскати.

Разъ ставъ вінъ свиту надягати,—

Ажъ дивитьця—рукава вже продрались,

Отъ мій Охрімъ, щобъ люде не сміялись,

Налагодивсь латати.

А де-жъ суконьця взяти?

Охрімові не вдивовижу!

—«Ми знайдемо»,—вінъ каже самъ собі—

«Рукава трохи обчикрижу,

«Та й поможу журьбі».

Зробивъ,

И свиту зновъ надівъ,

И хороше ему здається,

Хочъ руки й голі до локіть;

Такъ отъ біда: куди вінъ не поткнетьця,

Усякъ одъ реготу беретьця за живіть.

Росердився Охрімъ, що зъ его такъ глузують...

—«Тривайте;—каже,—коли такъ,

Зроблю жъ я ось-де якъ...

Нехай, дурні, собі пустують;

У нихъ, видно, жуки у голові,

А ми втнемо рукавця и нові,

Хиба мудріця велика!»

Охрімъ догадливий бувъ парубіка!

Прихорошенько взявъ,

Підрізавъ поли вінъ чи-мало,—

Якъ—разъ, щобъ на рукава стало,—

Покраявъ, та й пипришивавъ—

И зновъ рукава, якъ рукава.

И ходить мій Охрімъ, неначе та проява,

Та й думає: «ось я—то молодець,

Удався хочъ куди хлопчина!»

Дурний, дурний! а на й-ему свитина

Неначе той німецький катанецъ!

Отъ такъ и зъ тимъ буває,

Хто чортъ—зна де добро свое діває,

А тамъ, якъ кинетьця вертитъ и такъ и сякъ,

Неначе горобецъ у клітці...

Дивись, згодя: голяе неборака

Въ Охрімовій куценькій свитці.

«Къ сожалѣнію, говорить г. Кулишъ, Глѣбовъ мало трудился надъ изученіемъ языка и иногда выражаетъ натянуто, не по народному; но нѣкоторые изъ его басенъ обнаруживаютъ талантъ неоспоримый, которому не достааетъ только обработки» ¹⁾.

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1857 года, т. XII; Современная лѣтопись, стр. 231.

IV.

С. Руданскій.

Степанъ Руданскій, родомъ изъ Подольской губерніи, воспитанникъ кіевскаго университета, умеръ въ Ялтѣ, на должности врача, не достигнувъ и 40 лѣтъ возраста. Онъ оставилъ по себѣ «хорошую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому доброму дѣлу, частному и общественному». «Покойный Руданскій,—говорить г. Креминскій, обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидные услуги жизни южно-русской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ» ¹⁾.

Первыя произведенія свои г. Руданскій помѣщалъ въ «Русскомъ Мірѣ», въ 60-хъ годахъ. Въ 1860 году предназначался для цензуры и изданія цѣлый сборникъ его малорусскихъ произведеній, подъ названіемъ «Співомовки» ²⁾, который, однако-же, почему-то не былъ изданъ при жизни автора. Изъ этого сборника напечатано было нѣсколько стихотвореній въ журналѣ «Основа» за 1861 годъ. «Співомовки» изданы были Н. Г. Волынскимъ (Косачемъ) уже въ 1880 году, и то не въ полномъ видѣ. Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь мелкихъ стихотвореній, имѣются еще, по словамъ г. Косача, — гораздо большія произведенія Руданскаго, какъ-то: переводъ Иліады, нѣсколько поэмъ про нашихъ историческихъ вождей (Мазепу, Полуботка и др.) и весьма хорошій переводъ всего «Слова о полку Игоревѣ», съ приложеніемъ къ нему предисловія, написаннаго тоже по-украински. Часть перевода Иліады и нѣкоторые другія сочиненія Руданскаго напечатаны были въ Галиціи и именно въ журналѣ «Правда» за 1872, 1875 и др. годы ³⁾. Одно стихотворе-

¹⁾ «Кіевская Старина», іюнь 1882 г.

²⁾ Разбирая бумаги покойнаго М. Г. Щербака, мы нашли въ его дневникѣ за 1859—1860 годъ слѣдующую замѣтку: «16-го февраля (1860). Вівторокъ принісъ меніи изъ цензурнаго комитета Поповъ «Співомовки» Винка Руданського. Тутъ читали и сміялись. Міні пришла думка начати писати рецензію, щобъ була готова тоді, якъ вийде изъ печаті ця книжка. А ось я переписавъ дещо, що цензура вже певно не дозволе надрукувати». Затѣмъ, выписаны «Приказки на москалівъ»: «Запорозці підъ Москвою», «Запорозці у Сенаті», «Страшный судъ», «Піпъ и жидъ», «Варвара» и «Доброй человѣкъ».

³⁾ «Співомовки». Кіевъ, 1880 годъ. Предисловіе. «Нѣкоторые стихотворенія г. Руданскаго напечатаны также въ альманахѣ г. Пискунова—«Чайка», 1876 г.

ніе «Обманутый солдатъ» помѣщено въ «Кіевской Старинѣ», за іюнь, 1882 года.

«Степанъ Руданскій, говоритъ г. Косачъ въ предисловіи къ Співомовкамъ, принадлежитъ къ давнишнему направленію авторовъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы иногда замѣчаемъ это въ его произведеніяхъ. Порой явится у него романтической духъ, такъ напри- мѣръ, во всемъ складѣ співомовки «Моя смерть», а тутъ же ря- домъ старинная какъ будто смѣхотворная котляревщина, какъ на- примѣръ въ тѣхъ анекдотахъ, гдѣ съ одинаковымъ юморомъ раз- сказываются приключенія и какъ будто того простоватаго мужика. и гордаго, чванливаго пана, и жида, и цыгана. Однако, какъ въ своихъ серьезныхъ, такъ и шутливыхъ произведеніяхъ, Руданскій не остался при одномъ безпочвенномъ ширяніи фантазіи, не остался творцомъ не отъ «міра сего и его живой сути». По словамъ дру- гаго рецензента, «Руданскій былъ одинъ изъ весьма немногихъ малорусскихъ поэтовъ недавняго времени съ дѣйствительнымъ та- лантомъ и съ попытками тронуть новыя тѣмы, а не тѣ только, ко- торыя заѣздили предшественники и подражатели Шевченка» ¹⁾. Съ своей стороны, не отвергая поэтического таланта г. Руданскаго, мы должны сказать правду, что лучшія его стихотворенія напи- саны въ духѣ Кольцова и Некрасова и, по всей вѣроятности, по подражанію имъ. Таковы, напри- мѣръ, стихотворенія г. Руданскаго— «Пьянщя» и «Наука».

Стихотвореніе «Пьянщя», имѣющее отношеніе къ печальной страсти самого автора, очень живо напоминаетъ своимъ содержа- ніемъ и складомъ стихи Кольцова. Вотъ первая половина этого стихотворенія:

Не кыдай мене,
Моя чарочко!
Не жены мене,
Ты шинкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе брыдкую
Улюбытыся!
Не безъ жінки я,
Не безъ хаты я,
Все у мене йе,
Разпроклятая!
Хліба до-сыта,
Пара волыківъ,
Сынівъ четверо,—
Якъ соколыківъ;
Моя хатонька —
Срібна чашечка,

¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 годъ, № 44.

Моя жіночка —
 Мыла пташечка;
 Та тяжкі мої
 Болі білыны!
 Бо не маю я
 Волі вільної.
 Потомъ мыюся,
 Распряжу волю, —
 На бікъ хылюся,
 Повалюся на бікъ.
 Не здримаюся,
 Зновъ на панщину
 Підіймаюся!.. ⁴⁾

Другое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Руданскаго «Наука» по содержанію очень сходно съ «Пѣсней Еремущкѣ» Некрасова и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ послѣдней. У

⁴⁾ Переводъ: Не кидай меня
 Моя чарочка!
 Не гони меня
 Ты шинкарь!
 Не гони меня,
 Дай напиться,
 Въ тебя гаdkую
 Влюбиться!
 Не безъ женушки я,
 Не безъ хаты я,
 Все у меня есть,
 Распроклятая!
 Хлѣба до-сыта,
 Пара бычковъ,
 Сыновей четверо, —
 Какъ соколицы;
 Моя хаточка —
 Серебряна чашечка,
 Моя женушка —
 Мила пташечка;
 Да тяжкі мои
 Боли больныя!
 Ибо не имѣю я
 Воли вольныя.
 Потомъ моюся,
 Распряду бычковъ, —
 На бокъ валюся,
 Повалюся на бокъ,
 Не успѣю вздремнуть,
 Вновь на барщину
 Поднимаюся...

Некрасова, какъ извѣстно, старая нянюшка и проѣзжіи горожанинъ поочередно поютъ колыбельныя пѣсенки надъ малюткой Еремушкой, совершенно противоположнаго содержанія. Нянюшка напѣваетъ малюткѣ, что

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Напротивъ, горожанинъ находитъ эту пѣсню нянюшки безобразною и поетъ надъ ребенкомъ свою пѣсенку, въ которой проклинаетъ растлѣвающій пошлый житейскій опытъ и зоветъ дитя къ новой человѣческой жизни, къ братству, истинѣ, свободѣ и къ борьбѣ съ лукавою неправдою. У Руданскаго роль некрасовской нянюшки играетъ мать молодого человѣка, а роль горожанина — отецъ. Мать, провожая сына въ свѣтъ, совѣтуетъ ему искать такихъ людей, которые не знаютъ тяжелаго крестьянскаго труда, но живутъ въ довольствѣ:

Колы ныйдешъ ихъ,
Мылый сыночку
Ты склоны себя
Якъ былиночку,
Простелы себе
Якъ рядныночку!
Спына съ похылу
Не покорчытьця,
Чоло зъ пороху
Не изморщытьця.
Спына зъ похылу
Не искривытьця;
За те ступыть пань
Та й подывытьця;
За те ступыть пань
На покїрного
И прїйлье тебе
Якъ добїрного.
И въ годыночку —
На драбыночку;
И підешъ тоді,
Мылый сыночку?
И зъ панамы самъ
Порівняешся,
Въ сріблі—золоті
Закупаешся;
Въ сріблі—золоті
Закупаешся

Зъ полемъ батьківскимъ
Разпрощаєся! ¹⁾

Напротивъ, отецъ учитъ сына не гнуть ни передъ кѣмъ спины, убѣгать отъ такихъ людей, которые живутъ чужимъ трудомъ, идти въ свѣтъ и узнать все:

Тоді зъ світомъ ты
Порівняєся,
Въ добрі розумі
Закупаєся.
Въ добрі розумі
Закупаєся,
Зъ полемъ батьковимъ
Прывітаєся ²⁾.

¹⁾ Переводъ: Коли найдешъ ихъ,
Милый сыночекъ,
Ты склони себя
Какъ былиночку,
Постели себя
Какъ подстилочку!
Спина съ поклону
Не погорбится,
Чело отъ пыли
Не поморщится;
Спина съ поклону
Не искривится,
За то ступить панъ
Да и посмотреть;
За то ступить панъ
На покорнаго
И приметъ тебя
Какъ избранника.
И въ минуту —
По лѣсенкѣ!
И пойдешъ тогда,
Милый сыночекъ!
И съ господами самъ
Поравняєшься,
Въ серебрѣ — золотѣ
Закупаєшься;
Въ серебрѣ — золотѣ
Закупаєшься,
Съ полемъ батьковскимъ
Распрощаєшься.

²⁾ Переводъ: Тогда съ свѣтомъ ты
Поравняєшься,
Въ добрѣ разумѣ
Закупаєшься,
Съ полемъ батьковскимъ
Посвыкнешься.

Кромѣ подражательныхъ стихотвореній, есть у Руданскаго и чисто переводныя. Мы уже упоминали выше о его переводахъ Иліады и Слова о полку Игоревѣ. Извѣстны также его — переложеніе пушкинскаго «Вѣщаго Олега», переводы изъ польскаго поэта Ленартовича («Ластівка») и сербскаго Бранка Радичевича. Остановимся нѣсколько на переводѣ Иліады.

Переводъ «Иліады», которымъ занятъ былъ Руданскій въ послѣднее время своей жизни, сдѣланъ съ подлинника, но задуманъ былъ не гексаметромъ, а размѣромъ, хотя часто встрѣчающимся въ малороссійскихъ пѣсняхъ и пословицахъ, размѣромъ народнымъ и плавнымъ, но за то короче гексаметра. Отъ этого значительная часть длинныхъ словъ, эпитетовъ гомеровскихъ, должна была пострадать. «Это очень и очень жалко, — говоритъ одинъ малорусскій критикъ, — особенно въ виду способности малорусскаго языка къ разнообразному словосоединенію. Переводъ Руданскаго такимъ образомъ не удовлетворить вполнѣ знатоковъ Гомера; но легкостью и простотою склада онъ подходитъ къ духу подлинника и производитъ вѣрное впечатлѣніе. Языкъ перевода чистый малорусскій съ кой-гдѣ пробѣгающими славянизмами и подольскими провинціализмами». Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ разговора Пріама и Елены о герояхъ ахейскихъ въ третьей пѣснѣ:

Старой запитався и про Одисея:
— «Скажи ж, моя доню, хто там такий другий,
Головою менший як цар Атрієнко,
А плечима ширший и грудьми видніций?
Оружє поклав він на землю родючу,
А сам він обходить ряди військовіі,
Мов часамі в полі баран пелехатий
Обходжує стадо біленьких овечок».
Ему и сказала дивная Елена:
— «А се Одисей той, мудрий Лаертенко,
Що зріч в Іфаці, в землі камянистій:
Він и хитрий тяжко и до мови здатний ⁴⁾».

⁴⁾ Переводъ: Старець спросилъ и про Одисея:
«Скажи, моя дочь, кто это тамъ другой
Головою менший царя Атрида,
А плечами шире и грудью виднѣе,
А самъ онъ обходитъ ряды войсковые,
Какъ иногда въ полѣ баранъ волохатый
Обходитъ стадо бѣлыхъ овечекъ?
Ему отвѣчала дивная Елена:
А это Одисей тотъ, мудрый Лаертидъ.
Что выросъ въ Итакѣ, землѣ каменистой,
Онъ и хитрый весьма, и краснорѣчивый.

V.

М. П. Старицкій.

Михайль Петровичъ Старицкій, помѣщикъ Подольской губерніи, воспитывался въ кievскомъ университетѣ, но не окончилъ здѣсь курса. Въ предисловіи къ «Співомовкамъ» Руданскаго г. Косачъ говорить о г. Старицкомъ слѣдующее: «въ послѣднее время одинъ только почтенный писатель г. Старицкій выявляетъ иногда на нашѣмъ убогомъ полѣ отдѣльныя изданія своихъ произведеній, за что мы должны воздавать ему сугубую честь и благодарность». Но и этотъ единственный современный стихотворецъ малорусскій, выпускающій свои произведенія отдѣльными изданіями, извѣстенъ почти исключительно своими переводами и передѣлками съ другихъ языковъ на украинское нарѣчіе. Вотъ перечень его переводовъ и передѣлокъ: 1) «Казки Андерсена», полное изданіе, съ портретомъ Андерсена, его біографіей и 11-ю картинками. Кіевъ, 1873 годъ. Въ 1874 году онѣ изданы и отдѣльными брошюрами; 2) «Різдвяна Нічъ», оперетта. Кіевъ, 1874 годъ; 3) «Сорочинскій Армарокъ». Кіевъ, 1874 годъ; 4) «Байки Крылова». Кіевъ, 1874. 5) «Пісня про царя Йвана Василевича, молодого опричника, та одважного крамаренка Калашника (з Лермонтова)». Кіевъ, 1875 годъ; 6) «Сербські народні думи і пісьні». Кіевъ, 1876 годъ; 7) «Чорноморці, оперета по Кухаренку». Кіевъ, 1878 годъ; 8) «Пісні і думи, з давнього зшитку». Кіевъ, 1881 годъ; 9) шесть стихотвореній и водевилей «Якъ ковбаса та чарка, те мынеться й сварка», въ альманахѣ «Луна». Кіевъ, 1881 годъ; 10) «Гамлетъ принцъ данської. Трагедія въ 5 діяхъ». Кіевъ, 1882 годъ.

Первые опыты переводовъ г. Старицкаго были менѣ всего удачны. «Казка Андерсена»,—говоритъ одинъ рецензентъ,—по ихъ часто слишкомъ нѣмецкому, слащаво-мѣщанскому характеру, а равно по языку перевода, чрезвычайно неровному, вычурному, полному рѣдкихъ провинціализмовъ, колонизмовъ, германизмовъ и неудачно скованныхъ словъ, мало могутъ разсчитывать найти себѣ читателей въ народѣ; кто же можетъ читать Андерсена и притомъ въ болѣе полномъ составѣ по-русски, тому онѣ не нужны»¹⁾.

Болѣе успѣха имѣла оперетта г. Старицкаго «Різдвяна Нічъ», передѣланная изъ Гоголя; но и ея успѣхъ опредѣлялся не столько внутренними ея достоинствами, сколько побочными обстоятельствами: сравненіемъ съ другими малорусскими опереттами, заимствованнымъ у Гоголя сюжетомъ и музыкой г. Лисенка. «Появившаяся надняхъ въ свѣтъ оперетта, писалъ П. Иван—ко, внутренними и внѣшними достоинствами своими превосходить всѣ доселѣ

¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 годъ, № 3.

бывшія произведенія этого рода («Наталка Полтавка», «Сватання на Гончарівці», «Москаль Чарівникъ» и др.). Авторы тѣхъ произведеній не подошли такъ близко къ бытовой народной и литературно-художественной правдѣ, какъ это удалось г. Старицкому. Тамъ сюжеты частные, семейные; здѣсь желаніе усложнить частный сюжетъ элементомъ общенародной жизни посредствомъ приуроченія дѣйствія къ первому дню рождественскихъ праздниковъ. Драматическое дѣйствіе естественнѣе; рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ихъ нравы и обычаи ближе къ этнографической истинѣ; языкъ правильнѣе. Нѣкоторыя мѣста оперы представляютъ художественное воспроизведеніе народной жизни. Но, при всѣхъ указанныхъ достоинствахъ, опера имѣетъ и недостатки: во первыхъ, заглавіе ея внѣшнее, оно не связано органически съ содержаніемъ; во вторыхъ, допущены погрѣшности противъ народныхъ нравовъ и обычаевъ; въ третьихъ, избитымъ комическимъ положеніемъ посѣтителей вдовы Солохи Чуба, дьяка и головы, нарушается литературно-художественная правда; въ четвертыхъ, наконецъ, въ ней есть погрѣшности въ языкѣ противъ грамматической и филологической ея стороны» ¹⁾. Но всѣ эти достоинства и недостатки оперетты, указываемые г. Иванъ — комъ, принадлежать самому Гоголю, а не Старицкому, на долю котораго остается только одинъ языкъ оперетты. А въ языкѣ его замѣтны кованія искусственные слова и провинциализмы. «Намъ приходилось слышать, — говорить другой рецензентъ, — что г. Старицкій заставляеть героевъ «Різдвяной Ночи», живущихъ около Нѣжина, говорить языкомъ подольскихъ поселянъ, и потому его произведеніе малороссамъ не совсѣмъ понятно ²⁾. То же, съ нѣкоторыми измѣненіями, слѣдуетъ сказать и о переводѣ «Сорочинской Ярмарки» Гоголя» ³⁾.

«Удачнѣе, по выбору предмета и по выполненію, переводъ басень Крылова, которыя въ оригиналѣ именно по своей народности, а потомъ и по своему чисто великороссійскому характеру, подѣ часть не производять должнаго эффекта въ народѣ и сельской школѣ въ Малороссіи» ⁴⁾. Тоже можно сказать и о переводѣ «Пісні про царя Ивана Василевича», изъ Лермонтова, т. е., что этотъ переводъ можетъ помочь ознакомленію малороссовъ съ этимъ произведеніемъ Лермонтова, написаннымъ въ духѣ великорусскихъ былинъ и историческимъ пѣсень, но положительныхъ внутреннихъ достоинствъ этотъ переводъ не имѣетъ.

Лучше всего переводческій талантъ г. Старицкаго обнаружился въ переводѣ сербскихъ народныхъ пѣсень и думъ. «Весьма заин-

¹⁾ «Кіевлянинъ», 1874 года, № 3.

²⁾ Тамъ же, 1874 года, № 15.

³⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 года, № 30.

⁴⁾ Тамъ же.

тересованный лично сербским народным творчеством, — говорит один рецензент, — г. Старицкий предположил такой же интерес у многих из нашей (малорусской) публики и издал в свет целый том своих переводов на украинский язык сербских народных дум — больших эпических поэм. Перевод был сделан превосходно. Читая эти переводы Старицкого, испытываешь вполне эстетическое впечатление, любяся как прекрасным складом речи, так и красотой, плавностью стиха. Время, когда были изданы «Сербские думы» (1876 года), казалось, выбрано было тоже как нельзя более удачно: это был год начала войны за освобождение братьев славян, время наибольшего сочувствия и интереса к ним. К тому же и самую выручку от продажи «Сербских дум» г. Старицкий предназначил в пользу страдавших братьев. И однакоже, несмотря на все эти обстоятельства, несмотря на то, что, прежде всего, по одному количеству материала сборник «Сербских дум» Старицкого являлся первым во всей российской литературе, издание это было встречено нашею (малороссийскою) публикою крайне холодно: оно почти не пошло в продажу» ¹⁾. Вероятно, поэтому второй том сербских народных дум и песен, в перевод г. Старицкого, явился только через пять лет после первого, и, притом, он заключает в себя небольшую долю сербских песен, с придачею переводов из первоклассных европейских и польских писателей. Мы разумею здесь издание г. Старицкого: «Пісні і Думи, зъ давню зшитку. Київ. 1881». Здесь, между прочим, помещены бытовые сербские песни, большею частью любовные, вообще отличающиеся чрезвычайным лиризмом, страстностью, иногда простотой и наивною содержанием и пластичностью. К числу коротко-описательных песенок относится, например, следующая, отличающаяся чрезвычайно грациозным выражением лирического порыва:

Не щебечи, соловейку, зрана,
Не буди ты господаря-пана?
Я сама прыспала его зъ ночи,
Такъ сама й збудити его хочу:
Побігу я на грядки квітисті,
Та вірну тамъ василекъ душистий,
По лицю торкну его злегенька
І скажу: «вставай, мое серденько?» ²⁾.

¹⁾ Газета «Трудъ», 1871 года, № 96.

²⁾ Перевод: Не щебечи, соловейшко, рано,
Не буди ты хозяина-господина!
Я сама приспала его ночью,
Такъ сама и разбудить его хочу:
Побегу я на прядки цветистыя
Да сорву тамъ василекъ душистый,
По лицу дотрону до него слегка
И скажу: вставай, мое сердечушко!

Но, заявивъ себя съ хорошей стороны переводомъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ, г. Старицкій снова обратился къ неудачнымъ переводамъ произведеній европейскихъ знаменитостей на украинское нарѣчіе и даже сталъ пробовать себя въ оригинальномъ творчествѣ.

Въ «Пісняхъ і думахъ» г. Старицкаго, 1881 года, помѣщено нѣсколько его переводовъ изъ Гейне, Байрона, Мицкевича, Сыромли и другихъ, и кромѣ того, въ 1882 году, изданъ г. Старицкимъ переводъ «Гамлета» Шекспира. Чтобы познакомиться съ переводами г. Старицкаго изъ произведеній европейскихъ знаменитостей, приведемъ его переводъ «Сосны» Гейне:

На півночі млавій въ заметахъ, у кризі,
Самотня соснина дрима;
Куня похилившись і в білі ризи
Вдягла и пишно зіма;
И марить та сосна про сонце блескуче,
Ій сниться південь-сторона,
Де те-жъ въ самотині на скелі пекучій
Красується пальма сумна ¹⁾.

Нѣкоторые, правда, и въ этихъ переводахъ г. Старицкаго, особенно сдѣланныхъ съ польскаго языка, находятъ высокія достоинства ²⁾; но болѣе глубокіе знатоки малорусской рѣчи недовольны переводами г. Старицкаго изъ классическихъ западно-европейскихъ и польскихъ произведеній. «Мы замѣчаемъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ по поводу переводовъ г. Старицкаго,—что въ послѣднее время у малорусскихъ писателей явилась особенная охота къ переводамъ. Мы думаемъ, что переводы на малорусскій языкъ могутъ быть умѣстны только тогда, когда переводимое можетъ быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитію. Это мы видимъ уже на опытѣ. Мы имѣемъ превосходный переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ помалорусски, между тѣмъ тотъ же переводчикъ совсѣмъ не такъ удачно исполнилъ свою задачу, когда принялся передавать на малорусскую рѣчь произведенія европейскихъ знаменитостей, какъ Шекспира, Байрона, Андерсена, Мицкевича и др. Мы вполне раздѣляемъ желаніе видѣть малорусскій языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ безъ нятяжки

¹⁾ У Лермонтова: На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгокъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растеть.

²⁾ Газета «Трудъ», 1881 года, № 96.

можно было передавать все, что составляет достояніе культурнаго языка, но на это нужно время и значительное поднятіе умственнаго горизонта въ народѣ... Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей и др. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны и пока ненужны. Что касается до интеллигентнаго класса въ Малороссіи, то для него такіе переводы еще болѣе ненужны, потому что со всѣмъ этимъ онъ можетъ познакомиться или въ подлинникахъ, или въ переводахъ на общерусскій языкъ, который ему такъ же хорошо знакомъ, какъ и родное малорусское нарѣчіе» ¹⁾).

Не болѣе удачны были и самостоятельныя произведенія г. Старицкаго, помѣщенные имъ въ альманахѣ «Луна» на 1881 годъ. По новоду этого альманаха и въ частности произведеній г. Старицкаго, тотъ же Н. И. Костомаровъ писалъ слѣдующее: «Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, мы не можемъ, однако, не выразить нашего несогласія со взглядомъ, господствующимъ, какъ видно, у нѣкоторыхъ современныхъ малорусскихъ писателей. Они думаютъ, что, при недостаточности способовъ для выраженія высшихъ понятій и предметовъ культурнаго міра, надлежитъ для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты и тѣмъ обогащать языкъ и литературу. У пишущаго на простонародномъ нарѣчій такой взглядъ обличаетъ гордыню, часто суетную и неумѣстную. Создавать новыя слова и обороты вовсе не бездѣлица, если только ихъ создавать съ надеждою, что народъ введетъ ихъ въ употребленіе. Такое созданіе всегда почти было достояніемъ великихъ дарованій, какъ это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы... Но что случилось съ такими на живую нитку измышленными словами, какъ «мокроступы, шарокаталице, краткоодежіе, четвероплясіе» и т. п.? Ничего, кромѣ позорнаго безсмертія, какъ обрачки неудачныхъ попытокъ бездарностей! Съ сожалѣніемъ должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этою болѣзнію, и это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежніе годы малорусская литература была чиста отъ такой укорины. По крайней мѣрѣ, у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка-Вовчка едва-ли найдется что нибудь такое, о чемъ бы можно было съ перваго раза сказать, что малорусскъ такъ не выразится. Теперь же не угодно ли полюбаваться хоть на это произведеніе современнаго поэта (Старицкаго), котораго, однако, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его трудамъ, мы никакъ не можемъ отнести къ разряду бездарностей:

Сыділы мы, каганчыкъ мыготівъ,
Дві тіні, тремтячы, сягали ажъ до мура,
А у вікно дывылась пічъ понура
І вітеръ щось сумне, гробкове вивъ

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», февраль, 1882 года.

Якъ помники холодні та німі
 Сыділы мы безъ слова і безъ думы...
 Іще чорнішъ тієї ночі—стуми
 Прыйдешнє намъ вбачалося въ пїтьмі,—

Безъ просвітку, безъ жадної меты,
 Якъ мертвый шляхъ въ безлюдяній пустынї;
 Въ мыкудому руїна на руїні,
 І сылоу поставлені хресты.

Чого жъ ще ждять? боління тількы мыть...
 Але мы все сыділы біля мура,
 Дывылась нічъ черезъ вікно понура
 І не вгававъ сердытый вітеръ выть ¹⁾.

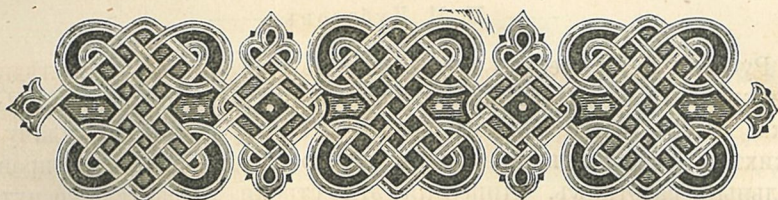
«Охота къ выковыванію новыхъ словъ, геройская отвага къ совершенію такихъ подвиговъ доходитъ до того, что стали выдѣлывать изъ нарѣчій существительныя: есть напр., нарѣчіе байдуже, т. е. все ни почемъ. Изъ этого нарѣчія выковали существительное байдужестъ (у г. Левицкаго). Что бы сказалъ русскій читатель, если бы увидалъ въ русской книгѣ существительное всенипочемность? Въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ видно притязаніе на описательность, мы встрѣчаемъ совершенно великорусскій книжный синтаксисъ, какъ будто авторъ сложилъ свое сочиненіе по-русски, только вмѣсто русскихъ словъ вставляя туда слова малороссійскія, съ прибавкою словъ собственнаго издѣлія, какъ напр. «напечатокъ» вмѣсто отпечатокъ (какъ будто напечатокъ для малоруса понятнѣе, чѣмъ отпечатокъ), «задуманість, поетычна мрія про исторічну мынувшість, узкї глыбокі шпыны манылы до себе очи своею чарівнычею свіжыною» (Мы слышали слово свіжына только въ смыслѣ свинины) ²⁾.

Свои очерки мы и закончимъ этимъ отзывомъ Н. И. Костомарова, касающимся вообще состоянія новѣйшей украинской литературы.

Н. Петровъ.

¹⁾ Мы отказываемся дѣлать переводъ этого стихотворенія, въ которомъ нѣкоторые слова и выраженія непонятны даже и для самихъ малороссовъ.

²⁾ Последнія слова относятся тоже къ И. С. Левицкому. «Вѣстникъ Европы», февраль, 1882 года.

ЧУМА И ПУГАЧЕВЩИНА ВЪ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦИИ.

ПЕРЕДЪ нами лежатъ пыльные связки шацкаго провинціального архива за прошлое столѣтіе, назначенныя къ отправленію въ московскій архивъ министерства юстиціи. Мы имѣли возможность пересмотрѣть и перечитать большую часть ихъ, и невеселыя мысли явились у насъ при чтеніи канцелярскихъ опытовъ нашихъ доморощенныхъ лѣтописцевъ.

Нашъ XVIII-й вѣкъ полонъ внѣшняго блеска и историческаго драматизма. Блестящія побѣды русскихъ войскъ, которыми предводительствовали истинные герои; великолѣпный петербургскій дворъ, при которомъ на первомъ планѣ фигурировали многочисленные и быстро смѣнявшіеся фавориты; вельможная и барская роскошь, удивлявшая иностранцевъ; быстрое и такъ сказать обрядовое сближеніе высшихъ классовъ народа съ западною Европою—вотъ показная сторона нашего славнаго вѣка. Но за этими декораціями скрывалась темная, бѣдная и безправная жизнь народной массы, слишкомъ дорого платившей за внѣшній государственный блескъ.

Въ московскій періодъ русской исторіи хоть украины наши жили вольготно. Бюрократія и крѣпостничество XVIII-го вѣка подтянули всю Русь, и отъ ихъ ненасытнаго и зоркаго хищенія не укрылись самые глухіе уголки земли русской. Видимъ это на Шацкой провинціи, которая, по словамъ мѣстныхъ архивныхъ памятниковъ, была въ прошломъ столѣтіи во всеконечной скудности и разореніи и многомъ и тяжкомъ изнуреніи.

Русская историческая наука еще не сказала своего послѣдняго и искренняго слова объ историческихъ судьбахъ нашего XVIII-го вѣка. Всего менѣе можетъ посягать на эту великую задачу въ узкихъ и условныхъ предѣлахъ своего труда скромный провинціальный работникъ. Пишущій эти строки рѣшается коснуться только двухъ фактовъ лихолѣтія прошлаго вѣка, именно развитія чумы и пугачевщины въ предѣлахъ Шацкаго края. Наши архивныя свѣдѣнія о шацкой чумѣ крайне скудны и потому первая глава предлагаемаго читателямъ «Историческаго Вѣстника» изслѣдованія, по необходимости, будетъ имѣть отрывочный характеръ.

I.

Чума.

Вскорѣ послѣ извѣстныхъ московскихъ событій 1771 года, воронежскій губернаторъ, А. М. Масловъ, прислалъ въ шацкую провинціальную консисторію ордеръ слѣдующаго содержанія: «Противъ обнаружившейся въ имперіи прилипчивой смертной язвы, отъ которой люди скоростижно умираютъ, надлежитъ принимать наискрѣпчайшую предосторожность и слѣдить за ея развитіемъ не дремлющими глазами, подъ опасеніемъ тяжкаго по законамъ взысканія. При семъ воеводамъ провинціи поставляется на видъ произшедшее въ Москвѣ въ подломъ народѣ замѣшательство, дабы бѣглецы и зараженные изъ Москвы не могли распространить заразы по уѣздамъ Шацкой провинціи».

Провинціальныя власти, уже не мало напуганныя молвою о московской чумѣ, немедленно приняли противъ нея свои мѣры, и гонцы-солдаты поскакали во всѣ шацкіе уѣзды съ самыми строгими предписаніями провинціального воеводы Лопатина. Вскорѣ во всѣхъ селахъ Шацкой провинціи были назначены карантинные смотрителя изъ мѣстныхъ дворянъ. На вѣздахъ и выѣздахъ всюду поставили обывательскіе караулы. Всѣмъ дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ вмѣнено было въ обязанность сидѣть дома и такимъ образомъ подавать примѣръ добропорядочной жизни невразумительному народу. Домъ и пожитки велѣно было чаще провѣтривать и, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, вымораживать. Кругомъ сель и городовъ, а также во дворахъ, начали курить дегтемъ, навозомъ, ельникомъ и можжевельникомъ. Сообщенія края внезапно почти совсѣмъ прекратились, потому что на всѣхъ заставахъ безпрепятственно пропускали однихъ только правительственныхъ курьеровъ.

Тогда началась великая и повсемѣстная бѣда въ Шацкой провинціи. Крестьяне бросили посѣвы и жители многихъ селеній подверглись голодной смерти. Въ базарныхъ селахъ пріостановилась торговля. На пристаняхъ задержаны были струги и барки съ хлѣбомъ, солью и разнымъ мелкимъ товаромъ. На одной Вышенской пристани разомъ подвергли шестинедѣльному карантину болѣе 40 струговъ. Отъ неосторожнаго куренія на карантинныхъ заставахъ начались непрерывные пожары. Отъ великихъ огней, жаловались воеводы Шацкой провинціи, особливо во время вѣтровъ и вихрей, бывають многія пожарныя спаленія. Напуганное молвою духовенство отказывалось совершать церковныя требы, вслѣдствіе этого родильницы оставались безъ очистительныхъ молитвъ, младенцы — безъ святого крещенія, болящіе — безъ исповѣди и святого причастія, а умершіе лишались христіанскаго погребенія ¹⁾. Въ народѣ началось усиленное пьянство, которымъ толпа думала залить ту панику, которая овладѣла ею вслѣдствіе разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ ужасовъ чумной заразы. Въ 1771 году питейная контора въ одномъ Шацкѣ продала болѣе 19,000 ведеръ водки. Въ эти бѣдственныя времена крестьяне многихъ селъ Шацкой провинціи, крѣпостные и экономическіе, взбунтовались и не хотѣли признавать никакихъ властей. Между Шацкомъ и Тамбовомъ появились разбойническія партіи, такъ что и проѣзду имѣть было невозможно. Такимъ образомъ чумная паника потрясла коренныя общественныя основы ²⁾.

Общая тревога увеличивалась отъ тѣхъ безпорядковъ, виновниками которыхъ часто были сами карантинные смотрителя и караульные. Иногда у вѣзжихъ воротъ всѣ часовые были неграмотны, поэтому не читали пропускныхъ билетовъ и подолгу задерживали проѣзжихъ. Впрочемъ, за водку и за деньги караульные пропускали и безбилетныхъ, а по неопытности и недосмотру смотрителей свободно проходили заставы и такіе путешественники, у которыхъ были фальшивые билеты, фабрикація которыхъ сдѣлалась въ то время спеціальнымъ промысломъ въ нѣкоторыхъ шацкихъ селахъ. Иные карантинные смотрителя вовсе не признавали по своему скудоумію чумной заразы, предоставляли все на волю Божию и утѣшались въ своемъ бездѣйствіи непрерывными кутежами. Такимъ образомъ многія заставы превратились въ самые разгульные кабаки и шло тамъ разливанное море и въ похмѣльномъ чаду забывали легкомысленные люди о грозной карѣ Божіей. При этомъ нѣкоторые помѣщики не слушались начальства и не хотѣли допус-

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс., № 21 за 1772 годъ.

²⁾ Во время чумной эпидеміи особенно замѣтны были въ Шацкой провинціи крестьянскіе бунты въ селахъ Липдягахъ и Дерябкинѣ.

катъ въ свои имѣнія карантинныхъ смотрителей. Такъ, напримѣръ, когда смотритель Богомоловъ пріѣхалъ въ кирсановское имѣніе Свищова, то помѣщикъ прогналъ его и за объявленіе карантинныхъ правилъ грозилъ перебить ему руки и ноги. Въ имѣніи у этого сердитаго владѣльца не мало было уже странныхъ смертныхъ случаевъ, въ его приходской церкви давно уже прочитано было объявленіе о заразѣ, а онъ все свое твердилъ: «прилипчивой болѣзни у меня въ имѣніи нѣтъ и быть не можетъ».

Хмѣльные смотрителя и караульные, притѣсняя проѣзжихъ и прохожихъ, иногда снимали съ нихъ одежду и отбирали у нихъ всю поклажу и деньги, бросая послѣднія ради ассенизаціи и безвозвратно въ квасную гущу. Вслѣдствіе этого, крестьяне начали ѣздить по дорогамъ толпами и вооружаться для безопасности отъ карантиннаго начальства дубинами. Находились и такіе радѣтели общественнаго блага, которые безсмысленно пользовались своимъ смотрительствомъ, безпричинно притѣсняя народъ. Одинъ изъ такихъ народныхъ опекуновъ, дворянинъ Евсюковъ, ѣздилъ по селамъ и заставамъ и билъ караульныхъ и проѣзжихъ безъ всякой вины немилостиво. Когда же наступила зима 1771 года, то во всѣхъ селахъ своего смотрительскаго района онъ выгналъ обывателей изъ избъ съ цѣлію провѣтриванія воздуха. А какъ на грѣхъ зима та была лютая и многіе люди замерзали. Отъ этого энергичнаго распоряженія не легко было и взрослымъ, но въ особенности жутко было на морозѣ малымъ дѣтямъ, которыя начали помирать отъ простуды въ огромномъ количествѣ.

Лучшей памяти заслуживаютъ шацкіе карантинные смотрителя: Богомоловъ, Свѣчинъ, Аничковъ, Фроловъ-Багреевъ, Владиміровъ и Суровцовъ. Эти въ простотѣ своей усердно жгли навозъ и не давали ходу ни коннымъ, ни пѣшимъ. И если не было въ ихъ дѣятельности разума, за то много было посильнаго усердія.

Къ числу условій, благопріятствовавшихъ развитію чумной эпидеміи, надобно отнести также почти полное отсутствіе медицинской помощи и гигиеническихъ предосторожностей на всемъ пространствѣ Шацкой провинціи, имѣвшей въ 1771 году только двухъ сомнительныхъ врачей: Зигфрида и Рамелофа. Во всѣхъ шацкихъ городахъ и селахъ хоронили покойниковъ около приходскихъ церквей и притомъ зарывали ихъ небрежно и неглубоко. Въ Кадомскомъ уѣздѣ въ 1771 году былъ конскій падежъ и всю палую скотину зарывали внутри селъ, часто во дворахъ, и только самые осторожные обыватели сваливали падаль на выгонахъ. Отъ этого происходило то, что собаки ежедневно разрывали трупы животныхъ и съ кусками зараженнаго мяса разбѣгались по всѣмъ дворамъ. О всякой другой грязи и нечистотѣ, съ которыми издавна такъ свыкъся простой русскій человѣкъ, и говорить нечего: въ описываемое нами время всѣ шацкія поселенія полны были всякими міазмами. Правда,

по Шацкой провинціи безденежно разсылались печатные экземпляры съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ и лѣченія отъ заразы, но рѣдкій шацкій обыватель обращалъ на нихъ должное вниманіе.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о развитіи чумной заразы въ предѣлахъ Шацкой провинціи. Впрочемъ, и тѣ отрывочныя архивныя данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о грозныхъ размѣрахъ шацкой эпидеміи и довольно ярко рисуютъ намъ картину народнаго бѣдствія, память о которомъ въ настоящее время почти исчезла въ нашемъ краѣ.

Съ особенною свирѣпостію эпидемія дѣйствовала въ селахъ Кобоевѣ и Аладьинѣ, по всему теченію рѣки Цны, и въ городѣ Козловѣ. Всѣ зараженные мѣста со всѣхъ сторонъ оцѣпили и предоставили ихъ собственной участи. Изрѣдка подвозили къ ихъ заставамъ провіантъ, при чемъ извозчики, сваливъ въ кучу свою поклажу, опрометью скакали назадъ и даже денегъ не брали, выполнѣвъ довѣрѣя чумнымъ обывателямъ, которые сполна бросали деньги за товаръ въ квасную гущу. Деньги отъ кислоты чернѣли, а народъ объяснялъ это явленіе силою эпидеміи и окончательно поддавался паническому страху. Въ города и села постоянно приходили извѣстія, иногда преувеличенныя, о смертныхъ случаяхъ. Рассказывали о проѣзжавшихъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, которые умирали почти внезапно. Такіе случаи дѣйствительно бывали. Тогда чумныхъ покойниковъ хоронили въ лѣсахъ и поляхъ вмѣстѣ съ телѣгами или санями. Погребавшихъ же запирали мѣсяца на полтора въ необитаемыя избы и строго охраняли ихъ. Въ это время къ заключеннымъ никто не входилъ и пищу подавали имъ, по сохранившемуся преданію, на длинныхъ шестахъ, устроенныхъ въ видѣ рогачей. Зараза была такая сильная, говорятъ наивные мѣстные старожилы, что если кто притрогивался къ зачумленному трупъ какимъ нибудь острымъ орудіемъ, то видно было, какъ чумная чернота ползетъ вверхъ.

Едва ли не самое тяжелое впечатлѣніе на всю Шацкую провинцію произвелъ слѣдующій дѣйствительно замѣчательный случай.

Въ сентябрѣ 1771 года, по рѣкѣ Цнѣ плыло казенное судно съ арестантами подъ начальствомъ поручика Филиппова. Около села Высокихъ Полянъ это судно остановилось, такъ какъ командиръ его бѣжалъ въ Касимовъ и въ экипажѣ обнаружилась ужасающая смертность. Всѣ конвойные начальники умерли, изъ малочисленной команды выбыло 24 человѣка, арестантовъ погибло 120 человѣкъ. Мерли люди, докладывалъ объ этомъ происшествіи шацкому воеводѣ случайный командиръ казеннаго судна, гарнизонный солдатъ Баясниковъ, скоростижно и невѣдомую болѣзнію. По распоряженію воеводы Лопатина, караванъ задержали на 6 недѣль и прервали съ нимъ сношенія. Въ то же время былъ изданъ приказъ провинціальной канцеляріи, чтобы всѣ военныя и

арестантскія команды остановлены были въ поляхъ и чтобы они сами выстроили себѣ шалаши и жили въ нихъ въ теченіи 6 недѣль, уклоняясь отъ всякаго общенія съ окрестными жителями ¹⁾. Ясно такимъ образомъ, что администрація сильно работала въ тяжкую шацкую годину, но, конечно, она была безсильна...

Наибольшее количество умершихъ отъ чумы было въ городѣ Козловѣ. По преданію весь Козловъ во время эпидеміи былъ какъ бы мертвымъ городомъ. Всѣ обыватели сидѣли дома и боялись выходить на улицу. Только караульные расхаживали по городу, подходили къ домовымъ окнамъ и кричали въ извѣстномъ смыслѣ: ельникъ и можжевельникъ! А въ дома опасались входить. Тогда измученные смертнымъ страхомъ обыватели вспомнили Бога и понесли въ храмы Божіи свои жертвы. Шли въ церкви купеческія молодежи и несли туда свои украшенія, привѣшивая ихъ къ иконамъ Богородицы. Шли въ церкви крестьянскія труженницы и умилоствовали Бога самодѣльными холстами, которые онѣ навѣшивали на иконостасы, и полотенцами, которыми покрывались иконы. Болѣзнь однако не унималась, но за то и вѣра народная крѣпла и легче стало козловскому міру сносить иго Божіе. Съ тѣхъ поръ городъ Козловъ славится по всей Руси своими богатыми церковными утварями и звучными колоколами.

На площадяхъ городскихъ стали воздвигаться каменные храмы, неуклюжей, но зато прочной архитектуры. Памятникомъ великаго народного бѣдствія 1771 года въ городѣ Козловѣ въ настоящее время служить соборная Покровская церковь, построенная гражданами въ складчину.

23 октября 1771 года, Козловскіе жители составили слѣдующій приговоръ, копію съ котораго мы приводимъ почти дословно:

«Города Козлова духовнаго и свѣтскаго чина жители, видя праведно отъ Бога посланный на градъ сей въ смертной язвѣ гнѣвъ, страшась оного, напоминая каждый грѣхи свои и смиряя постомъ души—прибѣгаемъ къ помощницѣ рода христіанскаго—Богородицѣ. И отъ нынѣ да будетъ седмица сія отъ 24-го октября по 29-е постъ, а того дня свѣтелъ праздникъ Божіей Матери».

29 октября, Козловскіе жители устроили крестный ходъ вокругъ города. За крестами и иконами, за протоіереемъ Іоанномъ и духовенствомъ, шли всѣ обыватели; малыхъ дѣтей взрослые несли на рукахъ своихъ. Въ полѣ процессія остановилась и соборный протоіерей произнесъ послѣ уставнаго молитвословія слѣдующія трогательныя слова: «Владычица, утоли отъ насъ рыданіе слезъ и прири на смиреніе наше».

На другой день обыватели понесли куда слѣдуетъ свои умиловительныя жертвы. Тяжкая бѣда сравняла сословія, званія и

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 453.

состоянія. Начиная съ Козловскаго воеводы, Михаила Карцова, и до послѣдняго работника всѣ граждане смирились и духовно покорились духовенству. «Созижди, Боголюбивая Царица, писали Козловцы въ извѣстномъ своемъ приговорѣ—храмъ нашъ подъ смотрѣніемъ служителя Твоего и отца нашего протоіерея Іоанна».

Козловская бѣда давно прошла. Давно уже состарились внуки свидѣтелей чумной заразы, но крестный ходъ въ память 1771 года и теперь происходитъ въ Козловѣ. Только поста, установленнаго прадѣдами, не исполняютъ правнуки.

Не въ одномъ Козловѣ общественная бѣда выразилась религиозно. Почти на всемъ пространствѣ Шацкой провинціи вмѣстѣ съ ея окрестностями люди очнулись и перекрестились, забыли свои мелкія и крупныя ссоры, забыли интересы всякаго хищенія и стали богомольными. Многіе помѣщики начали строить ружныя церкви и отпускать крестьянъ на волю, наприм. князь А. А. Долгоруковъ, а въ городахъ и богатыхъ селахъ возникли кладбищенскія церкви.¹⁾ Въ то же время принялись устраивать кладбища не ближе 100 сажень отъ жилья и рыть могилы глубиною въ 3 аршина. Кругомъ кладбищъ появились ограды и канавы.

Въ 1772 году, чума въ Шацкой провинціи прекратилась, но до самаго 1774 года чиновники разъѣзжали по уѣздамъ для наблюденія за исполненіемъ карантинныхъ мѣръ. Кругомъ сель стояли караулы, а во дворахъ и на выгонахъ горѣли огни, курился ельникъ, деготь и навозъ. Всѣ эти мѣры предосторожности разомъ прекратились, какъ только попли извѣстные тревожные слухи съ Поволжья. Такимъ образомъ одна бѣда смѣнила другую, и трудно сказать, какая изъ нихъ была горше для Шацкаго народонаселенія, и безъ того далеко не избалованнаго условіями жизни...

II.

Пугачевщина.

Шацкая провинція по своимъ бытовымъ условіямъ, порожденнымъ крѣпостничествомъ и бюрократизмомъ, представляла самый горячій матеріалъ для развитія пугачевщины. Иностранческіе элементы ея народонаселенія, татары, мордва и мещера, также далеко не отличались политическою благонадежностію. Къ довершенію бѣды, военныя средства Шацкой провинціи въ 1774 году оказались въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что край застигнутъ былъ переворотомъ совершенно внезапно, врасплохъ. Шацкая крѣ-

¹⁾ Арх. дух. конс., № 21 за 1772 годъ.

ность, бывшая главнымъ оплотомъ цѣлой провинціи, разваливалась и грозила своими гнилыми бревнами, не бунтовщикамъ, а мирному городскому населенію, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ слѣдующій отзывъ Шацкаго воеводы Лопатина: «имѣется у насъ издревле построенная дубовая крѣпость, которая нынѣ весьма ветха и мы опасеніе имѣемъ, чтобъ отъ той ветхой постройки не учинилось проходящему народу какого ущерба». Шацкая крѣпостная артиллерія представлялась тоже далеко не въ воинственномъ видѣ. Она состояла изъ 9 чугунныхъ пушекъ и 3 дробовиковъ, при чемъ крѣпкіе лафеты были только подъ тремя орудіями. Снарядовъ въ Шацкомъ арсеналѣ было не много и, въ случаѣ осады города, ихъ не хватило бы для защиты одной Шацкой крѣпости. Бомбъ было только 80, пушечныхъ ядеръ около 5000, фитилю 8 пудовъ 25 фунтовъ¹⁾.

Гарнизонъ въ городѣ Шацкѣ въ 1774 году состоялъ изъ 12 унтеръ-офицеровъ разныхъ наименованій и 42 рядовыхъ при 17 офицерахъ. Кромѣ того въ составъ провинціальной инвалидной команды входили барабанщикъ и фельдшеръ. Изъ этого числа въ ружье могли стать только 50 человекъ, такъ какъ четыремъ солдатамъ не доставало ружей: они сгорѣли во время большого пожара въ іюлѣ 1769 года. Почти всѣ шацкіе солдаты были люди хилые, худые и неумѣлые. «И тѣ инвалиды, доносило по командѣ провинціальное начальство — въ разсужденіи дряхлости и болѣзней пѣшкомъ итти не могутъ». Многіе изъ этихъ горемычныхъ солдатъ страдали слѣпотою, недержаніемъ мочи, килами и застарѣлыми ранами. Сверхъ того всѣ они не получали жалованья и ходили оборванные. «Оскудѣли мы, жаловались они Воронежскому губернатору Шетневу — и дневной пищи намъ сварить не чѣмъ и принуждены будемъ, оставя свои дома, разойтись по разнымъ мѣстамъ».

Военныя силы другихъ городовъ Шацкой провинціи были не въ лучшемъ состояніи и отличались отъ Шацкаго гарнизона только сравнительною малочисленностію. Въ каждомъ уздномъ городѣ было по 27 человекъ рядовыхъ. Всѣ они вооружены были еще въ 1763 году, и потому многія солдатскія ружья не стрѣляли уже. Шпаги тоже притупились и отчасти изломались. По поводу тревожныхъ слуховъ съ Поволжья и Яика негодныя ружья и шпаги отосланы были въ Воронежъ, гдѣ имѣлся оружейный мастеръ, на поправку, но тамошнія власти не спѣшили и оставляли Шацкихъ инвалидовъ безоружными. «Все готово, увѣдомляли они воеводѣ — точію везти не начесть»²⁾.

При такихъ условіяхъ Шацкіе помѣщики начали готовиться

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 36.

²⁾ Тамъ же.

къ самооборонѣ. Они вооружили своихъ дворовыхъ и занялись обученіемъ ихъ военному искусству. На этомъ поприщѣ особенно отличился богатый владѣлецъ села Гагарина, Петръ Пашковъ, который ежедневно дѣлалъ своей дворнѣ военные репетиціи и тревоги на случай нападенія пугачевцевъ. По сигналу съ барскаго двора всѣ гагаринскіе жители должны были бѣжать къ Пашковской усадьбѣ и занимать извѣстныя мѣста. При этомъ наблюдалась самая строгая военная дисциплина, за малѣйшее нарушеніе которой полагались тяжкія взысканія. Однажды, не смотря на сигналы тревоги, пономарь Федотъ Емельяновъ замѣшкался въ церкви. Отсутствіе его сейчасъ же замѣчено самимъ Пашковымъ и по этому поводу немедленно сдѣлано было такое распоряженіе. Ударили въ набатъ и собрали народъ около церкви. Сюда же привели провинившагося пономаря, высѣкли его арапниками и остригли ему голову ¹⁾).

Между тѣмъ по Шацкой провинціи стали ходить усиленные слухи о Петрѣ Федоровичѣ. Народная масса стала глухо волноваться и ждать истиннаго царя освободителя крестьянства. Первымъ піонеромъ пугачевщины въ Шацкомъ краѣ былъ фурьеръ Филипповъ, Саратовскій житель. Въ селѣ Тростянкахъ онъ разглашалъ такія вѣсти: «около Оренбурга собирается царское войско и самъ царь скоро объявится тамъ же». Филиппова схватили и привезли въ Шацкъ.

Слова Филиппова возымѣли свое дѣйствіе немедленно. Крестьяне Шацкаго уѣзда, Борисоглѣбскаго стану, насильно запахали помѣщичьи земли и вырубали всѣ заповѣдныя рощи. «Все теперь наше, говорили они—царь жалуетъ намъ всю землю».

Тогда съ дѣлію вразумленія простонародья въ городахъ и селахъ начали читать манифесты о Пугачевѣ. Священники читали ихъ съ церковныхъ амвоновъ, а провинціальныя чиновники, становясь на возвышенныя мѣста, оповѣщали народъ о самозванцѣ на базарахъ. «Наши вѣрныя подданные, гласилъ извѣстный манифестъ—никогда не допустятъ себя уловить ни какими ухищреніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомуслиящихъ людяхъ и не могущихъ насытить своей алчности иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови».

Вмѣстѣ съ манифестомъ императрицы вскорѣ обнародовали синодальное посланіе, въ которомъ Пугачевъ изображенъ былъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ чертахъ: «Отринувъ мысль о правосудіи Божиѣмъ, онъ ниспровергаетъ святыя алтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ святыя храмы, звѣрскимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, изъ нечестія въ нечестіе. Сей есть созженный совѣстно... Православ-

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 8596.

ные христіане! онъ злодѣй отечества, онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь отъ него, а паче отвратите его злодѣйства».

Но толпа мало уже вѣрила представителямъ правительсва и шла своимъ роковымъ путемъ. Однажды маіоръ Сверчковъ читалъ манифестъ на базарѣ въ селѣ Иржавинѣ. Многіе крестьяне столпились вокругъ него и по окончаніи чтенія смѣло сказали ему: «что ты ни читай и ни толкуй, а шила въ мѣшкѣ не утаишь». Въ это время по городамъ и селамъ Шацкой провинціи ходилъ извѣстный пасквиль. Начинался онъ словами: «пришло время искоренить дворянское лихоимство»... А оканчивался такъ: «въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрятся и вамъ».

Бывало и такъ, что правительственные чиновники сами принимали сторону Пугачева. Такимъ образомъ поступилъ прапорщикъ Васковъ, посланный въ Наровчатскій уѣздъ для увѣщанія волновавшихся дворцовыхъ крестьянъ. На мірскомъ сходѣ въ одномъ селѣ онъ произнесъ слѣдующія слова: «съ нынѣшняго года всѣмъ крестьянамъ государственныхъ податей платить не вѣлно». Въ такомъ же духѣ дѣйствовалъ отставной сержантъ Ермоловъ и помѣщикъ Васильевъ. А нѣкоторые священники, наприм. села Гремячки, отецъ Иродіонъ, отказывались читать въ церквахъ правительственные манифесты и чрезъ это укрѣпляли въ темномъ народѣ вѣру въ Петра III. Отъ священниковъ не отставали и младшіе члены клира. Дьячекъ села Нестерова, Поповъ, весною 1774 года, по выходѣ изъ церкви, такъ говорилъ сопровождавшей его толпѣ: «въ Оренбургѣ поднимаются царскіе люди и хотятъ перевести весь дворянскій корень». Слова эти такъ взволновали народъ, что онъ вернулся въ церковь и принудилъ духовенство служить молебнъ о здравіи царя Петра Ѳеодоровича ¹⁾.

Нѣкоторые духовные поступали еще рѣшительнѣе. Они открыто объявляли себя сторонниками Пугачева и именемъ его набирали разбойничьи шайки. Такъ поступили села Рузановки попъ Василій Филиповъ да Астраханскій попъ Федоръ Ивановъ. Съ шайкою въ 16 человекъ они учинили разбой въ домѣ маіора Сергѣя Львова въ селѣ Кудринѣ. Самъ Львовъ успѣлъ во время спастись, но за то лишился всего своего недвижимаго имущества. Въ то же время, села Долгоруковщины попъ Андрей Васильевъ такъ обратился къ крестьянамъ своего прихода: «Примите меня къ себѣ и я буду у васъ за атамана».

Такимъ образомъ, положеніе Шацкаго края принимало грозный и анархическій характеръ. Многіе шацкіе крестьяне, забирая жонъ, дѣтей и пожитки, ночнымъ временемъ бѣжали на Волгу, въ Бузулуцкія и Донскія степи и на Ахтубенскіе заводы. Тогда мѣстное дворянство, съ разрѣшенія правительства, приняло

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 8700.

противъ бунта усиленныя мѣры. Оно сформировало для разбѣздовъ конный отрядъ въ 500 человекъ, подъ начальствомъ полковника Брюхатова, причемъ менѣе храбрые помѣщики выѣхали изъ своихъ имѣній въ города и столицы. Тогда же Воронежскій губернаторъ, Шетневъ, подкрѣпилъ слабыя шацкіе гарнизоны военными командами, общая численность которыхъ далеко не доходила до 1,000 ружей. «И таковыми командами, жаловался шацкій воевода, въ искорененіи тѣхъ злодѣевъ исправиться никакъ не можно».

Въ апрѣлѣ 1774 года Пугачевщина проникла и въ Шацкую провинцію. Самъ Пугачевъ, какъ извѣстно, не дошелъ до нашего края. Въмѣсто него у насъ дѣйствовали слѣдующія лица: Львовъ, Евстратовъ и Кирпичниковъ, не считая мелкихъ пугачевцевъ. Первые двое именовались царскими полковниками, а послѣдній—директоромъ. Изъ нихъ болѣе виднымъ дѣятелемъ былъ Львовъ, въпослѣдствіи разбитый подъ Царицынымъ и взятый въ плѣнъ.

Съ началомъ пугачевщины во многихъ уѣздахъ шацкой провинціи приостановились наборъ рекрутовъ и сборъ податей. Въ присутственныхъ мѣстахъ, наиболѣе взволнованныхъ городовъ, перестали заниматься дѣлами. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне бросили работу, и хлѣбъ стоялъ въ полѣ безъ всякаго призора. «И стала сушій голодъ и ходили люди по чужимъ дворамъ и отымали хлѣбъ — писала шацкая провинціальная канцелярія. ¹⁾». Въ восточныхъ шацкихъ уѣздахъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Пензенской губерніи, вся чернь взбунтовалась и отъ того бунтованія на торги выѣзжать стало не можно. Духовенство въ церквахъ молилось о здравіи великаго государя Петра Ѳеодоровича, а на сельскихъ сходкахъ шли шумные разговоры о томъ, что отнынѣ всѣ земли, лѣсныя уголья, луга и рыбныя ловли—общее владѣнье. Въмѣстѣ съ тѣмъ, начались варварскія убійства. Помѣщиковъ убивали въ домахъ собственные ихъ крестьяне, а иногда, опьяненные кровію и безнаказанностію, эти крестьяне шли по окрестнымъ мѣстамъ и все на пути своемъ жгли огнемъ и били смертнымъ боемъ. Они вѣшали цѣловальниковъ, сборщиковъ податей, лихихъ управляющихъ-нѣмцевъ, приказчиковъ и старостъ. Отъ погрома спасались только люди завѣдомо добрые и жалостливые, остальныхъ народная расходившаяся масса не щадила, въ порывахъ звѣрства истребляя вмѣстѣ съ ними и ихъ малыхъ дѣтей... Въ іюнѣ 1774 года, шацкіе крестьяне въ компаніи съ пришлыми пугачевцами начали грабить кабаки. Чего не выпивали, то выливали на улицы. Выручку дѣлили между собою. Страшная народная драма захватила всю Шацкую провинцію и вышла изъ ея предѣловъ, направляясь по Хопру къ самому Воронежу.

Пугачевскія шайки шли въ Шацкій край съ береговъ Волги,

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 137.

преимущественно съ Симбирской стороны, и состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, вооруженныхъ ружьями и пушками. Путь ихъ ознаменованъ былъ убійствами и грабежами. Въ Керенскомъ уѣздѣ злодѣи повѣсили бригадира Костливцева и пожитки его всѣ безъ остатку пограбили. При этомъ жена Костливцева съ малолѣтнею дочерью была спрятана крѣпостными крестьянами въ тайномъ мѣстѣ. Въ селѣ Туркахъ участи Костливцева подверглась помѣщица Лукерья Мерлина. Въ деревнѣ Балакиревой пугачевцы убили помѣщика Мосолова, въ селѣ Перевозѣ—Чулкова, въ Тростянкѣ—Пестова, въ Кудюкахъ—Стахонова. Въ селѣ Никольскомъ повѣшенъ былъ поручикъ Тенишевъ, а взрослая дочь его насильно повѣнчана была съ однимъ дворовымъ парнемъ. Изъ этого села мятежники прошли въ деревню Беклемішевку и повѣсили тамъ прикащика Петрова со всею его семьею. Въ это время къ шайкѣ присоединился одинъ дворовый, по имени Антонъ Кузьминъ, и направилъ ее на село Кривую Луку, гдѣ проживалъ помѣщикъ Любавской, который тоже не избѣгъ своей участи.

Мы не можемъ назвать именъ всѣхъ шацкихъ дворянъ, убитыхъ пугачевцами. Знаемъ только, что ихъ было слишкомъ много, потому что, въ 1775 году, въ Шацкѣ и Тамбовѣ пріѣзжали изъ Петербурга чиновники, которые составляли списки дворянскихъ сиротъ, оставшихся по смерти убитыхъ родителей, раздавали имъ денежныя пособія и выбирали имъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго учѣлѣвшаго дворянства.

Пока собирались военныя команды, пугачевцы дѣйствовали на всей своей волѣ и наводили ужасъ даже на города. Темниковскій воевода, надворный совѣтникъ Нефловъ, такъ напуганъ былъ молвою о пугачевскихъ силахъ и объ ихъ жестокости, что прогналъ изъ Темникова всѣхъ спрятавшихся тамъ дворянъ, а самъ съ командою убѣжалъ по Московской дорогѣ. Проходя мимо Шацка вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Сельвачовымъ, секретаремъ Мыльниковымъ и инвалидною командою, Нефловъ ѣхалъ съ обнаженною саблей, причемъ барабанщикъ билъ тревогу и походъ. Въ то же время военная команда города Троицка въ полномъ своемъ составѣ сдалась бунтовщикамъ. Одинъ только Троицкій воевода Столповской остался вѣренъ своему долгу и за это погибъ мученическою смертію, подобно Инзарской инвалидной командѣ, которая предпочла смерть измѣнѣ. Изъ Троицка пугачевцы пошли на Краснослободскъ и встрѣчены были тамъ іеромонахомъ Паисіемъ съ церковною церемоніей, но, несмотря на то, городскія деревянныя укрѣпленія были сожжены, а воевода Селунскій и секретарь Тютрюмовъ побиты были изъ ружей до смерти, казна взята, архивъ порванъ и перемѣшанъ и отъ того весь городъ былъ въ великомъ страхѣ и всѣ жители онаго ожидали

смерти ¹⁾). Были пугачевскія шайки и въ Нижнемъ Ломовѣ. Здѣсь ихъ встрѣтили всенародно и съ большимъ почотомъ. Самъ архимандритъ Казанскаго Нижнеломовскаго монастыря, Исаакій, съ четырьмя іеромонахами и двумя іеродіаконами вышелъ съ крестомъ и иконами на встрѣчу къ царскому полковнику. Съ городскихъ колоколенъ раздавался звонъ, по улицамъ толпился народъ съ непокрытыми головами.

Ждали пугачевцевъ и въ самомъ Шацкѣ, и была тамъ по этому случаю великая тревога. «Жители города Шацка, писалъ прокуроръ Селиховъ, пришли въ робость и великое смущеніе, ибо къ тому бунту многіе окрестные жители наклоняются». Въ особенности Шацкіе обыватели перепугались въ то время, когда воевода Лопатинъ выѣхалъ изъ города якобы для покупки артиллерійскихъ лошадей, несмотря на протестъ прокурора. Тогда въ провинціальной канцеляріи началась усиленная дѣятельность. Сосѣднимъ дворянамъ предложено было вооружиться и явиться въ Шацкъ для его защиты. Въ окрестныхъ селахъ набрали крестьянскую команду въ 300 человекъ, преимущественно изъ жителей селъ Чернѣва, Княжова и Покровскаго. Плѣнныхъ турокъ и колодниковъ отправили въ безопасныя мѣста. Казну вывезли въ Москву. По городу наскоро разставили рогатки и учредили дневные и ночные караулы и разъѣзды отъ воровскихъ людей. Жителямъ воспрещено было пѣть пѣсни. Наступило тягостное затишье. Однако гроза миновала Шацкъ.

Въ это время, прикрываясь именемъ Пугачева, многіе воровскіе люди разбойничали по Окѣ въ окрестностяхъ Елатмы и совершали величайшія звѣрства. Однажды плыло тамъ судно купца Калашникова. Разбойники остановили его и закричали экипажу: «ложись!» Всѣ со страху легли на палубѣ. Тогда они отрѣзали у рабочихъ по лѣвому уху, захватили всѣ деньги и скрылись ²⁾).

Мѣстные архивы далеко не изображаютъ полной картины пугачевского движенія въ Шацкой провинціи. До настоящаго времени тамъ сохранились только отрывочные эпизоды, которые мы и представляемъ вниманію читателей.

1-го августа 1774 года, въ городъ Керенскъ прибылъ вахмистръ Фельшманъ съ 12-ю солдатами. По случаю базара въ городѣ былъ большой съѣздъ сосѣднихъ крестьянъ. Къ нимъ-то собственно и пріѣхалъ Фельшманъ въ качествѣ посла императора Петра III. «Гнался я за Инзарскимъ воеводою Болдыревымъ, говорилъ онъ народу, потому что тотъ Болдыревъ государевъ казенный воръ и измѣнникъ». Толпа обступила его и стала спрашивать о здоровьѣ царя-батюшки. Съ базарной площади весь народъ, бро-

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 3,093.

²⁾ Тамъ же.

сивши свои торговля дѣла, подѣ предводительствомъ Фельшмана, пошолъ къ воеводѣ Перскому, который, повидимому, ничего не зналъ о случившемся. Перепутанный воевода вышелъ на улицу. Здѣсь подошолъ къ нему мнимый царскій посолъ и потребовалъ его содѣйствія. «Если ты мнѣ поможешь, сказалъ онъ, поймать государева измѣнника, то будетъ тебѣ отъ Петра Федоровича дано 150 рублей». Перскій началъ отговариваться неимѣніемъ команды, тогда его взяли подѣ караулъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Корольковымъ заперли въ приказной избѣ. Послѣ этого Фельшманъ обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: «молитесь за многолѣтнее царское здравіе. Отнынѣ не будетъ у насъ платежа подушныхъ денегъ и рекрутскихъ наборовъ 10 лѣтъ, а соль будемъ продавать по 2 гривны пудъ. И если городъ Керенскъ царю не покорится, то 9 человекъ будетъ онъ бить плетми, а десятого вѣшать» ¹⁾. Весь базаръ отвѣчалъ на эти слова шумными изъявленіями вѣрнопоподданнической преданности. Съ этого момента началось усиленное и даровое пьянство, всѣ кабацкія двери растворились настежь, выкатывались оттуда бочки съ виномъ и пошло разливанное море.

Изъ Керенска Фельшманъ поѣхалъ въ села Веденяпино и Шелдаисъ, взбунтовалъ тамъ крестьянъ, а помѣщиковъ Мачинскаго и Охлебинина увезъ съ собою къ атаману Евсѣеву въ Наровчатъ. Въ награду за всѣ эти подвиги Фельшманъ получилъ отъ Евсѣева императорскимъ именемъ полковый кушакъ и вороного коня.

Замѣчательна судьба Фельшмана. Сначала онъ не думалъ измѣнять законному правительству. Но вотъ пришли къ нему выборные отъ города Инзара, объявили о бѣгствѣ мѣстнаго воеводы и велѣли ему воротить его, угрожая за неисполненіе ихъ требованія повѣшеніемъ. Старикъ вахмистръ (ему было тогда 70 лѣтъ) поневолѣ покорился городскимъ обывателямъ и въ недоумѣніи выѣхалъ въ погоню за бѣглецомъ — воеводою. Дорогою, видя всеобщее замѣшательство, онъ убѣдился, что Пугачевъ — царь и открыто сталъ дѣйствовать въ его пользу. Во всѣхъ селахъ по дорогѣ въ Керенскъ шла усиленная попойка и казенная соль раздавалась жителямъ даромъ. Пьяные крестьяне кричали ура великому государю. По столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ тянулись пугачевцы, захватившіе самый городъ Инзаръ и назначившіе тамъ воеводою маіора Тенишева...

Много въ это время погибло Керенскихъ помѣщиковъ отъ разгуливагося казачества и крестьянства. Дикіе крѣпостные порядки откликнулись не менѣе дикими оргіями народнаго самосуда. Тогда уцѣлѣвшіе отъ разгрома мѣстные дворяне потянулись въ Керенскъ

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 366.

подъ защиту его старинныхъ деревянныхъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія давно уже были гнилыя и потому спасавшееся дворянство затворилось въ городской соборной церкви. При этомъ наиболѣе храбрые помѣстились внутри церковной ограды и вооружились чѣмъ попало. На соборную колокольную втащили нѣсколько маленькихъ крѣпостныхъ пушекъ.

Пугачевцы, подъ начальствомъ полковника Евсѣева, появились въ виду Керенска 7-го августа. Около полудня они уже штурмовали крѣпость, но были отбиты инвалидами и обывателями. Въ особенности неудаченъ былъ пугачевскій приступъ 8-го августа. Третій и послѣдній штурмъ города Керенска происходилъ 17-го августа. На этотъ разъ защитники города поколебались, поэтому мятежники ворвались въ Керенскъ и разорили его, а городовую крѣпость выжгли и ограбили. До вечера перевѣсъ былъ на сторонѣ Евсѣева. Въ это время почти всѣ пугачевцы, опьяненные удачею и даровою водкою, уже не способны были къ серьезному бою, вслѣдствіе этого горожане устроили изъ соборной ограды вылазку и снова началось побоище. Особенно храбростію при этомъ случаѣ отличились церковники, которые за это впослѣдствіи освобождены были отъ разбора. Керенскимъ героемъ 17-го августа былъ пономарь Трофимъ Филипповъ, какъ это видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему воеводою и дворянами: «Пономарь Филипповъ тѣхъ бунтовщиковъ усердно поражалъ, такъ что оныя шайки были опрокинуты и въ бѣгство обращены, а многихъ, притомъ, изъ оныхъ бунтовщиковъ и живыхъ поймано» ¹⁾.

Объ этомъ подвигѣ керенскихъ защитниковъ доведено было до свѣдѣнія императрицы Екатерины и 1-го ноября 1774 года послѣдовалъ такой высочайшій указъ: «Керенскимъ канцелярскимъ служителямъ за оказанное ими усердіе при защитѣ города отъ нападенія злодѣйскихъ шаекъ дать по одному чину. А воеводѣ Перскому и секретарю Королькову выдать не въ зачетъ годовое жалованье».

Пугачевцы одновременно дѣйствовали на многихъ пунктахъ Шацкой провинціи. Проникли они и въ Темниковскій уѣздъ, гдѣ повѣсили депутата Еникѣева. Въ Темниковской Саровской пустыни доселѣ сохраняется краткое лѣтописное сказаніе объ этихъ смутныхъ временахъ.

«Саровская пустынь, говорить неизвѣстный лѣтописецъ, была въ великой опасности отъ злодѣевыхъ шаекъ, ибо нѣкоторые сосѣди оной, а наипаче татары, приходя въ обитель къ о. строителю за деньгами и не получая оныхъ, хвалились, если не будетъ имъ дано, то приведутъ они для разоренія Сарова пугачевскія партіи. А притомъ тѣ татары укоряли братію, зачѣмъ она охра-

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канцл., № 948 (наряды).

няетъ въ своихъ лѣсныхъ дачахъ и въ поселяхъ господъ Татищевыхъ, Наумовыхъ и прочихъ дворянъ: пойте де и кормите государевыхъ злодѣевъ и напутствуете ихъ пищею».

9-го августа пугачевцы заняли и разграбили городъ Темниковъ. Въ это время толпа встрѣтила ихъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ жалобами на саровскихъ монаховъ—измѣнниковъ новаго государя. Благосклонно выслушалъ толпу государевъ полковникъ и обѣщаль разобрать дѣло. Между тѣмъ, онъ освободилъ всѣхъ колодниковъ, роздалъ народу казенную соль безъ вѣсу и безденежно, а на другой день мятежники пошли на казенный винокуренный заводъ, находившійся недалеко отъ Темникова, и въ домѣ тамошняго управляющаго перебели и переломали мебель и посуду, печи, полы и стекла. Ждала и Саровская пустынь своей очереди.

«Такія злоприключенія, продолжаетъ саровскій лѣтописецъ, стали вѣдомы отцу строителю Ефрему и братіи и пришла вся обитель въ великое смущеніе. И пришедши къ о. строителю всѣ просили отъ него въ такомъ преопасномъ случаѣ отеческаго наставленія. Онъ же далъ наставленіе таковое: младыхъ и среднихъ лѣтъ иноковъ благословилъ скрыться на такое злое время, а какъ пройдетъ гнѣвъ божій—паки возвращаться въ обитель. Братія же, услыша такое рѣшеніе, паки спросила: если въ бѣгствѣ сѣмъ кто убіенъ будетъ, будетъ ли за то душевная польза? И отвѣчалъ строитель Ефремъ: кто убіенъ будетъ—получить отъ Бога мученическій вѣнецъ. А престарѣлой братіи сказалъ онъ: а мы старцы останемся во обители, намъ уже приходитъ время умирать, умирать же все равно, отъ болѣзни или отъ другого чего. И сими словами благоразумный старецъ всю братію приготовилъ къ наступившему многобѣдственному времени».

Послѣ этого, всѣ монастырскія сокровища спрятаны были въ сокровенныя мѣста. Монахи разбрелись по лѣсу, а иные удалились въ Арзамасъ въ тамошній Высокогорскій монастырь. «И сталъ Саровъ пустъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, а какъ приполъ вечеръ, то отъ той пустоты и страшень».

Прошла цѣлая недѣля томительнаго страха. Съ часу на часъ саровскіе старцы ждали пугачевского шествія и дождались, наконецъ, полковника Архарова, который съ донскими казаками вступилъ въ Саровскую пустынь 16-го августа.

«Тѣмъ и окончилось, заключаетъ лѣтописецъ, угрожавшее здѣшной обители разореніе и истребленіе, о чемъ да будетъ слава Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ, Аминь».

Изъ Темникова пугачевская шайка прослѣдовала въ Шацкій и нынѣшній Моршанскій уѣзды. На пути къ ней присоединились крестьяне изъ вотчинъ графа К. Г. Разумовскаго, которые сѣли на коней и прозвались государевыми уланами. Въ селѣ Рязѣ

пугачевцы собрали сходъ и заставили мѣстнаго священника приводить всѣхъ къ присягѣ. Отсюда потянулись они на Хоперь и Ворону. Шествіе ихъ было самое торжественное. Многіе мятежники ѣхали въ каретахъ и бричкахъ, взятыхъ въ ограбленныхъ барскихъ усадьбахъ.

10-го августа 1774 года, пугачовская партія, дѣйствовавшая независимо отъ вышеуказанной, посѣтила село Жуково, нынѣшняго Спасскаго уѣзда. Объ этомъ происшествіи мѣстный причтъ такъ доносилъ епархіальному архіерею.

«Прошлаго 10-го августа справляли мы въ церкви Божіей всеобщее бдѣніе и въ то время наѣхала въ наше село государственнаго злодѣя Пугачева воровской толпы партія. И того села Жукова помѣщицы Жуковой крестьянинъ Акимъ Афанасьевъ, да дворовый человѣкъ Симонъ Родіоновъ, собравъ изъ околныхъ селъ и деревень многолюдство, внезапнымъ случаемъ вошли въ церковь и закричали необычно: иди, попъ, для встрѣчи царскаго войска, а если не пойдешь, то казаки изрубятъ тебя въ мелкія части. И отъ того мы много ихъ уговаривали и спорили, точно по окончаніи всеобщаго бдѣнія оные Афанасьевъ и Родіоновъ, ухватя насъ сильно, не дали разоблачиться и повели навстрѣчу той пугачевской партіи. Они же взяли два образа и велѣли звонить. А мы, убоясь такового страху и неповинной смерти, встрѣчу имъ учинили близъ нашей казанской церкви. Тогда же въ той нашей церкви имѣлась подполковница Смагина съ сыномъ и укрылась во оной, злодѣи же поѣхали къ ней въ домъ и все погромили, а мы именованные, возвратясь въ алтарь, бѣжали оттуда въ поля и пробыли тамъ дотолѣ, пока злодѣи не выѣхали изъ того нашего села».

Въ это время священникомъ въ селѣ Жуковѣ былъ Стефанъ Тимофеевъ. Впослѣдствіи, когда въ Шацкой провинціи началась правительственная расправа, и онъ, и всѣ члены его причта были отрѣшены отъ мѣстъ и подвергнуты розыску въ провинціальной канцеляріи и церковному запрещенію. Такимъ образомъ послѣдняя быша горша первыхъ...

Изъ Спасскаго уѣзда пугачевская партія потянулась на Кирсановъ и Тамбовъ, гдѣ ихъ давно уже поджидало взволнованное крестьянство. Во все лѣто 1774 года, по свидѣтельству шацкихъ архивныхъ источниковъ, тамошніе дворовые и крѣпостные крестьяне чинили разореніе, грабительство и смертоубійство. Въ сентябрѣ пугачевцы вошли въ Кирсановъ и въ села Уметь, Репьевку и Скочиловку. Здѣсь они немалое число разныхъ чиновъ людей застрѣлили и дротиками скололи. Дорогою попадались имъ малочисленныя воинскія команды, но они ихъ разбивали или же брали въ плѣнъ. Такъ, въ сентябрѣ 1774 года, около села Умета, офицеръ съ командою провожалъ разбой-

ницкую партію въ 30 человекъ. Въ это время налетѣли на него государственные злодѣи, его и пять человекъ солдатъ застрѣлили, а остальную команду и арестантовъ захватили съ собою. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ пугачевцевъ находилось не мало турецкихъ плѣнныхъ, которые прилѣплялись къ злодѣю самовольно.

21-го августа, значительная пугачевская шайка остановилась въ пяти верстахъ отъ извѣстнаго богатаго села Разказова. То мѣсто и теперь туземцы называютъ бездушнымъ кустомъ. Тамъ партія стала лагеремъ и въ свободное отъ попойекъ и военного ученія время занималась вѣпаніемъ помѣщиковъ, духовныхъ и сельскихъ властей. Наконецъ, мятежники пошли на самое Разказово, гдѣ въ то время были суконныя фабрики Тулинова и Олесова. Хозяева съ почетомъ встрѣтили толпу и принялись ее угощать, но это была хитрая ловушка. Лишь только пугачевцы напились, какъ фабричные мастеровые, заранѣе подговоренные, принялись ихъ бить смертнымъ боемъ и вазать для представленія въ тамбовскую провинціальную канцелярію. При этомъ у мятежниковъ отнято было нѣсколько пушекъ, которыя долго послѣ того служили украшеніемъ тамбовскаго фабричнаго села. Куда въ настоящее время дѣвались эти памятники фабричной доблести, намъ неизвѣстно. За справками по этому поводу обращались мы посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей къ разказовской фабричной администраціи, но отвѣта нѣтъ и его не ждемъ мы, такъ какъ большинство нашихъ комерсантовъ всего менѣе интересуется наукою, предпочитая ей рабское служеніе золотому тельцу.

Въ числѣ плѣнныхъ пугачевцевъ, пойманныхъ въ селѣ Разказовѣ, оказались дворяне: поручикъ Петръ Семеновъ, ротмистръ Брюхатовъ и недоросли Филипповъ и Мартыновъ. Въ тамбовской провинціальной канцеляріи первый такъ показывалъ: «изъ дома моего по разграбленіи онаго взять я былъ разбойническою партією по неволѣ. Хотя же и чинилъ я отъ тѣхъ злодѣевъ побѣги и укрывательства, но токмо бывалъ пойманъ и зато сѣченъ былъ плетью неоднократно и утраживали мнѣ смертію. Почему, когда оные разбойники устраивались для сраженія, я скрылся въ лѣсу и оружія при мнѣ не было и такъ былъ я пойманъ»¹⁾.

Пока всѣ эти событія происходили въ Разказовѣ, жители города Тамбова, отстоящаго отъ злополучнаго села въ 30 верстахъ по большій дорогѣ, перебирались съ пожитками своими въ сосѣдній Ценскій лѣсъ. Но скоро они вернулись домой и были свидѣтелями казней, которыя совершались надъ пугачевцами вблизи Тамбова на такъ-называемомъ Кривомъ мосту.

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 3,093.

Мы указали болѣе замѣтные факты изъ эпохи пугачевщины въ предѣлахъ Шацкаго края. Но это далеко не все, что слѣдовало бы сказать на данную тему. Тяжкая шацкая година прошла сравнительно глухо, масса народныхъ бѣдствій не занесена въ мѣстные лѣтописи и ни кому вполне не вѣдомы всенародныя русскія слезы, въ шацкихъ архивныхъ документахъ смутно говорится о томъ, что пугачевскія партіи захватили почти всѣ уѣзды Шацкой провинціи, что въ селахъ и городахъ бывали они недолго, стремясь впередъ и впередъ, и вездѣ оставляли по себѣ страшную память. Тѣ воровскіе люди, говорятъ шацкія официальные записки, сѣкли многихъ людей плетми и жгли огнемъ и били кистенями и пожитки безъ остатку грабили. Сравнительно долго оставались пугачевцы въ слѣдующихъ селахъ Шацкой провинціи: въ Атюревѣ, Кочетовкѣ, Тростянкѣ, Бѣлорѣчѣ, Кириловѣ, Сядемѣ, Красной Дубровѣ и Каравѣ. Въ городѣ Спасскѣ они забрали безденежно всѣ казенныя питія и денежную казну пограбили и множество людей повѣсили. То же самое сдѣлали они въ селахъ Кармалейкѣ, Егановкѣ, Зарубкинѣ, Виндреевскомъ заводѣ, Анаевѣ, Каргашинѣ и многихъ другихъ селахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ пугачевцы служили благодарственные молебны и въ знакъ радости и побѣды стрѣляли съ церковныхъ папертей изъ ружей. Ходили они по шацкимъ уѣздамъ партіями человекъ въ 500, а вожаками были у нихъ самозванные царскіе офицеры, между которыми выдѣлялись пономарь села Высокаго, Саватѣй Марковъ, и мордвинъ Родіонъ Филипповъ. Между прочимъ мятежники проникли и въ Вышенскую пустынь и ограбили тамъ соборную церковь. Монаховъ однако они не тронули. Главную силу мятежныхъ партій представляли колодники, присоединявшіеся къ царскому войску во время разоренія городовъ. Изъ Вышенской пустыни пугачевцы поплыли по рѣкамъ Вышѣ и Цнѣ въ Елатомскій уѣздъ, гдѣ разбили они стеклянный заводъ купца Коржевина. Дорогою, выходя на берегъ, мятежники собирали окрестное духовенство, заставляли его служить молебны и молиться о здравіи царя Петра и его христіюбываго воинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чинили судъ и расправу надъ дворянами. Такъ, въ селѣ Никольскомъ они папали на усадьбу помѣщика Рѣткина, у котораго укрылись всѣ его ближайшіе сосѣди, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ захватили съ собою. Что потомъ было съ этими несчастными—мы не знаемъ. Но кажется—пугачевцы ни кого не щадили... Въ это время мятежною шайкою предводительствовалъ одноворецъ Стерлиговъ. Это былъ замѣчательно жестокой человекъ, путь котораго ознаменованъ былъ убійствами и пожарами, при чемъ не было пощады и ни въ чемъ неповиннымъ казеннымъ и обывательскимъ лѣсамъ. Въ толпѣ Стерлигова находилось много плѣнныхъ турокъ и черкасъ, атаманъ которыхъ Шевченко получилъ уже позволеніе отъ самого Пугачева

строить въ Темниковскихъ, Кадомскихъ и Каренскихъ юртахъ казацкія крѣпости.

Ждали пугачевцевъ и въ Кадомѣ и городская толпа, не боясь приказныхъ чиновъ, громко и сочувственно поговаривала о Петрѣ III-мъ. Однажды къ кадомской тюремной избѣ подошелъ крестьянинъ Слѣпцовъ и говорилъ колодникамъ: «молитесь Богу, скоро всѣмъ вамъ будетъ выпускъ и то учинить самъ государь». Въ числѣ колодниковъ былъ дьячекъ Игнатовъ. Увидаль онъ послѣ того кадомскаго протопопа и въ окно закричалъ ему: «скоро придутъ сюда царевы люди и я упрошу ихъ тебя повѣсить».

Между тѣмъ, осенью 1774 года, въ Шацкую провинцію начали вступать сильныя правительственныя команды изъ отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. Нѣкоторыя изъ нихъ прошли дальше, на востокъ, другія же остались у насъ, на примѣръ гусары Древица, донскіе полки Ребрикова и Янова, баталіоны Нарвскаго и Великолуцкаго полковъ и весь Ладожскій полкъ. Вскорѣ прибылъ въ Шацкъ и самъ П. И. Панинъ, а 2 октября въ провинціальной канцеляріи получено было официальное увѣдомленіе о совершенномъ истребленіи и поимкѣ государственнаго злодѣя, богототупника и бунтовщика Пугачева. Тогда началось быстрое усмиреніе края и жестокое возмездіе. Для устрашенія взволнованнаго народа, во всѣхъ селахъ Шацкой провинціи поставлены были висѣлицы, глаголи и колеса. Подозрительныхъ крестьянъ безъ суда били плетью и сдавали въ солдаты, а женъ и дѣтей ихъ подвергали долговременному тюремному содержанію. На сѣченіе разныхъ людей не хватало плетей и всѣ воеводскія канцеляріи озабочены были усиленнымъ ихъ изготовленіемъ. Не хватало такъ же кандаловъ для безчисленныхъ колодниковъ, и потому всѣ Шацкой провинціи кузнецы завалены были спѣшною работою съ платою по рублю за экземпляръ. Въ то же время были случаи самыхъ изысканныхъ пытокъ и казней. Приверженцамъ Пугачева отрѣзали уши и рубили пальцы, которыми тѣ злодѣи Пугачеву присягали. Иногда военная команда вступала въ бунтовавшее село и казнила жителей его по жребію, при чемъ на глаголяхъ вѣшали преступниковъ за ребра, или же колесовали и четвертовали ихъ... Такимъ образомъ, ужасы дикаго возстанія смѣнились не менѣе свирѣпыми оргіями правительственной расправы. По всѣмъ шацкимъ трактамъ началась гоньба правительственныхъ курьеровъ и другихъ официальныхъ лицъ, крайне стѣснявшая мѣстныхъ обывателей. Такъ, крестьяне села Бокового Майдана жаловались: «въ самую рабочую пору мы всѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, денно и ночью содержимъ бекеты и почты и оставили хлѣбопашество и разорились. И тѣмъ Е. С. графъ П. И. Панинъ привелъ насъ и нашихъ лошадей гоньбою въ крайнюю худобу». При этомъ нѣкоторыя команды вели себя въ шацкихъ селахъ и деревняхъ, какъ

въ непріятельской землѣ. Грабежи казацкаго хорунжаго Григоренкова были таковы, что всѣ дворяне района его воинскихъ подвиговъ принуждены были составить о нихъ особый протоколъ и представить его высшему правительству. Самъ полковникъ Ребриковъ, какъ жаловался на него управляющій князя Долгорукаго, произвелъ опустошеніе въ помѣщичьемъ домѣ села Вячки. А офицеръ Богдановичъ, ходя по воеводской канцеляріи въ городѣ Борисоглѣбѣ, съ великою пышностію и гордостію махалъ тростию и приговаривалъ: а я не иначе съ кѣмъ равняюсь, какъ съ генераломъ. Тогда наступила величайшая и повсемѣстная бѣдность въ Шацкой провинціи. «Въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, писала Краснослободская воеводская канцелярія, экономическихъ сборовъ въ приходѣ ничего быть не имѣлось». Изъ другихъ мѣстъ поступали заявленія такого рода: «отъ того государственнаго злодѣя приключилось всѣмъ крайнее разореніе и податей взыскать не съ кого». Больше всѣхъ пострадали, конечно, крестьяне, но и помѣщикамъ было не легко. Многіе изъ нихъ жаловались: «съ того разоренія ни какого имущества у насъ не имѣется и всѣ люди разбѣжались, а иные люди наши отпущены кормиться милостынею».

Особенно тяжело пугачевская эпоха отозвалась на шацкомъ приходскомъ духовенствѣ. Во многихъ шацкихъ приходахъ, какъ извѣстно, причты встрѣчали мятежниковъ съ церемоніею. Такъ поступали наши священнослужители, спасая свою жизнь, и особенно винить ихъ за это не хватаетъ духу, потому что по своему развитію они были въ большинствѣ тѣ же крестьяне. Священникъ села Тарадѣй, Иванъ Андреевъ былъ даже изъ крѣпостныхъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ шацкіе духовные не были героями, но кажется не были и преступниками. Тѣмъ не менѣе ихъ подвергли суровой карѣ. Графъ П. И. Панинъ раздѣлилъ ихъ на три категоріи. Къ первой принадлежали тѣ, которые добровольно встрѣчали пугачевцевъ. Этихъ было меньшинство. Ко второй и самой многочисленной категоріи, отнесли тѣхъ священнослужителей, которые не бѣжали отъ мятежныхъ шаекъ и пассивно покорялись обстоятельствамъ. Наконецъ, въ третью категорію попали такіа лица, которыя бѣжали изъ своихъ приходовъ, но случайно и по принужденію оказывались въ средѣ бунтовщиковъ, причемъ не имѣли мужества противиться движенію. Самыя суровыя наказанія достались первой категоріи. Священниковъ лишали сана съ пристрастіемъ допрашивали и сдавали въ солдаты или на каторгу. Послѣднія двѣ категоріи были относительно помилованы, то-есть освобождены отъ ссылки и солдатчины, но все-таки лишены сана. Тогда по всей епархіи (Тамбовской и Пензенской) открылось великое горе и рѣдкое духовное семейство не оплакивало всеконечнаго своего разоренія. Въ починковской волости попали подъ судъ 35 причтовъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ неподсуднымъ духовнымъ лицомъ

оказался одинъ только дьячекъ, имени котораго мы не знаемъ. Цѣлыя сотни духовныхъ сдѣлались жертвами пугачевского движенія. Имена этихъ невольныхъ страдальцевъ болышею частію намъ неизвѣстны, но самое число ихъ свидѣлствуетъ о той массѣ человѣческаго горя, которая въ настоящее время прикрыта историческою давностію. Съ особенною суровостію отнесся къ несчастнымъ преступникамъ святѣйшій синодъ. Всѣ они были отчуждены отъ церкви и прокляты. Послѣ того ихъ одѣвали въ мужичье платье и торжественно разстригали. Правда, Екатерина II простила ихъ въ послѣдствіи, но это прощенье было ограниченное: священники и діаконы шацкой провинціи, прикосновенные къ пугачевскому движенію, навѣкъ остались причетниками. Никакого прощенья не было и не могло быть только тѣмъ духовнымъ, которые открыто и дерзко приняли активное участіе въ смутѣ. Такихъ печальной памяти народныхъ дѣятелей было впрочемъ не много. Изъ ихъ числа особенно выдѣлялся священникъ села Богдановки, Макарь Савинъ, съ дочерью Варварою и сыновьями Дмитріемъ и Нестеромъ. Вся эта семья въ полномъ своемъ составѣ разбойничала именемъ Петра III-го, пользуясь смутою въ интересахъ наживы ¹⁾.

Въ числѣ подсудимыхъ духовнаго званія оказались также и ихъ жены. Одна изъ нихъ, именно попадья Марѳа Ѳеодорова, вмѣстѣ съ пугачевцами грабила въ селѣ Мальцевѣ домъ помѣщика Приклонскаго и за это попала въ категорію самыхъ тяжкихъ преступницъ.

Не легко было въ то же время и сельскому начальству. Старость и соцкихъ судили за то, почему они впускали злодѣевъ въ свои села и не переловили ихъ. При этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ застрѣли до смерти. Особенною свирѣпостію при производствѣ экзекуцій отличался подпоручикъ Приклонскій, за храбрость повышенный графомъ Панинымъ въ поручики. Въ послѣдствіи этотъ рыцарь печального образа впалъ въ сумашествіе и такимъ образомъ завершилъ свое жизненное поприще.

При такихъ условіяхъ пугачевская гроза наконецъ стихла. Провинціальная жизнь вступила въ прежнюю свою колею, не обновившись ни нравственно, ни юридически. И только великая реформа 19-го фѣвраля навсегда избавила русскій народъ отъ повторенія кровавыхъ движеній въ духѣ самозванца.

Въ 1775 году, во всей Шацкой провинціи розданы были соцкимъ, старостамъ и управителямъ подробныя инструкціи для всеконечнаго искорененія воровъ, разбойниковъ и пришлыхъ шатающихся всякаго званія безпаспортныхъ людей. Мірскимъ избранникамъ строжайше предписывалось о малѣйшемъ

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 4,515 й.

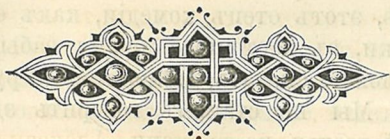
случаѣ воровства и разбоя немедленно доносить провинціальной канцеляріи и въ то же время, собравъ обывателей, ловить злодѣевъ. Въ противномъ случаѣ они сами подвергались законному преслѣдованію наравнѣ съ преступниками. Такимъ образомъ вся провинція поставлена была какъ бы на военное положеніе. Но разбои все-таки не прекращались. Разсѣялись пугачевцы, но долго еще гуляли по вольному бѣлому свѣту удалые молодцы, пугая и разоряя бѣдную Шацкую провинцію.

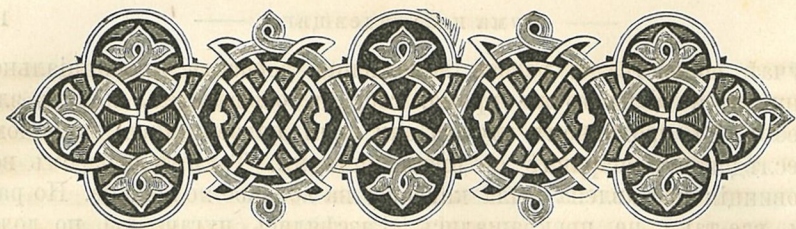
1774 годъ разорилъ особенно шацкихъ крестьянъ. Тогда правительство вызвало неимущихъ рабочихъ на постройку 18 казармъ, сожженныхъ пугачевцами, и на копаніе крѣпостныхъ рововъ. Токмо денежной казны для расплаты съ тѣми рабочими не имѣлось...

Вотъ тѣ историческія свѣдѣнія, которыя собрали мы въ мѣстныхъ архивахъ относительно лихолѣтія славной екатерининской эпохи.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что во время чумы и пугачевщины въ Шацкой провинціи правительственная фискальная дѣятельность не ослабѣвала. За недоимки, имѣнія брали въ секвестръ. Городскихъ головъ и ратмановъ сажали въ оковы и подвергали тяжелымъ работамъ, дабы подати взысканы были неотмѣнно. Разумѣется, все это могло быть только въ усмирённыхъ мѣстностяхъ, или же въ такихъ, куда не проникало волненіе.

И. Дубасовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПОРЬКАЯ судьба постигла князя А. А. Шаховскаго, какъ писателя и человѣка. Два первые десятка лѣтъ настоящаго столѣтія онъ былъ властелиномъ русской сцены, формируя для нея и репертуаръ и актеровъ. Два послѣдующіе десятка лѣтъ онъ не оставлялъ своего служенія театру и только въ самые послѣдніе годы жизни ослабѣлъ въ своей авторской дѣятельности. Шаховской написалъ до ста драматическихъ произведеній, изъ которыхъ многія заслуживаютъ не только полнаго вниманія историка литературы, но могутъ представить достаточно интереса для современнаго читателя и даже зрителя. Тѣмъ не менѣе, князь Шаховской окончательно забытъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отецъ комедіи, какъ его въ шутку называли современники, въ настоящее время забытъ совершенно—забытъ человѣкъ, можно сказать, вынычавшій русскій репертуаръ и русскую труппу. Мы не станемъ говорить здѣсь о томъ, что такое былъ русскій театръ ко времени Александра I, именно ко времени обновительной работы Шаховскаго въ этой отрасли нашей умственной жизни. Объ этомъ уже было довольно писано. Короче сказать, русскаго театра въ то время у насъ не было. Драматическіе пьесы писались варварскимъ языкомъ, а актеры наши, находясь чуть не въ крѣпостной зависимости и полнѣйшей субординаціи и униженіи, оторванные отъ народа (изъ среды котораго часто выходили), не могли передать духа и обличія народнаго, особенно въ фальшиво-народныхъ пьесахъ, напримѣръ, Аблесимова; съ другой стороны, приниженное положеніе въ обществѣ отнимало

у нихъ силы и возможность передавать типическія черты этого общества, т. е. изображать «господъ», которыхъ актеры и побаивались, и мало знали, а потому они гораздо свободнѣе чувствовали себя въ классическихъ плащахъ, переносясь съ почвы горькой дѣйствительности въ заоблачныя сферы возвышенныхъ героевъ и чувствъ. Здѣсь заслуга князя Шаховскаго громадна, что бы ни говорили различные мемуары о его мелочности, раздражительности, интригахъ. Къ несчастію, часто оказываясь самъ ниже своихъ идеальныхъ требованій, онъ формулировалъ для себя эти требованія совершенно ясно. Онъ доискивался благородныхъ традицій искусства, традицій, исполненныхъ истинной художественной правды, въ театрѣ древнихъ грековъ и у гениальнаго Шекспира. Но, не подчиняясь рабски никакому теченію, онъ искалъ самостоятельныхъ путей въ нашей драматургіи и прежде всего считалъ необходимымъ создать для театра человѣческій языкъ и научить говорить этимъ языкомъ нашихъ забытыхъ въ то время актеровъ. Онъ первый показалъ примѣръ человѣческаго обращенія съ этими тружениками мысли, первый сталъ вводить ихъ въ то общество, изображать которое имъ предстояло на сценѣ. Трудно представить себѣ, даже и въ наше время, другаго князя-драматурга и начальника, который былъ бы способенъ на такое самоотверженіе, на какое, ради искусства, обрекалъ себя Шаховской. Обучая Сосницкаго, своего любимаго ученика, играть роль Фальстафа, онъ рекомендовалъ ему взять за оригиналъ его самого, князя Шаховскаго. Сосницкій вышелъ на сцену совершеннымъ двойникомъ князя; сходство переходило границы искусства и князь остался недоволенъ. Однако, лѣтъ двадцать спустя, Шаховской опять училъ московскаго артиста Сабурова играть роль Фальстафа съ себя. Сабуровъ схватилъ типичныя черты князя, не копируя его рабски, и Шаховской остался очень доволенъ. Анекдотъ этотъ весьма характеренъ: онъ прежде всего показываетъ, что князь понималъ свой жизненный типъ.

А между тѣмъ, что сдѣлано до сихъ поръ для памяти этого несомнѣнно замѣчательнаго человѣка? Смѣло отвѣтимъ: ничего. Нечего говорить уже о томъ, что никогда не издавалось полного собранія его сочиненій. На это даже нельзя и рассчитывать. Въ большинствѣ такихъ изданій имѣется въ виду большая публика, которая тяготеетъ держать въ своихъ библіотекахъ балластъ каждаго полного собранія, столь, впрочемъ, драгоценный въ литературно-историческомъ отношеніи. Кто же станетъ покупать сочиненія князя Шаховскаго, у котораго этотъ балластъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, благодаря тому усердію, съ какимъ онъ питалъ русскій репертуаръ всѣми родами драматическихъ произведеній. Многія изъ нихъ не были даже напечатаны и остались въ бумагахъ князя. Судьба этихъ бумагъ тоже весьма странная: всѣ свои

сочиненія, изданныя и неизданныя, а также и всѣ бумаги, князь завѣщалъ родственницѣ своей, г-жѣ Бакуниной, а какъ поступила она съ этимъ наслѣдствомъ—положительно неизвѣстно. Въ Публичной Библіотекѣ хранится только одна маленькая записка Шаховскаго къ Загоскину, заключающая въ себѣ просьбу оставить ложу для кого-то изъ родныхъ князя. Три-четыре письма его къ разнымъ лицамъ попали въ печать; въ нашихъ рукахъ находится большое письмо князя Шаховскаго къ князю Э. П. Мещерскому, проливающее много свѣта на его внутренній міръ; письмо это мы изложимъ ниже, теперь же упомянемъ лишь о томъ мелкомъ обстоятельстве, что письмо это только подписано княземъ, а писано другой рукой. Обладая невѣроятно-дурнымъ почеркомъ, князь, можетъ быть, и другія свои письма заставлялъ переписывать, а слѣдовательно въ бумагахъ его оставались оригиналы. Гдѣ все это сокрыто—мы не вѣдаемъ и очень бы желали услышать. Такая скудость матерьяла отразилась печальнымъ образомъ и на біографіи князя Шаховскаго. Съ трудомъ можно возстановить нить внѣшнихъ событій его жизни, а о внутреннемъ его мірѣ, по выше упомянутымъ немногимъ письмамъ и рассказамъ его современниковъ, часто стоявшихъ къ князю недостаточно близко, вывести сколько нибудь вѣрное заключеніе—почти невозможно.

Біографія князя Шаховскаго сводится вкратцѣ къ слѣдующему.

I.

Происхожденіе.—Воспитаніе.—Военная служба.—Первая ода и первая комедія.—Сближеніе съ Нарышкинымъ и назначеніе репертуарнымъ членомъ.—Командировка за-границу; встрѣчи съ принцемъ Конде и съ Гёте.—Возвращеніе къ должности и цензура плохихъ пьесъ.—Комедіи «Коварный» и «Новый Стернь».—Сближеніе съ Ежовой.—Участіе въ войнѣ 1812 года.—Комедія «Липецкія воды».—Литературныя отношенія: Загоскинъ, Аксаковъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Катенинъ и Грибоѣдовъ.—Первый выходъ въ отставку и театральныя комитетъ подъ предѣтельствомъ графа Милорадовича.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской родился 24-го апрѣля 1777 года, въ Смоленской губерніи, въ селѣ Беззаботахъ. Отецъ его, князь Александръ Ивановичъ, человѣкъ очень небогатый, но кровный русскій аристократъ, былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ Пассекъ. Въ молодости, онъ началъ службу блестящимъ образомъ, состоялъ камергеромъ при дворѣ короля польскаго Станислава Августа, но затѣмъ безвыѣздно жилъ въ своихъ Беззаботахъ.

Тѣмъ не менѣе, юный князь Александръ Александровичъ, въ 1787 году, былъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ,

еще ранѣ того опредѣленъ въ московскій университетскій пансіонъ. Какое образованіе далъ князю этотъ пансіонъ, за отсутствіемъ автобіографическихъ данныхъ, можно судить пока по аналогіи съ тѣмъ, чему позднѣ научились въ томъ же пансіонѣ другіе, напримѣръ, В. А. Жуковский. Шаховской зналъ одинъ только французскій языкъ и учился много уже по выходѣ изъ пансіона. Въ 1793 году онъ былъ уже въ полку и поселился въ семействѣ извѣстнаго въ то время балетмейстера Ив. Ив. Вальберха, память котораго князь всегда свято чтить и оставался на-всегда другомъ его семьи. Дружба эта особенно выразилась въ его покровительствѣ дочери Вальберха, замѣчательно талантливой драматической артисткѣ.

Какъ военный, князь Шаховской былъ изъ ряду вонъ плохъ; онъ былъ необычайный домосѣдъ и не участвовалъ въ кутежахъ товарищей, да и не имѣлъ для этого средствъ. Это печальное для молодаго князя обстоятельство прекрасно отразилось на его образованіи. Сидя постоянно дома, онъ много читалъ и скоро интересы его въ этомъ направленіи ясно опредѣлились. Онъ особенно интересовался всеобщей исторіей и при этомъ наиболѣе останавливался на изученіи театра въ древней Греціи, въ Римѣ, и на французскихъ классикахъ. Такой интересъ къ исторіи театра находится въ связи съ первыми попытками князя на драматическомъ поприщѣ. 31-го октября 1795 года, въ театрѣ Эрмитажа, въ присутствіи императрицы Екатерины II, шла его комедія въ стихахъ— «Женская шутка». Это первое произведеніе князя Шаховскаго понравилось дворцовой публикѣ и автора даже вызывали. Шаховской самъ рассказывалъ, что его пьеса особенно понравилась мужчинамъ, такъ какъ она была преисполнена двусмысленностями. Впослѣдствіи Шаховской сжегъ свою «Женскую шутку». Въ 1797 году, уже будучи портупей-прапорщикомъ, князь Шаховской очень усердной корпѣлъ надъ одами, и Вальберхъ, въ заботѣ о его судьбѣ, постоянно склонялъ его поднести оду императору Павлу. Шаховской ухватился за эту идею и въ недѣлю ода была готова. На первый же разводъ юный поэтъ явился съ непремѣннымъ намѣреніемъ поднести государю свое произведеніе, но рѣшимости на это у него не хватило. Въ слѣдующее воскресенье самъ Вальберхъ пошелъ съ Шаховскимъ, чтобы выбрать болѣе удобное мѣсто. Но опять повторилась та же исторія, и ода канула въ Лету, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ не менѣ литературная извѣстность князя Шаховскаго была достаточно упрочена этими первыми опытами и на него обратилъ вниманіе тогдашній директоръ театровъ, А. Л. Нарышкинъ; самъ государь Павелъ Петровичъ зналъ начинающаго князя-писателя и даже оказывалъ ему особое, небывалое расположеніе, прощая многія ошибки Шаховскаго противъ дисциплины и относя ихъ къ его забавной разсѣянности. Вслѣд-

ствіе всего этого, несмотря на свои скудныя средства, молодой князь, съ производствомъ въ офицеры въ 1797 году, получилъ доступъ во всѣ великосвѣтскія гостиныя, въ которыхъ выдавался замѣтно своимъ неистощимымъ остроуміемъ. Въ 1798 году, Шаховской былъ командированъ въ корпусъ эмигрантовъ принца Конде «обучать французовъ русскимъ ружейнымъ пріемамъ», какъ онъ объ этомъ самъ говорилъ. Получивъ за эти свои подвиги чинъ подпоручика, онъ промѣнялъ его на чинъ надворнаго совѣтника и, по протекціи Нарышкина, былъ назначенъ репертуарнымъ членомъ. Въ это время Шаховской сталъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Нарышкина, и этотъ послѣдній, въ 1801 году, командировалъ его въ Парижъ, для приглашенія лучшихъ тамошнихъ артистовъ на французскую сцену въ Петербургъ. Оба эти путешествія за границу значительно расширили умственный горизонтъ молодого любителя театра, который, до поры до времени, положилъ свое перо. Изъ отрывочныхъ указаній въ его письмахъ и мемуарахъ нѣкоторыхъ лицъ мы видимъ, что Шаховской сталкивался здѣсь съ самыми разнообразными людьми. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ князю Мещерскому Шаховской рассказываетъ слѣдующее о принцѣ Конде: «Отправленный въ кондейскій корпусъ, я имѣлъ честь много разъ обѣдывать у принца и однажды за столомъ, въ разговорѣ о революціи, онъ, оборотясь ко мнѣ, прибавилъ:—«знаете ли, что первый предсказалъ ее вашъ Петръ Великій?—да, на вопросъ, какъ царь находитъ Парижъ, онъ отвѣчалъ:—прекраснымъ городомъ, но только слишкомъ многолюднымъ и шумнымъ, чтобы современемъ ему не захотѣлось давать законы своему государю. Это было при отцѣ моемъ и онъ самъ мнѣ это рассказывалъ». Не лишено также общаго интереса знакомство Шаховскаго съ великимъ Гёте. Мы передаемъ нижеслѣдующій эпизодъ со словъ г. Смирнова, который слышалъ его отъ князя. Въ 1802 году, въ Мюнхенѣ, въ гостинницѣ за общимъ столомъ, Шаховской былъ удивленъ особенно многочисленнымъ стеченіемъ публики. Не понимая нѣмецкаго языка, Шаховской все-таки могъ разобрать часто повторяемое имя Гёте. Оказалось, что великій нѣмецкій поэтъ находится въ той же гостинницѣ и мюнхенцы расчитывали поглядѣть на него за табльдотомъ. Хотѣлось того же и Шаховскому, но Гёте не показался. Тогда Шаховской послалъ Гёте свою карточку и былъ приглашенъ на чай. Шаховской пошелъ и былъ прекрасно принятъ. Толковали много о литературѣ нѣмецкой, а особенно о русской. Поданъ былъ и чай, но не по-русски — безъ хлѣба. Уже тогда склонный къ выходкамъ простодушнаго чудака, Шаховской, не стѣсняясь, приказалъ кельнеру принести себѣ бутербродовъ. Каково же было его изумленіе, когда на другой день Шаховской нашелъ, что злополучные бутерброды оказались поставленными въ счетъ! Вспоминая объ этомъ, Шаховской прибавилъ: «вотъ, что

называется нѣмецкая аккуратность; зато они на обухѣ рожь молотятъ». Къ этому нужно прибавить, что въ Парижѣ Шаховской наслаждался игрой Тальмы, производившаго тогда революцію на подмосткахъ французской сцены. Игра этого великаго артиста произвела глубокое впечатлѣніе на князя и, подъ обаяніемъ его декламации, его игры, онъ вернулся въ Петербургъ, въ 1803 году, съ твердымъ намѣреніемъ пересоздать русскую сцену. За удачный подборъ французской труппы, приглашенной имъ для Петербурга, Шаховской былъ награжденъ званіемъ камеръ-юнкера и занялъ прежнее мѣсто репертуарнаго члена. По своей должности, онъ обя-

Князь А. А. Шаховской.

занъ былъ перечитывать массу поступавшихъ на театральную цензуру пьесъ, по преимуществу бездарныхъ. Извѣстный театраль своего времени Жихаревъ, въ своемъ «Дневникѣ чиновника», рассказываетъ по этому поводу, что казначей театра, Альбрехтъ, совѣтовалъ Шаховскому топить злополучными рукописями театр. «Помилуйте, шутилъ на это князь, отъ нихъ холодомъ вѣть, вы меня заморозить хотите!» Нѣкоторые изъ авторовъ такихъ отверженныхъ произведеній старались хоть чѣмъ нибудь насолить князю. Такъ, когда Шаховской не принялъ на сцену драму какого-то Сумарокова—«Марѳа Посадница», гдѣ всѣ дѣйствующія лица другъ друга убиваютъ и къ концу пьесы въ живыхъ остается только

одинъ человекъ, то оскорбленный авторъ напечаталъ свое произведение, съ самымъ злостнымъ предисловіемъ, направленнымъ противъ князя Шаховскаго. Позднѣе, его обвиняли даже въ томъ, что, не пропуская нѣкоторыхъ пьесъ, онъ выкрадывалъ изъ нихъ сюжеты для себя. Такъ, напримѣръ, когда въ 1806 году князь поставилъ оперету «Любовная почта», то его печатно обвинили въ томъ, что онъ воспользовался сюжетомъ изъ непропущенной имъ самимъ комедіи Лукницкаго — «Деньщикъ-виртуозъ». Гдѣ-то даже было напечатано слѣдующее: «Въ Торговой улицѣ живетъ похититель литературной собственности, о коемъ узнать у служителя Макара». Этотъ Макарь, безъ котораго обходилась рѣдкая эпиграмма, направленная противъ князя, былъ крѣпостной его человекъ и состоялъ при немъ всю жизнь. Онъ вѣчно торчалъ въ передней князя и вязалъ чулокъ. Впослѣдствіи, отрекаясь отъ многихъ своихъ произведеній, Шаховской говаривалъ: «это не я писалъ, это Макарь».

Шаховскій вполне опровергнулъ инсинуаціи Лукницкаго, пропустивъ на сцену его «Деньщика-виртуоза». Скоро онъ и совсѣмъ помирился съ Лукницкимъ, и черезъ годъ послѣ исторіи съ «Любовной почтой», показывалъ Жихареву стихотворный анекдотъ того же Лукницкаго, написанный имъ для «Драматическаго Вѣстника», который князь въ то время задумалъ издавать.

Таковы были столкновенія Шаховскаго съ авторами неудачными. Но за то съ какимъ пламеннымъ восторгомъ относился онъ къ произведеніямъ, въ которыхъ видѣлъ истинный талантъ. Въ числѣ такихъ произведеній былъ «Эдипъ» Озерова. Въ это время Шаховской сблизился съ домомъ Оленина, у котораго собирался весь тогдашній литературный Олимпъ. Сюда-то привезъ князь Эдипа и читалъ его со слезами восторга. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Озерова князь справедливо видѣлъ увлеченіе ложными эффектами, открыто порицалъ этотъ недостатокъ и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе многихъ, особенно же самого самолюбиваго автора.

Въ то же время князь возобновилъ и собственные драматическіе опыты, изъ которыхъ первые были очень неудачны. Въ 1804 году онъ поставилъ переводную комедію «Коварный», о которой князь Вяземскій писалъ впослѣдствіи:

«При свистѣ креслъ, партера и райка,
«Сошелъ со сцены твой «Коварный»».

Но въ слѣдующемъ же году Шаховской поправилъ свою литературную репутацію, поставивъ на сцену комедію «Новый Стернь»; за то, осмѣявъ въ ней сентиментальное направленіе, задѣлъ родоначальника этого послѣдняго — Карамзина и, вѣроятно, и многихъ другихъ, чѣмъ еще болѣе умножилъ число своихъ враговъ. Не будемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами и неуспѣхами князя въ области драматургіи. Масса фальшивыхъ отношеній, сплетенъ, въ которыхъ трудно отличить правду отъ лжи, за неимѣніемъ авто-

біографическаго матерьяла—все это вмѣстѣ мѣшаетъ пролить новый свѣтъ на дѣятельность князя за означенный періодъ, а въ какомъ видѣ представляется это до настоящаго времени—все это очень обстоятельно изложено, напримѣръ, въ «Лѣтописи русскаго театра» Арапова.

Около того же времени, т. е. еще до 1812 года, который увлекъ князя на поле брани и на время оторвалъ его отъ театра, онъ сблизился и не разставался до конца своей жизни съ актрисой Екатериной Ивановной Ежовой, которая въ 1807 г. году выпущена была изъ театральнаго училища на роли субретокъ, но, по убѣжденіямъ князя, стала играть старухъ. Всѣ воспоминанія о Ежовой сводятся къ одному—что она держала князя въ ежовыхъ рукавицахъ, что, впрочемъ, было далеко не лишнимъ, при его беззаботномъ, дѣтски-вспыльчивомъ и безалаберномъ характерѣ. Два раза Шаховской предлагалъ Ежовой быть его женой, но она отказывалась, предпочитая «быть любимой Ежовой, а не смѣшной княгиней». Въ это же время Шаховской присталъ къ тогдашней партіи славянофиловъ, лагеря Шишкова, который не могъ не сочувствовать тому осмѣянію, какому предавалъ Шаховской обычаи и приличія русскіихъ псевдо-европейцевъ. Въ 1810 году, Шаховской сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи и принималъ участіе въ составленіи словаря; какъ человекъ религіозный, онъ хорошо освоился съ славянскимъ языкомъ, читая псалтырь и священное писаніе. Въ то же время Шаховской дѣлается членомъ «Бесѣды любителей русскаго слова» и на засѣданіяхъ этого общества читаетъ нѣкоторые свои сатиры.

Общій порывъ патріотизма въ 1812 году увлекъ и князя Шаховскаго; 6-го іюля онъ вступилъ въ ополченіе Тверской губерніи, гдѣ у него было маленькое имѣніе, и былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка.

Къ счастью, объ этомъ періодѣ сохранились личныя воспоминанія князя Шаховскаго, напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ» за 1864 годъ и, какъ сообщаетъ редакція, найденныя случайно въ архивѣ военно-топографическаго депо. Сколько можно судить по напечатанному отрывку, это не мемуары, а скорѣе письмо, писанное къ неизвѣстному лицу уже въ 1836 году, какъ сообщаетъ та же редакція. Письмо это написано такъ живо, свидѣтельствуетъ о такой наблюдательности автора, что, имѣй мы въ рукахъ побольше его писемъ и вообще автографовъ, Шаховской стоялъ бы передъ нами какъ живой.

Шаховской случился въ Твери какъ разъ во время возвращенія государя изъ арміи и Москвы въ Петербургъ и имѣлъ счастье—говорить онъ—первымъ изъ лицъ, служащихъ при дворѣ, вступить въ тверскія дружины. 30-го августа, князь уже повелъ въ Москву заново сформированный 5-й пѣшій казачій полкъ. Перенесенный

изъ-за кулисъ на поле брани, Шаховской чувствовалъ себя истиннымъ патріотомъ и княземъ. «Тутъ съ теплою вѣрой, но не безъ тщеславнаго воспоминанія,—разсказываетъ онъ о молебнѣ передъ выступленіемъ въ походъ,—я повторилъ воинскій крикъ предка моего, Мстислава Храброго: Съ нами Богъ!—и его громогласно подхватили дружинники». Между тѣмъ, на днѣвкѣ въ Клинѣ, Шаховской получилъ извѣстіе о занятіи Москвы Наполеономъ и приказаніе остановиться, которое «какъ крещенскій морозъ подѣйствовало на наши члены», говоритъ князь. Въ это самое время благовѣстили къ обѣднѣ и пасмурные ополченцы пошли въ церковь. Послѣ обѣдни князь обратился къ нимъ съ словомъ одобренія, сказавъ, что «Россія не въ Москвѣ». «Мрачныя души прояснились—говоритъ онъ,—старые солдаты хулили молодыхъ, не сѣмѣвшихъ отстоять Москву, и вспоминали, какъ они въ свое время, при Суворовѣ, «въ чужедальней сторонѣ», этихъ же французовъ какъ куръ душили. «Успокоились и помѣщики-ополченцы и, въ ожиданіи грядущихъ событій, играли въ банчикъ». Полкъ Шаховскаго поступилъ въ отрядъ барона Винценгероде, и князь явился къ нему въ подмосковное село Подсолнечное, гдѣ встрѣтился съ графомъ Бенкендорфомъ и Л. А. Нарышкинымъ. Шаховской видимо не пропускалъ ни одного случая, гдѣ можно было узнать настоящій духъ народа и истинное его мнѣніе о событіяхъ. Такъ, однажды, подойдя къ кучкѣ крестьянъ-ямщиковъ, толковавшихъ о матушкѣ-Москвѣ, князь услышалъ слѣдующее: «только бы батюшка-государь не смирился со злодѣемъ,—говорилъ старый мужикъ,—а то ему не одобровать: святая Русь велика, народу многое множество; укажи поголовщину—мы всѣ шапкамизамечемъ, или своими тѣлами задавимъ».

Еще ближе и глубже пришлось князю узнать нашъ народъ, когда ему порученъ былъ надзоръ за плѣнными, захваченными подъ Москвой. «Не знаю, отъ кого вышелъ—разсказываетъ онъ—переданный мнѣ приказъ имѣть особенное попеченіе о плѣнныхъ испанцахъ. Я зашелъ въ избу, отведенную для нихъ. Хозяйка избы, стоя на колѣняхъ, обмывала раненую ногу плѣннаго, и, увидя меня, испугалась, вскочила, стала извиняться, что взмиловалась надъ супостатомъ». Видѣлъ и то князь, какъ русскіе мужики, среди супостатовъ «двунадесяти языковъ», умѣли отличить своихъ братьевъ славянъ—кроатовъ, которые крестились по-нашему; крестьяне окружили ихъ и, понявъ ихъ славянское нарѣчіе, тотчасъ нанесли имъ папошниковъ, пироговъ, а ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвезти ихъ въ Тверь. Въ другомъ мѣстѣ, князь видѣлъ, что крестьяне княгини Голицыной успѣли скрыть отъ французовъ все ея имущество.

— Что же вамъ, жить за нею хорошо? спрашиваетъ князь.

— Нѣтъ, нѣмцы, которыхъ она прислала разоряютъ насъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя насъ жаловали.

Но за то бывали при немъ и такіе случаи, что въ Волоколамскѣ крестьяне сожгли или перерѣзали французскихъ фуражировъ; въ томъ же Волоколамскѣ служанка казначея зарѣзала поварскимъ ножомъ двухъ поддипаль французовъ.

Между тѣмъ, Винценгероде попалъ въ плѣнъ, и уже подъ начальствомъ Иловайскаго 4-го князь Шаховской съ своимъ полкомъ вступилъ въ Москву. Онъ рассказываетъ, какъ при самомъ въѣздѣ на пепелище столицы, повстрѣчалась имъ какая-то обезумѣвшая старуха и съ крикомъ: «русскіе!» поклонилась въ ноги передъ вступающимъ отрядомъ.

Зрѣлище страшнаго опустошенія и разрушенія ожидало князя въ Москвѣ. Онъ спѣшилъ войти въ Кремль, но доступъ туда былъ не такъ легокъ. Оставались еще слѣды взрыва стѣны и кое-гдѣ дымило. Изъ-за угловъ пострѣливали мародеры. Спасскія ворота были завалены, Никольскія загромождены развалинами стѣны, и казаки князя опасались попасть на заложенную мину. Князь сталъ самъ карабкаться по развалинамъ, и казаки, увидя это, бросились за нимъ и еще прежде его очутились передъ горѣвшимъ дворцомъ и Грановитой Палатой. Огромная пристройка къ Ивану Великому была взорвана, а онъ «стоялъ такъ же величественно, какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ, для прокормленія рабочихъ во время голода», говоритъ князь. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ взрыва, Шаховской приказалъ осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ мины. «Какъ членъ Россійской Академіи, повѣствуетъ онъ, принялся я за перо и написалъ съ общаго совѣта рапортъ государю, а какъ сопровителъ театральной дирекціи сдѣлалъ распоряженіе относительно торжественнаго благодаренія Господу браней». Проспавъ тревожно первую ночь въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ дворца, на сѣнѣ, покрытомъ коврами, князь Шаховской и его товарищи—Бенкендорфъ и другіе, на утро отправились повѣрять исполненіе отданныхъ ими приказаній. Со всѣхъ сторонъ тѣснились ужасныя впечатлѣнія. На Лобномъ Мѣстѣ князь увидѣлъ дѣвушку, порядочно одѣтую, но босую (французы, нуждаясь въ обуви, разували всѣхъ и каждаго). Ее сторожилъ казакъ и она горько плакала. Это была, какъ оказалось, дочь одного профессора нѣмца, который побоялся выйти изъ Москвы, опасаясь, чтобъ его не приняли за шпіона. Теперь онъ лежалъ больной и бѣдная дѣвушка пришла попросить у русскихъ для него хлѣба; но начальникъ кремлевскихъ карауловъ, нѣкій татаринъ Ельмурзинъ, такъ заинтересовался ею, что даже приставилъ казака стеречь ее. Князь немедленно велѣлъ освободить дѣвушку, обѣщая ей прислать на домъ все необходимое, и сдѣлалъ выговоръ Ельмурзину. Тутъ же, на Спасскихъ воротахъ, онъ увидѣлъ образъ съ серебряной лампадкой. «Отъ какой-то безотчетной радости, говоритъ онъ, сорвалось у меня съ языка приказаніе—затеплить лампадку. Лампадку зажгли—и народъ сталъ говорить,

«истор. вѣстн.», юль, 1883 г., т. хш.

10

будто лампадка чудеснымъ образомъ не угасала во все время, пока въ Москвѣ были непріатели».

Затѣмъ, въ сопровожденіи монаха и священника, Шаховской осмотрѣлъ церкви и отдалъ приказаніе привести ихъ сколько возможно въ порядокъ. До поры до времени, онъ поставилъ около церквей часовыхъ, запретивъ пускать народъ, и даже запечаталъ нѣкоторыя. И въ самомъ дѣлѣ: лучше было скрыть отъ глазъ народа безпощадное поруганіе святыни. Въ Успенскомъ соборѣ мощи св. митрополита Іоны были выброшены на помость. Онѣ были не-вредимы, кромѣ «вражеской разруби на святительской выѣ». Въ алтарь Казанскаго собора французы втащили дохлую лошадь и положили ее на мѣсто престола. Таковы были дѣла враговъ. Но князь не скрываетъ и того, что подмосковные крестьяне, въ надеждѣ на богатую наживу, пріѣхали въ Москву съ телѣгами, и рассказываетъ, что Бенкендорфъ заставилъ ихъ на этихъ самыхъ телѣгахъ вывозить трупы, валявшіеся по улицамъ. Тѣ же подмосковные крестьяне спѣшили въ Москву съ съѣстными припасами и устроили импровизированный рынокъ. Заѣхалъ еще князь въ уцѣлѣвшій домъ Познякова, гдѣ Мюратъ устраивалъ спектакли; за кулисами театра брошены были остатки священническихъ ризъ, изрѣзанныхъ для костюмовъ.

Стали, наконецъ, показываться и немногіе москвичи, видѣвшіе великаго завоевателя. Тутолминъ — начальникъ Воспитательнаго Дома — остался очень доволенъ Наполеономъ и нашелъ его далеко не страшнымъ. Зато генераль-поручикъ Сипягинъ, какой-то движущійся остовъ, рассказывалъ, какъ онъ, запоздавъ выѣхать изъ Москвы, былъ схваченъ французами и принужденъ возить землю для укрѣпленія Кремля.

На другой день Шаховской съ товарищами перебрался въ домъ князя Бѣлосельскаго, который занималъ маршалъ Бессьеръ. Въ этомъ домѣ французы обратили великолѣпную залу и библіотеку въ мѣсто «безыменное между порядочными людьми». Въ домѣ Бѣлосельскаго, вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Бенкендорфомъ, оказался прелюбопытный капитанъ ополченія, Богдановичъ. Онъ когда-то служилъ въ смоленскихъ командахъ, сформированныхъ противъ Пугачева, а теперь присталъ къ Бенкендорфу. Сидя у камина въ домѣ Бѣлосельскаго и показывая на свою саблю, онъ говорилъ: «эту дуру я сниму только въ Парижѣ». И дѣйствительно, ему довелось дойти до Парижа.

Наконецъ, состоялся и благодарственный молебенъ въ большой церкви Страстнаго монастыря. Французы, по свойственной имъ любезности къ женскому полу, пощадили этотъ монастырь. Тѣмъ не менѣе, во всей Москвѣ не уцѣлѣло ни одного серебрянаго сосуда. У кого-то нашлись старинные — стеклянные. Отыскались священники, церковники и звонари. Еще до 9-ти часовъ ударили въ боль-

шой колоколь Стратнаго монастыря. Опустѣвшая Москва радовалась и ямскому колокольчику, какъ это разсказывалъ Шаховскому только-что прїѣхавшій его прїатель, увѣрявшій, что въ Ямской слободѣ крестьяне крестились, услышавъ его тройку. Теперь же по всей Москвѣ гудѣли колокола. Богомольцы наполнили не только церкви, но и всѣ переходы и дворъ Стратнаго монастыря. «Всѣ начальники военные, дворяне, купцы, народъ, русскіе и иностранцы, православные и разновѣрные, даже башкиры и калмыки молились на колѣняхъ, и хоръ рыданій смѣшивался съ пѣніемъ, повсемѣстнымъ трезвonomъ и пальбой изъ какихъ-то пушекъ». Здѣсь князь вспомнилъ видѣнную имъ въ Ахенѣ первую обѣдню послѣ революціи. «Помню, въ эту минуту — говоритъ онъ — я почувствовалъ всю силу благодарности къ сотворившему меня человекомъ, христіаниномъ и русскимъ». Онъ отказывается здѣсь выразить всю торжественность момента, «несмотря на свою сорокалѣтнюю привычку говорить языкомъ страстей».

Между тѣмъ, «запахъ французскаго. пребыванія» заставилъ князя перебраться изъ дома Бѣлосельскаго въ домъ его родственниковъ, и сюда прискакалъ къ нему фельдъ-егерь отъ Шишкова. Жалкое разочарованіе! Онъ ожидалъ получить «звѣздное» или, по крайней мѣрѣ, «крестное» одобреніе, но вмѣсто того получилъ 120 экземпляровъ оды Хвостова на освобожденіе Москвы. Въ своихъ усердныхъ осмотрахъ Москвы, для приведенія ее въ возможный порядокъ, Шаховской натолкнулся на бронзовую статую Екатерины II, уцѣлѣвшую среди обломковъ дворянскаго собранія.

Возвратился и Ростопчинъ. Шаховской встрѣтилъ его у церкви Василія Блаженнаго стихами изъ трагедіи «Пажарскій»:

«И плепъ родимыхъ стѣнъ
Потомству возвѣститъ,
Что славу россъ свою
Всѣхъ выше благъ цѣнитъ».

Шаховской донесъ Ростопчину, какъ главнокомандующему, о состояніи Москвы, но скоро они сошли съ почвы официальныхъ отношеній на дружескую бесѣду. «Графъ Ростопчинъ съ самоувѣренностью говорилъ о томъ славномъ дѣлѣ (пожарѣ), отъ котораго въ послѣдствіи отрекался въ Парижѣ; читалъ свое ядовитое письмо къ Кутузову, въ которомъ каламбурилъ на тотъ счетъ, что Кутузовъ беспокоить всѣхъ своимъ спокойствіемъ, и жаловался, что Кутузовъ не хочетъ съ нимъ повидаться». «Лицо мое, говоритъ князь, болтливое не меньше языка, не скрыло того, чего изъ учтивости я не сказалъ». Тѣмъ не менѣе, онъ всячески старался успокоить графа Ростопчина, ссылаясь на историческій примѣръ Ганнибала, который не хотѣлъ довѣрить своихъ плановъ даже своей подушкѣ, и, наконецъ, прямо указалъ на то, что и безъ всякихъ совѣщаній

Ростопчина съ Кутузовымъ все обошлось такъ, какъ было нужно. «Москва спокойно опустѣла и изъ 150 тысячъ жителей остался одинъ, да и то французъ ¹⁾, который объявилъ Наполеону, перемѣнившему всѣ европейскія столицы, что Москва пуста, за что Наполеонъ удостоилъ графа Ростопчина такихъ ругательствъ, какихъ онъ не промѣнялъ бы и на оды Хвостова».

Такія рѣчи подѣйствовали успокоительно на Ростопчина и онъ провелъ цѣлую ночь, рассказывая своимъ гостямъ различные эпизоды послѣднихъ дней. Рассказывалъ, какъ народъ «привелъ къ нему на веревочкѣ, съ нѣкоторыми знаками православнаго благоволенія», какихъ-то франтовъ, болтавшихъ на Кузнецкомъ мосту по-французски; или какъ старостиха Василиса, во французской шинели, съ саблею черезъ плечо, во главѣ толпы мужиковъ конвоировала захваченныхъ ими въ плѣнъ французскихъ мародеровъ.

Между тѣмъ, князь Шаховской долженъ былъ покинуть Москву, гдѣ ему пришлось пережить такія глубокія впечатлѣнія, очевидно, запавшія въ душу его на всю жизнь. Онъ снова принялъ командованіе надъ своимъ полкомъ. Гонка французовъ по голодной дорогѣ, очевидно, производила различное впечатлѣніе на офицеровъ, которыхъ князь дѣлилъ въ этомъ отношеніи на категоріи. «Одни, говорить онъ, природные дворяне припомнили былую службу своего сословія, шли въ походъ охотно и служили, пока въ сердцахъ ихъ раздавался воспалительный крикъ: нашихъ бьютъ! другіе — помѣшники, кое-какъ вылѣзшіе изъ приказныхъ, да купившіе себѣ имѣнія, отлынивали отъ тяжелой службы подъ разными предлогами» Впрочемъ, князь приводитъ еще и другое подраздѣленіе. Въ его ополченіи были отставные офицеры, въ родѣ вышеупомянутаго екатерининскаго ополченца Богдановича, и затѣмъ молодежь — мелкіе канцелярскіе чиновники, которые еще не успѣли оподѣячиться. «Офицерскіе мундиры ихъ омоладечивали, говоритъ князь; не имѣя денегъ и не зная благородной игры въ карты, они, отчужденные отъ ополченцевъ-помѣщиковъ, приставали къ военно-служалцимъ и затѣмъ поступали въ кадры запасной дивизіи, образованной изъ латышей». Князь говоритъ, что многіе изъ этой молодежи впослѣдствіи сдѣлали военную карьеру. Что касается перехода по разоренной дорогѣ, то Шаховской старается доказать, что онъ и въ то время не встрѣчалъ затрудненія въ продовольствіи, въ которомъ населеніе отказывало французамъ.

Вообще, относительно 1812 года, князь высказываетъ тотъ взглядъ, что все окончилось благополучно, благодаря пламенной любви народа къ вѣрѣ, царю и отечеству.

¹⁾ Книгопродавецъ Рись встрѣтился съ Наполеономъ у Дорогомиловской заставы.

Поступивши подъ команду маркиза Паулучи, Шаховской былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, а затѣмъ формировалъ въ Ригѣ запасную дивизію, которую и отвелъ въ резервную армію, стоявшую въ Варшавѣ. Этимъ и кончились невоинственные подвиги князя Шаховскаго на полѣ брани. 1-го іюля 1813 года, онъ уже снова былъ въ Петербургѣ и вступилъ въ свою прежнюю должность репертуарнаго члена. Опять пошли постановки и сочиненія пьесъ, опять явился кружокъ пріятелей-литераторовъ (Крыловъ, Катенинъ, графъ П. С. Потемкинъ и другіе).

Переживши войну настоящую, князю пришлось перенести еще бурю литературную, которую онъ самъ поднялъ своею комедіей— «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», поставленной на сцену 23-го сентября 1815 года. Эта комедія имѣла успѣхъ необыкновенный и надолго удержалась въ репертуарѣ нашей сцены. Поклонники и друзья Шаховскаго всячески чествовали его и, послѣ перваго представленія, за ужиномъ у его родственниковъ Бакуниныхъ, на него возложенъ былъ лавровый вѣнокъ. Къ несчастію для себя, князь для своей комедіи взялъ типы изъ того общества, среди котораго самъ жилъ. Большая часть оригиналовъ его дѣйствующихъ лицъ могла присутствовать и дѣйствительно присутствовала въ театрѣ на первомъ представленіи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ героевъ комедіи, графъ Ольгинъ, Сосницкій, своею художественною игрой, безошибочно копировалъ великосвѣтскаго льва, графа Л. Старичка узнавали себя въ комичной фигурѣ барона Вальмира, и все это дало прекрасный поводъ къ негодованію, выставляя имя Жуковскаго, задѣтаго въ комедіи въ лицѣ балладника Фіалкина. Впрочемъ, самъ Жуковскій довольно добродушно и спокойно относился къ появившейся изъ-за него «Парнасской бурѣ». Зато свирѣпствовали его друзья и даже не друзья. Изъ-за той же бури возникъ и знаменитый «Арзамасъ», о коемъ считаемъ лишнимъ распространяться. Скажемъ только о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя сыпались на голову князя Шаховскаго.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ», изданіи Измайлова, напечатано было слѣдующее: «Клеонъ пишетъ трагедіи, комедіи, сатиры, водевили. Въ нѣкоторыхъ обществахъ его вѣнчаютъ лаврами, почитаютъ его гениемъ. Этотъ гений не что иное, какъ пошлый, безграмотный писатель, не учившійся ничему, не знающій начальной грамоты и сочиняющій плоскіе и водянистые стихи единственно по слуху и на-попадъ». Не лучше отдѣлывалъ Шаховскаго и Дм. В. Дашковъ въ своей арзамасской кантатѣ — «Посланіе къ Шутовскому». Тутъ было сказано, что

«Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ,
Въ «Вѣсткѣ» бордый усыпитель,
Хвостову братъ,
И врагъ талантовъ записной».

Объ успѣхахъ князя на сценѣ говорили, что

«Его величіе—не трубы—
Свистки гласятъ»...

И наконецъ, по поводу неудачной комедіи князя «Дебора», о которой ходила сплетня, будто ее сочинилъ не самъ Шаховской, а молодой драматическій писатель того времени, Л. Н. Неваховичъ, съ которымъ Шаховской одно время жилъ, Дашковъ пишетъ:

«Еврей мой сочинилъ Дебору,
А я ее списалъ.
Въ моихъ писаньяхъ много вздору,—
Кто-жъ ихъ читалъ?»

Не менѣе ожесточился и князь Вяземскій въ своихъ эпиграммахъ. По поводу все тѣхъ же «Липецкихъ водъ», прямой, удачной и серьезной комедіи, онъ припомнилъ всѣ прежнія неудачи автора. Такими неудачными произведеніями были переводъ «Китайской сироты» Вольтера и «Коварный», переводъ комедіи Грессе — *Le Méchant*. Вотъ что писалъ Вяземскій объ этихъ злополучныхъ произведеніяхъ:

«Вольтеръ насъ трогаетъ «Китайской сиротой»
И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ пѣни,
Но, слезы превративъ въ забаву, Шутовской
Китайскія представилъ тѣни.
Напрасно говорятъ, что грѣшника черты
Донесятъ намъ, какъ онъ раскаяннемъ измученъ:
Смотрите, какъ румянъ и тученъ убійца «сироты».
Когда, при свистѣ креслъ, партера и райка,
Соселъ со сцены твоей «Коварный»,
Вини себя, и впредь готовься не слегка;
Ты выбралъ для себя сюжетъ неблагодарный.
Тебѣ ли рисовать коварнаго портретъ?
Чистосердеченъ ты, въ тебѣ коварства нѣтъ;
И кто прочтетъ хоть разъ трудовъ твоихъ собранье,
Или послушаетъ тебя минуты съ двѣ,
Увидитъ, какъ насквозь, въ душѣ—вредить желанье
И неспособность въ головѣ».

Съ этого времени просто вошло къ привычку глумиться надъ Шаховскимъ. Воейковъ, въ своемъ «Парнасскомъ календарѣ» написалъ противъ имени князя Шаховскаго: «придворный дистилляторъ; составляетъ самый лучший опиумъ для придворнаго и общаго театровъ, имѣетъ привилегію поить имъ безъ вкуса и толка».

Впрочемъ, Шаховской былъ порадованъ и литературнымъ заступничествомъ. Выдвинутый имъ же М. Н. Загоскинъ написалъ «Комедію отъ комедіи», по поводу «Липецкихъ водъ», и эта комедія, будучи поставлена въ 1816 году, имѣла большой успѣхъ. Въ

это же время были опыты и болѣе серьезной критики все на тѣ же «Липецкія воды». Въ 1816 году, С. Т. Аксаковъ, тогда молодой человекъ и начинающій литераторъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и близко сошелся съ Державинимъ. «Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Державинимъ — рассказываетъ Аксаковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», я жестоко критиковалъ «Липецкія воды». Старикъ соглашался иногда съ моими замѣчаніями и даже посовѣтовалъ написать обстоятельный разборъ комедіи князя Шаховскаго. Я написалъ разборъ и прочелъ его Гаврилъ Романовичу въ присутствіи его домашнихъ и нѣкоторыхъ обыкновенныхъ его посѣтителей; хозяинъ былъ во многомъ одного мнѣнія со мной; но двое изъ гостей горячо заступились за Шаховскаго и, въ опроверженіе многихъ критическихъ замѣчаній, ссылались на комедію Загоскина — «Комедія отъ комедій». Къ сожалѣнію, эта критика Аксакова осталась подъ спудомъ, но самый фактъ ея написанія уже свидѣтельствуетъ, насколько силенъ былъ въ обществѣ интересъ къ комедіи Шаховскаго. Между тѣмъ, такъ воинственно настроенный противъ Шаховскаго, Аксаковъ тогда же принужденъ былъ познакомиться съ нимъ. Дѣло въ томъ, что Аксаковъ имѣлъ порученіе отъ своего московскаго друга, О. О. Кокошкина, поставить на петербургской сценѣ его переводъ Мольерова «Мизантропа». Шаховской, въ то время крайне не расположенный къ Кокошкину, принялъ его друга очень сухо и, отдѣлавшись отъ него какъ можно скорѣе, разразился цѣлой филиппикой. «Только что я вышелъ за дверь — говоритъ Аксаковъ, со словъ очевидца, актера Брянскаго, — Шаховской вскочилъ съ креселъ, хватилъ себя ладонью по лысинѣ — такъ выражались всегда его вспышки — забормоталъ, затрещалъ и запищалъ своимъ въ высшей степени фальшивымъ голосомъ: «этотъ дуракъ Кокошкинъ переложилъ несчастнаго Мольера и прислалъ къ намъ какого-то дурака изъ Москвы ставить свой переводъ. Этотъ Кокошкинъ, этотъ накрахмаленный галстухъ, который рта не умѣетъ разинуть по-человѣчески, хочетъ учить меня и всѣхъ петербургскихъ артистовъ. Да изъ этого надо водевилъ сдѣлать!» Репетиціи пошли очень неудачно и Шаховской, по поводу этого, высказался прямо: «пѣса не можетъ идти хорошо, но мой другъ Федоръ Федоровичъ самъ объ этомъ постарался. Я его очень люблю и уважаю, но вѣдь онъ немножко нелѣпъ; вѣдь онъ самъ испакостилъ «Мизантропа». Передѣлать совсѣмъ, какъ говорится, на русскіе нравы у него храбрости не хватило, а все-таки Альцеста перекроилъ въ Крутона, и Палату какую-то приплелъ, и русскую пѣсню, и вышелъ — Господи, прости ему его согрѣшеніе! — совершенный сумбуръ. Теперь эту пѣсу нельзя играть по французскимъ традиціямъ, а по русскимъ ее также нельзя играть: развѣ это русскіе люди? Это не люди, это Богъ знаетъ что такое, съ луны попадали. Ну, развѣ такъ кто-нибудь говорить:

«И словомъ, тотъ, кто другъ всего земного круга,
Того я не могу считать себѣ за друга!»

Въ приведенныхъ словахъ князя Шаховскаго много пониманья эстетической правды, и самъ Аксаковъ, по его словамъ, почувствовалъ эту правду тогда же.

Здѣсь мы коснемся кстати и другихъ литературныхъ отношеній Шаховскаго. Указанія на эти отношенія и литературныя связи его разбѣяны главнымъ образомъ въ перепискѣ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался. Изъ такихъ лицъ наше вниманіе останавливаетъ Батюшковъ. Нѣсколько писемъ его къ Гнѣдичу относятся ко времени 1809 года. Надо сказать, что Гнѣдичъ, равно какъ и Крыловъ, находились въ это время на особомъ попеченіи дома Оленина, этого очага російскаго классицизма, съ которымъ, впрочемъ, Шаховской уже пошелъ въ разладъ и очевидно искалъ другихъ путей для русской драматической поэзіи, такъ какъ еще въ 1808 году поставилъ свою комедію «Полубарскія затѣи». Отрывокъ этого, далеко не лишеннаго достоинствъ, произведенія еще недавно фигурировалъ на страницахъ «Хрестоматіи» Галахова, въ поученіе нашему юношеству, но въ послѣднихъ изданіяхъ этого «Пантеона російской словесности» упомянутый отрывокъ уже выпущенъ.

Итакъ, въ 1809 году, Шаховской уже не пользовался симпатіями дома Оленина и, по всей вѣроятности, и Гнѣдича, что и подтверждается письмомъ Батюшкова къ послѣднему. Батюшковъ, изъ своего далека, какъ видно, не зналъ о всѣхъ передвиженіяхъ по службѣ на Парнасѣ. Сначала онъ очень дружелюбно спрашиваетъ о Шаховскомъ, вспоминая его въ числѣ прочихъ знакомыхъ и близкихъ людей. Мѣсяца черезъ два, тонъ его письма, по отношенію къ Шаховскому, существенно измѣняется. «Кстати спрошу тебя, пишетъ Батюшковъ, что хорошаго написалъ Шаховской? Вотъ еще чудакъ не изъ послѣднихъ! Какъ онъ выхвалялъ меня въ глаза! такъ что стыдно было за себя. Какъ онъ бранить меня, чай, за глаза,—такъ что стыдно за него!» Очевидно, что это вызвано письмомъ самого Гнѣдича къ Батюшкову, но въ чемъ дѣло—мы сказать не можемъ, не имѣя писемъ самого Гнѣдича, который, въ то же самое время, не стѣснялся сотрудничать съ княземъ Шаховскимъ по переводу Вольтеровой «Заирѣ». Впрочемъ, въ началѣ своей карьеры, онъ не задумался написать посланіе даже Хвостову... Наше же предположеніе, что именно Гнѣдичъ былъ причиною охлажденія Батюшкова къ Шаховскому, подтверждается другимъ письмомъ изъ Вологды, писаннымъ мѣсяць спустя Батюшковымъ опять къ тому же Гнѣдичу: «ты хочешь, чтобы я бросилъ Шаховскаго? Не много-ли это? Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона и Паллисота? Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу».

«Липецкія воды» окончательно вооружаютъ Батюшкова противъ Шаховскаго, хотя, живя вдали отъ парнасской битвы, онъ не могъ

особенно горячиться. Если шесть лѣтъ тому назадъ Батюшковъ ждалъ чего нибудь отъ Шаховскаго, то теперь онъ отрицаетъ въ немъ всякій талантъ; въ письмѣ къ Жуковскому изъ Каменца, онъ иронически называетъ Шаховскаго Аристофаномъ, а по поводу «Липецкихъ водъ» говоритъ слѣдующее: «лучшій нашъ союзникъ— время—сложетъ Аристофана съ его драматургіей. До сихъ поръ, кромѣ водевиля «Казакъ-стихотворецъ», я ничего хорошаго изъ его произведеній не знаю, а написано много. Ожидаю еще новаго облегченія комедіями, оперетами, драмами и водевилями; все вмѣстѣ прочитаю однимъ духомъ».

Какъ видите, этотъ отзывъ уже далекъ отъ того интереса, съ какимъ Батюшковъ спрашивалъ Гнѣдича, не пишетъ ли Шаховской чего новаго.

Нѣсколько иначе относился къ Шаховскому другой нашъ поэтъ, Пушкинъ. Онъ, какъ видно, уже не такъ горячился и цѣтушился изъ-за арзамасскихъ традицій, какъ, напримѣръ, его дядюшка Василий Львовичъ. Сыпавшій эпиграммы направо и налево, не останавливаясь ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, Пушкинъ почему-то щадилъ князя Фальстафа, казалось самимъ Богомъ созданнаго служить мишенью всеобщаго остроумія, а иногда просто насмѣшекъ самаго обиднаго свойства. Александръ же Сергѣевичъ запечатлѣлъ его память драматурга въ потомствѣ своимъ стихомъ въ Онѣгинѣ:

«Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой».

Кто знаетъ, быть можетъ эти два стиха только и держатъ на свѣтѣ память о Шаховскомъ, самыя комедіи котораго совсѣмъ забыты.

Нѣкоторыя письма Пушкина къ князю Вяземскому бросаютъ свѣтъ на отношенія Пушкина къ Шаховскому. Прежде всего, нужно замѣтить, что литературное оплеваніе Шаховскаго послѣ «Липецкихъ водъ» Пушкинъ, очевидно, ничѣмъ серьезнымъ не считалъ, между тѣмъ какъ различные Вигели видѣли въ парнасской войнѣ что-то въ родѣ крестовыхъ походовъ за поправленіе художественныхъ принциповъ. Въ письмѣ къ князю Вяземскому, 1811 года, онъ путя называетъ его грозой всѣхъ князей на Ш. (Шаховской, Шихматовъ, Шаликовъ). Въ 1823-мъ году Пушкинъ пишетъ тому же Вяземскому: «Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ мою миролюбивую душу».

Семь лѣтъ спустя, когда Шаховской вернулся въ Петербургъ, Пушкинъ блисталъ уже во всемъ разсвѣтѣ своей поэтической силы, оказывалъ Шаховскому всевозможное вниманіе и считалъ интереснымъ и полезнымъ втянуть его въ кружокъ возникавшаго тогда Пушкинскаго «Современника». Тутъ Шаховской попадаетъ даже на вечеръ къ Жуковскому и читаетъ своихъ «Смолянъ», въ

присутствіи Пушкина, Гнѣдича и Крылова. Расположеніе Пушкина къ князю Шаховскому шло издавна. По свидѣтельствѣ А. М. Каратыгиной, согласному съ вышеприведенными стихами изъ Онѣигна, Шаховской и его пріятели—Катенинъ, Грибоѣдовъ, Жандръ ласкали талантливаго юношу, но относились къ нему, какъ старшіе къ младшему. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ относился Пушкинъ къ Катенину; этотъ послѣдній признавалъ авторитетъ и талантъ Шаховскаго даже и тогда, когда пострадалъ отъ той театральной партіи, во главѣ которой стояли Милорадовичъ и Шаховской. Въ 1822 году, Катенинъ былъ высланъ изъ Петербурга за театральную исторію. Описывая эту исторію, А. Е. Измаиловъ, въ письмѣ къ И. Ив. Дмитріеву, говоритъ такъ: «Милорадовичъ во всемъ слушается директора театровъ Майкова, Майковъ—Шаховскаго, а Шаховской актрису Ежову». Въ письмѣ самого Катенина мы не находимъ указаній на происки Шаховскаго въ этомъ дѣлѣ. Вѣроятно, «рыцарь безъ страха и упрека» могъ вскипѣть изъ-за актрисы-протезе и безъ особыхъ чьихъ либо внушеній. Уже въ 1828 году Катенинъ пишетъ Пушкину: «Встрѣчаешься ли ты съ Шаховскимъ? Что онъ дѣлаетъ? Каковъ тебѣ кажется его «Аристофанъ»? По мнѣ, въ немъ много вещей умныхъ и хорошихъ, но зачѣмъ нашъ князь пускается въ педанство? Право, совѣстно за него». Педанство это Катенинъ видитъ въ новомъ театральномъ уставѣ, сочиненномъ Шаховскимъ. Отзывъ Катенина объ этомъ уставѣ мы приведемъ ниже.

Перейдемъ теперь къ краткому обзору отношеній Шаховскаго къ Грибоѣдову. Знаменателенъ тотъ фактъ, что Грибоѣдовъ сошелся съ княземъ не только еще до разсвѣта своей блестящей литературной славы, но даже до первыхъ попытокъ на этомъ поприщѣ. Познакомились они въ 1814 году, въ Польшѣ, во время службы въ арміи и Шаховскаго, и Грибоѣдова. Біографы Грибоѣдова признаютъ за Шаховскимъ честь перваго толчка, даннаго нозабвенному автору «Горе отъ ума». По приѣздѣ въ Петербургъ, Грибоѣдовъ со всѣмъ жаромъ увлекся театромъ. Ему при этомъ предстояло пристать къ одному изъ кружковъ, группировавшихся около театра. Въ этихъ кружкахъ получали свое развитіе и направленіе и артисты, и драматическіе писатели. Двумя звѣздами театральнаго міра были тогда оракулы драматическаго искусства—Катенинъ и Шаховской, соперники и средоточія двухъ кружковъ, относившихся другъ къ другу почти враждебно и исключительно. Грибоѣдовъ, съ его острымъ и чуткимъ умомъ, хорошо понималъ, что Парнасъ россійской словесности слишкомъ малочисленъ, чтобы еще дробиться по направленіямъ, и, не приставаая ни къ какому кружку, былъ хорошъ и съ Шаховскимъ, и съ Катенинымъ, собирая свое отовсюду, гдѣ его находилъ. Онъ позволялъ себѣ трудить надъ чрезмѣрною набожностью князя Шаховскаго, признавъ

которой онъ вѣчно носилъ на себѣ, въ видѣ мозоли на лбу отъ усиленныхъ земныхъ поклоновъ, но цѣнилъ въ немъ необыкновенное знаніе сцены и солидное знакомство съ иностранной драматической литературой, а также его умѣнье разобрать актера. Грибоѣдовъ понималъ, что ему есть что перенять у князя-Фальстафа, а потому не пренебрегалъ его знакомствомъ. Подъ вліяніемъ Шаховскаго, Грибоѣдовъ написалъ комедію «Молодые супруги», и затѣмъ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Жандромъ и Хмѣльницкимъ, перевелъ комедію Барта «Притворная невѣрность», и принялъ участіе въ комедіи «Своя семья». Насколько Грибоѣдовъ умѣлъ лавировать среди непримиримыхъ литературныхъ самолюбіи, достаточно говорить письмо его къ Катенину, по поводу уже напечатаннаго «Горе отъ ума». — «Вообще я ни передъ кѣмъ не тайлся—пишетъ онъ—и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ), что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью своего дарованія, если оно есть». Видѣть всѣ эти имена рядомъ и даже въ качествѣ конфиденентовъ одного и того же лица, да еще свѣтила нашей словесности и глубокаго знатока сердца человѣческаго—болѣе чѣмъ странно. Особенно удивляешься, встрѣчая здѣсь и Булгарина, котораго Шаховской, наприимѣръ, положительно не терпѣлъ и глубоко презиралъ, за то именно, что Булгаринъ печатно глумился надъ нимъ, а въ глаза льстилъ безсовѣстно.

Излагая здѣсь литературныя отношенія князя Шаховскаго, мы нѣсколько ушли впередъ, а потому, возвращаясь къ его біографіи, скажемъ, что въ августѣ 1818 года, князь, по несогласіямъ съ директоромъ театровъ, княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку; но уже при новомъ директорѣ, А. А. Майковѣ, въ 1822 году, снова былъ назначенъ сначала преподавателемъ театральнаго училища, а затѣмъ членомъ особаго театральнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича, съ которымъ онъ былъ очень близокъ до самой его трагической смерти на Сенатской площади въ 1825 году. Тутъ Шаховской составилъ новый театральныя уставъ и новые штаты, которые и были утверждены 3-го мая 1825 года.

Этотъ уставъ произвелъ на современниковъ, надо сказать, впечатлѣніе неблагопріятное. Катенинъ, наприимѣръ, писалъ по этому поводу Пушкину: «Случалось ли тебѣ видѣть новое театральное учрежденіе? Оно достойно стать рядомъ съ новымъ цензурнымъ уставомъ; кажется, нарочно для того сочинено, чтобы всѣхъ до послѣдняго отвадить писать для театра; за себя ручаюсь. О варвары, полотеры придворные, враги всего русскаго и всего хорошаго».

Въ это же время князь по-прежнему усердно обучалъ юныхъ артистовъ и артистокъ. Даже лѣтомъ, проживая за Екатеринго-

фомъ на дачѣ барона Раля, онъ постоянно занимался съ воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища, которые жили на той же дачѣ. Сюда часто прїѣзжали его петербургскіе друзья и въ особенности графъ Милорадовичъ. Бывшій въ то время ученикомъ театральнаго училища П. А. Каратыгинъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ нѣкоторые петербуржцы въ подзорные трубки наблюдали за будущими великолѣпными сюжетами русской сцены, когда тѣ гуляли въ саду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шаховской тогда же именно отдѣлывалъ излюбленное дѣтище свое, комедію «Аристофанъ»,—произведеніе дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное. Онъ читалъ отрывки изъ нея въ засѣданіи Россійской Академіи 6-го января 1823 года. Извѣстный издатель «Благонамѣреннаго», А. Е. Измайловъ, писалъ по этому поводу Дмитріеву: «сколько могъ разслышать стихи очень хороши и по крайней мѣрѣ плавны».

II.

Смерть графа Милорадовича, второй выходъ въ отставку и переездъ въ Москву.—Театральный кружокъ Кокошкина, Загоскина, Писарева и Аксакова.—Воспоминанія Аксакова; набожность, труды для московскаго театра и постановка пьесъ.—Неизданная комедія «Игроки»; Шаховской о Шекспирѣ.—Переездъ въ Петербургъ и процессъ съ Пассеками.—Примиреніе съ друзьями Вяземскаго и Жуковскаго.—Θ. В. Булгаринъ.—Возвращеніе въ Москву и поѣздка въ Харьковское имѣніе.—Смерть.—Неизданное письмо князя Шаховскаго къ князю Мещерскому; дебаты съ пасторомъ и іезуитомъ; польскій вопросъ; Петръ Великій; французская революція; романтизмъ о Байронѣ.

Послѣ смерти графа Милорадовича и особенно въ новое царствованіе, значеніе Шаховскаго въ театральномъ мірѣ пошатнулось. 23-го января 1826 года, Шаховской снова вышелъ въ отставку и уже болѣе не возвращался на службу, хотя до конца дней своихъ не оставлялъ служенія театру. Онъ по-прежнему писалъ для бенефисовъ, ставилъ пьесы, училъ актеровъ, и все это съ малой выгодой для себя. Какъ сообщаетъ Зотовъ, перечислившій 80 пьесъ князя Шаховскаго, изъ нихъ только шесть были проданы въ дирекцію и за нихъ получено около 3,000 рублей. Все же остальное шло на бенефисы. Только бенефисы Е. И. Ежовой приносили семьѣ князя доходъ, но и то лишь благодаря стараніямъ самой Ежовой.

По выходѣ въ отставку, Шаховской прожилъ конецъ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ, въ кругу театраловъ—Кокошкина, Загоскина, талантливаго водевилиста Писарева и С. Т. Аксакова. Мы рассказывали выше, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ воз-

никло первое знакомство Шаховскаго съ Аксаковымъ. Аксаковъ съ юныхъ лѣтъ, преимущественно со словъ петербуржцевъ, составилъ себѣ самое невыгодное мнѣніе о Шаховскомъ. Между тѣмъ, Шаховской, переѣхавъ въ Москву, сразу сблизился съ Кокоскинымъ, Писаревымъ и Загоскинымъ, которые всѣ были дружны съ Аксаковымъ, почему этому послѣднему неизбежно было встрѣтиться съ Шаховскимъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Аксаковъ: «При первой встрѣчѣ у Кокоскина, онъ, какъ хозяинъ, долженъ былъ познакомить насъ съ Шаховскимъ. Не упоминая о нашей прежней довольно близкой встрѣчѣ, мы отрекомендовались другъ другу, какъ люди, которые видятся въ первый разъ въ жизни. Шаховской вписалъ было въ меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность укоротили его немолкаемый языкъ и онъ долженъ былъ оставить меня въ покоѣ. При слѣдующемъ свиданіи вторичная попытка князя Шаховскаго сблизиться со мной также была неудачна. Я упряился, хотя видѣлъ, что такое положеніе огорчало всѣхъ моихъ пріятелей, что оно нарушало согласный строй дружескихъ собраній всего нашего круга. Шаховской приставалъ съ распросами къ Кокоскину, Загоскину и Писареву: что значить мое отчужденіе? и они были въ затрудненіи, что отвѣчать на такіе вопросы. Наконецъ, Писаревъ рѣшился поступить прямо и откровенно; онъ сказалъ Шаховскому, что я, наслышавшись много дурнаго о немъ, не хочу съ нимъ войти въ пріятельскія отношенія. Шаховской огорчился и въ свою очередь поступилъ также прямо: онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ и рассказалъ мнѣ искренно и добродушно всю исторію своей службы при петербургскомъ театрѣ; рассказалъ мнѣ нѣсколько такихъ обвиненій противъ него, какихъ я не зналъ, и, опровергнувъ многое положительно, заставилъ меня усумниться въ томъ, чего опровергнуть доказательствами не могъ. Я былъ побѣжденъ, протянулъ руку Шаховскому — и не имѣлъ причины раскаиваться. Съ каждымъ днемъ, узнавая короче этого добродушнаго, горячаго до смѣшнаго самозабвенія и замѣчательно талантливаго человѣка, я убѣдился вполнѣ, что одну половину обвиненій онъ наговорилъ и наклеветалъ самъ на себя, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы петербургскаго театральнаго міра, оскорбленнаго, раздраженнаго нововведеніями князя Шаховскаго».

Въ преисполненныхъ интереса своихъ литературныхъ воспоминаній Аксаковъ яркими штрихами рисуеъ намъ многія типичныя черты князя Шаховскаго. Въ характерномъ эпизодѣ онъ говорить, между прочимъ, и о набожности князя, набожности, подававшей въ свое время нерѣдко поводъ трунить надъ нимъ и даже обвинять его въ ханжествѣ. Слѣдующій рассказъ Аксакова вполнѣ опровергаетъ такое обвиненіе.

Разъ какъ-то, Аксаковъ, Загоскинъ, Кокоскинъ и Писаревъ

играли у князя въ карты. «Заигрались мы—говорить Аксаковъ— часовъ до двухъ утра. Простившись съ хозяиномъ, мы разъѣхались въ разныя стороны; со мной былъ Писаревъ. Недалеко отѣхавъ, я вспомнилъ, что забылъ у Шаховскаго въ кабинетъ нужную мнѣ книгу и воротился; по обыкновенію, никого не нашелъ въ лакейской, а также въ залѣ; заглянулъ къ хозяину въ кабинетъ и увидѣлъ, что онъ буквально лежитъ въ растяжку, шепчетъ молитву и стучаетъ лбомъ объ полъ. Я не захотѣлъ его встревожить, безъ книги воротился къ Писареву и сказалъ ему, что онъ совершенно правъ насчетъ коричневаго пятна». Писаревъ еще раньше говорилъ Аксакову, что Шаховской набилъ себѣ лобъ поклонами.

Въ кругу страстныхъ любителей театра, Шаховской трудился для московской сцены не меньше, если не больше, чѣмъ для петербургской. Надо замѣтить, что съ 1823 года на московской сценѣ игралъ М. С. Щепкинъ, воспитавшій свое дарованіе въ кружкѣ Загоскина, Писарева и Шаховскаго. Тогда же игралъ и Мочаловъ, но, къ сожалѣнію, этотъ высокій талантъ не поддавался никакой обработкѣ и игралъ однимъ художественнымъ чутьемъ. Онъ признавалъ авторитетъ Шаховскаго, но какъ-то странно; онъ боялся его, и зная, что въ театрѣ сидитъ Шаховской, «старался», какъ передаетъ Аксаковъ, но изъ этого старанья выходила только самая неестественная игра. Служа актерамъ своими совѣтами и руководя ихъ, Шаховской, кромѣ того, какъ и прежде, писалъ для бенефисовъ. Стоило только актеру попросить его и онъ спѣшилъ написать новую пьесу, что, конечно, отражалось пагубно на самыхъ пьесахъ, которыя спасались отъ полного паденія только благодаря умѣнью князя ставить пьесы. Постановкѣ пьесъ Шаховской всегда предавался со страстью. «Весь проникнутый любовью къ искусству, говорить Аксаковъ,—не чувствуя ни жара, ни холода, не видя окружающихъ его людей, ничего не помня, кромѣ репетируемой пьесы, никого не зная, кромѣ представляемаго лица,—Шаховской часто былъ великолѣпнѣе, не смотря на свою смѣшную толстую фигуру, свой длинный птичій носъ, визгливый голосъ и картавое произношеніе». Объ одной такой репетиціи Аксаковъ рассказываетъ очень подробно. На нѣсколько спектаклей въ Москву пріѣхала Ежова и ради ея Шаховской вздумалъ поставить свою оперету «Любовная почта», въ которой, по его мнѣнію, Ежова была неподобна. Между тѣмъ, репетиція шла вяло и актеры плохо знали свои роли. Шаховской вскакивалъ съ своихъ креселъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому актеру или актрисѣ, стараясь ласкою, шуткою и собственнымъ одушевленіемъ оживить, поднять тонъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, одному говорилъ онъ: «Василій Петровичъ, ты, кажется, усталъ; вѣрно, позавтракалъ, а теперь хочешь уснуть; вѣдь ты не слышалъ, что тебѣ сказалъ Федоръ Антоновичъ? Вѣдь онъ тебя обидѣлъ, а ты не сердишься»... Тутъ

князь начиналъ повторять прекрасную рѣчь Василя Петровича, немилосердно коверкая и совершенно перевирая слова собственной своей пьесы. Молодая актриса, игравшая главную роль, говорила съ спокойнымъ видомъ о своемъ весьма затруднительномъ положеніи. Шаховской вспыхнулъ. «Душенька, закричалъ онъ, — ну какъ же тебѣ не стыдно! Вѣдь тебѣ совсѣмъ не жалъ человѣка, который тебя любитъ. Ты, вѣрно, забыла о немъ и думать, что отвѣчаешь урокъ своей мадамъ (актриса была изъ театальной школы). А ты вообрази, что это NN». И князь назвалъ по имени человѣка, къ которому, какъ думали, была равнодушна молодая актриса. Игрой самой Ежовой онъ тоже былъ недоволенъ и тихо бормоталъ, что не узнаетъ ее. Вдругъ пришла сцена, въ которой Ежова должна была пѣть длинную арію. Актриса нѣсколько разъ ошибалась. Шаховской, сидя въ креслахъ, только кланялся ей при всякой ошибкѣ. Онъ молчалъ, но лицо его выражало такую комическую скорбь, что по-истинѣ было и жалко, и смѣшно смотрѣть на него. Ежова видимо сконфузилась наружнымъ спокойствіемъ князя, зная, что эта тишина передъ бурей, забыла роль и, когда пришлось ей пѣть, запѣла стихи изъ другой оперы. Князь незамѣтно сползъ съ своихъ креселъ, сталъ на колѣни и повалился ей въ ноги. Репетиція остановилась. Шаховской долго не измѣнялъ своего положенія, бормоча самымъ жалобнымъ голосомъ: «Господи, за что ты меня наказуешь? Благодарю, матушка Катерина Ивановна! И вдругъ вскочивъ съ бѣшенствомъ разъяренного тигра, завопилъ дикимъ, не человѣческимъ, какимъ-то канибаловскимъ голосомъ: «такъ это свои-то, свои-то? сначала, до завтра сначала!» Это наконецъ становилось не смѣшно. На сценѣ было холодно; всѣ были въ шубахъ, шляпахъ или шапкахъ. Шаховской въ одномъ фракѣ, съ открытой головой; лицо его горѣло; слезы и потъ катились по щекамъ и паръ стоялъ надъ его лысиной. Тогда мы всѣ бросились къ нему, стараясь его успокоить — и какъ легко это было! Въ одну минуту прошло его бѣшенство, онъ просилъ прощенія у всѣхъ, и самъ первый смѣялся надъ своими выходками. Никто не сердился, охотно простили авторскую горячность, возобновили репетицію сначала и она сошла гораздо лучше. Одна Катерина Ивановна не простила и цѣлый день язвила своимъ неумолимымъ языкомъ смирнаго, уже, какъ овечка, жалкаго князя Шаховскаго».

Среди такой жизни, вѣчно наполненной не тѣмъ, такъ другимъ, Шаховской все-таки находилъ время для работы надъ такими произведеніями, въ которыхъ онъ хотѣлъ провести въ драматическое искусство что-то новое и непремѣнно самобытное русское, создать что нибудь посерьезнѣе, чѣмъ тѣ бенефисныя бездѣлушки, которыя онъ писалъ по просьбѣ актеровъ. Такое стремленіе замѣтно въ Шаховскомъ уже нѣсколько раньше, и въ письмѣ

своємъ къ князю Одоевскому, еще въ 1823 году, онъ высказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Успѣвши нѣсколько въ старомъ или обыкновенномъ, я ищу для нашего театра если не совсѣмъ новаго — полагая, что новаго давно уже нѣтъ на свѣтѣ — то крайней мѣрѣ не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрой, шитыми кафтанамъ и красными каблукъ изъ Парижа. Я хочу своими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше меня дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы, и даже къ созданію своего собственнаго театра».

Все это написано Шаховскимъ по поводу его драмы: «Соколы князя Ярослава Тверского». «Въ этой пьесѣ — говорить онъ дальше — я сдѣлалъ опыты русскаго размѣра; кажется, онъ мнѣ удался, и публика приняла хорошо этотъ опытъ руссизма, которымъ, однако же, нельзя много писать, чтобы не впасть въ заунывный напѣвъ». Опасенія Шаховскаго были не напрасны: заунывный напѣвъ «Сокола» дѣлаетъ эту драму невыносимо скучной. Намъ кажется, онъ былъ гораздо ближе къ своей цѣли — отыскать для нашего театра «не столь условное, какъ драматическія подражанія», когда писалъ въ Москвѣ свою неизданную комедію «Игроки». Вотъ что рассказываетъ Аксаковъ по поводу чтенія этой комедіи самимъ авторомъ. Слушать чтеніе Шаховскаго было не легко. Обыкновенно онъ самъ начиналъ читать пьесу, чтобы дать тонъ, а затѣмъ передавалъ Кокоскину или Аксакову (самъ онъ шепелявилъ, такъ что трудно было подѣчать и разобрать его). Но, конечно, пьеса въ такихъ случаяхъ бывала переписана на-чисто. На этотъ разъ (это было у Кокоскина въ деревнѣ) Шаховской принесъ кучу перемаранныхъ листовъ, — значить, онъ хотѣлъ читать самъ. Шаховской однако завѣрилъ, что первый актъ онъ самъ переписалъ, а дальше какъ нибудь разберетъ. Но и первый актъ былъ похожъ на черновой набросокъ. Князь плохо разбиралъ, заикался, плевалъ, перевиралъ фразы и слова. вмѣсто «другъ мой», читалъ — «трупъ мой»; вмѣсто «я отплачу тебѣ — «я поплачу по тебѣ», и, наконецъ, разсердился на себя. «Ну, скажите, лады Бога, вопилъ онъ, есть ли въ Россіи какой нибудь сапожникъ, какой нибудь подлець, котолый бы такъ писалъ какъ я? Ну, да я поступаюсь тепель». Шаховской началъ стараться, но какъ-то поперхнулся и задохся. Попробовалъ читать Аксаковъ, но не было возможности: грубѣйшія ошибки, отсутствіе знаковъ препинанія, почеркъ, напоминающій извѣстную поговорку о курицѣ, которая ходила по бумагѣ — все это заставило Аксакова отказаться отъ чтенія. Князь сдѣлалъ гримасу и сталъ читать самъ. Не разбирая фамилій, онъ называлъ фамиліи своихъ знакомыхъ. Хототали друзья, хототалъ надъ собою и самъ авторъ. Кончился первый актъ. Хотѣли заговорить князя и петербургскимъ театромъ, и

Шекспиромъ, о которомъ князь никогда не могъ достаточно наговориться—напрасно: онъ принялся за второй актъ. Но тутъ онъ уже не могъ подобрать даже страницу къ страницѣ и рѣшилъ разсказать только интригу. Интрига состояла въ томъ, что на ярмарку пріѣхали мошенники-игроки, съ цѣлю обыграть какихъ-то богатыхъ графовъ и князей. Игроки ихъ обыгрываютъ, но ссорятся между собою и изобличаютъ другъ друга въ различныхъ плутняхъ. Молодые графы и князя прощаютъ ихъ и отпускаютъ съ миромъ. Покончивъ и съ чтеніемъ, и съ интригой, князь спросилъ у друзей ихъ мнѣнія. Друзья отозвались о пьесѣ рѣзко, быть можетъ—прежде всего измученные ея чтеніемъ. Характернѣе всего, для своего времени, отзывъ о ней Аксакова: «я откровенно сказалъ князю, говорить онъ, что считаю оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ картахъ. Я не почувствовалъ тогда гоголевскихъ «Игроковъ».—Обезкураженный авторъ, къ сожалѣнію, бросилъ пьесу, хотя прологъ ея гдѣ-то напечатанъ.

Таковы были художественныя тенденціи просвѣщенныхъ людей того времени. Лучше ихъ понималъ будущее русской сцены Шаховской, всегда искавшій опоры въ своей борьбѣ съ ложно-классической теоріей въ авторитетѣ гениальнаго Шекспира, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Мы позволимъ себѣ взять у Аксакова еще одинъ уморительный анекдотъ, передаваемый имъ по этому поводу. Шаховской частенько любилъ поиграть въ карты со своими московскими друзьями, но случалось часто, что прежде, чѣмъ сѣсть за карточный столъ, князь любилъ прочесть свое только-что написанное произведеніе, хотя это всегда было пыткой и для автора, и для слушателей, какъ это мы видѣли выше. «Бѣжали мы, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ,—то есть я, Кокошкинъ, Загошкинъ и Писаревъ, на вечеръ къ Шаховскому. Вдругъ Загошкинъ и говорить: надоѣлъ мнѣ Шаховской своими стихами! опять что нибудь будетъ читать. Я придумалъ вотъ что: какъ пріѣдемъ, я заведу съ нимъ споръ. Скажу, что прочелъ сегодня «Кумушекъ» Шекспира и начну ихъ бранить; скажу, что Шекспиръ—скотина животное; Шаховской взбѣсится—и пройдетъ время. Мы охотно согласились. Пріѣхавъ къ князю, мы нашли у него Щепкина и еще кого-то изъ нашего круга. Загошкинъ повелъ атаку, но не искусно, такъ что Шаховской замѣтилъ его намѣреніе и хладнокровно началъ подсмѣиваться надъ Загошкинымъ; сказалъ, что съ малолѣтними и малоумными о Шекспирѣ не говорятъ; что вся русская литература, въ сравненіи съ англійской, гроша не стоитъ и что такому отсталому народишку, какъ русскій, надобно еще долго жить и многому поучиться, чтобы понимать и цѣнить Шекспира. Тутъ уже изъ себя вышелъ Загошкинъ, и его насилу уняли друзья и самъ Шаховской. Подъ

видомъ шутки, князь высказалъ здѣсь очень серьезный и довольно глубокий взглядъ свой на геній Шекспира».

Между тѣмъ, Шаховскому пришлось проститься съ Москвою и дорогимъ ему литературно-артистическимъ кружкомъ. Личныя дѣла требовали его присутствія въ Петербургѣ, гдѣ онъ и прожилъ тридцатые года. Дѣло въ томъ, что семейство князей Шаховскихъ имѣло долгій процессъ за имѣніе съ графиней Булгари, и наконецъ, Шаховскіе выиграли его. Но вслѣдъ затѣмъ на то же помѣстье предъявило свои права семейство Пассекъ, изъ котораго происходила и мать князя Александра Александровича, и Шаховскіе принуждены были уступить Пассекамъ половину имѣнія, находившагося въ Харьковской губерніи и уѣздѣ, при селѣ Рогань. Въ концѣ концовъ, и князь Александръ Александровичъ получилъ на свою долю часть изъ этого имѣнія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1830 году, Шаховской писалъ къ Аксакову. Изъ этого письма его можно видѣть, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ отсталымъ отъ событій и, какъ чловѣкъ другой эпохи, не въ состояніи схватить духа новыхъ порядковъ и потому боится во что нибудь вмѣшаться, а предпочитаетъ сидѣть у моря и ждать погоды. Вообще, онъ видитъ, что время его прошло, и что его, князя А. А. Шаховскаго, уже ни къ чему не призовутъ. Тѣмъ не менѣе его самолюбіе польщено совсѣмъ новымъ для него отношеніемъ къ нему литературныхъ кружковъ. Онъ примиряется съ Жуковскимъ, читаетъ у него на вечерѣ своихъ «Смолянъ». Пушкинъ любезенъ съ нимъ, предлагаетъ ему участвовать въ затѣваемомъ имъ журналѣ. Но онъ все-таки съ недовѣріемъ относится «къ друзьямъ Вяземскаго». Видя такое вниманіе къ себѣ со стороны писателей—именъ славныхъ, князь съ другой стороны встрѣчаетъ невыносимую ругань, которою осыпаетъ его Булгаринъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ». Нападки эти его раздражаютъ и, когда тотъ же Булгаринъ подходитъ къ нему въ театрѣ съ комплиментами, князь рѣзко обрываетъ его. Случай этотъ, помимо письма Шаховскаго къ Аксакову, переданъ и г. Смирновымъ въ его «Воспоминаніяхъ». Дѣло происходило въ декабрѣ 1830 года, на первомъ представленіи драмы Шаховскаго «Рославлевъ». Успѣхъ былъ полный и князь, окруженный своими пріятелями, сидѣлъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Подошелъ и Булгаринъ, съ обычными комплиментами и заигрываньями. Но Шаховскій вскипѣлъ и сказалъ: «вотъ видите-ли вы, здѣсь все мои друзья. Для каждого добраго чловѣка въ домѣ моемъ открыта дверь во всякое время, а для двуличныхъ и неблагонамѣренныхъ людей у меня въ передней въ углу всегда стоитъ камышевая палка. Понимайте, какъ знаете».

Къ этому же времени относится письмо князя къ Загоскину, отрывокъ изъ котораго приведенъ Аксаковымъ въ біографіи Загоскина. Въ этомъ письмѣ князь тоже пишетъ о своихъ свиданіяхъ

«съ первоклассными писателями», а главное о томъ восторгѣ, въ какой привелъ ихъ романъ Загоскина «Юрій Милославскій». Жуковский прочелъ всѣ три тома его за одну ночь, въ одинъ присѣсть. Такое же впечатлѣніе произвелъ романъ и на Пушкина. Самъ Шаховской тоже принялся въ это время писать романъ въ духѣ Вальтеръ-Скотта, но судьба этого романа неизвѣстна. Появилась только, въ изданіи Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ», повѣсть князя Шаховскаго «Малороссійская Сафо».

Такимъ образомъ, и въ этотъ періодъ своей петербургской жизни Шаховской окружилъ себя снова артистами и литераторами и даже сблизился съ бывшими своими врагами по «Арзамасу». Въ 1840 году, онъ опять переѣхалъ въ Москву и поселился у родственника и друга своего М. М. Бакунина. Даже въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, князь не оставлялъ литературныхъ трудовъ и сдѣлался сотрудникомъ «Репертура и Пантеона», въ которомъ помѣстилъ свою «Лѣтопись русскаго театра» и «Обзоръ русской драматической словесности», который удостоился рѣзкой критики Бѣлинскаго.

Въ 1845 году, князь попытался пожить и въ новомъ своемъ владѣніи—харьковскомъ имѣніи Рогани, лежащемъ въ 18-ти верстахъ отъ Харькова. Здѣсь онъ перезнакомился со всею мѣстной знатью и особенно заинтересовался личностью тогдашняго харьковскаго архіепископа, знаменитаго Иннокентія, съ которымъ часто бесѣдовалъ.

Въ 1846 году, князь вернулся въ Москву уже совершенно опустившимся старикомъ. Послѣ осмидневной болѣзни, онъ скончался 22-го января того же года и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Всѣ свои рукописи, переписку и права на изданія онъ завѣщалъ Павлѣ Михайловнѣ Бакуниной. Бумаги эти лежатъ подспудомъ, и потому-то предлагаемый нами краткій біографическій очеркъ жизни князя Александра Александровича столь бѣденъ фактами. Фактовъ этихъ слишкомъ недостаточно, чтобы освѣтить надлежащимъ образомъ и выяснить вполне жизненный типъ князя Шаховскаго и тѣмъ болѣе его внутренній міръ. Только собственныя письма его и вообще переписка могли бы помочь въ этомъ случаѣ и способствовать правильному пониманію и оцѣнкѣ какъ его отношеній къ людямъ и дѣлу, которому онъ служилъ всю жизнь, такъ и самыхъ его произведеній.

Поэтому, мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ ниже въ извлеченіи письмо князя Шаховскаго къ князю Элиму Петровичу Мещерскому. Въ этомъ письмѣ высказаны болѣе или менѣе оригинальные, а, главное, душевные взгляды Шаховскаго относительно религіи, исторіи и поэзіи въ строгомъ смыслѣ. Имѣя побольше такихъ документовъ, можно было бы вполне обрисовать и охарактеризовать князя Шаховскаго, выяснить его несомнѣнное значеніе въ исторіи нашей литературы. Въ нашемъ біографиче-

скомъ очеркѣ, мы желали отмѣтить черты симпатичной гуманности князя Шаховскаго, благородной ревности его къ дѣлу, въ которое онъ влагалъ всю свою душу, рѣдкое безкорыстіе, словомъ—черты, предъ которыми блѣднѣютъ нѣкоторые его недостатки, какъ вспыльчивость, нервность, порывистость—недостатки, къ несчастію, столь присущіе почти каждой истинно-талантливой натурѣ.

Выше упомянутое письмо князя Шаховскаго къ князю Элиму Петровичу Мещерскому обязательно предоставлено въ наше распоряженіе г. Пановымъ, къ которому перешло по наслѣдству отъ князя Мещерскаго, умершаго въ 1844 году. Письмо это заключаетъ въ себѣ 17 листовъ почтовой бумаги большого формата, собственноручно подписано княземъ Шаховскимъ и помѣчено 29-мъ августа 1833 года.

Князь Э. П. Мещерскій въ тридцатыхъ годахъ довольно много писалъ на французскомъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ и переводилъ на французскій языкъ нашихъ поэтовъ. Своими литературными трудами онъ стремился ознакомить иностранцевъ съ русской жизнью и литературой. На одной изъ своихъ книжекъ — «Lettres d'un russe» — князь Э. П. Мещерскій выставилъ эпиграфъ изъ одной комедіи Шаховскаго. Этого было довольно для князя Александра Александровича, чтобы завязать переписку съ княземъ Мещерскимъ, который, какъ выразился въ письмѣ къ нему Шаховской, «своими сочиненіями уничтожалъ чужеземное злословіе и обнаруживалъ древнюю тайну нынѣшняго нашего могущества». Въ сношеніи съ княземъ Мещерскимъ Шаховской вступилъ чрезъ посредство Вигеля, съ которымъ въ это время былъ довольно близокъ. Внимая совѣтамъ Вигеля, Шаховской сообщаетъ Мещерскому «нѣкоторые пріобрѣтенія» изъ своего долготѣннаго опыта. Прежде всего, эти «нѣкоторые пріобрѣтенія» касаются «благодѣтельности нашего отечества—собственно его православной церкви», которой Мещерскій, въ своихъ сочиненіяхъ, отдавалъ полную справедливость. Шаховской, однако, не пускается въ разсужденія объ этомъ «любимомъ предметѣ своихъ думъ», ссылаясь на то, что Вигель въ томъ же духѣ уже много написалъ для того же князя Мещерскаго, и только приводитъ нѣкоторые, довольно любопытные споры свои съ католическимъ священникомъ и лютеранскимъ пасторомъ. Съ обѣими этими лицами князь Шаховской столкнулся въ Ригѣ, гдѣ онъ состоялъ при маркизѣ Паулучи. Съ іезуитомъ Шаховской заспорилъ о расколахъ, которыми іезуитъ попрекнулъ русскую церковь; на это князь Шаховской возразилъ ему, что «наши расколы существуютъ только между чернью, но ваши сдѣлались вѣроисповѣданіемъ цѣлыхъ просвѣщенныхъ народовъ», и указывалъ на протестантовъ, между тѣмъ какъ восточная церковь хранить свое единство среди различныхъ національностей, «въ покорности разнымъ свѣтскимъ правителямъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже не хри-

стіане». Отдавая справедливость «мужественнымъ дѣйствіямъ» Мартина Лютера, князь Шаховской порицаетъ только его небреженіе къ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и непониманіе «велелѣпія древняго христіанскаго богослуженія». Затѣмъ, князь Шаховской рассказываетъ, что онъ окончательно сбилъ съ позиціи хитраго іезуита, указавъ ему на то, что папа Евгеній IV-й, на Флорентинскомъ соборѣ, призналъ правость догматовъ восточной церкви, а, слѣдовательно, различіе между православными и католиками должно состоять только въ признаніи или непризнаніи папы. Отъ этихъ доводовъ іезуитъ могъ только отшутиться, сказавъ, что онъ «отрекается отъ спасенія души князя Шаховскаго». Пастора же князь Шаховской уничтожилъ уже вмѣстѣ съ маркизомъ Паулучи. Суперъ-интендентъ лютеранской церкви, пасторъ Зонтагъ, явился къ военному губернатору, маркизу Паулучи, съ жалобой на министра народнаго просвѣщенія, который запретилъ новый переводъ Библіи и тѣмъ нарушилъ свободу аугсбургскаго вѣроисповѣданія, дарованную Петромъ Великимъ. На это Паулучи и Шаховской указали пастору, что и сама церковь лютеранская употребляетъ переводъ Лютера и что, слѣдовательно, министръ совершенно правъ; что свобода совѣсти есть «воля исповѣдывать грѣхи свои вслухъ священнику или мысленно каяться въ нихъ передъ Богомъ», а не въ томъ, чтобы «искажать по своему хотѣнію божіе слово». Это было все, чего добился пасторъ.

Въ подкрѣпленіе той же идеи объ отступничествѣ католиковъ, Шаховской приводитъ еще рассказъ о знакомствѣ своемъ въ Неаполѣ съ архіепископомъ Торентскимъ, человѣкомъ столь почтеннымъ, что даже разбойники, приглашая его къ себѣ письмомъ для благословенія заблудшей паствы, обѣщали при этомъ полную безопасность. Архіепископъ этотъ давалъ Шаховскому книгу одного католическаго священника, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшую отъ всеожженія. Въ этой книгѣ, заглавія которой князь не приводитъ, онъ напелъ «убѣдительнѣйшія доказательства отпаденія римской церкви отъ вселенской».

Увлеченный этими богословскими рассказами, Шаховской говорить, что ему «очень захотѣлось сообщить исторію собственнаго обращенія отъ внушеній прошлаго вѣка къ нашей святой церкви», но размѣры письма испугали его и онъ далѣе обращается къ «Письмамъ о Россіи» самого князя Мещерскаго, причемъ высказываетъ свои задушевные тенденціи, особенно относительно русской литературы. «Русское слово красиво, богато, сильно, но еще ново, и время его критиковъ не пришло». Одобряя намѣреніе князя Мещерскаго познакомить иностранцевъ съ ходомъ нашей словесности, онъ сомнѣвается въ возможности убѣдить ихъ «въ способности русскихъ ко всему изящному». Позднее признаніе геніевъ и талантовъ Шаховской находитъ въ порядкѣ вещей и приводитъ

къ тому примѣры: «еще Боало называлъ Тассово золото мишурой; самъ Шекспиръ надолго былъ согнанъ съ созданнаго имъ театра. И нѣмецъ Шлегель признаеть,—и, кажется, не безъ толка,—что нѣмецкая драматургія будетъ завтра». Обращаясь къ «Письмамъ» Мещерскаго, Шаховской говоритъ о польскомъ вопросѣ. Онъ оставивается на благодѣяніяхъ, оказанныхъ Польшѣ Александромъ I-мъ, послѣ которыхъ полякамъ оставалось только «броситься братски въ объятія радушныхъ соплеменниковъ, основать на силѣ Россіи прочность своего благосостоянія. Что же они начали? Чѣмъ кончили?» Такое поведение поляковъ Шаховской объясняетъ «нравственной холерой, нанесенной западнымъ вихремъ». «Тотъ же, кто съ прародительскаго престола, изъ объятій благодатнаго семейства полетѣлъ орломъ противъ физической холеры, для спасенія вѣрныхъ подданныхъ своихъ, исцѣлитъ и язвы заблудшихъ». Надо замѣтить, что это писано въ 1833 году, вскорѣ послѣ холеры и польскаго возстанія. Здѣсь Шаховской пресерьезно доказываетъ, что въ основѣ «самородныхъ чувствъ» поляковъ лежитъ симпатія къ русскимъ. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «Въ Варшавѣ, занятой русской запасной арміей, еще до взятія Парижа, я былъ свидѣтелемъ множества свадебъ нашихъ воиновъ съ пригожими поляками и по достовѣрнымъ справкамъ узналъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вышло въ десять разъ больше за «проклятыхъ москалей», чѣмъ во все продолженіе прусскаго и саксонскаго владѣнія за нѣмцевъ; кто-жъ меня увѣритъ, чтобы это было дѣйствіе ненависти! и кто не увидитъ въ такомъ взаимномъ магнетизмѣ душъ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, влеченіе единородства, которое доказываетъ, что вражда къ намъ поляковъ—въ ихъ головахъ, а не въ сердцахъ».

Шаховской находитъ труднымъ опредѣлить самую границу между Россіей и Польшей и, цитируя отрывокъ изъ своей неудачной трагедіи «Смоляне», проводитъ ту мысль, что роды польскіе и русскіе перемѣшаны. Шаховской перебираетъ всѣ историческія попытки соединенія Россіи и Польши, но «судьба еще не рѣшила тогда, кому должно присоединиться; теперь ея судъ произнесенъ».

Оставляя жгучій польскій вопросъ, Шаховской переходитъ къ кумиру своему въ нашей исторіи—къ Петру Великому.

Прежде всего, Шаховской опровергаетъ то «ложное о нашемъ отечествѣ мнѣніе», что будто бы Петръ I-й «создалъ Россію изъ ничего», и предлагаетъ пародію на тѣ росказни, какія распустили о нашемъ отечествѣ философы прошлаго столѣтія, «торжественно провозгласивши, что «Ипер-борейская степь, занимающая всю плоскость между древняго Кавказа и Новой Землей, отъ Кимврийскаго полуострова до Понта Эвксинскаго, т. е. Россія, названная «Вѣлой» отъ снѣговъ, вѣчно покрывающихъ разсѣянные на ней варварскія станицы, приняла, по дикой любви одного изъ ея ха-

новъ или князей къ греческой принцессѣ, какое-то христіанство, смѣшанное съ прежнимъ своимъ идолопоклонствомъ и магометанствомъ, занесеннымъ покорившими ее татарами; и вдругъ сія мерзлая земля съ ея дикарями, намагнитизированная желѣзнымъ скипетромъ своего деспота, преобразилась почти въ европейское государство; итакъ, одинъ человѣкъ, одной своей сильной волей, безъ всякаго сверхъестественнаго наитія, безъ всякой религіозной фантазмагоріи, сдѣлалъ чудо, стоящее всѣхъ баснословныхъ чудесъ; и этотъ человѣкъ былъ варваръ, тиранъ, но чудесный геній».

Въ силу этого, сообразно «съ понятіемъ прошлаго философическаго вѣка», Россія представляетъ «безобразную непрочную связь европейства съ азіатствомъ». Припоминая все, что сдѣлала Европа для Россіи въ 1812 году, Шаховской говоритъ, что, напротивъ, она представляетъ «цѣлый и полный слитокъ ея собственныхъ благородныхъ металловъ, красиво образованныхъ мощной рукой Великаго Петра и закаленныхъ въ горнилѣ боговдохновенной вѣры».

Развивая дальше такой свой взглядъ на ходъ просвѣщенія въ Россіи, Шаховской говоритъ слѣдующее: «пытливость нашихъ современниковъ, обращенная на Россію, кажется, уже должна имъ открыть, что естественный ходъ ея просвѣщенія проложился уже далеко задолго до Петра Великаго». Пропуская первые посѣвы просвѣщенія въ «счастливыя времена Владиміра, Ярослава и Мономаха, которыхъ благопріобрѣтенія истребило нашествіе татаръ», Шаховской указываетъ только на то, что «одна православная церковь, сокровищница русскаго единодушія, и въ самой пагубѣ удѣльнаго раздѣленія, долго хранила подъ-спудомъ тотъ священный огонь, который, наконецъ, воспламенилъ остывшія сердца, оживилъ замерзлыя члены и освѣтилъ померкшіе умы».

Признавая честь возвращенія Россіи на путь цивилизаціи за Іоанномъ III, освободившимъ Россію отъ позорнаго ига, Шаховской съ любовью останавливается на Борисѣ Годуновѣ и говоритъ: «только Борисъ Годуновъ, постигнувъ совершенно, что не силою рукъ, а силою ума тверды государства, и почувствовавъ все преимущество и необходимость просвѣщенія, можетъ похвастаться у насъ первымъ его возобновителемъ. Самъ Петръ Великій (какъ дошло до меня по семейнымъ преданіямъ отъ его любимца, прадѣда моего) отдавалъ царю Борису эту справедливость, и кому же въ этомъ можно болѣе повѣрить? Годуновъ, только еще замышляя прибрать въ свои руки русскую державу, вызывалъ иностранныхъ учителей къ своему сыну, соглашалъ бояръ послѣдовать его примѣру, началъ сближать понятія нашихъ предковъ съ иноземными благоучрежденіями и очень искусно направилъ русское любознаніе на проложенный имъ путь».

Указавъ на преобразованія Алексѣя Михайловича, Шаховской выражаетъ сожалѣніе относительно преждевременной смерти Федора

Алексѣевича, «воспитаннаго свѣдущими наставниками». Онъ могъ бы приготовить Петру путь преобразованій, отмѣненный отъ того, на который онъ рѣшился, будучи «принужденъ упорнымъ противо-дѣйствіемъ крамолы выбивать, какъ говорится, клинъ клиномъ». Послѣ смерти Ѳедора, говорить Шаховской, положеніе русскаго просвѣщенія было крайне отчаянно:

«Чугунное изувѣрство пѣрло; а свинцовое невѣжество тянуло его въ бездонную топь; одинъ только Петръ, исполнивъ духомъ, богатырь волею, былъ въ силахъ схватить, вырвать и поставить его на твердой высотѣ, но не иначе, какъ Коломбъ поставилъ на столѣ яйцо: онъ долженъ былъ раздавить скорлупу, которую не могъ ни сгладить, ни смягчить. Вотъ какъ я понимаю исторію нашего образованія и разгадываю причины неимовѣрныхъ дѣйствій Петра Великаго».

Дѣлая очеркъ дѣтства и юности Петра, отмѣчая здѣсь благотворныя вліянія и ужасныя впечатлѣнія, созданныя крамолой Софьи Алексѣевны и стрѣлецкими мятежами, Шаховской полагаетъ, что подъ этими впечатлѣніями закалилась и ожесточилась воля юнаго монарха, который обязанъ былъ «не дорожить ничѣмъ, кромѣ времени, не падать ни себя и ничего для предупрежденія уже испытаннаго зла и во что бы ни стало ускорить несомнѣнное благо своего отечества». Такъ, необходимость принудила его дѣйствовать по своему: «схватить могучею рукою влачимыя въ крови и прахѣ бразды правленія; скрѣпить въ одной царской волѣ всѣ государственныя силы и власти; опрокинуть разомъ всѣ неизбѣжныя препоны и не по накатанному пути, а цѣликомъ, давя закоренѣлыя предрасудки, суевѣрія, старообрядчество и даже самыя народныя привычки, прямо и быстро возвелъ Россію на лучезарную высоту прозрѣнную его орлинымъ взглядомъ».

Съ восторгомъ и безъ критики одобряя всѣ реформы Петра, Шаховской силится отыскать мотивы связи между Петромъ и народомъ: «оставшись одинъ отъ воцареннаго народнымъ единодушіемъ рода и уже облагодетельвавшаго Россію тремя достойными ея государями, Петръ, ихъ сирота и послѣдышъ, былъ сокровищемъ любви и упованія русской земли, видѣвшей въ жизни юнаго надежи-царя все свое благо, а въ утратѣ его весь ужасъ недавно миновавшаго безначалія, сумятицы, вторженіе иноземцевъ, уничтоженіе и забытое еще порабощеніе. Бѣдствія, угнетенія и опасности его отрочества совокупили великодушнымъ состраданіемъ все царство съ царемъ».

Не желая уподоблять подвиги Петра подвигамъ кесарей, Александровъ, Чингисовъ, Шаховской считаетъ возможнымъ, но не отваживается сравнивать ихъ съ дѣлами Моисея и Магомета. Продолжая свою аналогію Петра Великаго, князь останавливается на вопросѣ объ измѣненіи нашей одежды. Къ этому вопросу онъ отно-

сится очень серьезно и глубоко, что подтверждается воспоминаніями о Шаховскомъ г. Смирнова, относящимися ко времени тѣхъ же тридцатыхъ годовъ, когда было написано разбираемое нами письмо. Изъ этихъ воспоминаній видно, что князь Шаховской сожалѣлъ о потерѣ нашего національнаго платья. Когда разъ, въ его присутствіи, кто-то сталъ выхвалять бархатныя однорядки, шубы-охабни, и рѣчь зашла о возможности снова ввести такую одежду, Шаховской молча закрылъ лицо руками, быстро вскочилъ съ мѣста и сказалъ: «зачѣмъ осуществлять то прекрасное, чего возратить нельзя», и сталъ ходить по комнатѣ. Съ другой стороны, тотъ же Смирновъ передаетъ, что, разъ начавъ говорить о дѣлахъ Петра Великаго, Шаховской поднималъ на ноги все прошлое, наконецъ плакалъ, какъ ребенокъ, и просилъ переменить разговоръ. Въ письмѣ къ князю Мещерскому, онъ во всей силѣ признаетъ «дѣйствіе одежды надъ духомъ народнымъ». Въ томъ же письмѣ онъ рассказываетъ, какъ еще въ десятихъ годахъ, онъ съ своимъ другомъ Ленинымъ затѣвали составить русскіе лѣтописные листы, съ прибавкой географическихъ картъ и рисунковъ одеждъ по эпохамъ ихъ измѣненія. «Намъ хотѣлось, говорить онъ, представя очевидно постепенное превращеніе бездоннаго мѣшка съ прорѣхами и лоскутами въ хитонъ и хламиду, а тамъ мало-по-малу и въ нынѣшній фракъ и жилетъ, прояснить запыленную временемъ плетеницу человѣческихъ понятій». Теперь Шаховской рѣшительно объявляетъ благодарность Петру «за нашу переодѣвку по образцу западной Европы, съ которой сдвинуть нужно было наши понятія», говоря, что «тѣлесное образованіе было всегда вывѣской умственнаго», и что «бритва и ножницы (пущенныя въ ходъ Петромъ) были самыми ужасными, однако же и самыми успѣшными орудіями вводимаго просвѣщенія». Далѣе, князь отмѣчаетъ ту благородную черту преобразованій Петра, что всѣ ихъ онъ начиналъ сверху, начиная съ самого себя, метя лѣстницу съ верхнихъ ступеней. «Дворяне, по наружному виду сходные не съ простымъ народомъ, а съ царемъ», по-неволѣ должны были брать примѣръ съ него и во всемъ остальномъ и, прежде всего, «сказали, перекрестясь: ученье—свѣтъ, а неученье—тьма».

Подводя, такъ сказать, итогъ своему восхваленію Петра, Шаховской говорить о немъ: «Петръ Великій былъ правдолюбивъ, доступенъ, даже можно сказать простонароденъ, но строгъ, и повелителенъ, при новости своего государства, какъ римскіе консулы въ началѣ ихъ республики; однако же западные умствователи, благоговѣя передъ доблестями римлянъ, злословятъ ихъ въ русскомъ царѣ». Порицая крутость и жестокость русскаго царя, тѣ же умствователи, негодуетъ Шаховской, благоговѣютъ передъ ужасами французской революціи, «этой безчеловѣчной и безбожной развратительницы всякой нравственности, поругательницы всякой святости».

и губительницы всякой законности и благочестія вездѣ, куда досталъ розливъ ея кроваваго потопа».

Разъ дошедши до этого «кроваваго потопа», князь раздражается цѣлой филиппикой противъ революціи, называя ее «ужаснымъ фейерверкомъ, который не даетъ очнуться, пока совсѣмъ не загаснетъ и не обнажить своего закопѣлаго и обгорѣлаго остова». Онъ не даетъ никакой цѣны учрежденіямъ, которыя выдвинула революція: одни изъ нихъ «перековерканы изъ древнихъ демократій, проскрипцій, трибунства, консульства и республиканскаго императора, выродыши которыхъ немилосердно толкали одинъ другаго съ революціонной сцены», другія «принадлежать вѣку реформъ и небезбожія, уже давно въ другихъ странахъ приведенныя въ дѣйствіе, безъизмѣнно существуютъ несравненно болѣе многихъ и многихъ перемѣнъ революціонныхъ дѣйствій, явленій, декорацій».

Такой мрачный взглядъ на революцію Шаховской переносить и на театръ и на литературу, возникшія послѣ революціи. «Подъ вліяніемъ эффектовъ революціи—говорить князь—не вѣрятъ, чтобы и Мольеровы комедіи приносили нравственную пользу, и въ своихъ театральныхъ зрѣлищахъ тѣшатся только поддѣлками подъ извергства изъ любезной революціи». Здѣсь Шаховской за одно уже обрушивается на романтизмъ, «истинное чадо революціи». «Кромѣ духа разврата, говоритъ онъ, неотдѣлимо принадлежащаго парижской революціи, нынѣшній французскій романтизмъ давно и очень давно проявился за Альпами и около Пиринейскихъ горъ, проникъ въ Испанію, занесенъ въ Англію, оттуда переплылъ не безъ подмочки въ Германію, и въ ней уже схваченный — переуродованъ нынѣшними французами». Отозвавшись такъ о романтизмѣ, Шаховской оговаривается, что самъ онъ никакого литературнаго раскола не держится и что по немъ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго; но мимоходомъ князь высказываетъ, что его завѣтное желаніе—еслибъ классицизмъ и романтизмъ замѣнились руссизмомъ, «въ чемъ и не отчаиваюсь», говоритъ онъ и къ случаю рассказываетъ, какъ однажды въ Парижѣ, онъ, всходя по лѣстницѣ, встрѣтился съ поэтомъ Андріо. «Вы всходите, а мы сходимъ», сказалъ Андріо. И Шаховской выражаетъ увѣренность, что мы взойдемъ когда нибудь на высоты европейской мысли; если упрекаютъ русскихъ въ пользованіи «чужимъ готовымъ», то вѣдь «и даръ слова, съ самаго созданія человѣка, растетъ, распространяется, обогащается передачами изъ рода въ родъ, изъ страны въ страну», и въ такомъ преемствѣ культуры позорнаго ничего нѣтъ. Примѣры тому князь указываетъ въ исторіи европейскихъ литературъ. «Мольеръ, изощренный Аристофаномъ», бралъ все и у всѣхъ ему пригодное. Корнель и Расинъ черпали вдохновеніе у грековъ и римлянъ; но классицизмъ французскій, «кутаясь въ пухлое одѣяло придуманныхъ имъ правилъ и приличій, разслабъ, одряхъ и, ка-

жется, при послѣднемъ издыханіи». Геній Шекспира извлекалъ сюжеты изъ забытыхъ и «давно истлѣвшихъ» итальянскихъ новеллъ; геній же Шекспира «умудрилъ Вальтеръ-Скотта, возобновившаго благочестивый романтизмъ и породившаго у насъ удачныхъ подражателей». Воздавъ такую честь двумъ славнымъ англійскимъ поэтамъ, Шаховской обрушивается на Байрона. Въ виду того истиннаго или только кажущагося вліянія, какое имѣла муза Байрона на нашихъ поэтовъ, считаемъ не лишнимъ привести дословно отзывъ князя Шаховскаго о лордѣ Байронѣ. Любопытно отмѣтить еще и то, что князь, указавъ на чужое вліяніе на нашу литературу, не приписываетъ такого вліянія Байрону, а между тѣмъ, это было то время, когда друзья и недруги Пушкина укоряли его за подражаніе Байрону въ Онѣгинѣ.

«Многогрѣшный демонъ Байрона бурнымъ геенствомъ омрачилъ и окровенилъ литературный горизонтъ, прокатывался по немъ дальновзвучнымъ громомъ, раздиралъ яркой молніей и остался багровымъ мѣсяцемъ одинъ-одинехонекъ среди черныхъ тучъ и звѣздочныхъ пробрызговъ. Его пламенное бушеванье возмутило души, засушило сердца и привело въ бѣснованіе романтическую словесность». По мнѣнію князя Шаховскаго это «бѣснованіе» особенно отозвалось во французскомъ романтизмѣ, о которомъ онъ говорить слѣдующее: «не совсѣмъ добрая слава Байрона вскружила и умныя головы: выкидыши революціи вприпрыжку пустились за нимъ, взревели и зарыкали по-звѣрски. Байронъ тѣшился кровожадностью тигровъ, а они, какъ сказалъ мнѣ однажды И. А. Крыловъ, куда сдѣлались падки на мертвечину! Однако, нельзя не согласиться, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ французскихъ урокователей Байрона богаты дарованіемъ, но тѣмъ хуже для читателей и самой литературы. Сочиненія ихъ оскорбляютъ разсудокъ своей нелѣпницей, сдавливаютъ сердце судорожнымъ ужасомъ, притупляютъ чувствительность гнетомъ тяжкихъ и рѣзкихъ впечатлѣній; одереვენяють жалость вынужденнымъ состраданіемъ къ сочиненнымъ ими жертвамъ неестественной людямъ кровожадности; возбуждаютъ ненависть къ человѣчеству, взводя на него всякія омерзительныя звѣрства; убиваютъ покляпами на Провидѣніе единственную надежду истинно-страдающихъ; скверняютъ воображеніе гнусными списками убійцъ и палачей и, кажется, дѣлаются сами убійцами и палачами благороднѣйшаго изъ изящныхъ искусствъ, дарованныхъ къ наслажденію и возвышенію боговдохновенной души».

И тутъ князь съ горечью замѣчаетъ, что онъ пустился бы въ «предвѣдѣніе судьбы не одной развратной словесности, если бы Богъ хоть нѣсколько надѣлилъ меня провидѣніемъ, которымъ щедро одаренный Петръ предсказалъ французскую революцію». Разсказъ объ этомъ предсказаніи мы привели уже выше въ очеркѣ

жизни Шаховскаго. Здѣсь князь еще разъ слагаетъ хвалу Петру Великому, указывая на его вѣчную заботливость о преуспѣяніи государства. Даже «оставя не въ безопасное время свой престолъ и путешествуя по чужимъ краямъ, онъ ни на минуту не переставалъ быть русскимъ государемъ и устраивалъ будущую судьбу своего государства». Отовсюду бралъ Петръ, для насажденія и утвержденія у насъ, образцы всевозможныхъ производствъ, экземпляры полезныхъ породъ животныхъ, а главное — привлекалъ людей, «годныхъ для приспособленія русскаго досужества ¹⁾ къ тогдашнему русскому дѣлу». Здѣсь князь рѣшительно и безповоротно высказываетъ свой взглядъ на ходъ нашей исторіи съ Петра до своего времени, и, по мнѣнію его, наша современность живетъ и дѣйствуетъ по программамъ и предначертаніямъ великаго преобразователя. «Смѣло и не безъ ясныхъ доказательствъ могу сказать, что все и до сей поры истинно полезное нашему отечеству — было имъ сдѣлано, предусмотрѣно или замышлено; что за всякимъ важнымъ отступленіемъ отъ его предначертаній слѣдовали ошибки и раскаяніе; что во всемъ, существенно полезномъ для нашей земли, вѣрно найдется хоть зародышъ въ его постановленіяхъ, запискахъ или изустныхъ преданіяхъ его сужденій. И мы съ душевнымъ наслажденіемъ усматриваемъ во многомъ нынѣ совершенномъ, или учреждаемомъ для блага отечества, исполненіе его народолюбивыхъ думъ; чувствуемъ сердцемъ въ оживотвореніи русскимъ духомъ нашихъ умственныхъ приобрѣтеній, ремеслъ, промышленности, его стараніе обрусить и укоренить у насъ еще вводимое имъ просвѣщеніе и, наконецъ, постигая во всей силѣ благотворенія предка, радуемся, прозрѣвая въ душѣ и дѣлахъ потомка, настоящее продолженіе его царствованія, такъ прочно основанное и пущенное въ ходъ, что никакія повременныя порчи и отступленія не могли его вовсе остановить или совершенно сплбить съ прямого посова ¹⁾ не подъ гору, а въ гору».

Вотъ какимъ образомъ понималъ князь Шаховской «историческія причины сбивчивости нашего образованія, котораго поверхностная плена, заносимая противнымъ вѣтромъ къ чужой странѣ, мелькая въ глазахъ иностранцевъ, вводитъ ихъ въ заблужденіе, клеветующее на Петра Великаго и ставшее очень дорого Наполеону».

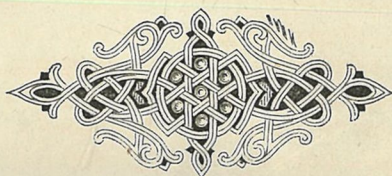
Этими словами заканчиваетъ князь Шаховской письмо свое къ князю Мещерскому, надѣясь во второмъ письмѣ «дать волю своей правдологіи» (тоже любимое словцо князя, пущенное имъ въ комедіи «Пустодомы»).

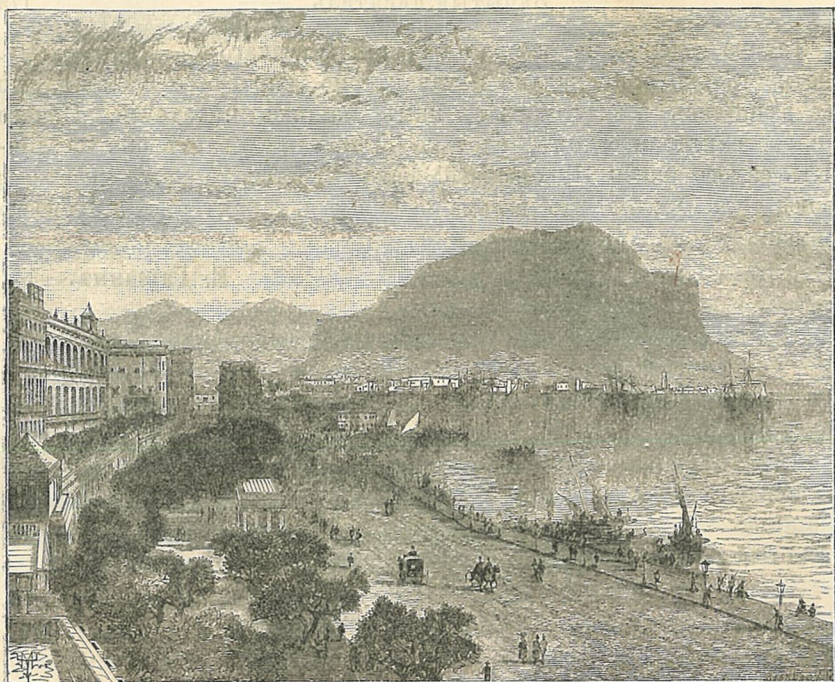
¹⁾ Досужество — способность, проворство. Слово, вышедшее нынѣ изъ употребленія, но излюбленное княземъ, у котораго оно употребляется почти въ каждой комедіи.

¹⁾ Т. е. толчка.

Таково содержаніе письма князя Шаховскаго къ Мещерскому. Оно настолько оригинально и характерно для своего времени, что мы рѣшились познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Нечего распространяться о томъ, сколько свѣта проливаетъ оно на личность самого князя Шаховскаго, какъ человѣка и какъ писателя; кромѣ того, письмо это весьма важно для характеристики своего времени.

Е. Гаршинъ.

Палермо.

ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИЦИЛИЯ ¹⁾.

(Статья Маклелана).

ДВА ЛИ много осталось въ Европѣ живописныхъ и интересныхъ мѣстностей, неизвѣданныхъ досужими всесвѣтными туристами британской расы. Но во всякомъ случаѣ есть мѣстности, не уступающія въ живописности, въ историческомъ и археологическомъ интересѣ самымъ прославленнымъ уголкамъ нашего стараго материка и однако оставшіяся до сихъ поръ какъ бы внѣ сферы любопытства и любознательности интеллигентныхъ представителей сплина и досуга. Къ числу такихъ мѣстностей, до послѣдняго времени, приходилось относить Сицилію. Въ послѣднее время, этотъ живописный островъ сталъ однако гораздо доступнѣе путешественникамъ: почти вдоль

¹⁾ Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1882 года, была помѣщена статья Блюмнера (съ рисунками) подъ заглавіемъ «Сиракузы». Настоящая статья можетъ служить къ ней дополненіемъ, какъ относительно текста, такъ и рисунковъ.

Ред.

всей его береговой лінії прекрасные и удобно устроенные пароходы совершаютъ правильные рейсы; кромѣ того, вдоль восточнаго побережья проложена отъ Мессины до Сиракузъ желѣзная дорога, проходящая почти съ подножія Этны, и отъ которой отдѣляется, у Катаніи, вѣтвь внутрь страны до Леонфорте. Отъ столицы Сициліи, Палермо, тянется по берегу моря до Жермини, а оттуда сворачиваетъ, также ввутьрь страны, до Лекары другая желѣзно-дорожная лінія. Эти усовершенствованные средства сообщенія уже дѣлають вполне доступными для путешественниковъ самыя интерес-

Ворота «Porta Nuova» въ Палермо. Мѣстопробываніе Гарибальди.

ныя и богатые мѣстности острова; но, и помимо того, экскурсіи внутрь страны, по обыкновеннымъ и горнымъ тропамъ, совершенно безопасны: шайки бандитовъ, нападающія на путешественниковъ, существуютъ теперь только въ самыхъ трусливыхъ воображеніяхъ и составляютъ такое же достояніе исторіи, какъ и славные времена процвѣтанія морскихъ побережій Сициліи подъ владычествомъ финикіянъ, грековъ и римлянъ. А къ этимъ временамъ относятся историческія имена Никіаса, Тимолеона, Гелона, Діонисія, Ганнибала, Архимеда...

Столица Сициліи, Палермо, уже одна даетъ путешественнику цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Палермскій за-

ливъ немногимъ уступаетъ въ красотѣ Неаполитанскому: эта красивѣйшая гавань окаймлена цѣпью горъ, обрамляющихъ полукругомъ знаменитую равнину Палермо «La Conca d'Oro». Обои концами эта цѣпь горъ упирается въ море, обрываясь надъ нимъ, справа, громадными скалистыми вершинами Пеллегрино (до 2,000 фут.),—слѣва менѣе грандіозными скалами Катальфано. У самого моря въ центрѣ громадной равнины, богатѣйшей по своей растительности, расположенъ городъ. Древній Панормось — нынѣшній Палермо, подчинившись гнету новѣйшихъ изощреній цивилизаціи, сохранилъ очень мало слѣдовъ старины. Самый городъ занимаетъ даже сравнительно гораздо меньшую площадь, чѣмъ въ былыя времена, но расположенъ и распланированъ правильно. Двѣ широкія улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ почти въ центрѣ города, раздѣляютъ его на четыре, почти равныя части. Одинъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ даетъ видъ воротъ Porta Nuova, чрезъ которыя виднѣется позади улица Corso. Жители Палермо увѣряютъ, что нижняя часть воротъ выстроена по плану Микель-Анджело, а верхняя надстройка—по плану Пьетро Новелли. Во всякомъ случаѣ ворота эти производятъ довольно внушительное впечатлѣніе и памятны тѣмъ, что въ верхней надстройкѣ ихъ жилъ дважды освободитель Сициліи и Италіи, Гарибальди: въ 1860 году, онъ расположилъ тутъ свою главную квартиру въ качествѣ диктатора Сициліи, а позже подготавливалъ здѣсь экспедицію, столь несчастливо закончившуюся на высотахъ Аспромонте.

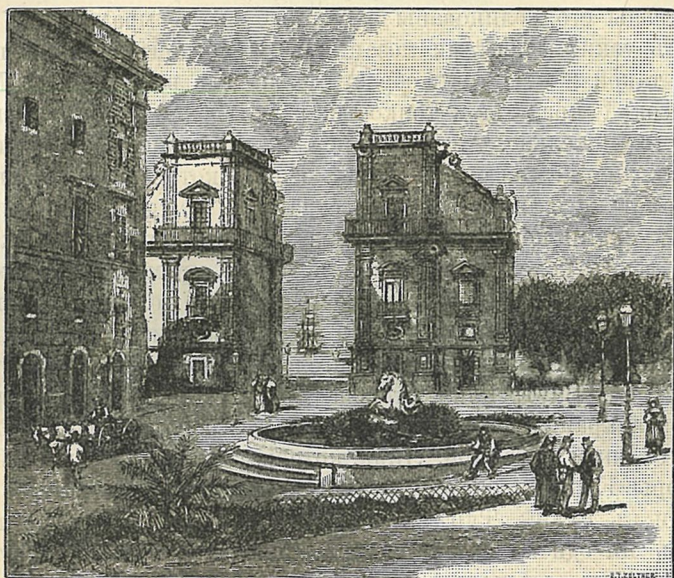
На другой оконечности улицы Corso находятся ворота «Porta Felice», видъ которыхъ также прилагается. На право расположенъ хорошенькій сквэръ Святого Духа (Spirito Santo), а за воротами, подъ прямымъ угломъ къ Корсо, тянется по морскому берегу любимѣйшее мѣсто гулянья и катанья палермцевъ — «Marina». Въ лѣтнія ночи сюда собирается насладиться освѣжающимъ морскимъ воздухомъ все населеніе Палермо, а во всѣхъ концахъ его раздаются веселые звуки оркестровъ. Зимой «Marina» остается также любимымъ мѣстомъ прогулки въ послѣобѣденное время.

Съ «Marina» раскрывается прекрасный видъ на море и на горы: къ сѣверу высятся обрывистыя скалы Пеллегрино, по которымъ тянется зигзагами дорога, ведущая на вершину горы, съ которой въ свою очередь можно любоваться видомъ всей палермской равнины и всего города, лежащихъ какъ бы на ладонѣ. Помимо того, гора Пеллегрино представляетъ интересъ для палермцевъ и потому, что въ одной изъ пещеръ ея долго жила и скончалась покровительница города, святая Розалія.

Съ набережной «Marina» можно видѣть за Багаріей горы Мадонны—самыя высокія на островѣ, послѣ Этны, покрытыя снѣгомъ зимой и весной. Въ свѣтлый, ясный день можно видѣть и высящуюся за горами Мадонны, среди облаковъ, вершину Этны. Роскош-

нѣйшая, плодоносная равнина Палермо, усѣянная апельсинными и оливковыми садами, виноградниками, виллами, съ пестрѣющими и зелеными полями, на которыхъ расположены тамъ и сямъ деревушки, разстилается сзади Палермо, въ полукружіи горной цѣпи.

Памятники древности въ Палермо, какъ уже было упомянуто, немногочисленны и относятся ко временамъ, сравнительно не очень отдаленнымъ—господства сарацинъ и нормановъ. Очень характерный образчикъ арабской архитектуры, наилучше сохранившійся, представляетъ прежній дворецъ или виλλα эмировъ «Дзиза», обращенный нынѣ во дворецъ. При передѣлкѣ его, «Дзиза» сильно

Ворота «Porta Felice» въ Палермо.

потерпѣлъ отъ современныхъ прозаичныхъ архитекторовъ, замѣнившихъ высокія, сводчатыя легкія окна прежняго фасада обыкновенными четырехъ-угольными окнами самаго обыкновеннаго и тяжелаго вида. Но внутренность дворца по возможности сохранена—и сохранились также фонтаны и бассейны въ садахъ, роскошная зелень которыхъ окружаетъ дворецъ. Часть большого королевскаго дворца также относится ко временамъ сарацинъ и построена въ томъ же стилѣ, какъ и «Дзиза».

Однимъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ большихъ памятниковъ эпохи господства нормановъ является большой соборъ, на Корсо, близъ Porta Nuova. Въ этой церкви похоронены и находятся гробницы старѣйшихъ норманскихъ королей. Однако лучшими архитектурными украшеніями города являются двѣ небольшія церкви:

«истор. вѣстн.», июль, 1883 г., т. хпв.

12

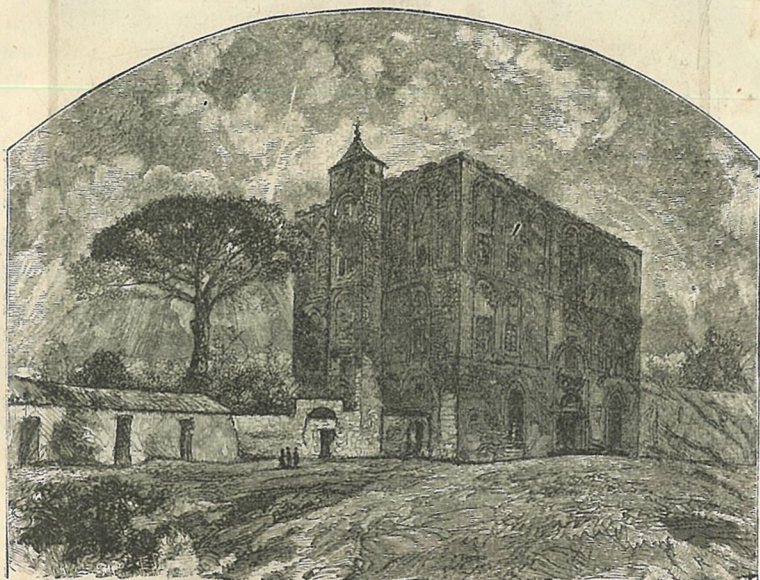
Capella Palatina и Capella Martorana, обѣ отдѣланныя внутри въ томъ же стилѣ какъ и замѣчательнѣйшій соборъ въ Монреале, близъ Палермо. Capella Palatina—въ сущности небольшая дворцовая церковь. Она такъ углублена и погребена въ стѣнахъ королевскаго дворца, что почти не имѣетъ внѣшняго фасада, если не считать отдѣланнаго мозаикой входа въ нее съ площадки одного изъ дворцовыхъ дворишковъ.

Впрочемъ и соборъ въ Монреале не отличается своимъ внѣшнимъ видомъ, за исключеніемъ главнаго входа, весьма характеристичнаго и пропорціональнаго, съ прекрасными, старинными бронзовыми дверями. Но за то внутренность собора великолѣпна. Высокія стѣны его облицованы внутри бѣлымъ мраморомъ, пересѣкаемымъ узкими лентами мозаики въ арабскомъ стилѣ и широкія полосы такой же мозаики образуютъ панель всей церкви. Мозаика эта высокой красоты и тонкости; разнообразіе ея рисунковъ — по истинѣ изумительно. Алтарь и церковь вымощены такъ называемой александрійской мозаикой, въ основѣ которой лежатъ правильныя геометрическія фигуры, пространство между которыми заполняется кусками порфира, змѣвики и т. п. Архіерейское кресло и старый тронъ короля сдѣланы изъ бѣлаго мрамора и также украшены арабской мозаикой. Бѣлыя мраморныя полосы нижней части стѣнъ также усыяны тончайшими мозаичными изображеніями сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, ангеловъ, пророковъ, святыхъ, королей и судей. Внутренняя сторона крыши сдѣлана изъ дерева съ богатой раскрашенной и позолоченной рѣзбой, вполне гармонирующей со стѣнной мозаикой. Лица, которымъ приходилось видѣть многіе соборы Европы, начиная со св. Софіи и св. Исаакія и кончая соборами въ Руанѣ, Турѣ и Уэстминстерѣ, утверждаютъ, что внутренность ни одного изъ этихъ соборовъ не можетъ сравниться съ внутренностью собора въ Монреале и Capella Palatina въ Палермо.

Въ Палермо существуетъ обычай сохранять тѣла умершихъ, изъ лицъ богатаго класса, въ склепахъ монастырей. Подъ нѣкоторыми изъ послѣднихъ устроены громадныя галлерей, въ родѣ катакомбъ, въ которыхъ покоятся, расположенныя вдоль стѣнъ, смертныя останки взрослыхъ обоюбого пола и дѣтей. Муміи эти одѣты въ праздничныя одежды и лежатъ не въ гробахъ, а прямо поставлены и прикрѣплены къ стѣнамъ: нѣкоторыя изъ нихъ съежились, сгорбились, другія стоятъ прямо, сидятъ въ креслѣ — всѣ имѣютъ отвратительный видъ, со своими билетами, на которыхъ написаны имена и день кончины. Нѣкоторые изъ тѣхъ умершихъ, занимавшихъ не столь видное положеніе при жизни, лежатъ въ ящикахъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ: черезъ годъ-два, перчатки а иногда и одежда, пришедшіе въ ветхость, смѣняются родственниками, посящающими катакомбы довольно часто по праздничнымъ днямъ.

Окрестности Палермо представляют богатую почву для экскурсій: Селинунте, Багарія, Термини, Сегесте и другія мѣста представляют для этого достаточный интересъ. Не слѣдуетъ только выбирать для этого зимніе мѣсяцы, которые не всегда хороши въ Сициліи.

Другой большой городъ Сициліи, Мессина, расположенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Палермо. Мессинская гавань окаймлена со всѣхъ сторонъ крутыми обрывистыми скалами, на нижнихъ откосахъ которыхъ, узкой полосой, расположенъ самый городъ. Соборъ, относя-

«La Ziza» въ Палермо.

щійся къ XI-му вѣку и замѣчательная церковь св. Григорія представляются единственными интересными памятниками древней архитектуры въ Мессинѣ. Къ востоку на горизонтѣ высятся оголенные горы Калабріи, съ плоскими вершинами, а нѣсколько лѣвѣе, подъ калабрійскимъ берегомъ, высится изъ моря смѣло выдающаяся почти четырехугольная скала, увѣнчанная развалинами замка: это и есть извѣстная Сцилла; подругу ея, Харибду, отыскать и указать трудно. На самомъ дѣлѣ, теперь тутъ нѣтъ того опаснаго и ужаснаго водоворота, который такъ сильно пугалъ древнихъ, а число пунктовъ, гдѣ встрѣчаются разныя, противоположныя теченія, такъ велико, что можно дать полную волю воображенію и помѣщать Харибду гдѣ угодно. Замѣчателенъ мысъ Пелорусъ, гдѣ, почти за три съ половиною вѣка до Р. Х., кавалерія Тимолеона переправилась че-

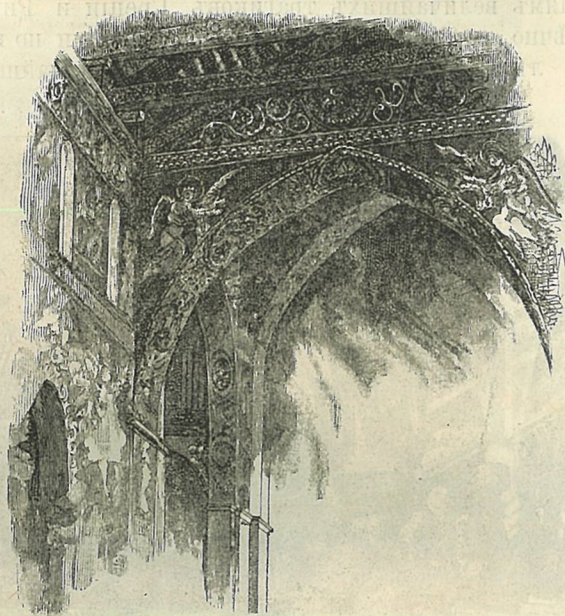

Входъ въ палермскій соборъ.

резъ проливъ и гдѣ 14 вѣковъ спустя, графъ Роже, съ горстью нормановъ, переправился на островъ, предпринявъ его завоеваніе.

Путешественникъ, желающій насладиться по истинѣ поразительными картинами природы, долженъ непременно отправиться изъ Мессины по желѣзной дорогѣ въ Таормину небольшой городокъ, едва заслуживающій самое названіе города, лежащій на высотѣ 8 — 900 ф. надъ поверхностью моря. Уже по самой дорогѣ, идущей большею частью по морскому берегу, встрѣчаются на каж-

домъ шагу новые и разнообразные виды: то глазъ пробивается сквозь чащу апельсиновыхъ и оливковыхъ рощъ, чтобы успокоиться на синевѣ моря; то глазу представится деревушка съ красивой церковью и грязными домиками, утопающими въ роскошной зелени; то видишь развалины замковъ, высящіяся на вершинахъ горъ; то передъ глазами разстилается богатая равнина, уходящая вдаль и теряющаяся въ горной тѣснинѣ; то предъ взоромъ вырастетъ монастырь и т. п.; все это, при эффектномъ, ясномъ солнцѣ даетъ цѣлый рядъ прелестныхъ, очаровательныхъ пейзажей. Перѣздъ со станціи желѣзной дороги Джіардини въ Таормину, совершаемый въ экипажѣ, даетъ рядъ новыхъ картинъ: глазъ останавливается то на всей береговой линіи моря, видимой до самой Мессины и въ созерцаніи далекаго противоположнаго берега Калабріи; то на

Часть мозаики въ соборѣ Монреале.

высящейся къ югу Этнѣ, облитой лучами заходящаго солнца, съ вѣчно дымящейся верхушкой; наконецъ приходится оглядѣть развалины кладбища и монастыря, греческаго или римскаго театра, или окинуть городъ, съ узкими, грязными улицами.

Главная приманка для любознательнаго туриста въ Таорминѣ составляютъ хорошо сохранившіяся развалины римскаго театра, слава о которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ. Дѣйствительно, этотъ театръ, построенный на мѣстѣ, гдѣ существовалъ ранѣе греческій театръ, сохранился гораздо лучше, чѣмъ почти все другіе подобные театры, за однимъ исключеніемъ. Сцена и амфитеатръ сохранились настолько, что по остаткамъ легко возсоздать въ своемъ воображеніи все цѣлое. Но нужно быть поистинѣ весьма глубоко проникнутымъ любовью къ древности, чтобы разсматривать эти развалины и взобравшись на верхній рядъ амфитеатра не махнуть рукой на архитектуру и археологію, и предаться исключительно наслажденію поразительно очаровательнымъ видомъ, который разстилается передъ зрителемъ, стоящимъ на этомъ пунктѣ.

Тутъ только постигается вся прелесть древняго греческаго или римскаго театра и все его превосходство передъ нашимъ: древніе греки и римляне наслаждались театромъ въ хорошую ясную погоду, въ дневные часы, развлекали себя въ антрактахъ любясь на прелестные виды, разстилавшіеся передъ взорами зрителей, и внимали со ступеней амфитеатра сладчайшимъ пѣвцамъ и твореніямъ величайшихъ трагиковъ Греціи и Рима, а за стѣной ихъ вѣчно дымилась Этна, съ разбросанными по подошвѣ ея деревьями и лѣсами, покрывающими этотъ величайшій вулканъ Европы.

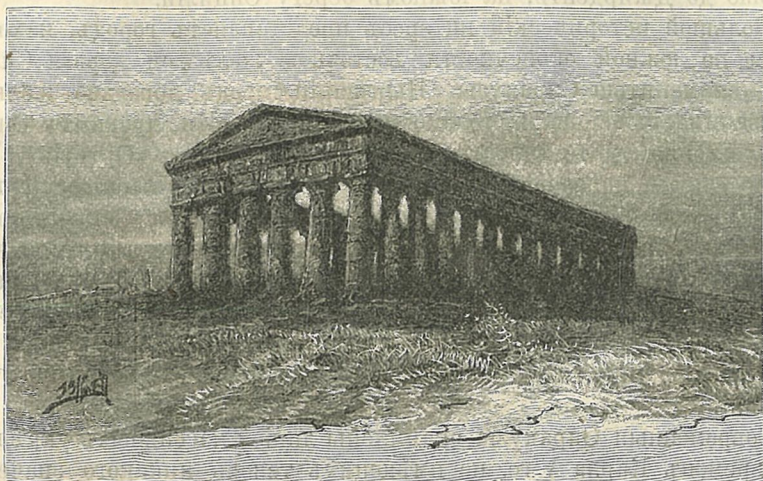
Катакомбы въ Палермо.

Почти у ногъ зрителей синѣетъ, горя яркими красками, Средиземное море, врѣзываясь красивыми кривыми линіями въ береговую полосу.

Кромѣ древняго театра, въ Таорминѣ есть и другія достойныя вниманія развалины, какъ, напримѣръ, валы сарациновъ, средне-вѣковые церкви и дворцы (Badia Vecchia, Piscina Mirabile, Noumachia и т. д.), но всѣ они блѣдны, послѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ осмотра театра.

Спускаясь далѣе по линіи желѣзной дороги, путешественникъ доѣзжаетъ до Катаніи. Дорога идетъ по мѣстности отлично обработанной, густо населенной, съ разбросанными кое-гдѣ развалинами

испанскихъ и мавританскихъ замковъ. Самый городъ Катанія могъ бы по справедливости быть названъ «Городомъ лавы», такъ какъ дѣйствительно лава встрѣчается здѣсь на каждомъ шагу и во всѣхъ

Храмъ Сегесты.

видахъ. Улицы вымощены лавой, дома выстроены изъ лавы, части стараго города погребены подъ лавой; наконецъ, въ лавѣ пробить

Заросли папоротника.

туннель желѣзной дороги. Лава эта давно уже покрыла эти мѣста и покрылась сама во многихъ мѣстахъ довольно большими площадками густой, сочной зеленой травой.

Около Катаніи отдѣляется внутрь страны, до Леонфорте, большой участокъ желѣзно-дорожной линіи. Въ близкомъ будущемъ предполагается продолжить эту линію насквозь до Палермо, съ вѣтвью до Джирденти, на южномъ берегу Сициліи.

Большой историческій интересъ представляетъ городъ, находящійся на южной оконечности восточной желѣзной дороги Сициліи — знаменитыя Сиракузы. Нынѣшній городъ довольно жалкій; онъ занимаетъ площадь только небольшой части древнихъ Сиракузъ, именно ту только мѣстность, называвшуюся «Ортигія», которую заняли первоначальные основатели города, коринфскіе выходцы, явившіеся сюда въ 734 году до Р. Х. Четыре большія предмѣстья прежнихъ Сиракузъ нынѣ совершенно въ запущеніи, лишь кое-гдѣ виднѣется ферма. Топографическія черты мѣстности древняго города, однако, столь ясны, что съ Оукидитомъ въ рукахъ легко прослѣдить весь ходъ осады города аѳинянами, опредѣлить самыя важныя пункты и выслѣдить самыя важныя движенія этой кампаніи.

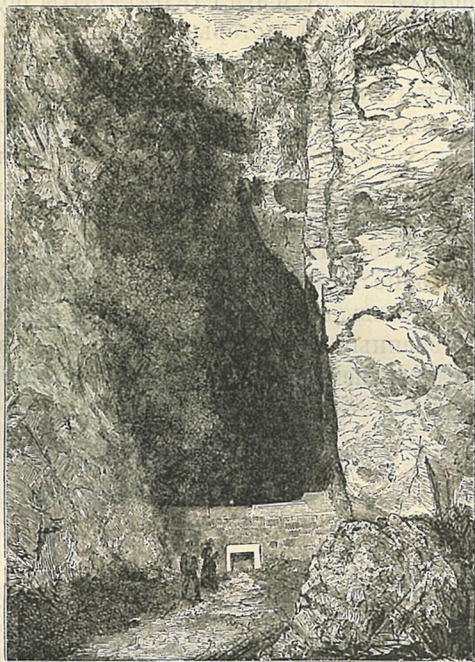
Современныя Сиракузы окаймлены линіей массивныхъ укрѣпленій временъ Карла V-го, не имѣющихъ теперь никакого значенія съ военной точки зрѣнія и представляющихъ только интересъ историческій. Изъ остатковъ болѣе глубокой старины въ нынѣшнихъ Сиракузахъ слѣдуетъ указать на извѣстный «Источникъ Аретузы», правда значительно пострадавшій и какъ сооруженіе, и въ прямомъ смыслѣ; вода его уже не кристаллически чиста — уже очень давно землетрясеніе разрушило стѣну, отдѣлявшую этотъ источникъ отъ гавани, и морская вода съ тѣхъ поръ проникаетъ въ это когда-то славное водовмѣстилище чистой ключевой воды.

Въ послѣднее время раскопки раскрыли въ Сиракузахъ множество колоннъ отъ храма Діаны. Колонны эти не особенно красивы и интересны лишь потому, что каждая изъ нихъ находится тутъ уже около 2,500—2,600 лѣтъ. Болѣе всего обращаетъ, однако, на себя вниманіе въ древней Ортигіи храмъ Минервы, на вершинѣ крыши котораго находился когда-то громадный золотой щитъ, столь знакомый древнимъ морякамъ. Колонны, фризъ сохранились еще до сихъ поръ, благодаря тому, что этотъ храмъ былъ вскорѣ обращенъ въ христіанскую церковь.

Прекраснымъ памятникомъ энергіи и искусства древнихъ сиракузянъ служить греческій театръ, высѣченный въ скалѣ, почти на вершинѣ крутаго ската Эпиполи. Театръ былъ такъ великъ, что легко могъ вмѣщать до 25-ти тысячъ человѣкъ. Скамейки до сихъ поръ отлично сохранились, хотя по нимъ и проложилъ себѣ путь источникъ воды, а на стѣнѣ одного изъ корридоровъ можно еще прочесть греческую надпись клинообразныхъ подраздѣленій громаднаго каменнаго амфитеатра. И тутъ передъ зрителями разстилается прекрасный видъ на гавань и на море.

Нѣсколько поодаль отъ этого сооруженія, насчитывающаго около 2,300 лѣтъ, въ районѣ раскопокъ находится римскій амфитеатръ, относящійся ко временамъ императора Августа. Интересны здѣсь хорошо сохранившіеся остатки *rodium'a* — каменной стѣны, окружающей арену; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно до сихъ поръ прочесть латинскія надписи съ именами и титулами римскихъ чиновниковъ, занимавшихъ здѣсь мѣста. Этотъ амфитеатръ значительно по размѣрамъ, чѣмъ амфитеатръ Вероны.

Самымъ интереснымъ памятникомъ въ Сиракузахъ являются мѣста каменныхъ ломокъ, изъ которыхъ нѣкогда добывался камень. Эти мѣста ломокъ, *Latomie*, обыкновенно представляютъ громадныя и глубокія выемки, изъ которыхъ добытъ былъ камень для построекъ домовъ и укрѣпленій древней Ортигіи. Камень добывался не прямо изъ открытыхъ выемокъ, но изъ обширныхъ подземныхъ галлерей, образовавшихъ цѣлый подземный городъ, нынѣ разрушенный многочисленными землетрясеніями; слои земли и камня, составлявшія крыши этихъ галлерей, обрушились болѣею частью и только еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились крытые ходы и пещеры. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательна одна, называемая «Ухо Діонисія», похожая по внѣшнему очертанію на лошадиное ухо. Эта пещера, 70 фут. вышины и около 200 фут. длины, отличается своими акустическими свойствами, издавая многократныя эхо, а внутри ея, у самой вершины, есть помѣщеніе, въ которомъ слышенъ явственно самый тихій разговоръ шопотомъ, происходящій внизу: тутъ-то, въ этой комнатѣ и подслушивалъ будто бы Діонисій разговоры своихъ заключенныхъ.

«Ухо Діонисія».

Эти каменные ломки дѣйствительно служили отличнымъ мѣстомъ заключенія: высокія, до 70—80 фут. вертикальныя стѣны дѣлали побѣгъ невозможнымъ. Въ одной изъ нихъ, въ нынѣшней *Latomia dei Carrucini* были заключены около 2,300 лѣтъ тому назадъ и заморены голодомъ 7.000 плѣнныхъ афинянъ. Теперь эти La-

томіе обращены большею частью въ живописные сады съ разными сюрпризами на каждомъ шагѣ: то появляются въ зелени живописныя скалы, то скрываются въ ней гроты, то приходится переходить изъ одной части сада въ другую черезъ длинный тоннель, высѣченный въ скалѣ, отдѣляющей одну выемку отъ другой. Всѣ онѣ давно заросли роскошною зеленою апельсиновыхъ, лимонныхъ и оливковыхъ деревъ, между которыми высятся пальмы, гранатовыя деревья, олеандры, на коврѣ яркихъ цвѣтовъ. Стѣны каменныхъ ложекъ до сихъ поръ сохраняють слѣды орудій и инструментовъ, употреблявшихся древними для добычи камня, но во многихъ мѣстахъ эти слѣды скрыты подъ густой тканью винограда. Тѣ изъ ложекъ, которыя обращены въ сады, искусно и художественно разбитыя по всѣмъ правиламъ, представляютъ собою очаровательнѣйшія и живописнѣйшія мѣста прогулокъ.

Въ разстояніи почти 4-хъ миль отъ нынѣшняго города находится до сихъ поръ отлично сохранившійся древній фортъ Эйріалусъ, входившій нѣкогда въ линію укрѣпленій, которыя соединяла съ древней Ортигіей каменная стѣна Діонисія и другихъ строителей. По остаткамъ стѣнъ, можно еще теперь опредѣлить ихъ направление и видѣть, что онѣ окаймляли всю площадь между моремъ, возвышенностью Эпиполе и фортомъ Эйріалусъ. Самый фортъ, высѣченный большею частью въ скалѣ, отлично сохранился и представляетъ, можетъ быть, лучшій образчикъ древне-греческаго военнаго строительства.

ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ ¹⁾.

Ich mehr

Als je mich doppelt fühle mir selbst
Auf's neu in streitender Verwirrung bin.

Göthe (Torquato Tasso).

УМСТВЕННОЕ движеніе, характеризующее новую исторію въ отличіе отъ средневѣковой, получило свое начало въ эпоху Возрожденія, которая представляетъ по этому особенное значеніе для исторіи интеллектуальнаго развитія нашего времени; ея мыслители и поэты, ученые и государственные люди дали первый толчокъ раціонализму, преобладаніе котораго составляетъ отличительную черту XVIII, а отчасти и XIX вѣка. Но кромѣ того, возрожденіе имѣетъ важное историческое значеніе и въ другомъ отношеніи. Классическая цивилизація, погребенная подъ развалинами Римской имперіи, задавленная толпами варваровъ и поглощенная католическою церковью, не погибла окончательно. Памятники античной литературы хранились въ монастырскихъ библіотекахъ; ихъ читали, переписывали, цитировали, хотя, главнымъ образомъ, для грамматическихъ цѣлей; произведенія древняго искусства встрѣчались на каждомъ шагѣ въ Италіи. Но исключительныя стремленія къ загробной жизни не позволяли человѣку тратить время на изученіе этого наслѣдства; аскетическій идеаль не только сурово отвергалъ Венеръ и Аполлоновъ, Овидіевъ и Цецероновъ, но считалъ грѣховнымъ всякое искусство, если оно не служило церкви, призна-

¹⁾ Главнѣйшимъ источникомъ для этой статьи служило сочиненіе: Pier Leopoldo Cecchi. Torquato Tasso und Italienisches Leben von 16 Jahrhunderts, aus dem Italienischen übersetzt von H. Freiherrn von Lebzeltern. Leipzig. 1880.

валь суетной всякую науку, если она не подчинялась теології. Въ XIV вѣкѣ отношеніе къ классическому міру измѣнилось: обломки статуй стали цѣниться не ниже реликвій, творенія Цицерона получили бѣльшій авторитетъ, чѣмъ произведенія средневѣковыхъ свѣтилъ церковной доктрины. Разумъ проснулся, отвергъ средневѣковую науку, подорвалъ католическіе идеалы, обратился къ греко-римской жизни и оттуда почерпнулъ новое міросозерцаніе. Духъ классической цивилизаціи возродился на новой, христіанской почвѣ и легъ въ основу умственного движенія новаго времени. Эпоха гуманизма и составляетъ это звено, соединяющее наше время съ античнымъ періодомъ; она представляетъ тотъ моментъ, когда классическая цивилизація получаетъ всемірно-историческій характеръ, дѣлается достояніемъ новыхъ народовъ: съ этихъ поръ результаты духовной жизни классическаго міра органически входятъ въ составъ культурнаго движенія новой исторіи.

Но съ перваго взгляда гуманистическое движеніе представляется эфемернымъ; принявъ сначала обширные размѣры, оно довольно скоро должно было уступить первое мѣсто реформаціи, новому движенію религіознаго характера. Дѣйствительно, реформація глубже захватила современниковъ, нежели гуманизмъ; ею увлечены были лучшіе представители возрожденія въ Германіи. Съ другой стороны въ самомъ характерѣ гуманизма, въ особенности итальянскаго, заключались такіе черты, которыя должны были, повидимому, привести его къ разрушенію—но этого не случилось. Правда, движеніе измѣнило свою форму, утратило свой первоначальный характеръ: страстное, слѣпое поклоненіе древности, доходившее иногда до религіознаго культа, исчезло; крайности сгладились; случайное, казавшееся важнымъ только самимъ гуманистамъ, утратилось; но сущность движенія — преклоненіе передъ свѣтской наукой, реабилитація челоувѣческой природы и разума не прошли вмѣстѣ съ XV и XVI вѣками. Вліяніе гуманизма сказалось и въ реформаціонномъ движеніи, какъ на материкѣ (преимущественно въ ученіи Цвингли), такъ въ особенности въ англійскихъ реформаціонныхъ сектахъ; кромѣ того, литературная дѣятельность гуманистовъ, подрывая авторитетъ католицизма, этимъ самымъ подготавливала умы къ религіозному перевороту XVI столѣтія. Такимъ образомъ, эпоха возрожденія по справедливости можетъ быть названа, первой половиной реформаціоннаго періода открывшаго собой новую исторію.

Хотя возрожденіе, подобно реформаціи, не ограничилось одною какою нибудь страной, а распространилось по всей Европѣ, но наибѣе интенсивный характеръ получило оно въ Италіи, гдѣ реформаціонное движеніе не достигло большаго развитія. Италія была родиною гуманизма, здѣсь болѣе всего сохранилось классическихъ воспоминаній; на итальянской почвѣ наибѣе рельефно

выразились характеристическія черты движенія; въ Италіи же удобнѣ всего наблюдаются его фазисы. Италіи принадлежит Данте, могучій геній котораго, представляя высшее проявленіе средневѣковой поэзіи, заключаетъ собою періодъ ея господства; въ Италіи, другой поэтъ Петрарка служить представителемъ переходной эпохи отъ среднихъ вѣковъ къ возрожденію; здѣсь жили и дѣйствовали Поджіо, Валла и Филелъеро во время полного развитія гуманизма; въ Италіи, наконецъ, Торквато Тассо переживалъ послѣдніе дни движенія.

Эти личности, являясь представителями движенія, служатъ, въ то же время, такъ сказать, его показателями. Гуманизмъ всего легче и удобнѣ изучать въ отдѣльныхъ личностяхъ; движеніе захватило только культурные слои; оно было слишкомъ отвлеченно, чтобы сообщиться массамъ; идеи гуманистовъ были слишкомъ сложны, чтобы быть понятными большинству, поэтому выдающіеся представители эпохи получаютъ особое значеніе. По ихъ вліянію можно судить о ходѣ движенія, отношеніе къ нимъ общественныхъ силъ указываетъ на роль гуманизма въ данный періодъ. Они извѣстны всему образованному міру; общественная мысль или подчиняется ихъ руководству, какъ это было въ началѣ движенія, или относится къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ это испыталъ на себѣ Тассо. Съ этой точки зрѣнія книга Чекки «Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI» представляетъ большой интересъ: въ ней на судьбѣ великаго и несчастнаго поэта можно видѣть, какое измѣненіе потерпѣло гуманистическое движеніе въ теченіе XV и начала XVI вѣка. Позволительно думать, что знакомство съ этимъ сочиненіемъ будетъ не безъинтересно и для русскаго читателя, такъ какъ оно даетъ вѣрный взглядъ не только на личность знаменитаго поэта, но и на характеръ важной исторической эпохи. Но, прежде чѣмъ перейти къ сочиненію, относящемуся ко второй половинѣ возрожденія, намъ кажется необходимымъ выяснитъ, хотя въ общихъ чертахъ, характеръ гуманизма и причины его успѣха и упадка.

I.

Средневѣковое міросозерцаніе, выходя изъ ученія о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, выразилось вполне въ аскетическомъ идеалѣ. Культурное значеніе этого идеала заключалось въ томъ, что онъ сдерживалъ необузданные порывы варваровъ, вносилъ духовный элементъ въ чувственную жизнь дикихъ народовъ, поселившихся на развалинахъ Римской имперіи. Нравственное и умственное превосходство духовенства, крѣпкая организація церкви

оправдывали ея авторитетъ и дѣлали благотворнымъ ея гуманное вмѣшательство въ свѣтскія дѣла слабого и грубаго государства. Но мало-по-малу завоеватели стали организоваться, и государство почувствовало стѣснительность церковной опеки; со стороны его представителей весьма рано появляются протесты противъ притязаній церкви. Уже въ IX вѣкѣ Карлъ Великій въ одномъ изъ своихъ капитуляріевъ запрещаетъ духовенству вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла ¹⁾. Точно также встрѣчалъ оппозицію церковный авторитетъ и въ умственной жизни: немного позже, но въ томъ же столѣтіи, Іоаннъ Эригена Скотъ защищаетъ разумъ противъ притязаній всякаго авторитета. «Авторитетъ произошелъ отъ разума, писалъ онъ, а не разумъ отъ авторитета; всякій авторитетъ, непризнанный разумомъ, безсиленъ; напротивъ, разумъ, твердо опираясь на свою собственную силу, не имѣетъ нужды въ подтвержденіи» ²⁾. Но такіе голоса были рѣдки, и католицизмъ росъ, а вмѣстѣ съ нимъ развивался аскетическій идеалъ и стѣснялъ естественный ростъ и развитіе общества. Самымъ высшимъ состояніемъ считался «ангельскій чинъ», т. е. монашество: въ XI вѣкѣ Нимскій соборъ призналъ монаха равнымъ серафиму, существу высшему, чѣмъ ангелъ ³⁾. Чѣмъ далѣе развивалось это міровоззрѣніе, тѣмъ болѣе становилось оно въ отрицательное отношеніе къ жизни. Въ природѣ чело- вѣка видѣли только одно зло, крайняя испорченность признавалась неисцѣлимою болѣзнію человѣческой души, которая считалась неспособною къ добру безъ содѣйствія церкви. Государство и весь міръ, кромѣ монастыря, казался царствомъ сатаны и достояніемъ дьявола, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія признавался монашескій обѣтъ, т. е. отреченіе отъ своей грѣховной личности и удаленіе отъ міра, который служить добычею злему духу. Любовь къ женщинѣ, бракъ, свобода, собственность, разумъ, наука—словомъ все, что даетъ цѣну жизни, отвергалось съ этой точки зрѣнія, какъ зло, какъ препятствіе къ спасенію. «Женщина, по словамъ одного средневѣковаго учителя церкви, причина зла, начало заблужденія, очагъ грѣха. Она соблазнила мужчину въ раю, соблазняетъ его на землѣ и увлечетъ съ собою въ пропасть ада» ⁴⁾. Вся опасность женщины обуславливается чувствомъ любви къ ней: «любовь къ женщинѣ, говорилъ тотъ же писатель, это пасть ада, волна моря, которая увлекаетъ насъ на дно пропасти» ⁵⁾. Увлеченіе враждою къ міру заходило такъ далеко, что ревностные представители католицизма впадали въ противорѣчіе въ церковь, считая зломъ бракъ, при-

¹⁾ Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, I, 8.

²⁾ Leos. De divisione natural IV, 81; Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité, VIII, p. 312.

³⁾ Laurent, VIII, p. 141.

⁴⁾ Hugo de Sancho Victore. De nuptiis 1, 2; Laur., p. 190.

⁵⁾ Ibid., p. 194.

нанний ею таїнствомъ. «Бракъ есть зло прежде всего для души, говорить Тома Аквинскій, потому что нѣтъ ничего болѣе фатальнаго для добродѣтели, какъ супружеская жизнь; бракъ зло также и для тѣла, потому что мужчина въ немъ подчиняется женщинѣ, а это самое тяжелое рабство; наконецъ, человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, долженъ неизбѣжно заниматься житейскими дѣлами, но, по словамъ апостола Павла, невозможно служить Богу вмѣшиваясь въ мірскія заботы» ¹⁾. Человѣкъ долженъ стремиться только къ загробной жизни, все, что удерживаетъ его на этомъ пути, есть зло и грѣхъ. Съ этой точки зрѣнія осуждаетъ науку одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Григорія VII, кардиналъ Даміанъ: «Люди покидаютъ духовныя упражненія, чтобы изучить глупости земной науки. Не значить ли это, покинуть чистую невѣсту, чтобы распутствовать съ театральными блудницами?» ²⁾ Даже забота о здоровьѣ признавалась грѣхомъ представителями аскетизма. Бернардъ Клервосскій прямо заявлялъ, что это свойственно только язычникамъ: «Гипшократъ учитъ сохранять тѣло, Христосъ—губить его; кого изъ нихъ вы изберете своимъ руководителемъ?.. Пусть стадо Эпикура заботится о своей плоти; что касается до нашего наставника, то онъ училъ презирать ее» ³⁾.

Гуманическое движеніе началось съ борьбы противъ средне-вѣковаго католицизма; во имя природы и разума возстало оно противъ монашескаго взгляда на міръ, на жизнь, на человѣка; но оно не было движеніемъ только отрицательнымъ: противъ аскетическихъ идеаловъ было выставлено классическое міросозерцаніе, діаметрально имъ противоположное. Мысль, задавленная церковнымъ авторитетомъ, не находила себѣ выхода, когда классическая цивилизація, внезапно «возродившаяся», показала совершенно иную точку зрѣнія на міръ Божій. Исходъ найденъ—классическая литература открыла новый источникъ идеаловъ; люди, близко познакомившіеся съ нимъ, ощущаютъ какое-то особенное, торжествующее и радостное настроеніе. Эразмъ убѣжденъ въ наступленіи золотого вѣка; средніе вѣка представляются ему какимъ-то тяжелымъ сномъ; другіе считаютъ пережитой періодъ духовною смертью. Земная жизнь перестаетъ казаться юдолью плача, тяжелымъ временемъ страданій и лишеній во имя будущихъ благъ, неизбѣжнымъ зломъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, не имѣвшій постоянного пристанища, считаетъ жизнь величайшимъ наслажденіемъ ⁴⁾. Взглядъ на женщину, на любовь, на бракъ измѣняется. Въ защиту женщинъ написана гуманистами цѣлая литература, одни требуютъ для женщины равенства

¹⁾ Commentar in Epist. 1 ad Corinthios, 7, 1; Laur., p. 194.

²⁾ De perfectione monachorum c. 11; Laur., p. 145.

³⁾ Laurent, p. 147.

⁴⁾ Ibid., p. 385.

съ мужчиной съ богословской точки зрѣнія, на основаніи бібліи, утверждая, что душа мужчины и женщины одинаково божественнаго происхожденія, другіе приходятъ къ тому же выводу, выходя изъ естественно-историческихъ соображеній: мужчина и женщина—одинаковая разновидность одного типа—человѣка. Фиренцуолъ доказываетъ, что видимое различіе между мужчиной и женщиной объясняется ихъ различнымъ воспитаніемъ; Лоренцо Валла настаивалъ на необходимости улучшенія семейнаго положенія женщины. Идеи эти не остаются безъ приложенія въ жизни: дѣвочкамъ начинаютъ давать одинаковое образованіе съ мальчиками, женщины принимаютъ участіе въ научныхъ занятіяхъ и философскихъ спорахъ гуманистовъ ¹⁾. Столь же рѣзкій поворотъ замѣчается и во взглядѣ на науку. Средневѣковая схоластика, подчиненная теологіи, разсматривала главнымъ образомъ вопросы божественные; доказательства бытія Божія, божественныя свойства, толкованіе священнаго Писанія—таково было содержаніе средневѣковой науки. Теперь объектъ и положенія науки измѣнились: во-первыхъ, она стала вполне самостоятельною областю, порвала всякую связь съ богословіемъ; ученая степень прежде имѣла второстепенное значеніе, теперь знаніе и наука открываютъ широкіе пути человѣку, создаютъ для него такое положеніе, какому позавидовали бы духовная и свѣтская аристократія. Талантъ и ученость считаются единственнымъ правомъ на выдающуюся роль въ обществѣ. Во-вторыхъ, наука измѣнила объектъ изученія. Оставивъ недоступныя человѣческому разуму сферы религіозныхъ догмъ, гуманисты сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій человѣка и всѣ проявленія человѣческой жизни. Человѣческая мысль и слово, духъ и тѣло, настоящее и прошлое, практическая жизнь и ея потребности—вотъ содержаніе гуманистической науки. Непосредственное чувство наслажденія жизнью сопровождается глубокимъ интересомъ ко всему окружающему; является стремленіе воспользоваться всѣми способностями, развитъ всѣ таланты. Въ противоположность монашеству, презиравшему трудъ, какъ препятствіе къ религіозному созерцанію и благочестивымъ бичеваніямъ, гуманисты достигаютъ удивительной многосторонности. Леоне Альберти, напр., отличный гимнастъ и наѣздникъ, хорошій математикъ и физикъ, превосходный музыкантъ, юристъ, знаетъ массу ремеселъ, живописецъ, знатокъ искусства и архитектуры, владѣетъ латинскимъ стихомъ, пишетъ хорошей прозой книгу о домашнемъ хозяйствѣ. Внѣшній міръ перестаетъ казаться достояніемъ сатаны; наоборотъ, въ немъ видятъ выраженіе высшей красоты, проявленіе совершеннаго творца. Красивый пейзажъ трогаетъ до слезъ Альберти; почтенный старикъ представляется ему «восторгомъ природы»; наслажденіе красотою природы слу-

¹⁾ Janitchen, die Gesellschaft der Renaissance in Italien, c. III.

жити йому лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней ¹⁾. Человѣкъ признається вѣнцемъ созданія, лучшимъ украшеніємъ прекраснаго міра Божія; чувство человѣческаго достоинства; гордое сознаніе високаго мѣста въ природѣ замѣняють мрачный взглядъ на человѣческую природу, какъ на нѣчто испорченное, безсильное. Пико Мирандольскій въ своемъ сочиненіи «О достоинствѣ человѣка» слѣдующимъ образомъ выражаєтъ гуманистическій взглядъ на человѣческую природу. Богъ, только что создавшій Адама, обращается къ нему съ такими словами: «Мы не дали тебѣ, Адама, ни постоянного мѣста, ни спеціального свойства, ни опредѣленнаго, какъ у животныхъ дѣла, чтобы ты, по своему выбору и желанію, могъ занять любое мѣсто, развити любое свойство, избрать какое-угодно дѣло. Ограниченная природа прочихъ существъ повинуется установленнымъ нами законамъ, а ты, не стѣсненный ни какою необходимостью, подчиняєшь себѣ по собственной волѣ природу, въ нѣдра которой я тебя поставилъ. Я помѣстилъ тебя въ срединѣ міра, чтобы ты могъ видѣть самое удобное, что есть въ немъ. Я создалъ тебя не небеснымъ, не земнымъ, не смертнымъ, не бессмертнымъ, чтобы ты, какъ самобытный, свободный художникъ-скульпторъ, могъ придать себѣ какую угодно форму. Ты можешь вырождаться въ низшее животное и можешь силою своего духа возродиться въ существо благородное, высшее. О высочайшая щедрость Бога Отца, о высочайшее и удивительное счастье человѣка!... При рожденіи Богъ вложилъ ему сѣмена всякой жизни: кто какія воздѣляетъ, тѣ и возрастуть и принесуть въ немъ плодъ свой: если растительныя, то сдѣлаются растеніємъ; если животныя—звѣремъ; если разумныя, то будутъ небеснымъ существомъ, если нравственныя—то сдѣлаются ангеломъ и сыномъ Божиимъ» ²⁾. Это возвышенное воззрѣніе на человѣческую природу, на ея силы и способности, служить наилучшимъ выраженіємъ характера гуманизма.

II.

Увлеченіе древностью съ поразительною быстротою охватило итальянское общество и выдвинуло на первый планъ гуманистовъ. Памятники классической литературы представлялись въ XIV и XV вѣкахъ новымъ откровеніємъ; для собиранія рукописей древнихъ авторовъ снаряжались цѣлыя экспедиціи; открытіе затеряннаго въ средніе вѣка сочиненія давало поводъ къ торжеству; на долю Поджіо, сдѣлавшаго особенно много такихъ находокъ, выпало болѣе почестей, чѣмъ досталось Колумбу. Распространялись ложныя слухи, что въ какомъ нибудь уединенномъ монастырѣ дале-

¹⁾ Burckardt. Die cultur der Renaissance in Italien. I, 168, 169.

²⁾ Ibid. II, 98.

«историч. вѣстн.», июль, 1883 г., т. XIII.

каго сѣвера или запада находится тотъ или другой неоткрытый еще памятникъ—вѣрный признакъ, что общество было заинтересовано этимъ дѣломъ. Изученіе древней литературы дѣлается общей страстью: старые и молодые, мужчины и женщины, папы и тираны, купцы и государи, духовные и свѣтскіе, увлекаются классическими языками и литературой. Флорентійскій канцлеръ Салютато 65 лѣтъ принимается за изученіе греческаго языка; Кассандра Фиделе отказывается отъ замужества, чтобы исполнѣ посвятить себя наукѣ; богатый купецъ Никколо Никколи оставляетъ свои занятія, начинаетъ составлять себѣ библіотеку, на которую тратитъ все свое состояніе. Герцогъ Альфонсъ Неаполитанскій никогда не разлучается съ классиками и считаетъ потеряннымъ тотъ день, когда не удастся посвятить нѣсколько часовъ литературѣ. Сигизмундъ Малатеста, тиранъ города Римини, не смотря на всѣ качества истаго тирана, отличался краснорѣчіемъ и былъ весьма свѣдущъ въ философіи и исторіи; не вѣря въ Бога и отрицая безсмертіе души, онъ строитъ храмъ въ честь св. Франциска, чтобы показать свое знакомство съ классической архитектурой. Федерико ди Монтефельтро, предводитель кондотьеровъ, отличный знатокъ греческой и римской литературъ—словомъ, древность сдѣлалась предметомъ общаго вниманія и общаго почтенія. Ее изучаютъ съ энтузіазмомъ средневѣковаго подвижника. Палла Строцци, принужденный бѣжать изъ роднаго города, благословляетъ свое изгнаніе, потому что оно даетъ ему возможность исполнѣ посвятить себя ученымъ занятіямъ; другой поклонникъ древности впродолженіи пяти лѣтъ читалъ одного только Цицерона и далѣ обѣтъ не употреблять словъ, не встрѣчающихся въ его произведеніяхъ. Классическій писатель въ глазахъ такихъ поклонниковъ древности занималъ то же мѣсто, какъ христіанскій святой. Альфонсъ Неаполитанскій ходилъ на поклоненіе мѣсту рожденія Овидія и выпросилъ у Венеціи часть руки Ливія ¹⁾).

Энтузіазмъ къ древности создалъ для знатоковъ ея выдающееся положеніе, гуманистъ сдѣлался необходимымъ лицомъ въ государственной, частной и даже церковной жизни. Прежде всего, каждый государь, заботившійся о своей славѣ, долженъ былъ имѣть при дворѣ представителей новаго направленія, потому что только они могли своими произведеніями обезсмертить его имя. Такъ смотрѣли на дѣло не только такіе государи, какъ Альфонсъ Неаполитанскій, но и полуграмотные кондотьеры въ родѣ Франческо Сфорцы, который, не смотря на стѣсненное финансовое положеніе, аккуратно платилъ жалованье Филельберо, потому что боялся, что иначе «онъ не окончитъ превосходнаго сочиненія, начатаго для нашей славы» ²⁾).

¹⁾ Burgardt. I, 259 und folg.

²⁾ Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, p. 247.

Въ республикахъ высшія государственныя должности поручались гуманистамъ: Флоренція гордилась тѣмъ, что всѣ ея канцлеры были выдающіеся ученые. Распространившійся вкусъ къ классическому языку ввелъ въ обычай сопровождать особенныя событія общественной и частной жизни латинскими рѣчами, составленными по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства и наполненными цитатами изъ древнихъ авторовъ; точно также считалось необходимымъ, чтобы государственныя грамоты писались изящною латинскою прозой. Вслѣдствіе этого, присутствіе гуманиста въ посольствѣ и государственной канцеляріи было необходимо; для этой цѣли маленькая республика Сіена содержитъ гуманиста Дати и платитъ ему значительное жалованье въ 350 цехиновъ; кромѣ того, избираетъ ли республика ежегодныхъ магистратовъ, посвящается ли новый епископъ, нанимается ли государство на службу кондотьера, гуманистъ произноситъ приличную случаю рѣчь. Въ домашней жизни для произнесенія рѣчи въ день рожденія, на крестинахъ, на свадьбѣ, на похоронахъ богатые люди приглашаютъ литературную знаменитость, а кто побѣднѣе—ученика. Даже церковь заражается общою модой: на церковныхъ празднествахъ произносятся проповѣди въ классическомъ духѣ, причемъ прославляемый святой именуется *deus*, папа — *pontifex maximus*, а монахины — *vestales*. Если нѣтъ подходящаго священника, проповѣдь произноситъ свѣтскій, и это никого не шокируетъ. Такъ, Эней Сильвій, еще непосвященный въ духовный санъ, произнесъ съ церковной кафедры поученіе въ присутствіи отцевъ Базельскаго собора ¹⁾.

Такимъ образомъ создалась свѣтская интеллигенція, классъ людей, неизвѣстный въ средніе вѣка; между членами ученой республики образовалась новая связь—наука и талантъ, которые открывали имъ широкую дорогу. Въ средніе вѣка общественное положеніе человѣка обуславливалось его рожденіемъ, сословныя неравенства сглаживались только церковью, въ которой человѣкъ низкаго происхожденія могъ достигнуть высокихъ степеней; въ XIV столѣтіи ея роль взяла на себя наука. Гуманисты считаютъ несправедливостью принципъ, лежалій въ основаніи родовой аристократіи. Знатность, по ихъ мнѣнію, должна обуславливаться не происхожденіемъ, а заслугами: Сократъ былъ сынъ ремесленника, а родители Демосоена и Эврипида—неизвѣстны. Въ діалогъ «о дворянствѣ» Поджіо рѣзко возстаетъ противъ знати. «Всякій человѣкъ тѣмъ болѣе далекъ отъ истиннаго благородства, говоритъ онъ, чѣмъ долѣе его предки оставались смѣлыми злодѣями. Страсть къ соколиной и всякой другой охотѣ не болѣе пахнетъ благородствомъ, чѣмъ гнѣзда извѣстныхъ животныхъ бальзамомъ. Обработка земли, которой занимались древніе, была болѣе

¹⁾ Burckhardt. I, 276.

благородна, чѣмъ это безмысленное скаканье по горамъ и лѣсамъ, болѣе всего напоминающее звѣрей» ¹⁾).

Сословіе гуманистовъ явилось руководителемъ общественнаго мнѣнія, силы могущественной въ наше время и неизвѣстной раньше XIV-го вѣка. Представители новаго направленія достигли первенствующаго положенія въ обществѣ: имъ покровительствовала церковь, въ нихъ заискивали частные люди, имъ льстили государи, поэтому ихъ голосъ былъ вліятеленъ и ихъ неодобреніе опасно. Нападенія гуманистовъ боялись больше, чѣмъ солдатъ непріятеля и ожидали безсмертія скорѣе отъ ихъ похвалъ, чѣмъ отъ своихъ подвиговъ. Карлъ Малатеста при взятіи Мантуи низвергъ статую Виргилія; это вызвало сильное негодованіе гуманистовъ, они направили противъ него цѣлый рядъ памфлетовъ, и суровый побѣдитель долженъ былъ снова возстановить разрушенную статую ²⁾).

Эта новая сила, на глазахъ церкви достигшая значительнаго могущества и пріобрѣвшая обширное вліяніе, вступила въ борьбу съ католицизмомъ; гуманисты начали дѣло освобожденія жизни отъ оковъ папства, прежде всего была секуляризирована наука. Первый представитель гуманистическаго движенія, Петрарка, написалъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ средневѣковой схоластики. Онъ упрекалъ прежнихъ ученыхъ за то, что они игнорируютъ человѣка, его внутренній міръ: историкъ описываетъ дѣянія королей, но не можетъ дать отчета въ своемъ существованіи, математикъ все измѣряетъ, но не знаетъ силъ своего духа, музыканты умѣютъ отличать всевозможные тоны, но не ищутъ гармоніи въ своихъ дѣйствіяхъ; астрономы изучаютъ затмѣнія луны и солнца, но не знаютъ измѣненія своего духа и т. д. Противъ астрологіи Петрарка возставалъ во имя здраваго смысла, противъ медицины—во имя требованій природы. Особенно ложнымъ представляется ему направленіе средневѣковой философіи; по его мнѣнію, философы — это глупцы, которые занимаются нелѣпой болтовней, возвращаются въ области такъ называемыхъ понятій, т. е. пустыхъ словъ. Не такова истинная философія: предметомъ ея должна быть жизнь и внутренній міръ человѣка, а цѣлью—нравственное совершенство ³⁾. Правда, подъ вліяніемъ исключительнаго интереса къ древности у гуманистовъ образовалась своего рода схоластика. Если прежде рѣшали вопросы о количествѣ ангеловъ, которыхъ можно помѣстить на концѣ иголки, то теперь спорили о томъ, какъ звали мать Андромахи. Но противъ этого увлеченія раздавались голоса самихъ гуманистовъ. Пико Мирандольскій ясно понимаетъ истинныя научныя стремленія и умѣетъ цѣнить заслуги

¹⁾ Burckhardt. II, 105.

²⁾ Ibid. I, 175.

³⁾ Voigt. 37—45.

даже схоластиківъ. «Мы будемъ вѣчно жить, говорить онъ, не въ школахъ буквоѣдовъ, но въ кругу мудрецовъ, гдѣ спорять не о матери Андромахи, не о сыновьяхъ Нюбы, но о глубочайшихъ основаніяхъ божественныхъ и человѣческихъ вещей. Подойдя ближе, всякій замѣтитъ, что и варвары имѣютъ духъ не на языкѣ только, но и въ сердцѣ» ¹⁾. Освобожденіе науки касалось не только ея содержанія. Съ XIV-го столѣтія научное образованіе начинаетъ распространяться въ обществѣ, тогда какъ раньше оно составляло исключительное достояніе духовенства. Этому перевороту въ значительной степени содѣйствовала педагогическая дѣятельность гуманистовъ, къ которой они чувствовали большое призваніе. Наиболѣе знаменитые изъ нихъ были постоянно окружены толпою учениковъ. Никколо Никколи первый дѣлаетъ свою бібліотеку публичной, каждый можетъ приходить туда и пользоваться не только книгами, но руководствомъ и указаніями ученаго хозяина ²⁾. Нѣкоторые изъ представителей новаго направленія переходили изъ одного города въ другой и всюду открывали публичные курсы классическихъ языковъ и литературы. Джіованни да-Равенна, на примѣръ, читалъ лекціи въ Падуѣ, Флоренціи и Венеціи и образовалъ цѣлую школу послѣдователей ³⁾. Другіе открывали постоянныя школы, которыя становились разсадниками просвѣщенія не только для Италіи, но и для другихъ государствъ. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи Витторино да-Фельтре; подобно своему учителю Джіованни да-Равенна, онъ нѣкоторое время былъ странствующимъ педагогомъ, а потомъ основалъ въ Мантуѣ постоянную школу. Характеръ и направленіе его школы шли совершенно въ разрѣзъ съ средневѣковой педагогикой, педагогъ-гуманистъ называлъ свое училище саза діасоза и тщательно избѣгалъ суровыхъ мѣръ, любимаго воспитательнаго средства учителей-монаховъ. Въ основу своей системы онъ положилъ классическіе языки, но это была только подготовительная работа: средніе курсы изучали Virgilia и Гомера, Цицерона и Демосѣна, высшіе—Платона и Аристотеля. Школа давала такимъ образомъ не только формальное образованіе: классическіе авторы вводили юношество въ самую античную жизнь, открывали передъ нимъ сокровища древней мудрости. Кромѣ того, Витторино, самъ глубоко проникнутый классическимъ духомъ, стремился къ гармоническому развитію своихъ учениковъ: онъ развивалъ не только умъ, но и чувство, не только духъ, но и тѣло; въ его школѣ, на ряду съ наукой, преподавались живопись и музыка, танцы и верховая ѣзда ⁴⁾. Стремленіе къ божественной всесторонности, характеризующее эпоху Возрожденія, сказалось и въ школѣ.

¹⁾ Burckhardt. I, 245.

²⁾ Voigt. 157.

³⁾ Ibid. p. 127.

⁴⁾ Ibid. p. 251 und folg.

Сообразно съ новыми воззрѣніями, измѣнилась и форма изложенія: тяжелая, туманная и неправильная средневѣковая латынь была замѣнена изящной простотой классической рѣчи. Такая перемѣна способствовала распространенію науки, которая теперь изъ тѣсныхъ стѣнъ монастыря и школы перешла въ роскошные дворцы и палаты государей и аристократіи, въ изящные салоны знатныхъ дамъ и въ скромные дома представителей третьяго сословія. Первый шагъ расширенія научнаго образованія былъ сдѣланъ: научныя занятія заинтересовали общество, сдѣлались доступны верхнимъ и среднимъ слоямъ его; реформація, положившая основаніе народной школѣ, довершила остальное.

Гуманисты совершили свое дѣло: они создали свѣтскую интеллигенцію и общественное мнѣніе, освободили личность и лучшее ея достояніе—разумъ отъ оковъ католицизма, секуляризировали мысль, науку и школу—въ этомъ заключается культурное значеніе этого движенія. «Все образованіе настоящаго и будущихъ временъ, говоритъ Гейгеръ въ обработкѣ книги Буркгардта, основано на томъ, что произошло это событіе» ¹⁾. Значительная доля этой заслуги принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Италіи, на почвѣ которой началось движеніе. Но на судьбу итальянскаго гуманизма особенно вредно вліяли два условія: отношеніе къ католицизму и положеніе при дворахъ итальянскихъ государей. Вслѣдствіе этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, итальянскимъ гуманистамъ не удалось примирить классическую цивилизацію съ христіанствомъ и сохранить нравственную твердость и чистоту.

III.

Классическіе идеалы, съ которыми познакомились гуманисты въ произведеніяхъ древнихъ авторовъ, произвели на умы столь сильное впечатлѣніе, что явилась мысль о полной реставраціи древности. Классическій міръ казался такъ безупречно хорошъ, что вся современность не могла выдержать съ нимъ никакого сравненія. Отсюда недовольство формами роднаго быта, роднымъ языкомъ и родной вѣрою и стремленіе замѣнить все это соотвѣтствующими сторонами античной жизни. Петрарка мечтаетъ уже о возстановленіи въ Римѣ древней республики; Кола ди Ріенси, который самъ воображалъ себя Брутомъ, кажется ему Ромуломъ, Камилломъ; онъ даетъ католическому міру древнее устройство: тогда «общество измѣнится, наступитъ золотой вѣкъ, земной кругъ приметъ новый видъ» ²⁾. Когда эти фантазіи рушились, когда гума-

¹⁾ Burckhardt. I, 314.

²⁾ Voigt, p. 33.

нисты увидѣли, что прежняя роль ихъ родины окончена навсегда, наступило полное равнодушіе. Политическія воззрѣнія или почерпались изъ классическихъ авторовъ, проповѣдовалось, напримѣръ, убійство тиранновъ, или говорили совершенно противоположное, если это было удобнѣе: рядомъ съ преклоненіемъ передъ Брутомъ стояло ученіе Макиавелли, выраженное имъ въ книгѣ *de Principe*. Переходы гуманистовъ отъ одного князя къ другому, смотря по количеству жалованья и другимъ выгодамъ, содѣйствовали развитію политическаго индифферентизма. Ученіе — *ubi bene, ibi patria est* было прямо сформулировано. «Наиболѣе мудрый, говоритъ гуманистъ Петръ Алкюній (*Alcyonius*), считаетъ весь земной кругъ однимъ государствомъ и истинною родиною признаетъ ту страну, которая приметъ его во время странствія, которая почитаетъ честность, совѣсть и добродѣтель, которая покровительствуетъ высшимъ занятіямъ и свободнымъ наукамъ, которая позволяетъ всѣмъ чужеземцамъ занимать достойное положеніе и пользоваться славой своей извѣстности» ¹⁾. Результатомъ такого настроенія была оторванность отъ почвы, оторванность, особенно сильно проявившаяся въ отношеніи къ родному языку. Популярности Данте особенно вредило въ глазахъ гуманистовъ то обстоятельство, что его великая поэма была написана на народномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого, Петрарка считаетъ Данте недостойнымъ зависти; онъ не желаетъ себѣ популярности среди «прачекъ, шинкарей и поденщиковъ»; онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на свои сонеты къ Лаурѣ, доставившіе ему безсмертіе. Точно также относится Боккаччо къ своимъ новелламъ.

Но равнодушіе къ родному быту и пренебреженіе къ итальянскому языку исчезли вмѣстѣ съ крайностями увлеченія классическимъ міромъ. Въ XV и XVI столѣтія гуманисты сдѣлались такими же патріотами, какъ ихъ противники, и начали писать на родномъ языкѣ. Гораздо сильнѣе столкнулись два міросозерцанія, античное и средневѣковое, въ области религіи; здѣсь контрасты были гораздо рѣзче, примиреніе значительно труднѣе. Съ перваго взгляда казалось необходимымъ отказаться или отъ Зевса, или отъ Христа; но то и другое было слишкомъ трудно. Увлеченіе древностью было слишкомъ сильно, поэтическіе образы греческой міеологіи были слишкомъ привлекательны, чтобы холодно отвергнуть весь Олимпъ. Съ другой стороны, гуманисты не могли отрицать глубины и прочности христіанства, пустившаго крѣпкіе корни въ обществѣ, не могли думать объ успѣшномъ возвращеніи христіанской Европы къ классическому язычеству. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ къ примиренію если не двухъ религій, то, по крайней мѣрѣ, двухъ религіозныхъ міросозерцаній; но всѣ эти попытки оказались безплодными на католической почвѣ. Нѣкоторые изъ послѣдователей по-

¹⁾ Burckardt. I, 197.

ваго направлення сьумѣли остаться благочестивыми католиками: таковы были Траверзари и папа Николай V; но они только интересовались древностью, а не были проникнуты ею; они были гуманисты, собиратели и ученые, а не мыслители и философы. Болѣе впечатлительныя и глубокія натуры стремились примирить противоположности классической философіи и средневѣковаго богословія; этимъ были заняты Салютато и Альберти, такую цѣль поставила себѣ Флорентійская академія съ Марсиліемъ Фициномъ во главѣ. «Марсилій задумалъ составить книгу Платонова богословія, очень близко подходившаго къ язычеству, и сдѣлать доступными для народа Орфеевы гимны и жертвоприношенія», говоритъ его біографъ Корси: «но потомъ, измѣнивъ это намѣреніе, приспособилъ Платонову теологію къ христіанскимъ обрядамъ» ¹⁾. Попытка поганизировать христіанство не имѣла и не могла имѣть успѣха, самъ Марсилій понималъ, что его проектъ привелъ бы къ чисто внѣшнему смѣшенію различныхъ обрядовъ. Для примиренія представлялся иной путь: нужно было реформировать католицизмъ, ту форму христіанства, въ которой его знали въ средніе вѣка, и ввести въ христіанское міросозерцаніе новые идеалы. Папство было слишкомъ, узко, исключительно и нетерпимо, чтобы произвести такую реформу, въ самомъ итальянскомъ обществѣ было слабо религіозное чувство, которое было необходимо для переворота. Новыя потребности и стремленія вошли въ христіанское міросозерцаніе, когда религія стала пониматься глубже, когда ея сущностью признали не внѣшнія обрядности, какъ въ католичествѣ, а внутреннее настроеніе. Такой переворотъ произошелъ позже въ XVI вѣкѣ и не въ Италіи, а въ Германіи. Марсилій Фицинъ понималъ эти препятствія и высказалъ иной взглядъ на религію. «Зародышъ добра и истины составляютъ зерно всякой религіи, говорилъ онъ: разница въ обрядахъ не противна Богу» ²⁾. Но для большинства гуманистовъ неудачныя попытки въ области религіи привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ политикѣ: къ индифферентизму или отрицанію. Для Л. Валлы было совершенно все равно, во что вѣровать и что считать истиннымъ въ религіи. Онъ пишетъ цѣлый рядъ изслѣдованій и памфлетовъ противъ папы, потому что это угодно его покровителю; а потомъ съ легкимъ сердцемъ отвѣчаетъ на обвиненія инквизиціи, что онъ «вѣруетъ, какъ учить мать церковь» ³⁾. Кардиналъ Бембо считаетъ «изученіе священнаго Писанія ребячествомъ, неприличнымъ для серьезнаго человѣка», а папа Левъ X, называлъ все христіанство «доходной басней». Иные изъ сравненія язычества съ христіанствомъ вывели заключеніе, что основанія

¹⁾ Janitshek, p. 102, 104.

²⁾ Ibid. p. 19.

³⁾ Voigt, p. 226.

истинности одинаковы для обѣихъ религій. Къ такому убѣжденію пришла римская академія, членовъ которой называли атеистами и циниками. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что подобнаго рода религіозныя и политическія воззрѣнія не вытекали изъ сущности гуманизма, служатъ представители этого направленія въ Германіи. Эразмъ съ любовью занимался изученіемъ священнаго писанія, заслуги Меланхтона въ дѣлѣ реформаціи даютъ ему право на первое мѣсто послѣ Лютера. Точно также едва ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію глубокая любовь Ульриха фонъ-Гуттена къ нѣмецкой націи; другой гуманистъ Вимпфелингъ произвелъ цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій о прошломъ своего народа, и по всѣмъ его произведеніямъ проходить одна черта — любовь къ родинѣ. Идея національнаго объединенія Германіи, наконецъ, твердо и настоятельно была формулирована гуманистами.

Неудачныя попытки примирить новыя философскія и политическія воззрѣнія съ дѣйствительностью привели не только къ политическому и религіозному индифферентизму, но и къ пониженію нравственнаго уровня итальянскихъ гуманистовъ. Средневѣковая мораль, тѣсно связанная съ аскетизмомъ, потеряла кредитъ; этическія системы классическаго міра не представляли одного цѣлаго; писатели временъ римской имперіи, съ которыми наиболѣе были знакомы гуманисты, не могли имѣть благотворнаго вліянія на нравственность. Ко всему этому присоединилось положеніе, которое гуманисты занимали при дворахъ: на ихъ обязанности лежало во что бы то ни стало прославлять меценатовъ. Они готовы были сдѣлаться «трубою славы» всякаго, кто могъ платить имъ хорошее жалованье. Изъ-за выгоды они были готовы расточать какую угодно лесть; одинъ гуманистъ сложилъ молитву въ честь Льва X-го, въ которой называлъ папу божествомъ (*numen*). Деньги и чувственыя наслажденія — постоянная цѣль ихъ стремленій; ради нея они готовы на все. Филельеро, будучи совершеннымъ атеистомъ, всякій разъ, какъ терялъ жену (а это случилось съ нимъ 3 раза), обращался къ папѣ съ просьбою о кардинальской плятѣ и, получивъ отказъ, немедленно вступалъ снова въ бракъ. Жадность къ деньгамъ составляетъ также характерную черту этого типичнаго гуманиста: онъ вѣчно недоволенъ своимъ положеніемъ; имѣя 6 лошадей въ конюшнѣ и цѣлый штатъ прислуги, онъ жалуется на бѣдность и проситъ вспомошествованія ¹⁾. Семейныя добродѣтели стояли у гуманистовъ на одномъ уровнѣ съ безкорыстіемъ. Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ, стоитъ припомнить только «Декамеронъ» Боккачіо, новеллы Сакетти и цѣлой массы ихъ подражателей. Если содержаніе этихъ произведеній, безцеремонность описаній и разсказовъ еще можно объяснить особенностію понятій

¹⁾ Voigt, p. 248.

того времени о приличіяхъ, то тонъ новеллъ, отношеніе автора къ сюжету ясно показываетъ, что уровень семейной нравственности былъ весьма низокъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ имѣла извѣстное значеніе реакція противъ аскетизма, когда, по выраженію Маколей, хвастаются пороками, противоположными добродѣтелямъ противниковъ; играло извѣстную роль и крайнее увлеченіе древностью: Бекаделли въ своемъ сочиненіи «Гермафродитъ» изобразилъ прелести классическаго порока, и престарѣлые отцы семействъ, навѣрное чуждые этой грязи, восхищались ею, — тѣмъ не менѣе, въ общемъ, упадокъ морали несомнѣненъ. Чувственныя удовольствія, столь высоко цѣнимыя гуманистами въ жизни, нашли и въ теоріи талантливаго защитника въ лицѣ Л. Валлы, который въ своемъ сочиненіи «О чувственномъ удовольствіи» защищалъ моральныя доктрины эпикурейцевъ.

На ряду съ жаждою выгодъ и удовольствій гуманисты отличались крайнимъ честолюбіемъ. Эта черта, характерная для движенія, особенно развилась подъ вліяніемъ древности. Въ средніе вѣка, когда главное вниманіе обращено было на загробную жизнь, чело-вѣческая слава считалась большею «суетою суетъ», чѣмъ власть и богатство; любовь къ славѣ шла въ разрѣзъ съ аскетическимъ идеаломъ еще и потому, что она противорѣчила чувству христіанскаго смиренія. Но когда гуманисты познакомились съ классической литературой, они нашли въ ней совершенно иное отношеніе къ славѣ: лучшіе умы древняго міра считали честолюбіе сильнымъ и законнымъ стимуломъ къ добродѣтели. Такое воззрѣніе было принято и гуманизмомъ. Уже Петрарка заявлялъ, что «цѣль его трудовъ слава и честь безсмертнаго имени» ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ Гуиччардини признавалъ единственно важнымъ и прочнымъ этотъ стимулъ чело-вѣческой дѣятельности. «Кто высоко ставитъ честь, говорить онъ, тому удается все, потому что онъ не боится ни труда, ни издержекъ, ни опасности. Я испыталъ это на себѣ и смѣло могу писменно утверждать, что суетны и мертвы тѣ дѣйствія людей, которыя не вызваны этимъ сильнымъ побужденіемъ» ²⁾. Стремясь къ славѣ, гуманисты были убѣждены, что литературная дѣятельность составляетъ самый вѣрный путь къ ней; поэтому всѣ они считали себя безсмертными. Мало того, ихъ произведенія должны были прославить въ потомствѣ не только имена авторовъ, но также и тѣхъ лицъ, которыя воспѣвались въ поэмѣ или которымъ было посвящено сочиненіе. Филельро глубоко убѣжденъ, что его латинское стихотвореніе, посвященное дѣяніямъ Сфорцы, прославить тиранна; Поджіо, обращаясь къ одному изъ своихъ покровителей, говорить: «вѣрь мнѣ, что нѣтъ славы, продолжитель-

¹⁾ Voigt, p. 72.

²⁾ Burckhardt. II, 203.

нѣ той, которую передають потомству произведенія писателей. Одни они только доставляютъ «безсмертіе». И этому вѣрили. За посвященіе книги автора возводили въ рыцарское достоинство, жаловали помѣстья, платили огромныя суммы, дѣлали цѣнныя подарки. «Ваше произведеніе нельзя оплатить, говорилъ Альфонсъ Аррагонскій одному изъ гуманистовъ, хотя бы я вамъ отдалъ за него одинъ изъ моихъ лучшихъ городовъ» ¹⁾. Вслѣдствіе такихъ отношеній меценатовъ къ покровительствуемымъ, гордость тщеславіе и самохвальство гуманистовъ не знали предѣловъ. «Мое имя въ устахъ всѣхъ, пишетъ Филельеро; первые сановники республики, самыя знатныя женщины уступаютъ мнѣ дорогу. Мнѣ почти стыдно отъ всеобщаго передо мной смиренія. У меня ежедневно болѣе 400 слушателей, по большей части знатныхъ людей высшаго сословія. Первые сановники государства не имѣютъ болѣе вліянія, чѣмъ я» ²⁾.

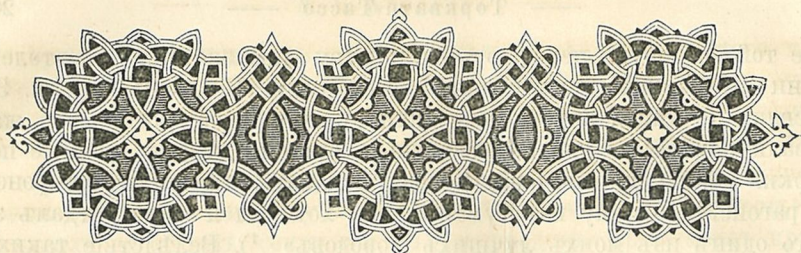
Но безсмертіе оказалось непрочнымъ, почести недолговременными. Общественное настроеніе измѣнилось; увлеченіе древностью улеглось; на сѣверѣ началось движеніе, привлекая къ себѣ общее вниманіе; въ обществѣ религіозный взрывъ, характеризующій реформацію, напелъ отголосокъ; итальянскія войны Карла V-го и Франциска I-го пробудили мѣстный патріотизмъ. Гуманисты, чуждые такихъ интересовъ, отступили на задній планъ; отношенія къ нимъ меценатовъ измѣнились, и они потеряли прежній вѣсъ и значеніе. Въ XVI вѣкѣ гуманизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова падаетъ; умственное движеніе, сохраняя существенныя черты возрожденія, измѣняется: поэты пишутъ на родномъ языкѣ и пытаются на родной почвѣ возсоздать классическую литературу; они не подражаютъ древнимъ авторамъ, но творятъ въ ихъ духѣ; культъ славы проченъ, но ея ищутъ не только у поэтовъ и писателей; религіозное чувство проснулось и католицизмъ не удовлетворялъ его, но реформационное воодушевленіе чуждо итальянской интеллигенціи; протестантизмъ для нея еще ересь, мало извѣстная, мало понятная, мораль не нашла еще прочнаго основанія: древній міръ не удовлетворялъ, католицизмъ оскорблялъ нравственное чувство. Отсюда постоянныя колебанія, мучительныя сомнѣнія, даводившія людей впечатлительныхъ до отчаянія, почти до сумасшествия. Лучшимъ выразителемъ такого настроенія является Торквато Тассо.

М. Корелинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Burckhardt. I p. 267.

²⁾ Laurent. VIII, 390.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

THE STATISTICAL ABSTRACT FOR THE COLONIES AND OTHER POSSESSIONS OF THE UNITED KINGDOM. LONDON 1883 (Статистическій перечень колоній и другихъ владѣній Великобританіи. Лондонъ. 1883 г.).

ЗНАЧЕННОЕ изданіе отличается достовѣрностью данныхъ, сообщаемыхъ имъ о колоніяхъ и другихъ владѣніяхъ Великобританіи. Эти колоніи и владѣнія занимаютъ собою поверхность въ 7.917,000 квадр. миль (англійскихъ), слѣдовательно, слишкомъ вдвое болѣе поверхности всей Европы и въ 65 разъ болѣе своей метрополіи, Великобританіи; Сѣверо-американскія ея владѣнія занимаютъ поверхность въ 3.500,000 квадр. миль; Австралія 3.000,000 квадр. миль; Остъ-Индіа, за исключеніемъ вассальныхъ государствъ, 900,000 квадр. миль; владѣнія на мысѣ Доброй Надежды 222,000 квадр. мили. Во всѣхъ владѣніяхъ Великобританіи считалось, въ 1881 году, населенія 217.695,000 душъ, но это населеніе распределено крайне неравномѣрно. Такъ, въ Остъ-Индіи въ сложности приходится на квадратную милю 225 человѣкъ, въ Сѣверной же Америкѣ только 1,3 человѣка, а въ Австраліи даже менѣе одного человѣка (0,9) на квадратную милю. Англійскія колоніи прогрессивно процвѣтаютъ въ своемъ благоденствіи. Въ 1871 году доходы ихъ простирались на 70.457,000 фунт. стерл. (704.570,000 руб. кред.), а въ 1881 году они возрасли до суммы 110.122,000 фунт. стерл. (1.101.220.000 руб. кред.), причемъ доходы Остъ-Индіи увеличились съ 53.600,000 фунт. стерл. на 75.300,000 фунт. стерл.,

доходы Австраліи съ 9.600,000 на 20.600,000 фунт. стерл., а мыса Доброй Надежды съ 1.160,000 на 5.620,000 фунт. стерл. Но и расходы этихъ владѣній также увеличились, а именно съ 69.878,000 фунт. стерл. (698.780,000 руб. кред.), въ 1871 году, на 114.182,000 фунт. стерл. (1.141.820,000 руб. кред.) въ 1882 году. Въ этотъ десятилѣтній періодъ долгъ этихъ владѣній сильно возросъ, потому что значительныя суммы были употреблены колоніальными правительствами на разныя общепользныя сооруженія. Такъ, въ 1871 году долгъ всѣхъ колоній равнялся суммѣ 176.800,000 фунт. стерл. (1.768.000,000 руб. кред.), а въ 1881 году 306.400,000 фунт. стерл. (3.064.000.000 руб. кред.), причемъ долгъ Остѣ-Индіи съ 117.500,000 фунт. стерл. увеличился на 160.300,000 фунт. стерл., Австраліи съ 39.000,000 на 96.000,000 фунт. стерл., а Канады съ 16.500,000 на 32.600,000 фунт. стерл. Займы на эти суммы были почти исключительно реализованы въ самой Англіи, гдѣ колоніальные фонды пользуются большимъ уваженіемъ. Привозная торговля всѣхъ англійскихъ колоній и владѣній въ 1871 году простиралась на сумму 128.663,000 фунт. стерл. (1.286.630,000 руб. кред.), а въ 1881 году на 208.880,000 фунт. стерл. (2.088.800,000 руб. кред.), или увеличилась на 62 процента. Вывозная торговля въ тотъ же періодъ времени возросла на 36 процентовъ, или съ 147.167,000 фунт. стерл. (1.471.670,000 руб. кред.) на 200.379,000 фунт. стерл. (2.003.790,000 руб. кред.). Вывозъ изъ Великобританіи въ ея колоніи въ тотъ же десятилѣтній періодъ увеличился на 43 процента, а привозъ изъ колоній въ метрополию на 25 процентовъ. Замѣчательно, что въ этомъ торговомъ движеніи наибольшее участіе принимаетъ англійскій коммерческій флотъ, а именно количество тоннъ всѣхъ судовъ, перевозившихъ грузы, возросло на 87 процентовъ, съ 33.632,000 тоннъ въ 1871 году, на 62.842,000 тоннъ въ 1881 году, въ томъ числѣ однихъ англійскихъ судовъ на 148 процентовъ, съ 20.220,000 тоннъ въ 1871 году, на 50.285,029 тоннъ въ 1881 году. Такимъ образомъ, колоніальная торговля служить однимъ изъ главныхъ условій развитія англійскаго торговаго флота.

Къ этимъ любопытнымъ цифрамъ можно присовокупить данныя за 1882 годъ, обнародованныя въ «Австралійскомъ коммерческомъ обзорѣніи» («Australasian Trade Review»), о нѣкоторыхъ владѣніяхъ Австраліи, именно Викторіи, Новаго Южнаго Уэльса, Новой Зеландіи, Южной Австраліи и Тасманіи. Населеніе въ нихъ, въ 1882 году, составляло 2.577,627 душъ, привозъ товаровъ въ 1882 году равнялся 56.887,096 фунт. стерл., въ 1881 году 48.240,099 фунт. стерл.; вывозъ въ 1882 году 46.401,004 фунт. стерл., въ 1881 году 44.325,806 фунт. стерл.

Вышеприведенныя цифры получаютъ своего рода освѣщеніе, если припомнить вновь возникшее въ послѣдніе мѣсяцы стремленіе въ Англіи и Франціи къ увеличенію своихъ колоніальныхъ

владѣній. Правленіе австралійской колоніи Квинслендъ заняло островъ Новую-Гвинею, величиною равную почти Франціи, а республиканское правительство послѣдней простираетъ свои замыслы на Тонкинъ и Мадагаскаръ, и, повидимому, прочно утверждается въ Тухлуъ. Дѣйствительно, трудно было предсказать англійскимъ мѣстамъ ссылки преступниковъ въ Австраліи, что они менѣе чѣмъ въ столѣтіе достигнутъ нынѣшняго своего благосостоянія и будутъ имѣть ежегодный оборотъ по привозной и вывозной торговлѣ въ 4 миллиарда рублей.

II. У.

METHODS OF SOCIAL REFORM, AND OTHER PAPERS. BY W. STANLEY JEVONS. LONDON 1883 (Системы социальной реформы и другія статьи, Станли Дживонса. Лондонъ. 1883 г.).

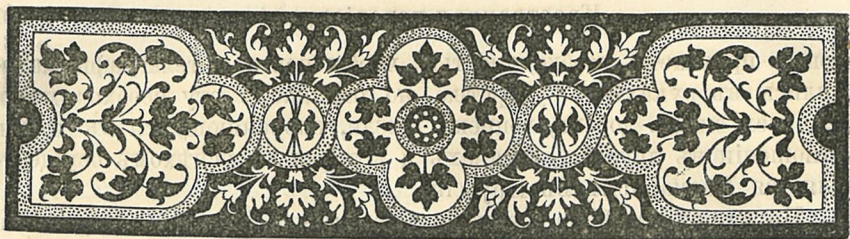
Профессоръ Дживонсъ приобрѣлъ себѣ лестную извѣстность въ Англіи своими сужденіями и изслѣдованіями по современнымъ социальнымъ вопросамъ. Вышедшая нынѣ книга издана послѣ его смерти и представляетъ сборникъ его статей, напечатанныхъ въ разное время. Только изслѣдованіе его «О пользѣ музеевъ и о злоупотребленіи ими» явилось нынѣ въ свѣтъ въ первый разъ. Дживонсъ принадлежалъ къ старательнымъ и проницательнымъ наблюдателямъ современныхъ явленій жизни, пытавшимся достигнуть разрѣшенія трудныхъ промышленныхъ и социальныхъ задачъ примѣненіемъ къ нимъ научныхъ началъ политической экономіи и логики. Во многихъ его трудахъ выливается сердечная натура этого высоко образованнаго ума, ученаго и музыканта, страстно желавшаго достигнуть улучшенія жизненныхъ условій для народа. Въ вышедшемъ нынѣ сборникѣ его трудовъ помѣщены: «Увеселенія народа», «Рабочія общества, ихъ цѣли и образъ дѣйствія», «Обсужденіе вопроса о даровыхъ бібліотекахъ», «Основанное на опытѣ законодательство и торговля спиртными напитками», «Объ употребленіи на работы на фабрикахъ замужнихъ женщинъ», «Желѣзныя дороги и государство», «Промышленныя товарищества». Несмотря на различіе условій государственнаго и экономическаго строя Россіи и Англіи, многія изъ изслѣдованій Дживонса могутъ быть съ пользою примѣнены и къ нашимъ условіямъ, потому что въ нихъ заключается рядъ замѣчательныхъ мыслей, логически выведенныхъ и доказанныхъ. Дживонсъ доказываетъ, что законодательство, ограничивающее употребленіе въ работу на фабрикахъ беременныхъ женщинъ или матерей юныхъ дѣтей, не составляетъ ненужнаго вмѣшательства въ свободу найма или контрактовъ. Онъ также возстаетъ противъ мысли, что «цѣны и заработная плата должны быть предметомъ законодательнаго распоряженія». Жи-

вонсъ признаеть необходимостью, чтобы почта и телеграфы находились въ рукахъ государства, но отрицаетъ эту необходимость для желѣзныхъ дорогъ, вопреки мысли, вкореняющейсѣ въ этомъ отношеніи въ другихъ странахъ и которая съ успѣхомъ осуществляется Бисмаркомъ въ Пруссіи.

По нашему мнѣнію, не мѣшало бы трудъ Дживонса издать въ русскомъ переводѣ.

П. У.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Исторія русскаго генеральнаго штаба. Составилъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Н. П. Глиноецкій. Томъ I. 1698—1825 гг. Спб. 1883 г.

ВАДЦАТЬ шестого ноября 1882 года наша Николаевская Академія Генеральнаго Штаба праздновала юбилей своей полуувѣковой дѣятельности. Къ этому времени авторомъ лежащей передъ нами «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» Н. П. Глиноецкимъ, была составлена подробная исторія этого высшаго военно-учебнаго заведенія въ Россіи. Такъ какъ эта частная исторія учебнаго заведенія, учениками которой по преимуществу комплектовался корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба, весьма близко совпадала съ новой исторіей развитія и образованія генеральнаго штаба, какъ боевого учрежденія, то нынѣ г. Глиноецкому пришлось ограничить свои историческія изслѣдованія, такъ-сказать, только древнимъ періодомъ исторіи этого учрежденія, т. е. отъ появленія у насъ первыхъ квартирмейстеровъ при Петрѣ I до совершенно особой организаціи генеральнаго штаба, приданной ему императоромъ Николаемъ I. Охватывая весь XVIII вѣкъ, со всѣми его историческими особенностями, исторія г. Глиноецкаго, хотя и касается, по-видимому, весьма частнаго факта—боевого устройства русской арміи, но попутно сообщаетъ цѣлую массу фактовъ изъ сферы служенія, которые, взятые вмѣстѣ, весьма рельефно очерчиваютъ большія мѣста нашего стараго, а исторически — объясняютъ кое-что и въ порядкахъ новой службы.

Одною изъ такихъ крайне характерныхъ чертъ надо признать попытки выписываемыхъ изъ заграницы «нѣмцевъ» ввести къ намъ прочныя, на законѣ основанныя, порядки службы,—попытки, послѣдовательно разбивавшіяся о природное самодурство то того, то другого властнаго славянина. Такъ, въ самомъ началѣ образованія у насъ должности постоянныхъ квартирмейсте-

ровъ, по проекту нѣмца Вейде, съ одобренія графа Б. П. Шереметева, въ 1698 году, мы черезъ 10 лѣтъ уже встрѣчаемся съ фактомъ, что тотъ же Шереметевъ, вмѣстѣ съ генераль-квартирмейстеромъ и инженерами, употреблялъ для развѣдыванія путей также своего деньщика Елку. Каково было начало, таково и продолженіе, и потому къ концу вѣка мы ясно видимъ, что какъ ни старались организовать квартирмейстерскую часть нѣмцы Вейде, Минихъ, Эльмитъ, Бауръ, Писторъ и Сухтеленъ, — славяне Шереметевъ, Апраксинъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Салтыковъ и Аракчеевъ все снова разстроивали. Особенно рельефную картину войсковыхъ порядковъ рисуетъ г. Глиноецкій за время царствованія императрицы Екатерины II и Павла Петровича. Въ 1769 году былъ выписанъ изъ Пруссіи спеціально для устройства штабныхъ должностей арміи генераль-квартирмейстеръ Бауръ, весьма отличившійся въ семилѣтнюю войну въ войскахъ Фридриха Великаго. Участвуя лично въ румянцевскихъ походахъ, на первыхъ же порахъ, Бауръ за свою дѣятельность удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ отъ Румянцева, который въ письмѣ къ императрицѣ отъ 13-го марта 1770 года пишетъ слѣдующее: «Объ искусствѣ сего генерала въ своемъ ремеслѣ, по однимъ начальнымъ видамъ уже, я осмѣливаюсь вашему императорскому величеству донести, что подобнаго ему наукою въ семь чинѣ, въ мою службу, у насъ не было». Далѣе историкъ генеральнаго штаба довольно прозрачно намекаетъ (разумѣется, не желая бросать хотя бы малѣйшую тѣнь на заслуги великаго полководца), что успѣхами своими подъ Ларгою и Кагуломъ Румянцевъ весьма много обязанъ Бауру, которому въ числѣ прочаго было поручено также преслѣдованіе разбитыхъ турокъ послѣ Кагула, во время чего огнемъ артиллеріи онъ уничтожилъ турецкую артиллерію, стоявшую противъ Исаки. Въ концѣ 1770 года, Бауръ, по возвращеніи въ Петербургъ, горячо принимается за преобразованія квартирмейстерской части, пишетъ проектъ этого преобразованія, который, однако же, удостоивается утвержденія императрицы только въ 1772 году. Когда же Бауръ принялся энергически за осуществленіе этихъ своихъ положеній, то встрѣтилъ немедленно же рѣзкое противодѣйствіе въ томъ же графѣ Румянцевѣ, и потому въ результатъ такой энергіи оказывается, что въ 1775 году Бауръ былъ уже въ полной немилости. Съ этого времени, пишетъ г. Глиноецкій, Бауръ, видимо избѣгая столкновенія съ всесильнымъ Потемкинымъ, перенесъ свою дѣятельность на разнаго рода инженерныя работы. Съ этого времени мы видимъ, что этотъ генераль, оставаясь въ званіи генераль-квартирмейстера и будучи прославленъ чисто боевыми заслугами, занимается постройкой водопроводовъ, театровъ, арсеналовъ, набережныхъ, проводитъ каналы и даже мостить улицы С.-Петербурга! Забѣгнемъ, что Бауръ былъ все-таки крупною историческою личностью и человѣкомъ замѣчательныхъ способностей. Чего же можно было ожидать, когда его преемникомъ въ концѣ царствованія Екатерины II слѣдался заурядный нѣмецъ Писторъ. Положеніе этого бѣднаго генераль-квартирмейстера было поистинѣ трагикомическое. Въ вѣдомствѣ Пистора не только Салтыковъ и Зубовъ распоряжались безъ всякаго стѣсненія, но въ концѣ-концовъ отняли у него даже его личнаго адъютанта, не обращая въ то же время никакого вниманія на его жалобы и даже на прошенія бѣднаго нѣмца объ отставкѣ. Между тѣмъ у Пистора, во время польскаго похода 1797 года находившагося въ возмущившейся Варшавѣ вмѣстѣ съ Игельстромомъ, были также серьезныя боевыя заслуги. До чего въ это

время личные счеты и интриги пересиливали служебные интересы и затемняли государственные заслуги можно судить, между прочимъ, и по слѣдующему вопіющему факту. Послѣ пораженія турокъ войсками Репнина, которому завидовалъ Потемкинъ, подъ Мачинымъ, одинъ только Репнинъ получилъ награду лично отъ государыни, а всѣ остальные награды были задержаны Потемкинымъ до самой его смерти въ 1792 году, и только послѣ кончины великолѣпнаго князя выданы были награды главнымъ начальникамъ штурмовавшихъ колоннъ, а остальные (въ томъ числѣ и офицеры генеральнаго штаба) такъ и не получили никакихъ наградъ за это блистательное для русскаго оружія дѣло. Въ виду такого положенія дѣлъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Павла I по вступленіи на престолъ было формальное уничтоженіе организаціи генеральнаго штаба, находившейся послѣ Баура въ полномъ разстройствѣ. Со свойственнымъ этому императору лаконизмомъ, онъ 13-го ноября 1796 года изволилъ отдать слѣдующій приказъ: «Департаментъ генеральнаго штаба упразднить, членовъ онаго распредѣлить въ армію, домъ передать въ вѣдомство корпуса кавалергардовъ, а карты, планы и всѣ вообще дѣла отдать е. и. в. генералъ-адъютанту Кушелеву». Вслѣдъ затѣмъ, паролънымъ приказомъ 15-го февраля 1797 года, просившійся въ заграничный отпускъ Писторъ былъ отставленъ отъ службы и уѣхалъ навсегда въ Кассель, забравъ съ собою всѣ лучшіе карты и планы, какіе имѣлись въ то время въ управленіи генеральнаго штаба, такъ что Кушелеву достались одни только черныя и брѣвны. Эти забранныя Писторомъ карты были частью возвращены въ Россію только въ 1813 году, послѣ занятія Касселя отрядомъ князя Чернышева.

Затѣмъ, дважды пройдя черезъ руки Аракчеева, нашъ генеральный штабъ къ концу царствованія Павла Петровича, можно сказать, былъ совершенно уничтоженъ, такъ какъ офицеры свиты потеряли общій мундиръ, числились и по кавалеріи, и по пѣхотѣ, не имѣли своего производства и вообще лишились всякой организаціи, такъ что со вступленія на престолъ императора Александра I все дѣло нужно было организовать вновь, для чего потребовался новый нѣмецъ, талантливый и честный инженеръ голландецъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ. Время же аракеевщины въ свитѣ было особенно замѣчательно сугубымъ перечеркиваніемъ старыхъ картъ и плановъ, для чего офицеры свиты собирались во дворецъ (на прежнюю квартиру Зубова) къ семи часамъ утра и отпускались оттуда въ семь часовъ вечера. Развлеченіемъ для нихъ служила брань, а иногда и пощечины, раздававшіяся ихъ рачительнымъ начальникомъ. Такъ, колоновожатому барону Фитингофу Аракчеевъ далъ пощечину, а заслуженнаго маіора Лея, имѣвшаго за штурмъ Измаила золотое оружіе, изругалъ такъ, что тотъ, возвратясь домой, застрѣлился.

Заканчивая на этомъ наши выдержки изъ книги г. Глиноецкаго, мы думаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдить читателя, насколько полна глубокаго и далеко не частнаго интереса его «Исторія русскаго генеральнаго штаба». По своему характеру и по спеціальному историческому матеріалу, которымъ пользовался составитель, эта «Исторія» должна доставить интересное чтеніе для многихъ и составить весьма полезный источникъ для тѣхъ, кто интересуется подлинной и подробной исторіей XVIII вѣка въ Россіи.

В. П.

**Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Соч.
И. Ремезова. Спб. 1883.**

Вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного состоянія, въ книжной торговлѣ замѣтно увеличилось число сочиненій, предназначавшихся для чтенія много-милліоннаго освобожденнаго сословія русскихъ гражданъ. Между брошюрами, изданными съ этой цѣлью въ 1862 году, выдѣлились біографіи нижегородскаго механика-самоучки Кулибина и вел. кн. Александра Невскаго. Съ этимъ «чтеніемъ для народа» выступилъ на литературно-педагогическое поприще И. С. Ремезовъ, не перестававшій съ этихъ поръ выпускать по временамъ въ свѣтъ подобныя жизнеописанія русскихъ людей. Такъ, одна за другой вышли брошюры: о подвигахъ князя Владимира, о ярославскомъ крестьянинѣ стихотворцѣ Слѣпушкинѣ, объ Иванѣ Сусанинѣ, о курскомъ астрономѣ-самоучкѣ Семеновѣ, объ арзамасскомъ мѣщанинѣ-иконописцѣ Ступинѣ, о первой русской княгинѣ-христіанкѣ Ольгѣ. Вышедшая нынѣ брошюра о Посошковѣ принадлежитъ къ этой же серіи біографій, написана съ тою же цѣлью, такимъ же простымъ, понятнымъ народу языкомъ, составлена такъ же добросовѣстно и съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ всѣ прежнія сочиненія г. Ремезова, упорно стремящагося выполнить свое намѣреніе — дать народу вполне доступное для него, интересное, полезное и дешевое чтеніе. Каждая брошюра продается по десяти копеекъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до семи листовъ убористой, хотя и четкой печати и въ каждой — портретъ описываемаго лица. Только въ брошюрѣ о Посошковѣ, за неимѣніемъ его портрета, приложенъ видъ церкви Самсонія въ Петербургѣ, гдѣ похороненъ этотъ политико-экономъ-самоучка. Церковный причтъ однако, говорить, что мѣсто погребенія ему неизвѣстно, хотя въ архивахъ церкви должно было сохраниться отношеніе Тайной канцеляріи, при которомъ препровождалось тѣло Посошкова.

Въ прошломъ году, въ «Русской Старинѣ», авторъ этихъ біографій, въ письмѣ къ издателю, интересовавшемуся положеніемъ нашихъ народныхъ изданій въ книжной торговлѣ, привелъ нѣсколько любопытныхъ цифръ, относящихся къ этому вопросу. Восемь брошюръ его, изъ которыхъ инныя вышли уже въ трехъ изданіяхъ, были напечатаны въ числѣ 67,000 экземпляровъ и обошлись въ 2,113 рублей. Изъ нихъ продано до 40,000, и авторъ, за уступкою 50 процентовъ книгопродавцамъ, расходами по пересылкѣ и т. п., получилъ за нихъ 2,198 рублей, то-есть все вознагражденіе за труды его въ теченіи двадцати лѣтъ составило 85 рублей или по 4 руб. 25 коп. въ годъ. Какъ не удивится такому авторскому гонорару, такому блистательному положенію торговли народными книгами и, наконецъ, такому упорству г. Ремезова, не переставающаго и послѣ двадцатилѣтняго опыта трудиться на пользу народа! И между тѣмъ, кромѣ интереснаго жизнеописанія, каждая брошюра сообщаетъ научныя свѣдѣнія изъ того круга дѣятельности, къ которому принадлежитъ описываемое лицо. Такъ, въ біографіи Кулибина описаны разные механическіе приборы и машины; въ разсказѣ о Семеновѣ даны общія понятія о небесныхъ тѣлахъ, о Слѣпушкинѣ — сообщены свѣдѣнія о старообрядствѣ и расколѣ; жизнеописанію Ступина предпосланы разсужденія объ искусствѣ вообще и о русской иконописи; въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ болѣе всего обращено вниманіе на ихъ историческіе подвиги и событія, предшествовавшія этимъ подвигамъ. Во вступленіи къ біографіи По-

сопшкова изложенъ конспектъ политической экономіи, принаровленной къ понятіямъ простолюдина. Съ этой цѣлью каждое научное положеніе начинается съ пословицы, отъ которой авторъ постепенно переходитъ къ выводамъ науки. Такъ, объяснено значеніе труда, капитала, спроса, предложенія, соперничества и пр. Что же касается до ученія самого Посошкова, оно изложено ясно, оцѣнено критически вѣрно, мѣстами изложено его собственными словами. Монографія Посошкова явилась еще въ концѣ прошлаго года въ журналѣ «Народная Школа». Въ отдѣльной брошюрѣ авторъ прибавилъ вступительное изложеніе началъ политической экономіи, но выбросилъ — не понимаемъ для чего — много отдѣльныхъ фразъ, выписокъ изъ сочиненій, изданныхъ еще въ 1842 и 1863 годахъ, всѣ обстоятельства, относящіеся до смерти Посошкова. Все это было въ журналѣ, одобренномъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при синодѣ, комитетомъ собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи. Или у насъ на журналъ для народа существуютъ въ другихъ вѣдомствахъ другіе взгляды, чѣмъ на чтенія для народа?.. Въ концѣ брошюры авторъ прибавилъ бібліографическій списокъ всѣхъ изданій сочиненій Посошкова и статей о немъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ критическою оцѣнкою этихъ статей. Этотъ списокъ — очень почетный трудъ, хотя собственно для народа не имѣетъ значенія. Нуженъ онъ только для бібліографовъ.

В. 3.

Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учреждений императрицы Маріи, 19-го апрѣля 1858—1883 г. (Краткая историческая записка.) Спб. 1883 г.

Эта краткая историческая записка, въ 89 страницъ, напечатанная распоряженіемъ начальника петербургскихъ женскихъ гимназій, излагаетъ officialную жизнь этихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ по почину инспектора павловскаго института, профессора Вышнеградскаго. Записка его о необходимости «училища для приходящихъ дѣвицъ», поданная имъ въ исходѣ 1857 года въ совѣтъ павловскаго института, повела къ составленію имъ же проекта подобнаго открытаго училища, который, чрезъ посредство принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, былъ доведенъ до свѣдѣнія императора Александра Николаевича. Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, рассмотрѣвъ этотъ проектъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что «въ настоящее время въ Россіи настоятъ необходимость, въ видахъ распространенія женскаго образованія, имѣть и такія учебныя заведенія, гдѣ дочери недостаточныхъ родителей могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію принаровленное образованіе, не отлучаясь на продолжительное время отъ своихъ семействъ». Первое Маріинское женское училище было открыто 19-го апрѣля 1858 года, и въ первые же мѣсяцы своего существованія наполнилось учащимися до назначеннаго для него размѣра—250 ученицъ. За первымъ училищемъ послѣдовало открытіе еще трехъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя получали средства содержанія отъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, оставлены были въ вѣдомствѣ этого совѣта, а которыя учреждались на счетъ пожертвованій

частныхъ лицъ, дворянскихъ и городскихъ обществъ, подчинены были вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, согласно со всеподданнѣйшимъ докладомъ 17-го іюня 1859 года, вызваннымъ быстрымъ открытіемъ новыхъ училищъ. Эта быстрота обусловила какъ необходимою распространенія женскаго образованія, сознаннаго обществомъ, такъ и благоразумнымъ устраненіемъ мелочей формализма.

Со своей стороны главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, принимая во вниманіе такое увеличеніе новыхъ открытыхъ женскихъ училищъ, свидѣтельствовалъ, въ 1861 году, что «училища быстрымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько общество глубоко сочувствуетъ воззрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола, и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ впредь до того времени, когда они окончательно разовьются, и, прочно утвердившись, получатъ возможность сами обезпечивать свое существованіе». Наименованіе новыхъ училищъ «женскими гимназіями», которое онѣ до нынѣ сохранили, послѣдовало въ 1862 году, по почину попечителя училищъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго, генералъ-губернатора сѣверозападныхъ губерній, генералъ-адъютанта Назимова. «Люди, незнакомые съ учебными программами женскихъ училищъ (писалъ въ своемъ ходатайствѣ г. Назимовъ), смѣшиваютъ ихъ съ другими низшими училищами и названіе ихъ училищами для приходящихъ дѣвицъ употребляется только въ официальныхъ бумагахъ и идетъ на перекоръ установившемуся въ обществѣ обычаю именовать ихъ гимназіями». Изъ этого предствленія видно, что названіе «женскія гимназіи» придано было этимъ учебнымъ заведеніямъ публикою, справедливо уподобившей ихъ, по систематичности преподаванія въ нихъ наукъ, по доступности заведеній и проч., подобнымъ же мужскимъ учрежденіямъ.

Плата за обученіе въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи постепенно возвышалась, а именно съ 25 р. за годъ до 50—60 рублей въ 1868 году и до 65—80 р. въ 1879 году. Вѣдомство, со своей стороны, не отказывало гимназіямъ въ денежномъ пособіи, и общая сумма этихъ пособій, полученныхъ гимназіями за истекшее двадцатипятилѣтіе, составляетъ около милліона рублей. Большинство этой суммы расходовалось на наемъ помѣщеній для гимназій. Такъ, на 1883 годъ, предположено къ отпуску изъ средствъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи къ пополненію недостающихъ собственныхъ средствъ гимназій около 70,000 р., между тѣмъ какъ за наемъ помѣщеній, согласно заключеннымъ условіямъ, исчислена сумма въ 78,823 р. Съ постепеннымъ расширеніемъ средствъ гимназій сумма пособій изъ вѣдомства для нѣкоторыхъ гимназій постепенно сокращается. Такъ, Маріинская гимназія, прежде всѣхъ открытая, въ 1883 году испросила себѣ въ пополненіе собственныхъ доходовъ только всего 360 р. 42 к., между тѣмъ, какъ за послѣдніе три года, она не только не требовала подобныхъ пособій, но даже удѣляла часть своихъ доходовъ на нужды другихъ заведеній того же вѣдомства. Этотъ фактъ замѣчательный и отраднѣй, особенно потому, что не только указываетъ на разумность постановки всего устройства женскихъ гимназій, но и на несомнѣнную возможность увеличенія числа этихъ полезныхъ учебныхъ учреждений.

Если основаніе, въ 1764 году, Екатериною II перваго учебнаго заведенія для женщинъ въ Россіи, именно Смольнаго монастыря (закрытаго за-

веденія) было важною мѣрою для женскаго образованія, то учрежденіе въ 1858 году Александромъ II открытыхъ женскихъ гимназій было, еще знаменательнѣе, потому что сдѣлало образованіе доступнымъ «массѣ» женщинъ.

П. У.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 36, 37, 38. Спб. 1882—1883 г.

Русское Историческое Общество ежегодно обогащаетъ нашу литературу своими интересными «Сборниками», сообщаящими публикѣ разнородные архивные матеріалы, изъ которыхъ многіе до ихъ обнародованія въ «Сборникахъ» были вовсе неизвѣстны. Въ 36-мъ томѣ «Сборника», изданномъ подъ наблюденіемъ члена общества, профессора В. И. Сергѣевича, напечатано окончаніе дневныхъ записокъ большаго собранія, сообщаящихъ обзоръ его занятій съ 10-го сентября 1768 года по 8-е іюля 1770 года. Въ трехъ приложеніяхъ изложены подлинныя мнѣнія депутатовъ по поводу законовъ, читанныхъ въ собраніи, подлинныя проекты правъ разныхъ сословій, съ замѣчаніями на нихъ нѣкоторыхъ членовъ комиссій и съ отзывами разныхъ учреждений, и подлинныя мнѣнія депутатовъ на проектъ правъ благородныхъ.

Въ 37-мъ томѣ «Сборника», редактированномъ секретаремъ общества, Г. О. Штендманомъ, напечатано продолженіе дипломатической переписки прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, начатой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 22-мъ томѣ «Сборника». Переписка эта представляетъ документы, извлеченные профессоромъ марбургскаго университета, Германомъ, изъ берлинскаго государственнаго архива. Документы, обнародованные въ 37-мъ томѣ «Сборника», обнимаютъ собою періодъ времени съ 9-го января 1767 года по 18-е февраля 1772 года, или до заключенія тайнаго договора между Россією и Пруссією, состоявшагося 17-го февраля 1772 года. Въ число этихъ документовъ вошли депеши и донесенія прусскаго посланника, графа Солмса, къ королю Фридриху Великому, а также инструкціи и предписанія короля къ нему. Сверхъ того, въ 37-й томъ включены изъ берлинскаго тайнаго архива бумаги, относящіяся до секретной переписки короля Фридриха Великаго съ его кабинетъ-министромъ Финкенштейномъ о переговорахъ съ Россією по первому раздѣлу Польши. Всѣми этими документами, разъясняются преимущественно слѣдующіе три вопроса: 1) отношеніе прусскаго правительства къ диссидентамъ (не католикамъ) въ Польшѣ и предположенія объ измѣненіи формы государственнаго управленія Польши; 2) первый раздѣлъ Польши между Россією, Пруссією и Австрією; 3) отношенія Пруссіи къ первой войнѣ Екатерины Великой съ Турцією и къ измѣненію политической системы Австріи въ восточномъ вопросѣ. О политикѣ Австріи и Пруссіи относительно турецкой войны, общеевропейскихъ и польскихъ дѣлъ, въ 37-мъ томѣ «Сборника» сообщено много интересныхъ и цѣнныхъ историческихъ данныхъ, напримѣръ свѣдѣнія о заключеніи тайнаго трактата Австріи съ Портою, 6-го—7-го іюля (25-го—26-го іюня) 1771 года, о субсидіяхъ, который въ то время держался въ величайшемъ секретѣ, такъ что копія съ него передана была императрицѣ Екатеринѣ Второй только 17-го марта 1772 года англійскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ, лордомъ Каткартомъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ

томовъ своего «Сборника» общество предполагаетъ обнародовать остальные депеши графа Солмса, сообщенныя уже ему профессоромъ Германомъ.

38-й томъ «Сборника» представляетъ «Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ Англіею» и изданъ подъ редакціею члена общества, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Эти дипломатическія сношенія относятся къ періоду времени съ 1581 по 1604 годъ и составлены по документамъ, извлеченнымъ Ю. В. Толстымъ изъ книгъ № 1 и № 2 англійскихъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этими документами пользовались Карамзинъ и Соловьевъ, но самыя документы не были еще изданы, за исключеніемъ посольства Писемскаго (въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 и 1823 г.), и «Статейскаго списка посольства Флетчера» (во «Временникѣ» общества исторіи и древности росс.). Обнародованные въ 38-мъ томѣ документы относятся: во 1-хъ, къ приѣзду въ Россію посланнаго отъ англійской королевы Елисаветы къ царю Ивану Васильевичу доктора Роберта Якова (въ Россіи названнаго Романомъ Елизарьевымъ) съ аптекарями и цырюльниками на службу; во 2-хъ, къ отпуску въ Англію въ послахъ дворянина Ѳедора Писемскаго и подьячаго Хавралева для постановленія съ королевою Елисаветою союза противъ польскаго короля Стефана Баторія, вспомошествованія людьми, деньгами и всякими военными снарядами, а также для развѣданія о племянницѣ королевы, княжнѣ Маріи Хантисъ; въ 3-хъ, къ приѣзду англійскаго посла князя Еремея Боуса для испрошенія однимъ только англичанамъ приходить съ товарами ко всѣмъ холмогорскимъ пристанямъ и дать англійскимъ купцамъ жалованную грамоту о безошлинной торговлѣ; въ 4-хъ, къ отпускамъ къ англійской королевѣ гонцевъ: толмача Романа Бекмана съ жалобою о непорядочныхъ поступкахъ посла Еремея Боуса; англійскаго гостя Еремея Хорпіа, съ выговоромъ о непорядкахъ англійскихъ гостей, живущихъ въ Россіи и о задержаніи въ Англіи и о худомъ приѣмѣ гонца Бекмана; его же Еремея Хорпіа съ объявленіемъ о дачѣ новой жалованной грамоты англійскимъ купцамъ торговать въ Россіи безошлинно; въ 5-хъ, къ приѣзду въ Россію англійскаго гостя Ѳрячина Черее (Иванова); въ 6-хъ, къ вторичному отправленію въ Англію толмача Бекмана съ жалобой на англійскихъ купцевъ о неплатежѣ по кабаламъ денегъ, должныхъ боярамъ и разнаго чина людямъ. Всѣ эти документы проливаютъ много свѣта на великую эпоху XVI вѣка, на типическій характеръ Ивана Грознаго, на тогдашнія международныя торговыя сношенія и проч.

П. У.

Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. Владиміра Майнова, Спб. 1883 г.

Этотъ трудъ составляетъ часть «Матеріаловъ для антропологическаго описанія Россіи». Въ слѣдующихъ частяхъ своего труда, авторъ намѣренъ изложить бытовыя особенности и расселеніе мордвы-эрзи, которая оказывается наиболѣе многочисленною отраслью мордовскаго народа, потому что ее насчитываютъ въ Россіи до 600,000 душъ. Авторъ изучалъ мордву-эрзю въ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, Арзамасскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, Нижегородской губерніи, въ Саранскомъ и Городищенскомъ уѣздахъ Пензенской губерніи, въ Ардатовскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ, Симбирской гу-

берніи и въ Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ, Самарской губерніи. Мордва-эзя встрѣчается также въ Астраханской, Уфимской, Оренбургской и Томской губерніяхъ, куда она переселилась въ поискахъ за «доброю землею и хорошимъ мѣстомъ для своего поселенія». Антропологическія изслѣдованія г. Майнова привели его къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно общихъ характеристическихъ чертъ мордвы-эзя: мордва-эзя, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она потеряла и языкъ свой и народную одежду и называетъ себя даже «русиными», сохранила еще свой особенный типъ. Мордва-эзя вовсе не принадлежитъ къ народамъ, вымирающимъ отъ столкновенія съ русскими, хотя и не отличается особенною плодovitостію. Въ особенноти большая смертность замѣчается среди дѣтей, такъ какъ обыкновенно они вымираютъ боже чѣмъ на половину. Тѣлосложеніе эзя скорѣ худощаваго; ростъ у мужчинъ ниже средняго, а у женщинъ едва выше средняго; кожа на тѣлѣ бѣлая и притомъ свѣтлѣйшихъ тоновъ; цвѣтъ волосъ на головѣ преобладаетъ темный съ коричневымъ оттѣнкомъ; рыжаго цвѣта г. Майновымъ не было вовсе наблюдаемо; по способу роста волосъ, эзя принадлежитъ къ гладко-волосымъ народамъ, причеиъ густота растительности бываетъ средняя. Растительность на кожѣ встрѣчается въ видѣ исключенія; на бровяхъ она богата, причеиъ форма бровей дугообразна. Растительность на бородѣ незначительна. Глаза голубые, свѣтлыхъ тоновъ, съ нѣсколькo приподнятыми краями глазныхъ прорѣзей; губы средней толщины, скорѣ склонныя къ узкости; ротъ прямой, средней величины; положеніе рѣзцовъ вертикальное, а зубы вообще здоровые и большіе; носъ широкій, причеиъ онъ у женщинъ рѣзко курносый; лобъ плоскій; форма лица правильно овальная и яйцевидная; уши малыя и отвороченныя; руки и ноги малыя.

Спеціальное, добросовѣстное изслѣдованіе мордвы-эзди г. Майновымъ безъ сомнѣнія будетъ достойнымъ образомъ оцѣнено антропологами.

И. С.

Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи, Д. Иловайскаго. Часть первая: древній міръ. Москва, 1883.

Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный историкъ нашъ, профессоръ Иловайскій, предположилъ издать рядъ характеристикъ, касающихся различныхъ историческихъ дѣятелей и разныхъ эпохъ всемірной исторіи древней и новой. Мысль чрезвычайно счастливая, такъ что трудъ профессора Иловайскаго одною уже этою стороною, помимо всего другаго, восполняетъ пробѣлъ, существовавшій до сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ. Для начала почтенный профессоръ представилъ рядъ очерковъ изъ древней исторіи, избравъ предметомъ своей характеристики наиболѣ замѣчательныя, рельефныя ея эпохи. Остановившись прежде всего довольно подробно на древнѣйшихъ цивилизаціяхъ—египетской и ассири-вавилонской, открывающихъ, такъ сказать, собою исторію человѣческаго развитія, авторъ переходитъ затѣмъ къ греческой и римской исторіи. Какъ та, такъ и другая, не представляетъ у него непрерывнаго, хронологически послѣдовательнаго веденія нити событій, даетъ тѣмъ не менѣе полное изображеніе судебъ обѣихъ великихъ странъ древности: классической страны искусства—Эллады и классической страны права и прочнаго государственнаго устройства—Рима. Мы видимъ нагляднымъ образомъ въ сочиненіи г. Иловайскаго разцвѣтъ, процвѣтаніе и нако-

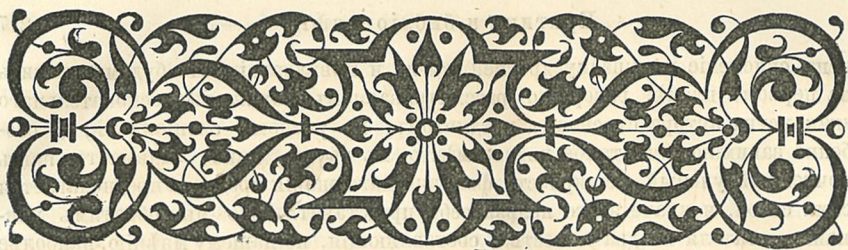
нець склоненіє къ упадку древней жизни и цивилизаціи. Не будемъ ставить на первомъ планѣ, говоря о разсматриваемомъ сочиненіи, основательнаго знакомства автора съ своимъ предметомъ; въ ученоемъ спеціалистѣ, а особенно занимающемъ такое видное мѣсто въ наукѣ, какое занимаетъ нашъ почтенный ученый, обширность фактическаго знанія предмета предполагается сама собой, и иначе этого нельзя себѣ представить. Но мы обратимъ вниманіе читателя на два качества, составляющія, по нашему мнѣнію, наиболѣе характеристическія черты труда профессора Иловайскаго—на строгій прагматизмъ въ изложеніи событій и большую оживленность изложенія. Последнее качество дѣлаетъ чтеніе книги, о которой идетъ рѣчь, столько же легкимъ, сколько и пріятнымъ. Намъ остается пожелать отъ души, чтобы авторъ подарилъ насъ какъ можно скорѣе окончаніемъ своего прекраснаго труда.

Д. Л—въ.

Обзоръ дѣятельности высочайше учрежденнаго попечительства надъ арестантами с.-петербургской исправительной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ (1871—1882 г.).

Обзоръ этотъ, составленный членами попечительства А. П. Пятковскимъ и В. Н. Никитинымъ, представляетъ нѣкоторыя, не лишеныя интереса данныя, относительно такого важнаго и малоизвѣстнаго предмета, какъ содержаніе арестантовъ и наблюденіе за устройствомъ людей, выпускаемыхъ изъ тюремъ. Цѣльности впечатлѣнія на читателя изъ публики вредить, впрочемъ, какъ строго-дѣловой, почти канцелярскій характеръ обзора, такъ и никому неинтересная полемика съ высшимъ тюремнымъ управленіемъ. Обзоръ много бы выигралъ, если бы его составители (оба извѣстные литераторы), дали себѣ трудъ внести въ изложеніе нѣсколько обобщающій, сжатый—литературный элементъ. Цифровыя приложенія къ обзору и теперь довольно интересны. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ школѣ, состоящей при исправительной тюрьмѣ, состояло за упомянутый періодъ времени 4,967 человекъ, и изъ этого числа выпущено по экзамену, 1,174, что составляетъ очень значительный процентъ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ числѣ поступившихъ значится 3,243 совсѣмъ неграмотныхъ, а остальные малограмотные. Занятія въ мастерскихъ также представляютъ постепенное повышеніе числа работающихъ арестантовъ. Особеннымъ многолюдствомъ отличались сапожный и картонажный цехи. Общее число работавшихъ въ мастерскихъ (21,647) почти равняется всей цифрѣ содержавшихся въ исправительной тюрьмѣ за указанный періодъ—21,990. Это показываетъ старанія начальствующихъ, чтобъ арестанты не теряли времени въ праздности.

Н. К.

ЗАГРАНИЧНІЯ ЛІТЕРАТУРНІЯ НОВОСТИ.

Ренанъ о єврействѣ и христіанствѣ.—Гёксли какъ историкъ.—Эберсъ о современномъ Египтѣ.—Бронзовый вѣкъ.—Некрополь Карнака.—Новый трудъ Леруа-Болье. — Финляндская національность въ сравненіи съ эстонскою. — Нѣмецъ о современномъ положеніи Франціи.—Отдаленные походы Франціи.—Вопросы тонкинскій, мадагаскарскій и конгскій.

ЕСМОТРЯ на лѣтнее время, книги историческаго и серьезнаго содержанія не перестаютъ появляться въ Западной Европѣ; статьи ученыхъ журналовъ блестятъ также извѣстными именами и содержаніе этихъ статей невольно привлекаетъ мыслящаго, образованнаго человѣка, хотя не во всемъ раздѣляющаго воззрѣнія авторовъ. Такъ, въ статьѣ Ренана, помѣщенной въ іюньскомъ номерѣ «Revue politique et littéraire» — «О первоначальномъ тождествѣ и постепенномъ разъединеніи єврейства и христіанства», знаменитый изслѣдователь религій становится почти явно на сторону євреевъ, въ средѣ которыхъ (въ обществѣ єврейскихъ научныхъ занятій) онъ читалъ свою рѣчь, появившуюся теперь въ журналѣ. Написанная, какъ вообще все, что пишетъ Ренанъ, превосходнымъ языкомъ и заключающая въ себѣ глубокія, основательныя изслѣдованія єврейскихъ традицій и догматовъ, статья эта, несмотря на ея мягкій, уклончивый тонъ, прямо отдастъ предпочтеніе этимъ традиціямъ передъ другими ученіями. Онъ говоритъ, что великіе єврейскіе пророки, въ особенности Исаія, высказывали уже христіанскія идеи и, въ первые вѣка христіанства, новая религія мало чѣмъ отличалась отъ єврейской. Только въ III вѣкѣ, подъ влияніемъ гностиковъ и александрійской школы, произошелъ между ними окончательный разрывъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что христіанская религія имѣетъ своимъ источникомъ біблію, служащую нравственной и умственной пищею образованныхъ людей, что «біблія—книга всего человѣчества, исторія постепеннаго развитія въ немъ религіозной идеи», но не слишкомъ ли уже рискованно утверждать, что «слава христіанства вмѣстѣ съ тѣмъ и слава єврейства», что оно, «сдѣлавъ

шее такъ много въ прошедшемъ, оказало и въ будущемъ большія услуги прогресу, такъ какъ евреи всегда либералы, а враги ихъ всегда и враги либеральнаго прогреса». Кто не знаетъ непривлекательныхъ сторонъ характера евреевъ, ихъ ненависти къ «гоямъ», ихъ безжалостной эксплуатаціи бѣдняковъ, страсти къ наживѣ и обогащенію, даже самыми незаконными, предосудительными путями. Всѣ эти стороны еврейства выработались, конечно, вѣками, въ силу историческихъ событій и постоянныхъ преслѣдованій еврейскаго племени; гдѣ бы оно ни пріютилось, нигдѣ оно не сливалось съ кореннымъ населеніемъ страны, вездѣ жило особнякомъ, не принимая никакого участія, ни въ горѣ, ни въ радости туземцевъ. Нигдѣ евреи не были гражданами, а вездѣ только пришельцами, эксплуататорами, паразитами общества, нисколько не интересовавшимися его благосостояніемъ, и зачастую готовыми служить его врагамъ. Все это, повторяемъ, оправдывается гнетомъ, лежавшимъ на евреяхъ, но отъ этого нисколько не легче народу, слушающему орудіемъ въ ихъ рукахъ. Пристрастіе Ренана къ этому племени хотя и понятно, но не можетъ быть оправдано, съ точки зрѣнія либеральнаго прогреса, который никогда не былъ врагомъ евреевъ.

— Другая замѣчательная статья прошлаго мѣсяца принадлежитъ талантливому натуралисту Гёксли и помѣщена въ журналѣ «Macmillan magazine». Предметъ ея «неписанная исторія». Мы уже сообщали о появленіи этой статьи, но она такъ важна, что считаемъ не лишнимъ изложить ея содержаніе. Въ ней Гёксли объясняетъ значеніе и происхожденіе исторіи. Она не хроника событій и не перечень преданій или мѣоувъ, но рассказъ, основанный на критически оцѣненныхъ фактахъ, съ цѣлью провести во всей путаницѣ человѣческой жизни нить естественнаго отношенія между причинами и послѣдствіями, соединяющую событія съ людскими страстями и поступками. Первымъ и однимъ изъ величайшихъ историковъ Гёксли считаетъ Геродота. Это былъ чрезвычайно умный и энергичный человѣкъ, основательно знакомый со всѣми знаніями своего времени. Событія, совершившіяся при немъ и слышанныя имъ отъ потомковъ исчезнувшихъ поколѣній, казались ему до того любопытными, что онъ рѣшился составить объ нихъ рассказъ, въ которомъ правда строго отличалась бы отъ вымысла, и указывалась дѣйствительная причина событій. Для этой цѣли ему недостаточно было собирать и приводить въ порядокъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ; но, задумавъ описать великую борьбу Европы съ Азією, онъ лично побывалъ въ странахъ, бывшихъ ареною ихъ столкновенія и ознакомился съ народами, принимавшими участіе въ этой борьбѣ. Онъ самъ говорилъ, что для полнаго понятія историческихъ условій надо лично изучить природу и людей. Для этого изученія Геродотъ отправился и въ Египетъ, въ одну изъ странъ, вовлеченныхъ въ персидскую войну. Онъ вѣрно указалъ на то, что исторія Египта была опредѣлена физическими условіями страны. Любопытный очеркъ Египта, написанный Геродотомъ, дѣлается все правдивѣе, чѣмъ далѣе изслѣдуетъ египтологія древнія эпохи страны. Такъ, гипотеза Геродота, что Дельта была нѣкогда морскимъ заливомъ, и образовалась отъ наносовъ Нила, въ наше время сдѣлалась неоспоримымъ научнымъ фактомъ. Подобныхъ фактовъ неписанной исторіи Гёксли приводитъ еще нѣсколько, и въ оцѣнкѣ ихъ естествениспытатель является не менѣе тонкимъ историческимъ критикомъ, какъ и серьезные историки, касавшіеся до него тѣхъ же предметовъ.

— Къ числу замѣчательнѣйшихъ египтологовъ нашего времени принадлежитъ безъ сомнѣнія, нѣмецкій романистъ Георгъ Эберсъ. Лучше его врядъ ли кто изучилъ древній Египетъ во всѣхъ особенностяхъ его политическаго и общественнаго быта. Но въ послѣдней книжкѣ журнала «Contemporary Review» Эберсъ описываетъ современный Каиръ, по сравненію его съ городомъ калифовъ и даже фараоновъ. Центръ аравійской культуры, современный Каиръ, по словамъ Эберса, самый прелестный городъ во всемъ свѣтѣ. Но авторъ негодуетъ, что столица калифовъ быстро утрачиваетъ свой оригинальный, восточный характеръ, подъ наплывомъ западной цивилизаціи. Въ особенности Эберсъ возстаєтъ противъ такъ-называемыхъ улучшеній въ наружномъ видѣ города, сдѣланныхъ Измаиль-пашею. Такъ, онъ искажилъ образцы своеобразной аравійской архитектуры, выкрасивъ ихъ въ яркія цвѣта. Эберсъ ображается даже къ англичанамъ, чтобы они, занявъ Египетъ, спасли отъ варварскаго искаженія великіе памятники искусства. Несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, Эберсъ правъ и въ своей любви къ Египту, и въ своемъ обращеніи къ Англіи. Онъ вполне компетентенъ въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, какъ и въ своихъ романахъ изъ эпохи фараоновъ, и нельзя не порадоваться, что онъ опять началъ писать о Египтѣ послѣ такихъ неудачныхъ произведеній, какъ его послѣдніе романы «Жена Бургомистра» и «Слово», содержаніе которыхъ взято изъ исторіи среднихъ вѣковъ и тридцатилѣтней войны.

— Археологія обогатилась въ прошломъ мѣсяцѣ двумя замѣчательными сочиненіями; одно изъ нихъ принадлежитъ ученому Джону Эвансу и заключается въ себѣ описаніе орудій, украшеній и утвари бронзоваго вѣка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Эвансъ посвятилъ такой же добросовѣстный и серьезный трудъ изученію орудій каменнаго вѣка. Новыя изслѣдованія Эванса, производившаго самостоятельныя раскопки въ Англіи и на континентѣ, являются результатомъ многолѣтнихъ сравнительныхъ изысканій. Авторъ описываетъ сначала простѣйшія и грубѣйшія формы различныхъ предметовъ изъ бронзы, начиная съ топоровъ и оканчивая серьгами. Онъ изслѣдуетъ происхожденіе бронзовыхъ фабрикъ, эпоху ихъ появленія въ Англіи и другихъ странахъ, состояніе культуры, жилищъ, одежды и обычаи народовъ, употреблявшихъ бронзу, ихъ отношенія къ каменному вѣку и къ желѣзному, вытѣснившему какъ бронзу, такъ и камень. Появленіе бронзы въ Великобританіи Эвансъ относитъ за 1500 лѣтъ до Р. Х. На берегахъ Средиземнаго моря бронза появилась еще ранѣе, изъ Азіи. Въ бронзовомъ вѣкѣ рѣзко различаются два періода: первый, когда рукоятка топора прикрѣплялась къ нему снаружи, и второй, когда вдѣлывалась внутри топора. Нѣкоторые предметы бронзоваго вѣка, въ особенности мечи и головныя булавки, отличались граціозною, даже художественною формою и отдѣлкою, что доказываетъ эстетическое развитіе народовъ той эпохи. Желѣзо, по мнѣнію Эванса, вошло въ употребленіе не позже пятого столѣтія до Р. Х., и чрезъ три столѣтія послѣ этого фабрикація бронзовыхъ орудій совершенно прекратилась.

— Другое археологическое сочиненіе принадлежитъ также англичанину Джемсу Милну и касается описанія циклопическихъ сооруженій Карнака, близъ Киберонскаго полуострова. Здѣсь были сосредоточены въ огромномъ числѣ каменные постройки, называемые «дольменами», «кромлехами» и «менгирами», разсѣянными по департаментамъ Морбигана и Финистере. Произ-

вода раскопки въ этой мѣстности, Мильнъ нашелъ много предметовъ изъ камня и бронзы, оружіе, домашнюю утварь и пр. Менгиры служили оборонительными укрѣпленіями кельтамъ, за нѣсколько столѣтій до появленія римлянъ, воспользовавшихся этими дольменами для своихъ собственныхъ укрѣпленій. Эти дольмены и менгиры—остатки громаднаго некрополя, священнаго мѣста, назначеннаго для того, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе хранить останки ихъ предковъ. Постройка этого кладбища занимала долгій періодъ времени и требовала большого организованнаго труда и искусства. Книга Мильна, со множествомъ плановъ и рисунковъ, заключаетъ въ себѣ сводъ всего, что археологія знаетъ объ этихъ странныхъ постройкахъ.

— Нѣкоторыя изъ ученыхъ изданій, наряду съ другими современными вопросами, не оставляютъ своимъ вниманіемъ и Россію. Такъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей нашей родины Леруа-Болье, въ томъ же «Revue politique et littéraire», помѣстилъ продолженіе своей извѣстной книги: «Имперія царей и русскіе». Новая глава этого сочиненія называется «Два первые года царствованія Александра III» и касается аграрныхъ законовъ, какъ называетъ авторъ положеніе 19-го февраля, и довершенія эмансипаціи. Леруа-Болье говоритъ, что Александръ II скончался не докончивъ освобожденія крестьянъ, и что обязанность эта легла на его преемника.

Описаніе коронаціи въ этомъ журналѣ, составленное Жоржемъ Леономъ, отличается также вѣрностью взгляда на современное положеніе Россіи.

— Балтійскіе сосѣди наши продолжаютъ изслѣдованія не только столицъ и центровъ Россіи, но и ея окраинъ, къ которымъ они чувствуютъ особенное влеченіе. Такъ, нѣкто Максъ Бухъ издалъ въ Штутгартѣ брошюру «Финляндія и вопросъ о ея національностяхъ». Авторъ находитъ, что вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе въ настоящее время, и что онъ очень похожъ на подобный же вопросъ въ Остзейскихъ провинціяхъ и въ Венгріи. Стремленія финновъ къ развитію и преобладанію ихъ національности авторъ находитъ весьма естественными, но въ то же время утверждаетъ, что если нѣмецкая культура будетъ уничтожена въ Остзейскихъ провинціяхъ, то изъ этого возникнетъ хаосъ. Авторъ называетъ фантастическимъ, неосуществимымъ господство эстонцевъ. Онъ упрекаетъ ихъ за то, что они довѣряются внушеніямъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, «какъ губительному плѣну сирень», и будутъ въ этомъ горько раскаиваться. Собственно о финнахъ авторъ сообщаетъ мало новаго, хотя представляетъ даже антропологическую характеристику финской расы. Цифры, взятые имъ изъ официальной статистики, ясно доказываютъ однако, что между вопросами о финской и эстонской національности, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ Финляндіи на 2.060,782 жителя, русскихъ приходится 7,957, шведовъ 3,693, нѣмцевъ 522 норвежцевъ 196, англичанъ 102, тогда какъ финновъ 2.046,730. Таково ли процентное отношеніе племенъ въ Остзейскихъ провинціяхъ? Нѣмцевъ тамъ конечно болѣе чѣмъ въ Финляндіи, но, всетаки, не столько, чтобы они могли навязывать свою культуру кореннымъ жителямъ страны.

— Другой нѣмецъ, Германъ Кунъ, издалъ изслѣдованіе о современномъ положеніи Франціи (Französische Zustände der Gegenwart). Это довольно снисходительное, хотя и довольно поверхностное изложеніе главнѣйшихъ сторонъ политическаго и общественнаго быта Франціи. Авторъ говоритъ о ея дворянствѣ и буржуазіи, о рабочихъ и крестьянахъ, о богатствѣ и бѣдности страны, о правахъ, образованіи, церкви, духовныхъ конгрегаціяхъ, судебномъ

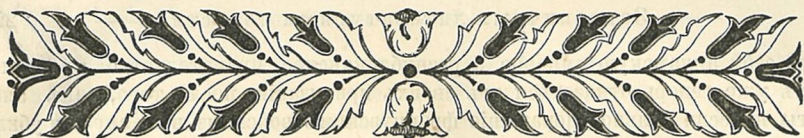
слові, війні, умовній життя, печаті, біржі, поліції, політиці. Многого нельзя сказать обо всемъ этомъ на 400 страницахъ и авторъ говорить преимущественно о томъ, что менѣе извѣстно его соотечественникамъ-нѣмцамъ. Въ книгѣ проглядываетъ желаніе высказать благосклонныя сужденія о побѣжденной странѣ, не подражая одному изъ ея писателей, такъ жестоко отдѣлавшему побѣдителей въ своемъ «Путешествіи въ страну миллиардовъ». Г. Кунъ говоритъ, что онъ тридцать лѣтъ прожилъ во Франціи, хотя и противъ своей воли, и потому не можетъ быть врагомъ народа, у котораго нашель убѣжище, но обязанъ этому народу, какъ и всему свѣту, выказать правду. Правда эта, однако, не очень колетъ глаза, и слишкомъ рѣзкихъ истинъ французамъ авторъ не говоритъ. Онъ приходитъ только къ заключенію, что республика во Франціи не можетъ долго существовать и не имѣть будущности. Но этого же мнѣнія держатся многіе французы. Кунъ утверждаетъ, что третья республика всегда управлялась единолично волею одного лица, сначала Тьера, затѣмъ Макъ-Магона, наконецъ, Гамбетты, съ его соломеннымъ человѣчкомъ Гревю. Со смертію Гамбетты Франція похожа на корабль безъ кормчаго. Но можно ли быть безъ него не только во время бури, но и въ тихую погоду? Авторъ не говоритъ, однако, кто же возьметъ на себя эту обязанность.

— Французская республика, въ ожиданіи того счастливаго времени, когда она будетъ имѣть возможность дать блистательный реваншъ въ Европѣ своему непримиримому врагу — Германіи, перенесла воинственную дѣятельность въ другія части свѣта и воюетъ разомъ въ трехъ мѣстахъ, столь отдаленныхъ, что извѣстія оттуда приходятъ весьма рѣдкія и неполныя. Поэтому періодическія изданія не представляютъ сколько-нибудь обстоятельной картины положенія дѣлъ въ этихъ трехъ пунктахъ земного шара. Въ іюньскомъ выпускѣ «Revue politique et littéraire» помѣщена, правда, большая статья «Тонкинскій вопросъ», но она говоритъ преимущественно о трактатѣ 1874 года съ Кохингиною, на основаніи котораго Франція предъявляетъ свои, весьма сомнительныя, права на территорію этой индокитайской провинціи. Трактатъ этотъ, по свидѣтельству самихъ французовъ, никогда не исполнялся аннамскимъ императоромъ Ту-Дукомъ и его правительствомъ и французскій резидентъ жилъ въ Гуэ, при дворѣ этого деспота, въ самомъ незавидномъ положеніи, только протестуя противъ декретовъ правительства. До какой степени, на основаніи все того же трактата, Франція считала себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла управленія строною, могутъ служить два обстоятельства, доказывающія, какого рода договоръ заставили подписать Ту-Дука. Въ 1880 году онъ собрался заключить торговый трактатъ съ Сіамомъ и, въ то же время, издалъ декретъ, которымъ поддѣльватели фальшивой монеты (въ Аннамѣ обращается цинковая монета «сапеки») подвергаются наказанію палочными ударами. Франція тотчасъ же заявила, что эти мѣры нарушаютъ трактатъ съ нею, что вторая изъ нихъ «постыдна для человѣчества» и потому гавани Аннама будутъ блокированы и въ нихъ не допустить привоза рису, безъ котораго не можетъ существовать бѣднѣйшій классъ населенія. Удивительно ли, что подобные поступки заставили Ту-Дука просить помощи у Китая, къ которому Кохингина находилась постоянно въ вассальныхъ отношеніяхъ, и что китайцы вовсе не расположены, въ пользу Франціи, отказаться отъ своего вліянія на сосѣднюю и родственную по племени страну. толковенія Снеизбѣжны въ случаѣ упорства Франціи подчи-

нить себѣ аннамскую имперію, а республиканское правительство и не можетъ уже теперь отказаться отъ своихъ притязаній, послѣ того, какъ ананиты нанесли сильное пораженіе французскимъ войскамъ въ Хангоѣ и убили ихъ начальника капитана Ривьера.

— Военныя дѣйствія, начатыя въ Мадагаскарѣ также вслѣдствіе нарушенія малытамами сомнительныхъ правъ Франціи на часть этого острова, могутъ повести къ еще болѣе серьезному столкновенію съ Англіею, смотрящею весьма недружелюбно на дѣйствія своей заламаншской сосѣдки въ отдаленныхъ колоніяхъ. Но «мадагаскарскій вопросъ» еще темнѣе кохинхинскаго, и чтобы судить основательно о дѣйствіяхъ французовъ въ этой части Африки, надо подождать статей объ этомъ предметѣ еще не появившихся въ иностранныхъ журналахъ.

— За то о третьей африканской территоріи, на которой теперь также усердно работаютъ французы, въ послѣдней книжкѣ «Contemporary Review», появилась весьма любопытная и обстоятельная статья извѣстнаго публициста и политико-экономиста Эмиля Лавеле. Онъ предлагаетъ ни больше, ни меньше, какъ совершенную нейтрализацію рѣки Конго, которую стараются захватить французы. Эта огромная рѣка, протекающая по долинѣ центральной Африки, имѣющей до 900,000 квадр. миль, судоходна почти во всѣхъ своихъ частяхъ, за исключеніемъ пороговъ и водопадовъ на небольшомъ пространствѣ, по которому проложена уже обходная дорога. На Конго уже отправленъ французскій авантюристъ Саворьян-де-Браца, которому правительство Гриви поручило недавно сотню солдатъ съ пушками и канонерскими лодками для военныхъ дѣйствій противъ туземцевъ, мѣшающихъ утвержденію на великой рѣкѣ европейской цивилизаціи. Браца основалъ, правда, двѣ станціи на этой рѣкѣ «Франсевиль» и «Брацавилъ», но гораздо прежде него на Конго дѣйствовала международная ассоціація, основанная въ 1877 году бельгійскимъ королемъ, съ цѣлью соединенія центральной Африки съ берегомъ Занзибара и учредившая уже три станціи: центральную на озерѣ Танганьика, гдѣ уже ходятъ пароходы, одну французскую въ Кандаѣ и нѣмецкую въ резиденціи королевы Уганды. Теперь отъ Занзибара до Танганьика можно достигнуть въ 50 дней, тогда какъ еще недавно Камеронъ употребилъ на это путешествіе одиннадцать мѣсяцевъ. На Конго, кромѣ того, имѣетъ притязанія Португалія, всегда причислявшая къ своимъ владѣніямъ территорію этой рѣки между 5-мъ и 8-мъ градусомъ южной широты. Голландія, болѣе полутора столѣтія торговавшая на Лоангскомъ берегу, основала свои факторіи въ устьѣ Конго. Наконецъ и Германія имѣетъ на этой рѣкѣ свои торговые интересы и недавно отправила на нее двухъ изслѣдователей съ научною цѣлью. Лавеле увѣряетъ, что даже Россія собирается послать туда экспедицію. Но и до тѣхъ поръ пока она соберется, Франціи будетъ не мало труда устранить столкновенія по этому предмету съ другими европейскими державами и врядъ ли ее допустятъ самовольно распоряжаться спорною территоріею и захватывать значныя мѣста для утвержденія на нихъ цивилизаціи. Уже и теперь Англія явно противодействуетъ завоевательнымъ замысламъ Брацы, и Гладстонъ объявилъ въ парламентѣ, что безъ его согласія не позволитъ рѣшить этого важнаго вопроса. Всѣ эти столкновенія интересовъ различныхъ національностей не обѣщаютъ мира и спокойствія въ Европѣ.

ІЗЪ ПРОШЛАГО.

Проектъ князя Потемкина объ устройствѣ казацкаго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ.

АКЪ по волѣ высочайшей вашего императорскаго величества препоручено мнѣ составленіе казацкаго войска изъ мѣщанъ и бывшихъ ямщиковъ, то я здѣсь и подношу образъ устройства оного.

О казакахъ, изъ мѣщанъ составляемыхъ.

Мѣщане, состоящіе по городамъ, должны быть все обращены въ военное состояніе подобно донскому войску, съ тѣмъ различіемъ, чтобъ изъ нихъ быть большей части пѣшими и называться казаками пѣшими стрѣлками, раздѣлить ихъ на станицы и ежели при которомъ городѣ ихъ бы было малое число, къ тѣмъ приписывать отъ другихъ городовъ, или лучше меньшее къ большому числу. Внутреннее управленіе станицъ будетъ по образу донскому, т. е. по выбору ихъ станичными атаманами. Ружье дать на первый случай государеву, а имянно:

- 1) Ружье легкое.
- 2) Пику, которая будетъ имъ служить вмѣсто штыка и утвержденіемъ ради приклада.
- 3) Широкой ножъ на подобіе турецкаго этагана, вельми ловкій для обороны и ради рубленія лѣсу.

Сіе оружіе дать имъ на одинъ разъ, которое чинить и возобновлять они уже будутъ вѣчно.

Часть изъ сихъ, кои будутъ конные, должны быть тоже снабжены отъ казны оружіемъ, а именно: короткій карабинъ, пика, длиною какъ у донцовъ, одинъ пистолетъ, ножикъ, какъ и у пѣшаго.

Платье, какое кто хочетъ по достатку на образъ казачій и обувь легкую, развѣ изъ особой монаршей милости пожаловано будетъ при выходѣ въ походъ сукно. Волосы имѣть по казачьему, а кто хочетъ имѣть изъ нихъ бороду и то не возбраняется. Обязаны они учиться заряжать проворно, и цѣльно стрѣлять, но не по командѣ, а всякой отдѣляясь особо и разсыпаясь.

Строй ихъ и пѣшей подобиться долженъ казачьему, о чемъ особо предпишется. Въ походѣ устраиваться будутъ сотнями. Число, какое губерніи выставитъ, можетъ называться будетъ полкомъ, по имени той губерніи.

Начальники ихъ: полковникъ, полковой есаулъ, сотники, хорунжіе, въ сотняхъдесятники изъ казаковъ. Казаковъ въ сотнѣ 212. Въ конные казаки вписывать охотниковъ.

Употребленные на службу въ мирное время получать имѣютъ жалованья въ третѣ по три рубли и провіантъ, конные тоже и фуражъ на одну лошадь, въ военное время пѣшіе по рублю на мѣсяцъ и провіантъ, конные тоже, но фуражъ на двѣ лошади, а пѣшимъ на подъемныхъ фурахъ указаной, которыхъ въ сотнѣ имѣтъ смотря по обстоятельствамъ. На случай военной по разсмотрѣнію придавать въ каждой полкъ по нѣскольку пушекъ легкихъ. Пушкарей обучитъ изъ нихъ же.

Какъ сіе войско въ мирное время ничего отъ казны не будетъ получать, но содержать себя и оружіе обязано своимъ коштомъ, то слѣдуетъ снабдить ихъ угодами, которыхъ въ Россіи впустѣ довольно находится. Весьма бы полезно было еслибы сіи люди переселялись на границы государства, которыхъ они вѣрными бь охранителями были.

Строй пѣшихъ казаковъ въ лаву, по кучамъ и въ разсыпку.

Построеніе въ лаву не иное что, какъ фронтъ въ одну линію. Можно его дѣлать двойною. Тогда подобна она будетъ двумъ ширенгамъ. Построеніе по кучамъ есть бой какъ бы разсыпными плутонгами одинъ другаго подкрѣпляющими, изъ чего нечувствительно выходитъ шахматное построеніе. Бой въ разсыпку бываетъ въ мѣстахъ неравныхъ, гдѣ натура представляетъ способы закрываться во рвахъ, въ кустахъ, за каменьями и въ лѣсахъ. Сверхъ сего, приучить ихъ нужно къ удару на бѣломъ ихъ оружіи, а особливо ножами по образу турецкаго юриша, т. е. стремленія, которой производится съ большою скоростію, густою толпою, противу чего безъ артиллеріи рѣдко бы могла устоять регулярная линія. Во всякомъ полку для такой атаки имѣтъ по меньшей мѣрѣ двѣ отборныя сотни, составленныя изъ людей легкихъ, сильныхъ и предприимчивыхъ и вооружить ихъ на тотъ случай только однимъ пистолетомъ и ножемъ. Сіи называются у турокъ даркылычи, т. е. своею саблею врывающіеся въ непріятеля.

Ваше императорское величество изъ сего усмотрѣтъ изволите, что родъ боевыхъ обрядовъ у войскъ иррегулярныхъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторое устройство, которое было кажется основаніемъ тактическому строю. Имѣя такъ-вые войска пѣхотные, регулярные полки вашего императорскаго величества не будутъ употребляться, какъ для большихъ постовъ. Всѣ общія пѣхотные пикеты или отводы въ мѣстахъ шиканскихъ, кои не позволяютъ сохранять строй, будутъ сими казаками отправляться, а какъ ихъ число велико, то выберутся лучшіе и здоровые на службу. Какая разница съ даваемыми рекрутами, куда самыхъ худыхъ выбираютъ? Сіи люди при здоровомъ сложеніи тѣла, научась всѣмъ до нихъ надлежащимъ изворотамъ и ухваткамъ, сдѣлаются для нашей пѣхоты, какъ кроаты полезны; не будучи озабочены внутреннимъ обрядомъ службы, ниже отягощены попеченіемъ о мундирныхъ вещахъ, все время будутъ имѣтъ то на службу, то на отдохновеніе. Что они опасны будутъ непріятелю, о семъ нѣтъ сумнѣнія, особливо имѣя способъ беспокоить его безпрестанно, а паче страшны будутъ въ преслѣдованіи его по разбитіи отъ регулярной арміи. Для защищенія замковъ

«истор. вѣстн.», июль, 1883 г., т. хш.

15

и крѣпостей съ пользою могутъ употребляться, ибо нѣтъ сумнѣнія, чтобъ они не были добрые стрѣлки.

(Безъ означенія года и числа).

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Племянникъ архіепископа Симона Тодорскаго.

Докладная записка графа А. П. Вестушева-Рюмина императрицѣ Екатеринѣ II.

Анатолій, племянникъ покойнаго архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго, пріѣзжалъ изъ Палестины въ С.-Петербургъ въ 1750 году съ частію животворящаго древа креста Христова, будучи тогда архимандритомъ Павло-Георгіевскаго монастыря въ Афонской горѣ, и получилъ отъ ея императорскаго величества блаженныя и вѣчностойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны высочайшую милость и награжденіе и снабженъ жалованною грамотою для помянутаго монастыря.

За которые его труды къ святой обители константинопольскимъ патриархомъ Кирилломъ произведенъ въ чинъ епископа Милитійскаго.

А потомъ, въ 1757 году, онъ, Анатолій, вновь пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ съ представленіемъ изъ заграничнаго народа въ пользу Россійской имперіи, о которомъ извѣстно въ сенатѣ и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и отправленъ былъ назадъ съ отвѣтомъ по сему дѣлу, но за учинившимся препятствіемъ паки пріѣхалъ изъ Сѣчи Запорожской въ Петербургъ для истребованія отъ сената надлежащей резолюціи; тогда захватили его, Анатолія, въ синодѣ подъ караулъ, а между тѣмъ обвинили его въ синодѣ слѣдующими обстоятельствами:

- 1) Что отлучился онъ изъ Малороссіи въ Палестину и тамо въ монашескій чинъ вступилъ.
- 2) Что пріѣзжалъ изъ Палестины въ Россію дважды, а въ синодъ не явился.
- 3) Что получилъ онъ архіерейскій чинъ отъ константинопольскаго патриарха, а не отъ синода російскаго.
- 4) Что отправлялъ онъ божественную службу въ Сѣчи Запорожской съ возглашеніемъ своего имени и съ выключеніемъ епархіальнаго архіерея кіевскаго.

И по такому обвиненію отъ синода лишили его, Анатолія, архіерейскаго чина и послали подъ крѣпкимъ карауломъ къ митрополиту тобольскому въ 1760 г., февраля 18, а по прибытіи его въ Тобольскъ, оный митрополитъ, лиша его, Анатолія, всего монашества, послалъ въ отдаленное сибирскихъ краевъ мѣсто въ вѣчную черную работу въ Кондинскъ.

Съ того времени уже безмала три года страждетъ онъ въ изнуреніи, а какъ нынѣ отъ ея императорскаго величества для благополучной совершенной коронаціи опубликованнымъ указомъ ко всѣмъ осужденнымъ людямъ высокое милосердіе показано: помянутый же бывший епископъ Анатолій никакого важнаго преступленія не сдѣлалъ, кромѣ, что въ Запорожской Сѣчи архіерейское служеніе отправлялъ, но и то по усиленной просьбѣ тамошняго войска, а не по своей охотѣ, то брать его родной Иванъ Мелесъ всенжайше просить о показаніи ему, Анатолію, равнаго другимъ осужденнымъ высокаго милосердія, чтобъ освобожденъ былъ изъ настоящаго заточенія.

Сообщено А. П. Коломнинимъ.

Н.

Нарская Е. («Рус. Вѣстн.» 60 г.)—княгиня Е. Шаликова.

*Н. В. («Справ. Каз. Лист.» 67 г.)—Н. Н. Буличъ.

Не стыжусь («Библи. для Чт.» 60 г.)—А. О. Писемскій.

Николай Ивановъ («Оса» и др.)—Н. И. Шульгинъ.

Нико-Ники («Минута»)—Н. К. Никифоровъ.

Н. Л. («Ист. Вѣстн.»)—Н. С. Лѣсковъ.

Н. Л. («Журн. ром. и пов.»)—Н. Ланская.

Н. М. («От. Зап.»)—Н. Михайловскій.

Н. С. («О сущности и значеніи раскола въ Россіи». Спб. 1881 г.)—Н.

Субботинъ.

Н. С. К. («Историческій Вѣстникъ»)—Н. С. Кутейниковъ.

О.

О—ій Л. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.

Ок—цъ С. С. («Лучъ»)—С. С. Окрейцъ.

Омулевскій («Жив. Обзор.» и др.)—И. В. Оедоровъ.

О—нъ П. («Искра»)—П. А. Ефремовъ.

*Оса («Молва» и др.)—Н. О. Баталинъ.

Осиповичъ А. («От. Зап.»)—А. О. Новодворскій.

Островитянинъ («Спб. Вѣд.» 71 г., № 42)—Я. К. Гротъ.

П.

Пассажиръ 2 класса («Спб. Вѣд.» 74 г., № 248)—Я. К. Гротъ.

П. В. («Русскій Архивъ»)—П. Бартенева.

*Петербургскій Старожиль («Рус. Вѣстн.» 74—76 гг. и др.)—В. Н. Бур-

нашевъ.

Праздношатающийся («Пет. Лист.»)—А. А. Соколовъ.

Прокопъ («Стрекоза» и др.)—В. А. Прокофьевъ.

Протопоповъ М. А. (Дѣло» и др.)—Н. Морозовъ.

П. П. («Жив. Обзор.»)—П. Н. Полевой.

П. У. («Истор. Вѣстн.»)—П. С. Усовъ.

П—цъ (Пер. съ фр. «Заблужд. любви и ума». М. 1802 г.)—А. Сербина.

П. Я. («Отъликъ». Спб. 1881 г.)—П. Якубовичъ.

Р.

Русскій учитель. («Спб. Вѣд.» 1871 г., № 42)—Я. К. Гротъ.

С.

С. («Рус. Вѣстн.» 62 г.)—П. И. Мельниковъ.

С—въ О. («Сарат. Дневн.» 81 г.)—О. А. Созоновъ.

С. Г. («Рус. совр. дѣатели». Спб. 1877 г.)—С. Глазенацъ (?).

Сергѣй Атава (соврем. журналы)—С. Н. Тершгоревъ.

*Сибирскій казакъ («Древн. и Нов. Рос.» 1876 г.)—С. И. Черепановъ.

*Сибирскій казакъ («Соврем.» 60 г.)—П. А. Тино-Пашино.

Скалозубъ (Юмор. журн.)—А. А. Плещеевъ.

Слово Глаголь («Сарат. Лист.»)—С. Гусевъ.

С. Н. Ш. («Истор. Вѣстн.»)—С. Н. Шубинскій.

Старый воробей («Петерб. Листокъ»)—А. Ф. Ивановъ.

Т.

Театральный нигилистъ («Пет. Лист.»)—А. А. Соколовъ.

Трефовый король («Осколки» и др.)—Л. И. Пальминъ.

Ф.

Ф. Черниговецъ («Новое Время» и «Петерб. Газета») — Ф. В. Вишневецкій.

Х.

Х. («Спб. Вѣд.» 71 г., № 196) — Я. К. Гротъ.

Ш.

Шпажинскій (Театр. піесы) — Н. Везовскій (?).

Ю.

Юрко Г. («Міръ») — Г. Говоруха-Отрокъ.

Я.

Я — ій І. («Жив. Обзор.» 81 г.) — І. І. Ясинскій.

Я. К. («Труды И. В. Э. Общ.») — Я. Калинскій.

Ө.

Ө. Б. («Истор. Вѣстн.») — Ө. И. Булгаковъ.

Өедосѣевецъ («Дѣло» и др.) — Я. Абрамовъ.

Өома Врутъ («Рус. Слово») — Д. Л. Мордовцевъ.

Ө. Т. («Сѣв. Пчела» 62 г.) — Ө. М. Толстой.

Звѣздочки.

* * * («Соврем.» 1866 г. «Пѣсни о свободн. словѣ») — Н. А. Некрасовъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что въ изслѣдованіи С. Желѣзняка псевдонимы Н. В. Гоголя («Глечикъ» и «Яновъ») показаны неправильно. Настоящій ихъ видъ, въ какомъ они были напечатаны въ «Литературной Газетѣ» 1831 г. слѣдующій: «П. Глечикъ» и «Г. Яновъ». Первый псевдонимъ, подписанный подъ отрывкомъ «Учитель» изъ малороссійской повѣсти «Страшный кабанъ», имѣетъ то основаніе, что въ одной изъ появившихся ранѣе повѣстей Н. В. Гоголя, въ «Главѣ изъ историческаго романа» ⁴⁾ («Сѣверн. Цвѣты» на 1831 г.), выведенъ дѣйствующимъ лицомъ полковникъ Глечикъ. Псевдонимъ же «Г. Яновъ», употребленный подъ статью «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи», есть очевидно сокращеніе полной фамилии автора — Гоголь-Яновскій.

Вячеславъ Катеневъ.

⁴⁾ Повѣсть эта имѣетъ въ подписи другой псевдонимъ: ОООО, такъ какъ буква О встрѣчается четыре раза въ имени и полной фамилии автора.

СМѢСЬ.

АРОВАНИЕ раскольниковъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ.—Черезъ недѣлю послѣ коронаціоннаго манифеста, обнародованъ одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ новаго царствованія. Болѣе чѣмъ десяти-

милліонному русскому коренному населенію даны права, которыхъ оно напрасно ждало много лѣтъ. Права эти для человѣка важны не менѣе личной свободы, такъ какъ въ нихъ заключается свобода совѣсти, свобода вѣроисповѣданія. Освобожденіе такъ-называемыхъ раскольниковъ отъ вѣкового безправія и всякаго рода притѣсненій—продолженіе великаго освобожденія крестьянъ. «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ», говорились тогда русскому народу, — теперь народъ этотъ можетъ осѣнить себя безразлично — двуперстнымъ или трехперстнымъ знаменіемъ, не теряя отъ этого своихъ гражданскихъ правъ. Не одну религіозную рознь уничтожаетъ новый законодательный актъ: отнынѣ между двумя половинами русскаго народа, одинаково любящими свое отечество, своего государя, законъ не будетъ преслѣдовать одну изъ этихъ половинъ за то, что она не такъ крестится, какъ другая, слѣдуетъ стариннымъ обрядамъ, читаетъ молитвы по старопечатнымъ книгамъ. Если въ эпоху Петра I раскольники были элементомъ, задерживавшимъ стремленіе Россіи къ цивилизации, и крутыя мѣры противъ нихъ, если не оправдывались, то объяснялись государственною необходимостью, то въ наше время подобныя мѣры только возбуждали фанатизмъ, тормозящій правильный ходъ государственной и народной жизни. Лучшій духовный журналъ нашъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ» видитъ въ актѣ 23-го мая не расширеніе правъ раскольниковъ, а только «отмѣну разнообразныхъ стѣсненій, какими законъ обставлялъ общественную и даже частную жизнь старообрядцевъ». Журналъ видитъ въ этомъ актѣ первый, очень крупный шагъ въ рѣшеніи раскольниковъ вопроса и не сомнѣвается, что дѣло на этомъ не остановится. «Если бы сдѣлана была, говорить онъ, даже меньшая брешь въ плотинѣ, окружавшей заплесневѣлое раскольниковъ болото — и тогда хлынувшая вода живо размыла бы плотину». Съ этимъ можно вполне согласиться. Вспомнимъ, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, Ренанъ, жалѣя о томъ, что онъ не родился гораздо позже, видитъ въ будущемъ—освобожденіе человѣческаго духа отъ всего, что его теперь связываетъ и мѣшаетъ его развитію. Въ этомъ, уже не далекомъ бу-

душемъ, по мнѣнію знаменитаго автора, несомнѣнно выиграетъ свобода вообще и, что всего важнѣе, свобода совѣсти—драгоцнѣйшее благо человѣчества, наконецъ, свобода духа, не только религіозна, но и свобода образованія. Чтобы видѣть, почему печать приписываетъ такое значеніе акту о раскольникахъ, приводимъ главные положенія его:

«Паспорты на отлучки внутри имперіи выдаются раскольникамъ всѣхъ сектъ, за исключеніемъ скопцовъ, на общемъ основаніи. Всѣмъ вообще раскольникамъ дозволяется производить торговлю и промыслы. Раскольникамъ дозволяется занимать общественныя должности. Когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостного старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для этого зданіяхъ, съ тѣмъ лишь неперемѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка. Имъ предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащія имъ часовни и другія молитвенныя зданія, приходящія въ ветхость, съ тѣмъ, чтобы общій наружный видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. На производство этихъ работъ испрашивается разрѣшеніе губернатора. Распечатаніе молитвенныхъ зданій раскольниковъ допускается съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы распечатаніе производилось безъ всякаго торжества. Распечатаніе расколическихъ монастырей и скитовъ не допускается. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, дозволяется, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, обращать для общественнаго богомоленія существующія строенія. При этомъ наблюдается, чтобы строенію не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма и чтобы при немъ не имѣлось наружныхъ колоколовъ. Надверныя кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или въ другое молитвенное зданіе ставить не возбраняется. При погребеніи умершихъ раскольниковъ дозволяются предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и твореніе на кладбищѣ молитвы по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія. Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за это преслѣдованію. За означенными лицами не признается духовнаго сана или званія, причемъ они считаются въ отношеніи къ правамъ состоянія принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ. Послѣдователямъ раскола воспрещается публичное оказательство, которымъ признаются: крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, публичное ношеніе иконъ (за исключеніемъ погребенія умершихъ), употребленіе внѣ домовъ, часовень и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія, или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній, и расколическія пѣнія на улицахъ и площадяхъ».

Этотъ актъ государственной вѣротерпимости встрѣченъ всею журналистикою съ полнымъ сочувствіемъ.

Военные юбилеи. Съ празднованіемъ коронаціи совпали двѣ знаменательныя для нашей военной исторіи годовщины: столѣтняя — основанія черноморскаго флота и двухстолѣтняя—учрежденія первыхъ полковъ регулярной русской арміи—Преображенскаго и Семеновскаго. Юбилеи эти были отпразднованы съ торжествомъ, принятымъ въ подобныхъ случаяхъ. Высочайшая грамота, данная 15-го мая черноморскому флоту, изобразила значеніе его на берегахъ древняго Понта Эвксинскаго. Первые верфи появились на берегахъ Азовскаго моря и, 5-го августа 1771 года, небольшая флотилія изъ четырехъ судовъ вышла изъ Еникале къ берегамъ Крыма. Это были первые

русскія военныя суда, появившіся въ Черномъ морѣ. Въ 1778 году были заложены Херсонъ съ адмиралтействомъ и корабельною верфью. Черезъ шесть лѣтъ былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ и, въ томъ же 1783 году, въ Ахтіарской бухтѣ, занятой нашими сухопутными войсками, начали строить казармы, магазины и адмиралтейство, послужившіе основаніемъ севастопольскаго порта. Первые штаты черноморскаго флота были утверждены въ 1785 году. Судьба его извѣстна. Просуществовавъ полстолѣтія, ознаменованное побѣдою при Синопѣ, послѣднею битвою паруснаго флота, онъ самъ потопилъ себя въ волнахъ севастопольской бухты, чтобы не достаться неприятелю и сохранить своихъ защитниковъ для геройской обороны крѣпости. Европа, заключая миръ съ Россіею, постановила даже условіемъ его—ограниченіе нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, и условіе это, уничтоженное нами въ 1870 году, не повело однако въ теченіи долгихъ лѣтъ къ возрожденію нашего флота, ограничившагося постройкою однихъ бесполезныхъ и безобразныхъ поповокъ. Будемъ надѣяться, что въ новое столѣтіе флотъ этотъ пріобрѣтетъ свою прежнюю славу. Высочайшая грамота призываетъ его постройкою новыхъ кораблей на преемственное для него поприще чести, пользы и славы.

Юбилей Преображенскаго и Семеновскаго полковъ особенно торжественно праздновался въ Москвѣ, два окрестныя села которой были колыбелью нашей арміи. Въ Старопреображенской слободѣ (нынѣ Тишино) былъ парадъ въ присутствіи августѣйшаго дома, иностранныхъ принцевъ, дипломатическаго корпуса, генералитета. Семеновцамъ и преображенцамъ даны новыя знамена съ георгіевскими и андреевскими лентами. Ко дню юбилея вышли вполне обстоятельно составленные: «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка» и «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка»—послѣдняя—трудъ законченный, обнимающій оба столѣтія существованія полка со дня его основанія до дня празднованія юбилея. Болѣе подробно изложена исторія полка въ непрерывныхъ войнахъ, веденныхъ Петромъ I подъ Азовомъ, при осадѣ Нарвы, въ борьбѣ съ Карломъ XII, съ Турціею и Персіею, въ походахъ отъ Бѣлаго моря и береговъ Невы до Каспійскаго моря, отъ Даніи до Урала. Вмѣстѣ съ исторіею этого полка государю поднесенъ великолѣпный альбомъ съ портретами, исполненными фототипіею, и картинами, относящимися къ событіямъ, въ которыхъ участвовали семеновцы, къ ихъ частной и военной жизни, къ измѣненіямъ формы и т. п. Картины эти, писанныя сѣніею, изображаютъ подвиги семеновцевъ въ пѣхотномъ строю, и какъ кавалеристовъ—потому что они замѣняли конницу въ 1706—1708 гг. и какъ моряковъ, потому что они успѣшно дѣйствовали и на галерахъ, и одна изъ картинъ альбома изображаетъ морское сраженіе 3-го мая 1703 года, при деревнѣ Калинкиной, предшествовавшее основанію Петербурга.

«Исторія Преображенскаго полка» вышла только одинъ томъ, обнимающій періодъ времени до смерти Петра I (всѣхъ томовъ будетъ четыре). Сначала авторъ рѣшаетъ спорный вопросъ о началѣ образованія «потѣшныхъ» въ маѣ 1683 года, потомъ говоритъ о комплектованіи и организаціи отряда, о его маневрахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Послѣднія главы посвящены внутренней, хозяйственно-бытовой и служебной жизни полка. Отчетливому и вполне серьезному изложенію событій, безъ вычурнаго краснорѣчія и сомнительныхъ анекдотовъ, предпосланъ очеркъ вооруженныхъ силъ старой системы. Но, помимо чисто военнаго взгляда на исторію обоихъ полковъ, желательно было бы, чтобъ авторы обоихъ сочиненій обратили еще больше вниманія на цивилизаторскую роль полковъ, учрежденныхъ гениальнымъ мальчикомъ. Петру было тринадцать лѣтъ, когда онъ завелъ своихъ «потѣшныхъ» съ цѣлью защитить себя отъ стрѣльцовъ, преданныхъ его честолюбивой сестрѣ, окруженной сильными сторонниками, обращавшимися неуважительно съ молодымъ царемъ и его матерью. Черезъ четыре года преображенцы и семе-

новцы составляли уже серьезную боевую силу, имѣвшую артиллерию. Они были въ то же время и драгунами, и инженерами и моряками и судостроителями. Давъ имъ въ 1700 году названіе «лейбъ-гвардіи» Петръ сталъ давать имъ самыя разнообразныя назначенія. Не было ни одной реформы, ни одного учрежденія, въ которыхъ офицеры этихъ полковъ не принимали бы участія. Царь посылалъ ихъ съ дипломатическими и другими порученіями за границу; по Россіи они ѣздили искореняя злоупотребленія, укрощая волненія, засѣдали въ сенатѣ и военной коллегіи. Неразлучаясь никогда съ своимъ царемъ, воспитанные подъ его руководствомъ, они были первыми піонерами цивилизаціи на Руси, образцами не только для остальной арміи, но и для всякаго гражданина, какимъ долженъ быть всякій русскій, по идеалу великаго монарха. Самое войско, по идеѣ Петра, должно было представить силу, не враждебную цивилизаціи, а содѣйствующую ей. Поэтому - то юбилей первыхъ нашихъ полковъ имѣютъ значеніе не только какъ военный праздникъ, но и какъ праздникъ интеллигенціи.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. 26-го мая, при самой торжественной, блестящей обстановкѣ, совершилось въ Москвѣ освященіе грандіознаго историческаго и религіознаго памятника одной изъ славныхъ эпохъ въ жизни Россіи.

Мысль о сооруженіи храма Спасителя явилась послѣ отечественной войны 1812 года. Въ манифестѣ изъ Вильны, отъ 25-го декабря 1812 года, императоръ Александръ говорилъ: «Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ російскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ городѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Первоначально предполагалось поставить храмъ въ окрестностяхъ Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. Въ 1816 г., изъ числа представленныхъ на конкурсъ проектовъ храма былъ избранъ проектъ академика живописи Витберга, сына обрусѣвшаго шведа. 12-го октября 1817 года, въ тотъ самый день и на томъ самомъ мѣстѣ Воробьевыхъ горъ, гдѣ за пять лѣтъ передъ тѣмъ имѣлъ послѣдній ночлегъ арбергардъ французской арміи, выступавшей изъ Москвы, была совершена торжественная закладка храма, воздвигавшагося въ память этого событія. На церемоніи присутствовали: Александръ I, императрицы Елизавета Алексѣевна и Марія Федоровна, великій князь Николай Павловичъ съ супругой и принцъ прусскій Вильгельмъ, нынѣ царствующій императоръ германскій.

Въ 1821 году, было приступлено къ грандіознымъ землянымъ работамъ, но вскорѣ среди «комисіи по сооруженію храма» возникли несогласія. Кончина Александра I и интриги лицъ, завидовавшихъ дарованію Витберга, снова повліяли на ходъ работъ. Комисія была закрыта и въ 1828 году рѣшено было прекратить работы на Воробьевыхъ горахъ. Николай I, въ виду невозможности воздвигнуть храмъ на выбранномъ покойнымъ государемъ мѣстѣ, началъ новый конкурсъ, однимъ изъ условій котораго состояло въ томъ, чтобы проекты не представляли никакихъ особенныхъ затрудненій при практическомъ ихъ выполненіи. Утвержденъ былъ въ 1832 году проектъ К. А. Тона, какъ болѣе подходящий къ древнему, русско-византійскому стилю. Храмъ воздвигнутъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, близъ Кремля, гдѣ находился прежде Алексѣевскій женскій монастырь, перенесенный въ 1837 году въ Красное Село, близъ Сокольничьей роши. Отличаясь отъ чисто византійскаго стиля, храмъ представляетъ въ своемъ основаніи квадратъ, периметромъ въ полторы тысячи сажень; всѣ четыре фасада его имѣютъ одинаковые выступы или порталы, образуя, такимъ образомъ, равноконечный крестъ. Изъ пяти вѣнчающихъ храмъ, грушевидныхъ, ребристыхъ главъ, въ старинномъ

стилѣ, средняя значительно больше остальныхъ, имѣя въ поперечникѣ до 14 сажень. Она обведена мраморной короной изъ 26 арокъ, украшенныхъ рѣзбой. Остальные главы представляютъ форму восьмиугольныхъ башенокъ, служащихъ помѣщеніемъ для 14 колоколовъ разной величины. Бронзовая вызолоченная рѣшетка (до двухъ аршинъ величины) окаймляетъ крышу между малыми главами. Въ храмъ ведутъ двѣнадцать дверей, по три между столбами каждаго изъ четырехъ порталовъ. Освѣщается онъ шестидесятью окнами, вышиною отъ одной до четырехъ сажень. Весь фасадъ облицованъ бѣлымъ мраморомъ (штукатурныя части его то же отдѣланы подъ мраморъ) и украшенъ въ два ряда выпуклыми изображеніями (горельефы) и изсѣченными надписями. Четыре крыльца и цоколь изъ темнаго гранита. Внутри зданія, на разстояніи двухъ сажень отъ наружной стѣнки, четыре колоссальныхъ пилона, или башнеобразныхъ столба, поддерживаютъ сводъ, образуя внизу — совершенно отдѣльный корридоръ, а наверху — круговыя хоры (палаты). Корридоры, освѣщаемые восемью большими окнами, предназначены для церковныхъ процессій. Они отдѣляются отъ средней части храма бронзовыми рѣшетчатыми дверями, но постоянно открыты для богомольцевъ. На хорахъ же находятся два придѣла.

Высота зданія до вершины креста 48½ сажень: колокольная Ивана Великаго (болѣе 46 сажень) съ крестомъ можетъ установиться подъ яблоко большаго купола храма. Вмѣстить храмъ можетъ до десяти тысячъ человѣкъ.

Работы по устройству фундамента окончены были въ концѣ 1839 года и 10-го сентября того же года была совершена торжественная закладка храма.

На постройку стѣнъ и сводовъ, на наружную облицовку храма, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, употреблено 40 милліоновъ кирпичей и 6,000 кв. саж. плитъ, проложенныхъ между ихъ рядами. Произведенные поиски привели къ избранію прекрасной породы русскаго мрамора, до того еще никогда не употреблявшагося при постройкахъ и названнаго протоповскимъ, по мѣсту нахождения его въ селѣ Протопоповѣ, Коломенскаго уѣзда, близъ Москвы. Этотъ камень, бѣловатаго цвѣта, представлялъ всѣ качества, необходимые для его назначенія: прочность, однородное сложеніе, значительный блескъ при полировкѣ. Первоначально онъ назначался только для облицовки стѣнъ храма; но позднѣе, когда обнаружилась полная его пригодность, приказано употребить его же и на изваніе горельефовъ на наружныхъ стѣнахъ. Въ 1849 году окончень колоссальный сводъ большаго купола. Постановка главъ (на позолоту которыхъ употреблено 25 пуд. 31 фунтъ 47 золотниковъ золота—по 2 золотника на каждый кв. футъ) завершила внѣшнюю отдѣлку храма. Когда внутренность его была освобождена отъ лѣсовъ, 27-го августа 1855 года митрополитъ Филаретъ, при огромномъ стеченіи народа, освятилъ крестъ большой главы, передъ поднятіемъ его на мѣсто. Крестъ былъ собранъ посреди храма; вышина его составляетъ 4 сажени, длина каждой изъ цѣпей 11 сажень. Въ 1858 году были разобраны наружные лѣса, и храмъ явился во всемъ величій и красотѣ. Съ наружной западной стороны храма, при входѣ, помѣщено изображеніе Христа Спасителя, окруженное силами небесными и святыми, соименными императорамъ-храмосозидателямъ. На восточной сторонѣ помѣщены иконы явленій Богоматери и картины Рождества и Воскресенія, въ воспоминаніе объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи и о взятіи Парижа. На южной сторонѣ—изображеніе Богородицы Смоленской, образъ которой былъ при войскахъ въ 1812 году, и изображенія тѣхъ святыхъ, дни празднованія которыхъ совпадали съ днями замѣчательнѣйшихъ битвъ 1812 года; наконецъ, на сѣверной—изображены просвѣтители Россіи вѣрою Христовой. Надъ средними дверями главнаго входа находятся изванія двухъ ангеловъ, держащихъ развернутую хартію со словами: «Господь съ нами». Надъ двумя другими дверьми, справа, два ангела съ крестообразно-наклоненными хоругвями, въ память московскаго ополченія, имѣвшаго вмѣсто знаменъ

церковныя хоругви; слѣва, два ангела, держащіе наклоненныя знамена съ изображеніемъ на нихъ креста. На карнизѣ четырехъ порталовъ вырублены надписи. Внутренность храма представляетъ разнообразіе колеровъ въ облицовкѣ стѣнъ, узорѣ пола и проч., при значительномъ преобладаніи темныхъ цвѣтовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ мраморныя работы. Матеріаломъ для облицовки внутреннихъ стѣнъ, инкрустацій, мозаики пола (въ видѣ красиваго ковра съ разноцвѣтными звѣздами, шашками и проч.), тумбъ для хоругвей, аналоевъ и проч., послужили, кромѣ четырехъ итальянскихъ и одного бельгійскаго сортовъ, два русскихъ: лабрадоръ—темнозеленаго цвѣта съ кристаллами серебристаго блеска, добываемый въ Киевской губерніи и впервые употребленный въ дѣло при построеніи храма, и шокшинскій порфиръ — темнокраснаго цвѣта, добываемый въ Олонецкой губерніи, близъ мѣстечка Шокши. Итальянскіе мраморы имѣютъ цвѣта: голубоватый, желтый, краснопестрый и бѣлый съ жилками; бельгійскій мраморъ—черный. Къ этимъ сортамъ прибавлена сибирская яшма, изъ которой высѣчены двѣнадцать цѣльных колоннъ у сѣверной и южной входныхъ дверей. Особенную красоту и богатство придаетъ внутреннему виду храма множество изящныхъ и разнообразныхъ орнаментовъ въ русскомъ стилѣ, разрисованныхъ золотомъ и масляными красками.

Согласно волѣ Александра I, храмъ Христа Спасителя выполняетъ и историческое назначеніе; весь нижній корридоръ посвященъ воспоминанію о событіяхъ отечественной войны, увѣковѣченныхъ въ надписяхъ (болѣе 200,000 буквъ) на 177 бѣлыхъ мраморныхъ плитахъ. Эти плиты расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: налѣво отъ входа, на первой плитѣ изсѣченъ высочайшій приказъ арміямъ и рескриптъ предсѣдателю государственнаго совѣта, графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи; далѣе — воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи Россіи. Затѣмъ, идутъ въ хронологическомъ порядкѣ: по лѣвой сторонѣ до алтаря описанія сраженій 1812 года (внутри Россіи); по правой битвы 1813—1814 годовъ (за предѣлами ея), съ поименованіемъ дня и мѣста сраженій, частей участвовавшихъ въ нихъ войскъ, главноначальствовавшихъ, убитыхъ, раненыхъ и отличившихся. Эта лѣтопись оканчивается направо отъ входа манифестомъ о взятіи Парижа, низложеніи Наполеона и о заключеніи мира въ Европѣ. На стѣнѣ, соприкасающейся горнему мѣсту, за алтаремъ, помѣщенъ манифестъ о построеніи храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ; подъ нимъ живописное изображеніе храма по проекту Тона; ниже—рисунокъ храма по проекту Витберга. Здѣсь же находятся: благодарственные манифесты русскому народу, Москвѣ и русскому дворянству, манифестъ объ учрежденіи медали въ память 1812 года; составъ ополченія и перечень пожертвованій, сдѣланныхъ различными городами и частными лицами для спасенія отечества. По угламъ корридора поставлены четыре мраморныхъ кіота, съ неугасимыми лампадами передъ 12 иконами, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое значеніе, относящееся къ этой славной эпохѣ.

Кромѣ иконъ, въ корридорѣ надъ тремя входными дверями помѣщены съ каждой стороны шесть живописныхъ изображеній Христа Спасителя: благословляющаго входящихъ на молитву и исходящихъ изъ храма; призывающаго всѣхъ труждающихся и обремененныхъ; Нерукотворнаго Спаса; Христа въ царскомъ облаченіи; Иисуса младенца, и Христа въ архіерейскомъ облаченіи.

Средняя часть храма, т. е. пространство между четырьмя пилонами, имѣетъ 32 аршина въ ширину и 22 аршина отъ западныхъ входныхъ дверей до солей, отдѣленной бронзовой рѣшеткой и бѣломраморной клиросной балюстрадой. Иконостасъ устроенъ въ видѣ восьмигранной часовни изъ бѣлаго мрамора съ разноцвѣтными инкрустаціями; вѣнчающій ее бронзовый вызолоченный шатеръ состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, въ которыхъ помѣ-

пещи иконы; онъ сьуживается кверху и оканчивается большой главой съ крестомъ. Вышина часовни съ шатромъ 37 аршинъ. Лицевая сторона часовни служить для царскихъ вратъ, изъ отливной бронзы (работы Шопена). Въ боковыхъ сторонахъ часовни помѣщены мѣстные образа (работы профессора Неффа); справа—образъ Спасителя, слѣва—образъ Рождества Христова. На восточной стѣнѣ алтаря находится запрестольное колоссальное изображеніе также Рождества Христова. У юго-западнаго пилона устроено въ 1881 году царское мѣсто, въ видѣ возвышенной площадки, съ поставленными на немъ двумя мраморными креслами; надъ ними помѣщена картина: «Самуилъ, по повелѣнію Божію, помазуетъ на царство Давида», на противоположной сторонѣ, надъ каедрой для проповѣдниковъ, изображенъ «преподобный Сергій, благословляющій на брань Дмитрія Донскаго». На хорахъ два малыхъ придѣла: во имя Николая Чудотворца и Александра Невскаго, соименныхъ покровителей трехъ императоровъ-созидателей храма.

Средина храма посвящена событіямъ земной жизни Спасителя, а прочія священные картины поставлены въ связи съ болѣе знаменательными событіями какъ духовной, такъ и гражданской жизни нашего отечества. Вся живопись исполнена исключительно русскими художниками. Главный иконостасъ состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, въ которыхъ помѣщены, кромѣ мѣстныхъ образовъ, Господни и Богородичныя праздники, и святыя ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви; въ алтарѣ же—изображенія страстей и смерти Господнихъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна, какъ по яркости красокъ, такъ и по типичности фигуръ — «Тайная Вечеря». Бронзовыя работы въ храмѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ по своей цѣнности, такъ и по художественной отдѣлкѣ. Большая бронзовая вызолоченная люстра о 48 свѣчахъ вѣситъ почти 229 пудовъ; нѣсколько другихъ люстръ и люстро-лампадъ разныхъ размѣровъ, а также канделябры и подсвѣчники, помѣщенные на рѣшеткахъ, окаймляющихъ хоры и карнизъ купола, даютъ возможность освѣщать храмъ при ночныхъ богослуженіяхъ 3,200 свѣчей.

Великолѣпію внутренней отдѣлки храма соответствуютъ церковная утварь и облаченія священнослужителей; надъ исполненіемъ утвари трудились лучшіе московскіе фабриканты: Овчинниковъ, Хлѣбниковъ и друг. Въ числѣ ея замѣчательны: большое евангеліе, золоченое съ эмалью и камнями, въ древнемъ византійскомъ стилѣ; дарохранительница для главнаго алтаря чеканной оброчной работы; блюдо для благословенія хлѣбовъ, золоченое съ эмалью, въ древнемъ стилѣ. Всѣ 117 предметовъ утвари обоглились въ сложности 50,809 руб. Восемь перемѣнъ облаченій, исполненныхъ Сапожниковымъ изъ золотого глазета, серебряной парчи, бархата и проч. стоятъ 44,140 руб.

Въ 1880 году храму присвоено наименованіе «каедральнаго», соответственно чему утверждены штатъ духовенства и причта новаго собора, сравненныхъ со штатами Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ; на все же содержаніе храма опредѣлено въ годъ 68,408 руб.

На площади кругомъ храма разбитъ кустарниковый скверъ, окруженный бронзовой рѣшеткой, которая пересѣчена четырьмя подъѣздами. На южной сторонѣ, съ набережной, устроенъ спускъ къ каменной Гюрдани на Москвѣ-рѣкѣ, и поставлены два обелиска изъ орудій, отнятыхъ у непріятеля въ предѣлахъ Россіи въ 1812 году и во время похода въ Парижъ въ 1813—1814 годахъ.

Памятникъ Александру и Вильгельму Гумбольдтамъ. Въ Берлинѣ недавно праздновалось открытіе памятника двумъ выдающимся ученымъ нашего столѣтія. Статуи братьевъ Гумбольдтовъ, изображенныхъ въ сидячемъ положеніи, были, какъ водится, осыпаны вѣнками, лаврами, рѣчами, адресами и стихами. Подобные торжества, устраиваемыя если не представителями власти и правленія, то съ ихъ благосклоннаго разрѣшенія и соучастія, напоминаютъ имъ въ то же время, что въ этомъ мірѣ власть, сила, правительственныя заслуги—все

проходить и забывается — остается вѣчнымъ, незабвеннымъ только умъ, мысль, дѣльное и честное печатное слово. Изъ двухъ братьевъ Гумбольдтовъ одинъ умеръ почти полвѣка тому назадъ, другой не болѣе четверти вѣка — и вотъ теперь оба воскресли въ художественныхъ изваяніяхъ, въ многочисленныхъ рѣчахъ, посвященныхъ восхваленію ихъ, дѣйствительно замѣчательныхъ заслугъ. Старшій братъ, баронъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, ученикъ филантропа Кампе, знаменитъ какъ критикъ и филологъ. Онъ былъ правда, представителемъ своего отчества при лондонскомъ, вѣнскомъ и римскомъ дворахъ, на конгресахъ Шатильонскомъ, Вѣнскомъ, Ахенскомъ, даже министромъ внутреннихъ дѣлъ, но не правительственные заслуги сдѣлали его извѣстнымъ. Служебное поприще его кончилось еще въ 1819 году, когда онъ оставилъ министерскій постъ, не желая дѣйствовать въ духѣ реакціи, усилившейся тогда въ Пруссіи. И только съ тѣхъ поръ онъ создалъ себѣ громкое имя въ филологіи. Правда, еще въ 1789 году, бывши въ Парижѣ и пораженный громадною совершившагося тамъ переворота, онъ написалъ объ немъ замѣчательное изслѣдованіе, которое развилъ потомъ въ 1792 году въ журналѣ «*Berliner Monatschrift*» и наконецъ обратилъ въ отдѣльное сочиненіе «Идеи попытки опредѣленія границы дѣятельности государства». Но сочиненія подобнаго содержанія не могли доставить извѣстности въ Пруссіи, и Вильгельмъ Гумбольдтъ изумилъ ученыхъ своимъ «Изслѣдованіемъ языка кави на островѣ Явъ». Это былъ первый шагъ къ изученію имъ цѣлой серіи языковъ Океаніи и острововъ южнаго океана, связывающихъ Индію съ Америкой. Еще важнѣе по своимъ результатамъ былъ второй трудъ его «О различіи образованія языковъ и ихъ вліяніи на человѣка». Какъ критикъ онъ прославился своими «Эстетическими опытами», написанными по поводу гетевской поэмы «Германъ и Доротея» и теоріи вѣпои. Не менѣе замѣчательны его изслѣдованія эллинскаго міра, языка басковъ и, въ особенности, китайскаго языка. Онъ писалъ также хорошіе стихи и перевелъ «Агамемнона» Софокла.

Имя его брата, Александра, дожившаго до 90 лѣтъ, извѣстно всему образованному міру. Результаты своихъ безчисленныхъ путешествій, наблюденій, изученій, печатавшихся на нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ, онъ собралъ, подъ старость, въ книгѣ, сдѣлавшейся классическою. Его «Космосъ» — панорама всей природы, съ ея двойнымъ отраженіемъ на моральную и физическую организацію человѣка. Гумбольдтъ не изслѣдователь природы, онъ — объяснитель ея значенія и отношеній къ мыслящему міру. Передъ этою заслугою блѣднѣютъ всѣ другія, чисто ученныя и спеціальныя его изслѣдованія — горныхъ цѣпей, напряженности земного магнетизма, ослабѣвающего по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ, основанія географіи растений, примѣненій хронометра къ опредѣленію географическихъ долготъ и пр. Какъ человѣкъ, въ высшей степени гуманный и просвѣщенный, стоя близко къ трону, онъ всегда былъ передъ нимъ заступникомъ за впавшихъ въ немилость, ходатаемъ за заслуги, поборникомъ правды и законности. Мы обязаны ему исполнѣ научнымъ изслѣдованіемъ Урала, Алтая, Каспія, Джунгаріи, и признаніе великаго значенія этого знатока и любителя природы, открытіе его памятника не можетъ не интересовать русскаго человѣка.

† Въ Дамаскѣ умеръ 76-ти лѣтъ забытый всѣми, но нѣкогда занимавшій умы всей Европы, предводитель алжирскихъ арабовъ Абдель Кадеръ, отставившій независимость своего племени противъ завоевательныхъ стремленій Франціи. Имя его наполняло собою всю исторію царствованія Луи-Филиппа, тревожило не одну французскую, но и европейскую дипломатію. Одно время (въ 1834 году) онъ былъ совершенно независимымъ властителемъ области между Мароко и провинціями Оранской и Алжирской. Онъ жилъ въ своей столицѣ Маскара и разбивалъ одного за другимъ французскихъ генераловъ. Только Бюжо положилъ конецъ владычеству Абдель Кадера и, въ 1847 году, онъ принужденъ

былъ сдаться генералу Ламорисьеру. Заключенный сначала въ замкѣ Амбугъ, онъ былъ освобожденъ въ 1852 году Луи-Наполеономъ и отправленъ въ Бруссъ съ обязательствомъ не поднимать болѣе оружія противъ Франціи. Арабскій вождь честно сдержалъ свое обѣщаніе и съ тѣхъ поръ, въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, не вмѣшивался болѣе въ политическія смуты и возстанія алжирскихъ племенъ. Во время возстанія 1860 года въ Дамаскѣ, куда онъ переселился, когда Брусса была разрушена землетрясеніемъ, Абдель Кадеръ явился защитникомъ христіанъ и оказалъ имъ много услугъ. Франція выдавала ему сто тысячъ франковъ годового содержанія, но онъ жилъ очень скромно съ своими одиннадцатью дѣтьми, оставшимися въ живыхъ изъ 24-хъ, прижитыхъ съ тремя женами. Старшій сынъ его принялъ участіе въ возстаніи противъ Франціи и Абдель Кадеръ отрекся отъ него. Во время войны съ Германіей бывшій врагъ Франціи предлагалъ Луи-Наполеону и потомъ правительству національной обороны — стать въ главѣ алжирскихъ отрядовъ на защиту страны, наводненной непріятелемъ. Предложеніе не было принято, но онъ не переставалъ считать Францію своимъ вторымъ отечествомъ и когда отъ нее отторгли Эльзасъ и Лотарингію, прислалъ три тысячи франковъ разореннымъ эльзасцамъ. Военныя способности Абделя Кадера несомнѣнны, хотя, какъ дикарь, чуждый цивилизаціи, онъ поступалъ жестоко съ плѣнными солдатами и поселенцами. Оправданіемъ ему въ этихъ поступкахъ можетъ служить впрочемъ то, что сами французы обращались нисколько не гуманнѣе съ плѣнными бедуинами и кабилами.

† Въ Парижѣ умеръ 72-хъ лѣтъ замѣчательный публицистъ Эдуардъ-Рене Лабуле. Онъ сдѣлался извѣстенъ сочиненіями по исторіи права: «Изысканія о положеніи женщинъ», «Исторія права земельной собственности на Западѣ». Профессоръ сравнительнаго законодательства, врагъ второй имперіи, онъ читалъ лекціи въ демократическомъ духѣ и издавалъ книги, имѣвшія большой успѣхъ «О рабствѣ», «Религіозная свобода», «Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ». Его сатирическій романъ «Парижъ въ Америкѣ» (1863 г.), «Сказка—памфлетъ», «Принцъ—собачка» (1868 г.) въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержали множество изданій. Замѣчательный писатель, Лабуле былъ плохой политикъ: въ 1870 году онъ повѣрилъ плебисциту объ измѣненіяхъ въ конституціи и обнародовалъ письмо въ защиту наполеоновскаго правленія, отчего вдругъ потерялъ всякую популярностъ и долженъ былъ прекратить свои лекціи. Въ 1872 году онъ былъ избранъ въ члены національнаго собранія и сталъ дѣйствовать въ прежнемъ демократическомъ направленіи, держась однако умѣренно-либеральной партіи лѣваго центра. Въ 1875 году его избрали пожизненнымъ сенаторомъ, но онъ снова возбудилъ противъ себя неудовольствіе либеральной партіи оппозиціею законамъ, направленнымъ противъ клерикаловъ. Ему особенно посчастливилось въ нашей литературѣ: всѣ его лучшія сочиненія переведены на русскій языкъ: «Парижъ и Америка» (1863 г.), «Народное образованіе» (1866 г.), «Государство и его предѣлы», «Судъ и полиція», «Принцъ—собачка» (1868 годъ; послѣднее сочиненіе въ двухъ переводахъ), «Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ», «Арабскія сказки», «Сказки, рассказы, очерки и рѣчи Лабуле» (1869 г.), «Французская администрація» (1870 г.), «Дворецъ жизни» (1871 г.), «Новыя сказки» (1872 г.).

† Въ Лиссабонѣ умеръ одинъ изъ послѣднихъ, оставшихся въ живыхъ родственниковъ знаменитаго композитора, полномочный министръ нашъ при Португальскомъ дворѣ, Дмитрій Павловичъ Глинка. Онъ долгое время состоялъ при посольствѣ въ различныхъ германскихъ дворахъ, былъ секретаремъ русскаго посольства въ Лондонѣ, полномочнымъ министромъ въ Рио-Жанейро и въ Лиссабонѣ назначенъ въ 1871 году. Онъ занимался вмѣстѣ съ тѣмъ философіею и написалъ, между другими произведеніями въ этомъ родѣ, книгу, возбудившую въ ученомъ мірѣ оживленную полемику. Книга эта, названная авторомъ «Наука и человѣческое общество» затрогиваетъ пред-

меты, которыми не перестаютъ интересоваться мыслящіе люди. Книга написанная по-французски выдержала четыре изданія, нѣсколько разъ переиздавалась и была переведена въ 1870 году на русскій языкъ П. А. Бибиковымъ. Журналы наши представили подробную критическую оцѣнку этого сочиненія («Дѣло», 1870 годъ № 7, статья Н. В. Шелгунова, подъ названіемъ «Право и свобода», «Отечественныя Записки» 1871 года, № 2; «Знаніе», 1871 года № 1). Покойный былъ также большимъ любителемъ искусства и обладалъ замѣчательною картинною галереєю.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Въ исторіи литературы мы почти съ первыхъ дошедшихъ до насъ страницъ встрѣчаемся съ псевдонимами, т. е. вымышленными именами авторовъ. Изслѣдованія показываютъ, что псевдонимы имѣли довольно значительное распространеніе еще во времена классической древности ¹⁾. Слѣдую даѣе, мы замѣчаемъ, что съ развитіемъ книжнаго дѣла и съ появленіемъ книгопечатанія они начинаютъ встрѣчаться чаще и чаще. Въ особенности велико было ихъ употребленіе во второй половинѣ XVIII столѣтія, во Франціи ²⁾. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести появленіе ихъ и въ русской литературѣ, куда они перешли со многими другими съ запада. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени употребленіе псевдонимовъ и буквенныхъ подписей возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Я не ошибусь, если скажу, что болѣе половины современныхъ литературныхъ произведеній печатается или безъ подписи (анонимы) или подписаны псевдонимами.

Псевдонимы и буквенные подписи въ русской литературѣ изслѣдованы пока очень мало. Самыми важными трудами по этому вопросу слѣдуетъ считать: «Матеріалы для словаря псевдонимовъ» ³⁾, собранные С. Желѣзнякомъ (С. Пономаревымъ) и изслѣдованіе подъ такимъ же заглавіемъ, П. Быкова ⁴⁾. Разумѣется, что эти немногіе труды не составляютъ и десятой доли всей этой кропотливой работы, въ видахъ успѣшности которой весьма желательно, чтобы наши библіографы приняли болѣе дѣятельное участіе въ собираніи псевдонимовъ и не затруднялись сообщать о нихъ въ печати. Важность составленія словаря псевдонимовъ, въ особенности для исторіи литературы, надѣюсь, неоспорима. Библіографія другихъ странъ уже давно позаботилась о подобнаго рода изслѣдованіяхъ; для примѣра укажу хоть на многотомный словарь псевдонимовъ французскихъ писателей, составленный извѣстнымъ Барбье.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, почти всѣ сборники писемъ, оставшіеся отъ греческой древности, подписаны псевдонимами; таковы письма: Фемистокла, Фалариса, Менаандра, Кратеса и др.

²⁾ Болѣе извѣстны псевдонимы: Вольтера, Бенуа де-Мелле (de-Maillet), Паскаля, С. Гиацинта и др.

³⁾ «Русскій календарь» А. Суворина, на 1881 г., стр. 281—300.

⁴⁾ «Россійская Библіографія», 1881 г., № 93 (17), стр. 362—366. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе П. Быкова доведено только до буквы «Л.». Кромѣ того, въ «Рос. Библ.» помѣщены «Дополненія къ матеріаламъ для словаря псевдонимовъ», составленные П. Библиографомъ (П. Васильевымъ) и Д. Мордовцевымъ. Въ нихъ указано всего 18 новыхъ псевдонимовъ.

Къ настоящей замѣткѣ я прилагаю составленный мною списокъ псевдонимовъ и буквенныхъ подписей русскихъ писателей, не вошедшихъ въ «Матеріалы» С. Желѣзняка и П. Быкова. Въ него я счелъ не лишнимъ включить и 18 псевдонимовъ, указанные П. Библиографомъ и Д. Мордовцевымъ ¹⁾.

А.

- *А. Б. (Статист. изд.)—А. И. Баландинъ.
- А. Бѣжецкій («Новое Время»)—А. Н. Масловъ.
- А—въ Л. Н. («Заря»)—Л. Н. Антроповъ.
- А. Е. («Виржев. Вѣд.»)—А. Ерошенко.
- Азъ («Сарат. Листъ». 1881—82 гг.)—И. А. Саловъ.
- А. И. С. («Сарат. Сборн.» 1881 г.)—А. И. Соколовъ.
- Алекторъ («Стрекоза») и др.)—Н. А. Лейкинъ.
- А. С. («Худож. Нов.»)—А. И. Сомовъ.
- А. С. («Труды И. В. Э. Общ.»)—А. В. Совѣтовъ.
- А. С—кій («Историч. Вѣстникъ»)—А. И. Соболевскій.

Б.

- Баронъ Миловзоровъ («Юмор. Журн.»)—И. Н. Измайловъ.
- Б—въ А. («Труды И. В. Э. Общ.»)—А. М. Бутлеровъ.
- *Б. Гнв. («Древн. и Нов. Рос.»)—Д. Л. Мордовцевъ.
- *Б. Гнв. (тамъ же). Н. А. Бѣлозерская.
- *Берне изъ Бердичева («Дѣло», 1870 г.)—Д. Л. Мордовцевъ.
- Б. М. («Отголоски»)—графъ П. А. Валугевъ.
- *Богучаровъ И. («Голосъ» и др.)—Д. Л. Мордовцевъ.

В.

- Ванька Хрѣновъ («Гудокъ»)—С. Н. Терпигоревъ.
- В. З. и В. Р. З. («Историч. Вѣстникъ»)—В. Р. Зотовъ.
- В. И. («Руск. Стар.»)—В. С. Иконниковъ.
- Викторъ Александровъ (Театр. піесы)—В. А. Крыловъ.
- *В. И. М. («Указ. къ От. Зап. 47—57 г.»)—В. И. Межовъ.
- В. К. («Загр. Вѣстн.»)—В. Коршъ.
- Влад—овъ («Рус. Мысль» и др.)—И. А. Пашковъ.
- В. М. К. («Гражд.»)—князь В. Мещерскій.
- В. Н. Д. («Жив. Обзоръ» и др.)—В. И. Немировичъ-Данченко.
- В. П. («Новое Время»)—В. К. Петерсенъ.
- *Волна («Голосъ»)—Б. Маркевичъ.

Г.

- Г. («Современникъ» 40 г.)—Я. К. Гротъ.
- Гамлетъ («Юмор. Журн.»)—И. Н. Измайловъ.
- Г—ва К. («Женск. Вѣстн.»)—С. Н. Важина.
- Графъ Алексисъ Жасминовъ («Нов. Вр.»)—В. П. Буренинъ.
- Г—с—в. («Сарат. Листъ» 1880—81 гг.)—С. В. Гусевъ.

Д.

- *Д. («Отеч. Зап.» 70 гг.)—Н. А. Демертъ.
- *Діонисьевъ Д. («Отеч. Зап.» 74 г.)—Д. Л. Мордовцевъ.
- Дмитрій Минъ («Соврем.»)—Д. Д. Минаевъ.
- Докторъ Фрейшюцъ («Современная медицина»)—Н. С. Лѣсковъ.

¹⁾ Въ отличіе отъ собранныхъ мною, они отмѣчены *.

Е.

Ев. Б—въ («Труды И. В. Э. Общ.»)—Е. Бубновъ.
 Е. Г. («Историческій Вѣстникъ»)—Е. М. Гаршинъ.
 Екатеринославцевъ («Жив. Обзоръ»)—Г. Паперъ.

И.

Иванъ Апучинъ («Буд.»)—К. М. Станюковичъ.
 И. Б—въ («Историческій Вѣстникъ»)—И. Д. Бѣловъ.
 И. Г. («Село и деревня». Каз. 75 г.)—А. И. Герценъ.
 Иксъ («Зритель» и др.)—И. Н. Измайловъ.
 И. Н. («Ода на взятіе Очакова». Спб. 1790 г. и др.)—Н. С. Ильинскій (?).
 *Илепкій Мих. («Соврем.», 62 г.)—М. Л. Михайловъ.
 *И. Т. («Спб. Вѣд.» 70 гг.)—И. С. Тургеневъ.
 Иф...лъ («Историч. Вѣстн.»)—В. И. Герье.

К.

Каменный Гость («Сар. Лист.»)—И. П. Горизонтовъ.
 К. В. («Бирж. Вѣд.»)—В. С. Курочкинъ.
 К. В. М. («Гражд.»)—князь В. Мещерскій.
 К. Г. (Перев. поэмы Геснера «Авелева смерть». М. 1799 г.)—Г. Н. Коль-
 чугинъ.

К. Н. В. («Историч. Вѣстн.»)—Е. П. Карновичъ.
 Касьянъ Ямановъ («Стрекоза» и др.)—Н. А. Лейкинъ.
 Классикъ («Петерб. Листокъ»)—А. Ф. Ивановъ.
 Ковшевъ («Стрекоза» и др.)—князь Ф. В. Кугушевъ.
 Котъ Мурлыка («Рус. Мысль», «Нов. Вр.» и др.)—Н. П. Вагнеръ.
 Красовъ М. И. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.
 Кр—въ М. («Мысль»)—Онъ же.
 *Крылова Н. («Сборн. послов. для юнош.». Спб. 59 г.)—Н. Д. Дестунисъ.
 К—скій В. И. («Сел. Х. и Л.». 1882 г., № 8)—В. И. Ковалевскій.

Л.

Ла («Сарат. Лист.»)—М. Ларионовъ.
 Л. В. («Соврем.» 38 г.)—Я. К. Гротъ.
 Литанъ («Осколки»)—Г. А. Нивлянскій.
 Лжн. («Осколки» и др.)—Н. А. Лейкинъ.
 Л...н. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.
 Л. О. («Мысль»)—онъ же.

М.

Максимъ Бѣлинскій (совр. журналы)—І. І. Ясинскій.
 Марало Іерихонскій («Будильникъ»)—Л. И. Пальминъ.
 М. В. («Музык. Газ.»)—М. Вильде.
 М. Г. («От. Зап.»)—М. К. Горбунова.
 *Миртовскій («Кам.-Вол. Газ.» 73 г.)—В. К. Лавровскій.
 Мишла («От. Зап.»)—М. И. Орфановъ.
 Мих. Н—евичъ («Историч. Вѣстн.»)—В. О. Михневичъ.
 Морской Н. («Нива» и др.)—Н. К. Лебедевъ.
 М. П. П.—К. («Дѣт. Отдыхъ» 83 г., № 1)—М. П. Петруша-Коленченко.
 М. У. А. (Пер. «Молодымъ дѣтямъ наука» Еразма Роттердамскаго. Спб. 1798)—А. Мельгуновъ.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА.

(Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (Суворина) въ Петербургѣ и Москвѣ).

Лѣсковъ, Н. С. Три праведника и одинъ Шер-амуръ. Ц. 1 р. 50 к.

— Некуда. Романъ. Ц. 3 р.

— Смѣхъ и Горе. Воспоминанія полинявшаго челоуѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Магaffи. Древне-греческая жизнь. Съ рис. Ц. 60 коп.

Маркевичъ, Б. Переломъ. Правдивая исторія. Въ 4-хъ частяхъ. Ц. 6 р.

Марковъ, В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 коп.

— Трилистникъ. Стих. Ц. 30 к.

Масловъ, А. Н. Завоеваніе Ахаль-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881). Ц. 1 р.

Маститый беллетристъ. Изъ современной жизни. Фельетонные рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

Морской, Н. Аристократія Гостинаго двора. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Москва въ родной повѣи. Сборникъ стиховъ и прозы о Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Роскошные изд. по 3 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878). 8 т. Ц. 6 р.

— Святія горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впечатлѣнія. Ц. 80 к.

— Быль. Новыя повѣсти, очерки и рассказы. Ц. 2 р.

— Стихотворенія. Ц. 2 р. 50 к.

Не-Гомеопатъ. Антиматеріализмъ въ наукѣ. Нейрабный анализъ Іегера и гомеопатіи. Ц. 30 коп.

Орловскій. Серьезные люди. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Островскій А. и Н. Соловьевъ. Драматическія сочиненія. Ц. 3 р.

Пальмъ. Старый баринъ. Комедія. Ц. 65 к.

— Гражданинъ. Сцены. Ц. 65 к.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 т. Ц. 4 р.

Розенталь. Общая мышечная и нервная энзюлогия. Перев. съ нѣмец. подъ редак. проф. И. С. Тарханова. Ц. 2 р.

Самсоновъ. Перешитое. Мечты и рассказы русскаго актера. Ц. 2 р.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). Господа ташкентцы. Ц. 1 р. 60 к.

— Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. Ц. 1 р. 60 к.

— Круглый годъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Господа Головлевы. Ц. 2 р.

— Благонамѣренныя рѣчи. Ц. 3 р.

Снальковский, А. У скандинавовъ и славянцевъ. Ц. 1 р.

Случевскій, К. Стихотворенія. 2 т. Ц. 4 р.

Смайльсъ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ 6-ю рис. и картою. Ц. 1 р. 75 к.

Смирнова, С. И. У пристани. Романъ. Ц. 1 р. 50 коп.

Соловьевъ, Н. На порогѣ къ дѣлу. Ком. въ 3-хъ д. Ц. 75 к.

Стоюнинъ, В. Историческія сочиненія. 2 тома (т. 1-й: Александръ Семеновичъ Шишковъ, т. 2-й: А. С. Пушкинъ). Ц. каждаго т. 1 р. 50 к.

Тригоровъ, В. Община и Подать. Ц. 2 руб.

Уманецъ, Ѳ. М. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

Уэльнессъ. Древне-Римская жизнь. Съ 14-ю грав. Ц. 60 коп.

Фальне, Я. «Эллада и Римъ». Культурная исторія классической древности. Роскошное изданіе, иллюстрированное известными знатоками классич. древности. Ц. 24 р., въ роскош. перепл. 30 р.

Фриманъ, Э. А. Очеркъ Исторіи Европы. Ц. 60 к.

Хмыровъ, И. Азбука Инса. Задачи изъ алгебры и геометріи съ подробными вычисленіями искомаго. Ц. 2 р. 50 к.

Шашковъ, С. С. Исторія русской женщины. Ц. 1 р. 75 к.

Эберсъ. Дочь Египетскаго царя. Историческій романъ, рассказанный для юношества О. Шпиръ. Со многими рисунками. Спб. 1883. Ц. 1 р. 25 коп.

Энгельгардтъ, А. Изъ деревни, 11 писемъ (1872—1882 гг.). Ц. 2 руб. 50 коп.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА.

Фонъ-Визинъ, Д. 2. Дѣя его комедій: Недоросль, ком. въ 5 д., и Бригадиръ, въ 5 д. Полный текстъ. Съ біографіей автора. Ц. 15 к., на велен. бум. 40 к.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 5 д. Съ біографіей автора. Ц. 10 коп., на вел. бум. 40 коп.

Карамзинъ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

Эти три томка «Дешевой бібліотеки» У. К. М. Н. Просв. рекомендованы, какъ учебныя пособія для всѣхъ учебныхъ заведеній, а также для бібліотекъ народныхъ училищъ.

Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія жѣны. Съ очеркомъ жизни обоихъ постоу. Ц. 10 к., на вел. бум. 80 коп.

Нартѣный. Бурсакъ. Романъ. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 коп.

Ломоносовъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Ц. 40 к., на вел. бум. 60 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

